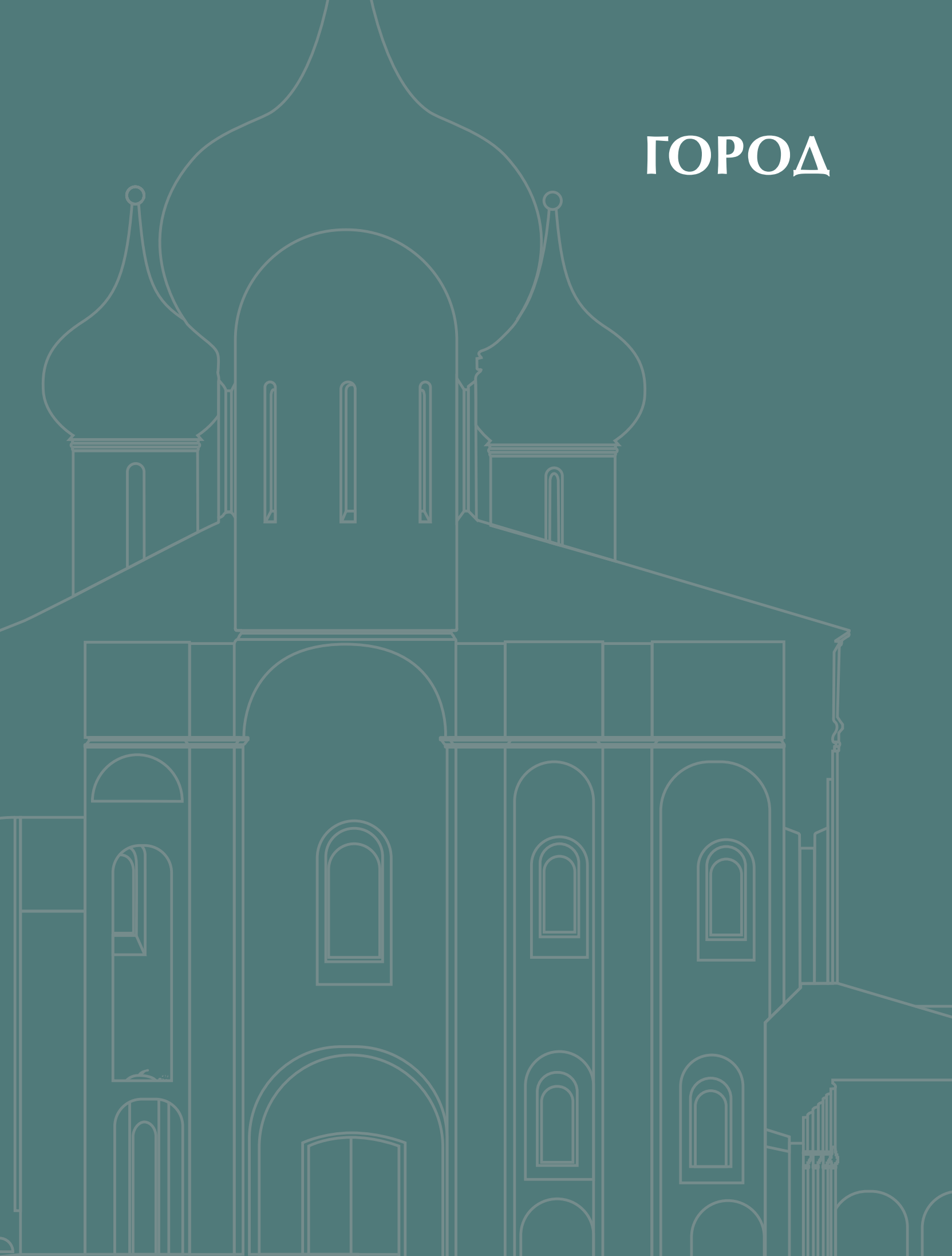
ГОРОД

Суздаль. На заднем плане кремль и Рождественский собор

А. Н. Федорина, Н. А. Макаров, С. И. Милованов, Н. А. Баранов

СУЗДАЛЬ: ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В X–XV вв.

Суздаль – редкий пример крупного средневекового города, археологическое изучение которого в XX в. завершилось появлением фундаментального издания, суммирующего общие итоги раскопок (Седова, 1997). Город как археологический памятник постоянно находился в поле зрения исследователей с 1930-х гг., раскопы, заложенные на территории Суздальского кремля Н. Н. Ворониным, А. Д. Варгановым (Варганов, 1946), а затем В. В. Седовым, позволили составить первое представление о его культурном слое, домостроительстве и фортификациях. Планомерные полевые работы, проводившиеся с 1973 г. в течение почти двух десятилетий экспедицией Института археологии РАН под руководством М. В. Седовой, были нацелены прежде всего на поиски древнейших городских напластований, исследование и датирование оборонительных сооружений, изучение постепенного роста городских территорий и прояснение социального облика усадеб на различных участках города. Раскопками оказались охвачены разные районы в черте исторического Суздаля, при этом наиболее значительные площади были вскрыты в кремле и на прилегающих к нему участках Окольного города. Выбор мест для раскопок определялся исследовательскими задачами: они закладывались в тех точках, которые казались перспективными для выявления главных элементов городской инфраструктуры, в том числе поиска объектов, упомянутых в летописях, актах, агиографических памятниках и исторических сочинениях XVI–XVIII вв. (княжий двор в кремле, Дмитровский и Ризоположенский монастыри, участки у Цареконстантиновской и Предтеченской церкви). Картина формирования городской территории, представленная М. В. Седовой в 1997 г., основывалась на материалах раскопок, проводившихся в 1934–1990 гг. на 33 участках на общей площади 4 300 кв. м (рис. 105).

Рис. 104. Суздальский кремль.
На переднем плане – вал и раскоп 2021 г. на ул. Варганова, 8, слева – Рождественский собор

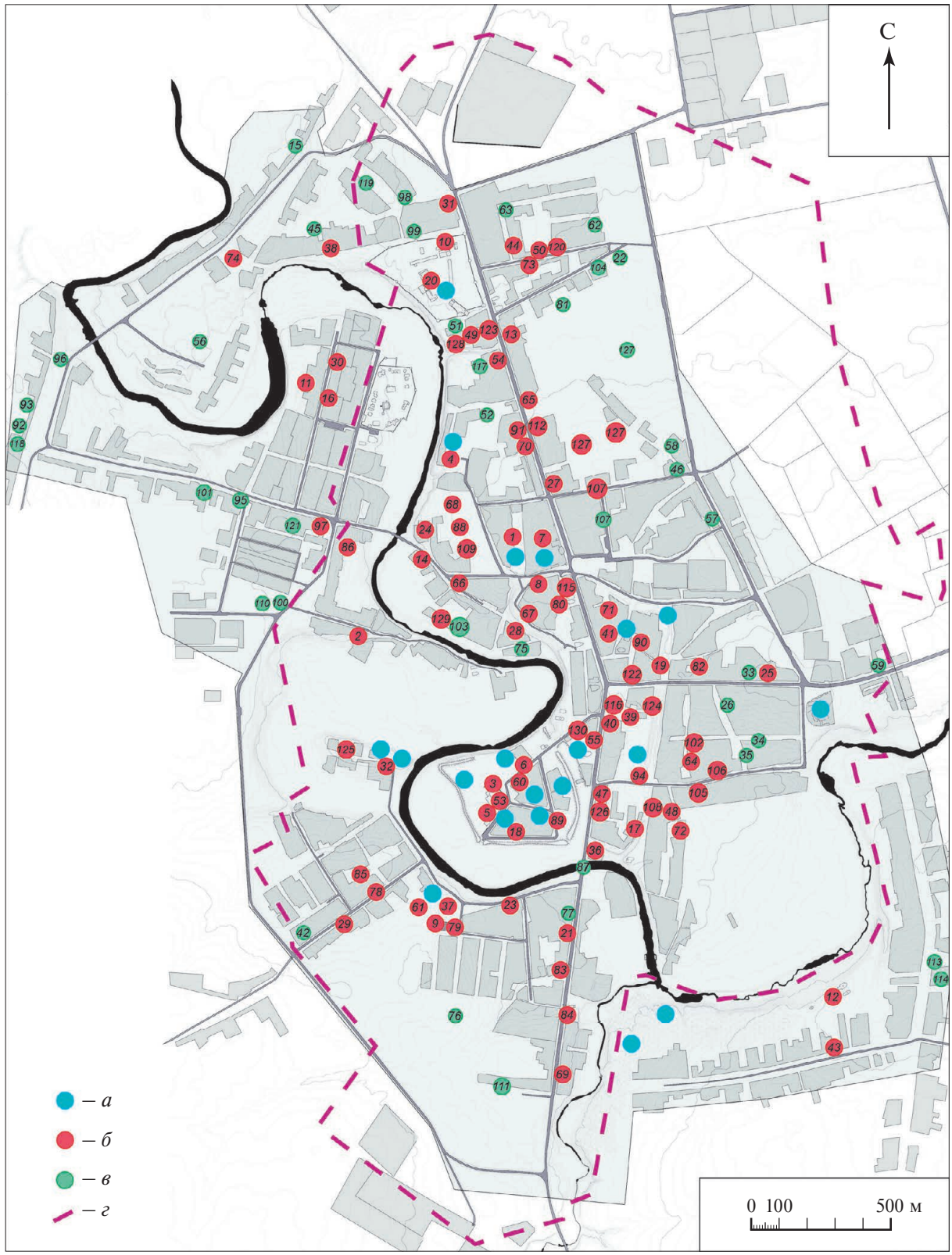

Рис. 105. Археологические работы на территории г. Суздаля, 1851–2021 гг.:
а – работы 1851–1990 гг.; б – работы 1991–2021 гг., выявившие средневековый культурный слой;
в – работы 1991–2021 гг., не выявившие средневекового культурного слоя; г – граница города на конец XVIII в.
Номера соответствуют приложению № 3

После 1990 г. характер археологических работ в городе изменился, на смену раскопкам, преследующим чисто научные цели, пришли спасательные работы на местах новой застройки, преимущественно на периферии городской территории XVIII в. или в черте Окольного города. Первоначально трудно было предполагать, что эти работы добавят что-то принципиально новое к общему видению средневекового Суздаля, сложившемуся по материалам раскопок Суздальской экспедиции М. В. Седовой и ее предшественников. Однако по мере накопления новых материалов все очевиднее становилась перспектива их использования для обновления ранее сложившейся панорамы средневекового города. За 30 лет спасательными раскопками в Суздале была вскрыта площадь около 7 000 кв. м – в полтора раза больше, чем в предшествующий период. Исследования проводились в 130[1] местах, включая территорию ближайших сел, ныне вошедших в городскую черту (рис. 105; приложение 3). Новые исследования достаточно равномерно охватывают все районы города, хотя объем работ разнится: в 22 случаях раскопами вскрыты площади более 100 кв. м, в 32 – от 20 до 100 кв. м, на остальных участках они были ограничены шурфовкой или наблюдениями при проведении строительных работ. Наиболее плотно охвачены новыми раскопками и разведочными шурфами территории за пределами городских валов, средневековые пригороды и слободы, отдельные участки Окольного города – места, которые не были приоритетными при прежней стратегии выбора мест для закладки раскопов. Значение новых полевых работ не ограничивается расширением раскопанных площадей, более полным охватом всей городской территории и существенным пополнением вещевых коллекций. Они дали возможность более подробно документировать остатки построек и стратиграфию, детализировать хронологию, в том числе, используя радиоуглеродное датирование, выявить ранее неизвестные могильники и производственные комплексы, реконструировать палеосреду XII–XIV вв. по материалам спорово-пыльцевого анализа образцов из культурного слоя (подробнее см. главу настоящего издания «Становление культурного ландшафта по данным палинологии», т. 1).

Раскопками М. В. Седовой было установлено, что Суздаль – город с сухим культурным слоем, мощность которого колеблется от 0,5–0,7 м до 2 м. Главные объекты, по которым восстанавливается средневековая застройка, – четырехугольные подполья наземных построек, углубленные в материк, и канавки от частоколов усадеб. Большая часть объектов и культурных напластований средневекового города датируется XII в. – первой половиной XIII в. Культурный слой XI в. был выявлен М. В. Седовой лишь в кремле, где в мысовой части городища выделяются также и более ранние напластования, отнесенные исследовательницей к середине X в. Наиболее известные находки из раскопок в Суздале – клад золотых браслетов конца XI в., обнаруженный на аристократической усадьбе, в комплексе которой найдена также формочка для литья лунниц, крестов и подвесок в стиле Борре (Седова, 1997, с. 81–87, рис. 20, 25). В то же время в Суздале, согласно летописи, сожженном Батыем в 1238 г., в отличие от многих других городов, неизвестны клады украшений середины XIII в., сокрытие которых связывают с монгольским нашествием.

Откладывая на будущее полное систематическое описание новых материалов, мы рассмотрим их как источник для более точной реконструкции размеров городской территории на различных хронологических срезах, динамики ее формирования и общей пространственной структуры города в X–XV вв. Эта задача отчасти облегчается тем, что в Суздале при сравнительной немногочисленности раскопов, в которых вскрыты значительные участки городской территории, с полным охватом усадеб, общая плотность покрытия города точками, в которых проводились археологические изыскания, выше чем в большинстве древнерусских городов. Поэтому и границы распространения напластований различных хронологических периодов здесь могут быть определены значительно точнее, чем во многих других древнерусских городах.

Для выделения отдельных этапов становления и развития городской территории весь материал из новых раскопок целесообразно разделить на три хронологические группы: XI – начало XII в., середина XII – первая треть XIII в., середина XIII – XV в. Близкое хронологическое деление ранее было использовано при разделении вещевых и керамических материалов, собранных на селищах. Определимые находки X в. не представлены в коллекции из новых раскопок. Четкие критерии принадлежности материалов к первой или второй и второй или третьей группе не всегда могут быть обоснованы, тем не менее предложенное объединение хроноиндикаторов в широких временных рамках позволяет представить достоверную картину общего соотношения находок, относящихся к различным историческим периодам, и их пространственного распределения. При этом мы не отказываемся от узкого датирования отдельных горизонтов культурного слоя, комплексов и построек в тех случаях, когда это возможно, для детализации картины освоения и обустройства городской территории.

[1] Учет работ 1991–2019 гг. велся по материалам полевых отчетов, хранящихся в архиве ИА РАН, за 2020–2021 гг. учтены только материалы полевых работ сотрудников ИА РАН. Выражаем благодарность авторам работ за возможность использовать неопубликованные материалы.

Часть материалов, использованных в качестве хроноиндикаторов, найдена in situ на участках с непотревоженным культурным слоем, в ямах и котлованах подполий, другая часть происходит из перемешанных культурных напластований. Учет хроноиндикаторов, залегающих в переотложенном виде, представляется оправданным и необходимым в ситуации, когда культурный слой сильно турбирован, но при этом редко перемещался по горизонтали с участка на участок, за исключением отдельных случаев, связанных в том числе с подрезкой слоя при обновлении валов.

Хронологическая группировка археологических материалов, основанная на учете датирующих возможностей наиболее массовых хроноиндикаторов, не может точно соответствовать периодизации истории Суздаля, в основе которой летописные известия о княжеском управлении северо-восточными землями Руси, военно-политических событиях, связанных с городом и строительной деятельности князей. Это несовпадение не является препятствием для обсуждения исторического содержания археологических наблюдений, поиска связи археологических материалов с летописными событиями.

Суздаль в XI – начале XII в.

В качестве хроноиндикаторов XI – начала XII в. в вещевых коллекциях из новых раскопок в Суздале мы рассматриваем стеклянные бусы (лимоновидные и другие типы бус из тянутых трубочек, некоторые типы навитых бусин с накладным декором и бочонковидные золотостеклянные) и рубленный бисер, односторонние роговые расчески, кресты скандинавского типа, шумящие украшения поволжско-финских типов и их детали, грушевидные крестопрорезные бубенчики, элементы поясной гарнитуры (накладки, пряжки), наконечники стрел (тип 46, 83 по Медведеву)[2] (Медведев, 1966, с. 67, 68, 81), амулеты-топорики I типа, ножи с узким клиновидным лезвием, калачевидные кресала с язычком, двуцветные поливные яйца-писанки с зигзагообразным декором (рис. 106: *1–27*). Для керамических комплексов этого времени характерно присутствие ранних типов круговой (типы I, II и IV по В. А. Лапшину) и лепной керамики (рис. 106: *28–54*).

Археологические изыскания последних тридцати лет мало добавляют к древнейшей истории города, во многом потому, что лишь в малой степени затронули территорию кремля. Работы здесь велись лишь в шести точках – у Архиерейских палат, Собора Рождества Богородицы, на ул. Варганова, 8 и в небольших объемах на ул. Кремлевской, 17, Лебедева, 15–17, а также на участках прокладки электросетей, без полного вскрытия культурного слоя на всю глубину (рис. 107; приложение 3).

Лишь в раскопе по ул. Кремлевской на небольшом участке удалось проследить тонкую непотревоженную прослойку с лепной керамикой, характерной для X–XI вв., перекрытую позднейшими напластованиями (Кабаев, А-2014б). В то же время хроноиндикаторы XI – начала XII в. встречаются на всех упомянутых выше участках: синий бисер и глазчатые бусы, сердцевидная поясная накладка, амулет-топорик, крест скандинавского типа, раннекруговая керамика – в раскопе на ул. Кремлевской, 17; фитильная трубка – в раскопе на ул. Лебедева, 15–17 (рис. 106: *12*); серебростеклянная пронизка – на ул. Варганова, 8 (рис. 106: *14*). Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что освоенная территория в излучине р. Каменки на рубеже X–XI вв. далеко выходила за пределы мысового городища, укрепления которого были зафиксированы в раскопах М. В. Седовой 1985–1987 гг.

Обращает на себя внимание, что в пределах будущего кольца кремлевских валов культурный слой XI – начала XII в. фиксируется не везде. До некоторой степени это связано с различной сохранностью слоя. Так, например, раскопы на ул. Варганова, 8 показывают, что вдоль кольца валов проводились масштабные подрезки грунта (видимо, с целью досыпки вала), и слои старше конца XV–XVI в. здесь не сохранились. В ходе работ на этом участке в 2007 г. были зафиксированы лишь придонные части хозяйственной ямы и подполья XII–XIV вв., а коллекция не содержала более ранних материалов. В раскопе 2021 г. в предматериковых слоях в переотложенном виде обнаружены две бусины, маркирующие более ранний период: серебростеклянная двучастная пронизка, сделанная из тянутой трубочки, и синяя бусина, сделанная в той же технике.

В то же время немногочисленность ранних находок в переотложенных напластованиях кремля может быть связана не только с подрезками и позднейшим разрушением раннего культурного слоя. Вполне вероятно, что она отражает значительные колебания в плотности размещения построек и интенсивности освоения городской территории XI – начала XII в.

Лоскутность застройки этого времени прослеживается также на участках за пределами кремлевских укреплений, позднее вошедших в черту Окольного города (рис. 107). Картирование раскопов с непотревоженным культурным слоем XI – начала XII в. (Кремлевская, 5; Ленина, 76; Теремки, 12, 26; Ярунова Гора, 8; территория МДЗ), а также вещевыми находками и керамикой этого периода, происходящими из переотложенных напластований (Ленина, 82; Торговая площадь, 20; Старая, 6, 11), выявляет два района с застройкой этого времени.

[2] Подробнее о выделении конкретных типов наконечников в качестве хроноиндикаторов трех выбранных хронологических срезов см. в главе настоящего издания «Вооружение и всадническое снаряжение», т. 2.

Рис. 106. Находки-хроноиндикаторы XI – начала XII в.:
1, 2, 8, 9 – ул. Теремки, 12; 3, 15, 17–19, 21, 22, 24–27 – ул. Ленина, 76; 4 – ул. Гастева, 1б; 5 – Торговая площадь, 20; 6 – Ярунова Гора; 3, 7, 20 – МДЗ; 10, 11, 13, 16, 23 – ул. Ленина, 82; 14 – ул. Варганова, 8; 12 – ул. Лебедева, 15–17. 1–11 – цветной металл; 12, 25 – железо; 13–23 – стекло; 24 – глина; 26, 27 – рог; 28–54 – керамика из раскопа по ул. Ленина, 76

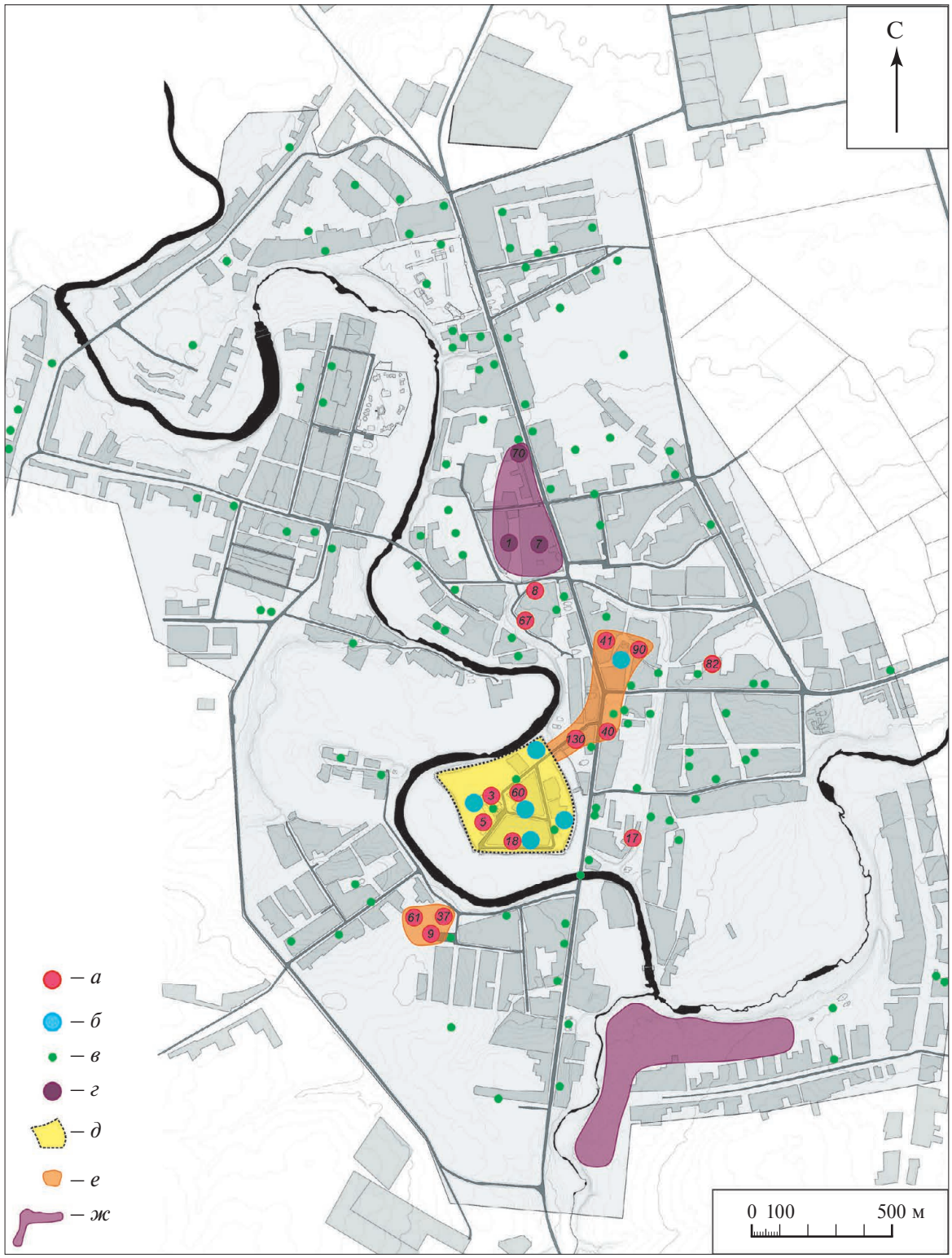

Рис. 107. Суздаль в XI – начале XII в.:
а – раскопы и шурфы 1991–2021 гг., раскопы и шурфы, в которых выявлен культурный слой или отдельные находки XI – начала XII в.; б – раскопы и шурфы до 1991 г., где выявлены культурный слой или отдельные находки XI – начала XII в.; в – раскопы и шурфы 1991–2021 гг., где не выявлен культурный слой XI – начала XII в.; г – раскопы, где зафиксированы снивелированные курганы; д – укрепленная часть города; е – неукрепленные посады; ж – курганные могильники XI – начала XII в. Номера соответствуют приложению 3

Первый, площадью около 4,5 га, находится к северо-востоку от Ильинских ворот кремля, занимает участок вдоль современной улицы Кремлевской (ранее Рождественки внутри валов и Кремлевской на территории посада) и вдоль ростовской дороги, маркируемой улицей Большой (современная ул. Ленина). Второй, площадью 0,86 га, располагается в заречной части, на правом берегу р. Каменки, где историографическая традиция локализует упомянутый в летописной статье 1096 г. Дмитриевский монастырь (Седова, 1997, с. 138–139).

Рассмотрим подробнее материалы северного посада. В раскопах по адресам ул. Кремлевская, 5 и ул. Ленина, 76 сложение жилой застройки относится ко второй половине – концу XI в. В раскопе у Цареконстантиновской церкви довольно плотная усадебная застройка формируется в конце XI – начале XII в., концом XI столетия М. В. Седова датировала наиболее ранние объекты в раскопах 1970-х гг. (Седова, 1997, с. 125–127). В соседних раскопах, на удалении 50–100 метров к востоку (Торговая площадь, 20) и к северо-западу (Ленина, 82), присутствуют отдельные находки ранней группы (навитые бусины, в том числе бочонковидная золотостеклянная с каймой и бусины с накладным декором, желтый, синий и зеленый бисер, спиралеконечная фибула, шумящая подвеска, грушевидный крестопрорезной бубенчик, лировидные пряжки, калачевидное кресало с язычком), но древнейшие постройки относятся к первой половине XII в. Они выявлены в раскопах по адресам ул. Ленина, 82, ул. Ленина, 57 и в раскопе В. В. Седова там же у Иоанно-Предтеченской церкви (Седова, 1997, с. 131–133). Уличная сеть эпохи Ярослава и Владимира Мономаха остается еще разреженной, застройка занимает участки вдоль берега Каменки и основных транспортных направлений, что во многом согласуется с реконструкциями М. В. Седовой.

Общая площадь участков, на которых просматриваются отчетливые следы застройки посадов конца эпохи Мономаха, составляет не менее 5,5 га, но следы освоения фиксируются и на участках, где плотность раскопов пока недостаточна для однозначных выводов о характере использования территории. Так, слой с находками этого времени зафиксирован в раскопах по ул. Теремки и на Яруновой горе, на расстоянии 250–500 м от кремлевских валов. Оба этих участка представляют собой края высоких береговых террас. На Яруновой горе слой второй половины XI – начала XII в. сохранился на небольшом участке под полой вала Окольного города (Самойлович, Глазов, 2008, с. 109).

Таким образом, в начале XII столетия площадь города составляла около 18 га, из которых 12,8 находились в пределах кремлевских укреплений. Интенсивный рост территории приходится на вторую половину XI – начало XII в. Ко времени Владимира Мономаха на посаде складываются усадебные комплексы: частокольные канавы, маркирующие дворовладения этого времени, прослежены в раскопах на ул. Ленина, 76; на территории МДЗ; на ул. Теремки, 12, 26; у Цареконстантиновской церкви. Отмечены следы ремонтов частокольных оград, переноса их на незначительное расстояние, свидетельствующие об определенной стабильности застройки формирующихся посадов. Новые усадьбы устраиваются на выведенных из сельскохозяйственного оборота территориях, на полях, ранее находившихся в непосредственной близости от кремлевских укреплений. Следы распашки (пахотные борозды) и огорода (копки лопатой), перекрытые культурным слоем, зафиксированы в раскопах на ул. Ленина, 76; Кремлевской, 5; Теремки, 12; Старой, 6 (рис. 108).

Сооружение укреплений по периметру Суздальского кремля традиционно относят к рубежу XI–XII вв. и связывают с деятельностью Владимира Мономаха (Воронин, 1961; Седова, 1997). Новые раскопки не затронули кремлевских валов и не дали материалов для проверки или уточнения существующих представлений о времени их появления. Однако обновленная карта распространения культурных напластований XI – начала XII в. с выходом застройки за пределы кремля во второй половине – конце XI в. в целом соответствует разработанной ранее схеме развития укреплений.

Суздаль конца XI – начала XII в. находился в полукольце некрополей, располагавшихся к северу, востоку и юго-востоку от города (рис. 107). Один из них – Мжарский курганный могильник – известен со времен раскопок А. С. Уварова и подробно исследован М. В. Седовой, установившей, что захоронения горожан производились здесь в XI – начале XII в. Мжарский могильник один из крупнейших в Ополье (в 70-х гг. XX в. насчитывалось 359 сохранившихся насыпей) и один из самых исследованных – всего за 200 лет было раскопано 249 курганов, в том числе 100 курганов было изучено экспедицией М. В. Седовой (Макаров, Красникова, Карпухин, 2009, с. 436–437; Седова, 1997, с. 146–147). Второй, «северный», могильник с погребениями, перекрытыми культурным слоем второй половины XII в., был открыт на территории Ризоположенского монастыря. В 1991 и 2001 гг. здесь было исследовано 23 погребения с ингумациями в грунтовых ямах, в том числе 11 подкурганных (рис. 109 А–В; Нестерова, 2008, с. 195–199). К этому же некрополю могут относиться четыре погребения, выявленные под культурным слоем XII–XIII вв. С. В. Сазоновым и Д. А. Кабаевым в 2015 и 2017 гг. в раскопах по адресу Ленина, 89 (Сазонов, А-2015 б; Кабаев, А-2017; Кабаев, Володина, 2017), в нескольких сотнях метров севернее Ризоположенского монастыря.

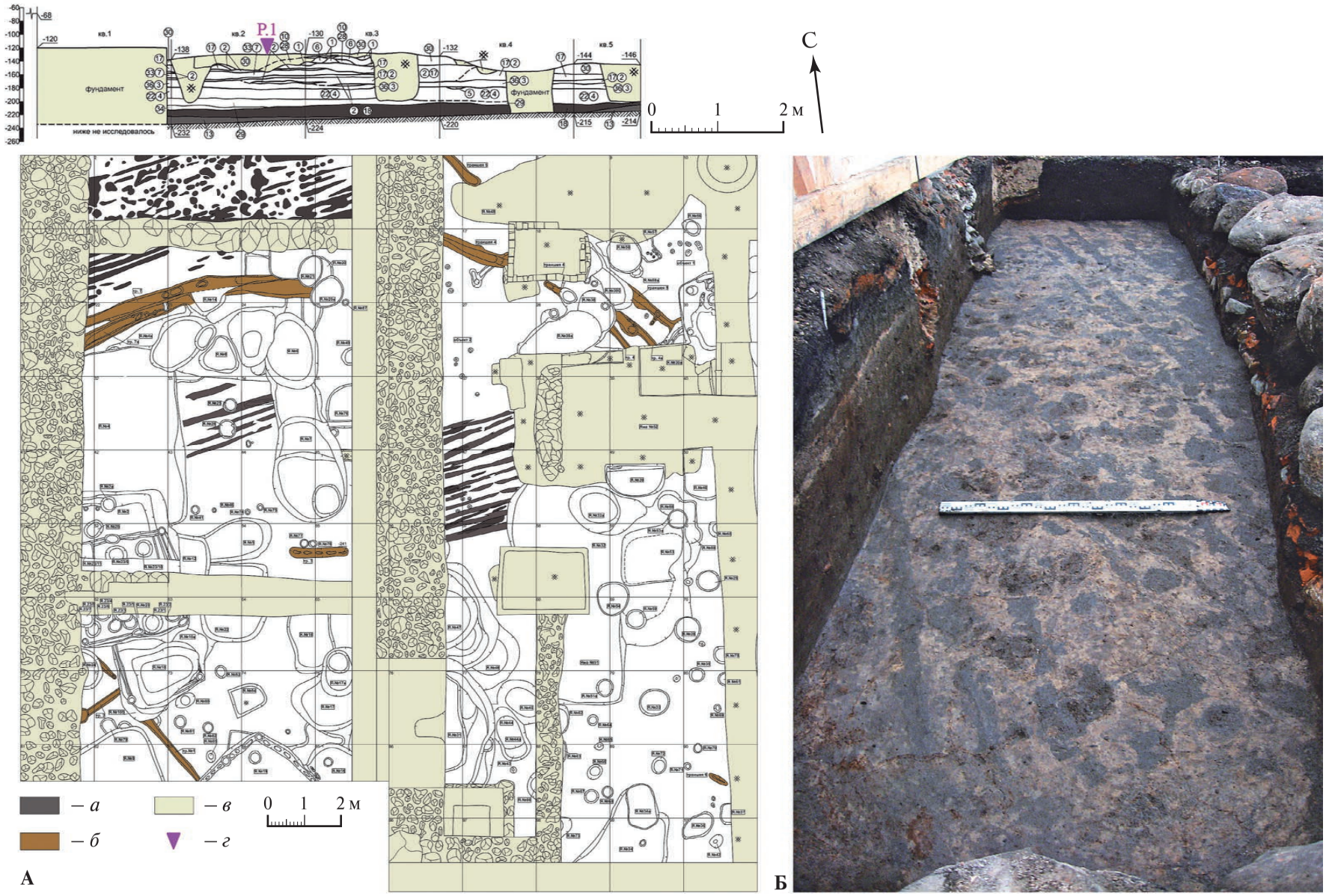

Рис. 108. Следы пахотных борозд и огородной копки под средневековым культурным слоем в раскопе по ул. Ленина, 76:
А – чертеж материка и северного профиля:
а – пахотный горизонт, б – частокольные канавы, в – фундаменты и слои XVIII–XX вв., г – место палинологического разреза.
Б – зачистка на уровне средневековой пахоты в квадратах 2–4, вид с запада

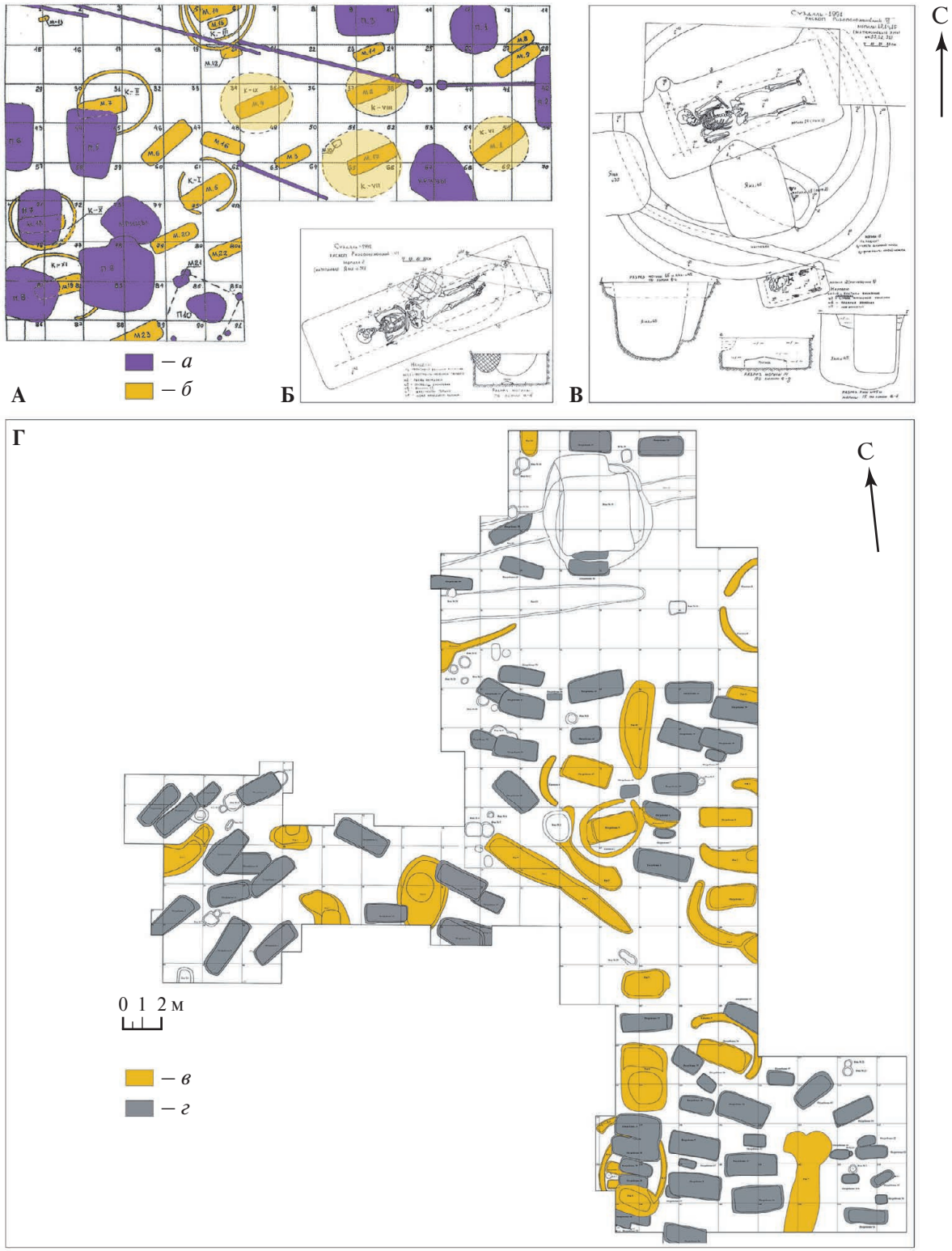

Рис. 109. Средневековые могильники Суздаля.
А–В – северное кладбище (раскоп на территории Ризоположенского монастыря, работы М. В. Седовой):
а – жилая застройка второй половины XII – XIII в., б – курганные и грунтовые могилы XI – начала XII в.,
Б – могилы 12, 14, 15; В – могила 2.
Г – восточное кладбище (раскоп на ул. Васильевской, работы Д. А. Кабаева):
в – подкурганные захоронения, ровики, кольцевые канавки; г – грунтовые могилы

Если те и другие принадлежат одному могильнику, площадь «северного» некрополя была немногим меньше Мжарского. В то же время невысокая плотность погребений на участке, исследованном в 1991 и 2001 гг., может говорить об относительно коротком периоде его функционирования. Третий могильник выявлен в 2017 г. на восточной окраине Суздаля (ул. Васильевская). В раскопе здесь расчищено 94 погребения по обряду ингумации в грунтовых ямах (рис. 109 Г). Вокруг 15 погребений зафиксированы кольцевые канавки, вокруг трех – ровики, указывающие на существование курганных насыпей. Большинство погребений было безынвентарными, лишь единичные сопровождались украшениями (височные кольца, перстень) (Кабаев, А-2016). Находки не позволяют точно установить время начала функционирования некрополя, наличие кольцевых канавок, характерных для погребального обряда суздальских могильников второй половины XI – начала XII в., указывает на возникновение могильника не позднее рубежа столетий.

Отличительной чертой всех трех могильников является разнообразие погребальных обрядов: во всех трех представлены как подкурганные погребения, так и грунтовые, зафиксированы следы как ровиков, так и кольцевых оградок, прослеживается некоторая рядность грунтовых могил (рис. 109). В суздальском регионе такое сочетание погребальных традиций характерно для XI – начала XII в., в последние годы оно документировано в могильниках Шекшово 9 и Гнездилово 12 (Макаров, Красникова, Зайцева, Добровольская, 2020; Макаров, Красникова, Угулава, 2021), ранее погребения под курганами с ровиками и кольцевыми оградками исследовались в могильнике Новоселки (Сабурова, А-1988а). Могильники Суздаля близки по характеру погребального обряда, в целом следующего христианской традиции. Очевидно, курганные насыпи, возведенные над некоторыми погребениями в могильниках на территории Ризоположенского монастыря и на Васильевской улице, были небольшими, что впоследствии облегчило поглощение этих участков городской застройкой. Время возникновения «северного» и «восточного» некрополя неясно, но очевидно, что в конце XI – начале XII в. все три могильника функционировали одновременно. Могильники были удалены от формирующихся городских посадов на расстояние 65–600 м и отделены от них естественными преградами, являющимися границами между «миром живых» и «миром мертвых». Так, северный могильник располагался на другой стороне оврага, ограничивающего с севера посадскую территорию, Мжарский – на другом берегу р. Каменки, могильник, выявленный на ул. Васильевской – за ручьем Гремячкой. Можно полагать, что разделявшие их участки были заняты сельскохозяйственными угодьями.

Суздаль в середине XII – первой трети XIII в.

В качестве хроноиндикаторов середины XII – первой трети XIII в. в вещевых коллекциях из новых раскопок в Суздале мы рассматриваем навитые шаровидные бусы из желтого и бесцветного стекла, рыбовидные бусы, крученые стеклянные браслеты «ярких» цветов, в том числе с перевитьем, желтые стеклянные щитковые перстни, яйца-писанки с желтой поливой, двусторонние роговые гребни, ключи и замки типа Б по Колчину, амфоры, шпоры с шипом, наконечники стрел типов 32, 40, 60, 81, 90, 95 по Медведеву (Медведев, 1966, с. 62, 72, 80, 83, 84), кресты-тельники с шариками на концах, а также с желтой или светло-зеленой эмалью (с круглым перекрестьем и округлыми концами), круговая посуда типов VIа и VIIIа-б по В. А. Лапшину (Лапшин, 1992).

Культурный слой и заглубленные в материк объекты середины XII – первой трети XIII в. присутствуют в большинстве крупных раскопов в разных районах города (рис. 110). В пределах кремля и Окольного города материалы этого времени выявлены на всех участках, где проводились исследования, однако обширные участки культурного слоя, насыщенные материалами середины XII – первой трети XIII в., зафиксированы и за пределами укреплений на 41 участке (более 39 % всех точек, обследованных за пределами укреплений кремля и Окольного города, приложение 3). За стенами Окольного города выявлены три пятна застройки: северный посад площадью не менее 31,5 га, сложившийся в пространстве между излучиной Каменки и ростовской дорогой; южный – площадью не менее 7 га, вытянувшийся неширокой полосой вдоль правого берега Каменки; восточный – не менее 8 га, занимающий береговую террасу к юго-востоку от стен Окольного города. Характер культурного слоя и открытых в раскопах сооружений указывает на сплошное освоение городской территории. В качестве изолированных пятен застройки этого времени можно рассматривать участки в районе ул. Ленина, 125–131 (расстояние до границ неукрепленного посада – около 350 м) и ул. Толстого – ул. Пролетарской (расстояние – около 100 м).

Освоение территории Окольного города и участков, не вошедших в черту городских укреплений, происходило одновременно. Об этом свидетельствует, с одной стороны, сходство керамических и вещевых наборов из раскопов в разных частях города (рис. 111) по обе стороны от городских валов, с другой – присутствие культурного слоя и следов жилой застройки на некоторых участках под подошвой укреплений Окольного города (Ярунова гора, Гремячка 3).

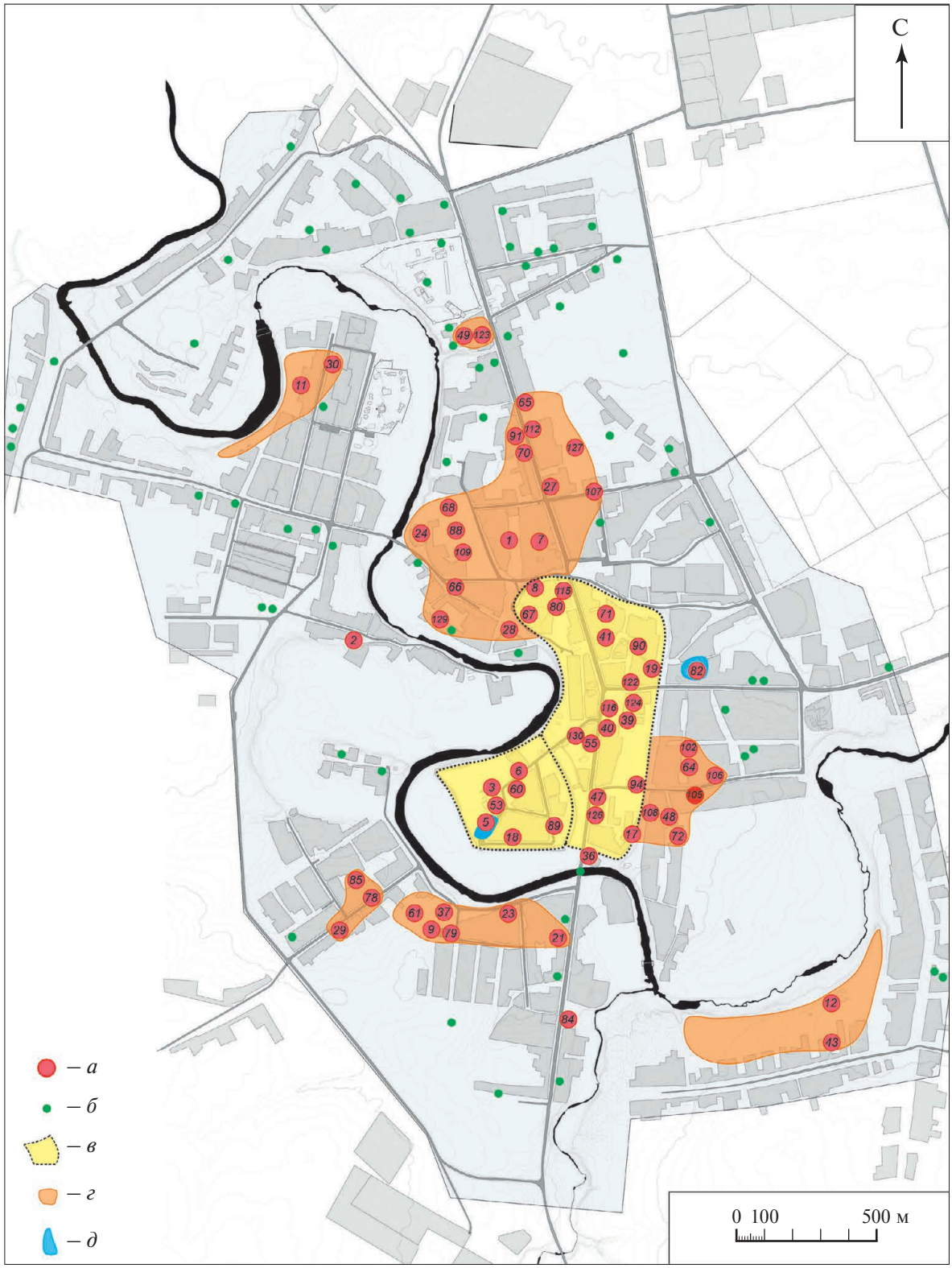

Рис. 110. Суздаль в середине XII – первой трети XIII в.:
а – участки, где выявлен культурный слой середины XII – начала XIII в.;
б – участки, где не выявлен культурный слой середины XII – начала XIII в.; в – укрепленная часть города;
г – неукрепленные посады и ближние села Сельцо и Михали; д – могильники середины XII – начала XIII в.
Номера соответствуют приложению 3

Рис. 111. Вещевые находки, характеризующие материальную культуру середины XII – первой трети XIII в. жителей Окольного города и неукрепленных посадов: А – раскопы по ул. Ленина, 82; Б – Торговая площадь; В – ул. Ленина, 57; Г – ул. Теремки, 12; Д – ул. Слободская, 49; Е – МДЗ.
1–4 – черный металл; 5–12, 21–29, 38–40, 48–52, 65–77 – стекло;
13–19, 36, 41–47, 56–64, 82–84 – цветной металл; 20 – серебро; 30–35 – янтарь; 37 – цветной металл, эмаль; 53 – глина; 54 – раковина; 55 – кость; 78–80 – камень; 81 – рог; 85 – черный металл, цветной металл

А

Б

В

Рис. 112. Частокольные ограды усадеб в разных районах города:
А – Окольный город (ул. Ленина, 82); Б, В – неукрепленные посады (Б – МДЗ, В – ул. Виноградова, 21)

Суздаль середины XII – первой трети XIII в. представлял собой город с более-менее регулярной усадебной застройкой, с крупными домами с глубокими подпольями, которые открыты почти во всех больших раскопах. Трассы улиц выявляются как по особенностям расположения границ усадеб (Ленина, 82; Ленина, 76; Виноградова, 21; раскоп в Ризоположенском монастыре; Слободская, 47–49; Шевченко, 29а; МДЗ), так и в отдельных случаях по остаткам деревянного мощения: следы просадки грунта от нижних лаг мостовой выявлены в одном из раскопов за стенами Окольного города на ул. Виноградова, 21. Характер застройки внутри укреплений и на территории посадов за валами сходен (рис. 112).

В облике усадеб, исследованных в разных частях города, много общего. В целом ряде случаев, помимо жилых и хозяйственных строений, на них выявлены следы ремесленной деятельности, осуществлявшейся в пределах тех же дворов. Так, следы косторезного производства (отходы сырья, сверла, бракованные или незавершенные изделия из кости и рога) встречены в раскопах по ул. Ленина, 76, Ленина, 82, Кремлевской, 5, Теремки, 12, Торговой площади, 20, на территории северного посада (ул. Гастева, 1б, Слободская, 47–49, в Ризоположенском монастыре (Нестерова, 2008)), на территории заречного посада (МДЗ). Следы мастерских по обработке цветных металлов зафиксированы на территории Окольного города (выплески и тигли найдены в раскопах на ул. Теремки, Кремлевской, 5, Ленина, 82, Ленина, 88б; тигли и формочка для отливки свинцово-оловяных грузиков – на ул. Ленина, 76), на территории северного посада (выплески, отходы производства, фрагменты горнов – на ул. Гастева, 1б (стадион «Спартак»; Рузанова, Баранов, 2020); литейные формочки – на ул. Слободской, 47–49 (Кабаев, А-2008, № 12, пл. 1) и Ленина, 91 (Кабаев, А-2017)) и заречного посада (МДЗ). Следы кузнечного производства лучше всего изучены на территории МДЗ, где зафиксированы скопления шлаков и остатки «домницы с кузней» (Седова, 1997, с. 138). Они представлены также в Окольном городе (скопление крупного шлака в раскопе на ул. Теремки) и на северном посаде в районе Ризоположенского монастыря, а также на стадионе «Спартак» (Рузанова, Баранов, 2020).

Серия фрагментов керамической посуды с каплями поливы в сочетании со скоплением фрагментов поливной посуды (миски, плошки с желтой, зеленой и красно-коричневой поливой), а также половыми плитками без поливы может свидетельствовать о существовании мастерской по изготовлению поливной керамики в центре Окольного города (ул. Ленина, 82). Серия древнерусской керамики со следами зеленовато-желтой поливы происходит из раскопа на ул. Теремки, 12. Следует отметить находки в нескольких раскопах (Кремлевская, 5, Ленина, 76, Гастева, 1б, Ленина, 82) скоплений янтаря, которые могут быть следами мастерских, в которых изготовлялись поделки из янтаря или производилась олифа, сырьем для которой мог служить янтарь.

Очевидно, во многих случаях в рамках одной усадьбы выполнялись работы разной ремесленной специализации (металлообработка, косторезное дело и т. д.). Подобное сочетание производств на одной усадьбе хорошо известно по материалам Новгорода (Колчин, Хорошев, Янин, 1981; Ениосова, Сингх, 2009, с. 81–83) и Владимира (Жарнов, 2003, с. 55–57; Ениосова, Жарнов, 2006), Рязани (Завьялов, 2005).

Характеристика вещевых материалов, собранных в ходе спасательных раскопок в Суздале, – тема отдельного исследования. Отметим тем не менее наиболее яркие находки середины XII – первой трети XIII в., связанные с обиходом социальной элиты и заслуживающие внимания в контексте социальной топографии города (рис. 111). Среди них серебряный пятилучевой колт, украшенный зернью, найденный в 2020 г. на усадьбе в раскопе на Торговой площади, 20 (рис. 111 Б). Не менее редкая находка, также ранее не представленная в суздальских коллекциях, – створка энколпиона с перегородчатой эмалью (ул. Ленина, 57) (рис. 111 В). Из раскопа на ул. Кремлевской, 5 происходит пирофиллитовый крест, на лопастях которого вырезаны изображения птицы и коня, иконографически и стилистически близкие изображениям на колтах и в декоре белокаменных соборов. Редкая сфрагистическая находка из раскопа на ул. Теремки – византийская печать с изображением Богоматери и частью семистрочной надписи и именем Николая, оттиснутая на свинцовой пластине малого диаметра (рис. 111 Г). Подобные печати атрибутированы как буллы Николая Зонара, занимавшего должность претора Фракии и Македонии в середине XI в. (определение профессора В. Зайбта (Вена)). В трех раскопах (ул. Теремки, Ленина, 82, Гремячка, 3) найдены стили для письма и книжные застежки (рис. 111 А, Г). В заполнении одного из подполий второй половины XII – первой половины XIII в. (ул. Ленина, 82) обнаружен почти целый клинок сабли, представляющий одну из двух находок клинкового оружия домонгольского времени в городах Северо-Восточной Руси (подробнее см. главу настоящего издания «Сабельный клинок из Окольного города», т. 2). Другие редкие предметы вооружения – бронзовый кистень из раскопа на ул. Ленина, 57 (рис. 111 В) и наконечник копья из раскопа на Торговой площади, 12. Находки шпор происходят из раскопов на ул. Теремки, 12 и на ул. Ленина, 82. Свидетельства благосостояния жителей усадеб в Окольном городе – находки фрагментов стеклянных сосудов (Ленина 82, рис. 111 А), свинцовых пломб дрогичинского типа (Кремлевская, 5, Теремки, 12, Ленина, 52, Ленина, 82, Гремячка, 3), фрагментов амфор (рис. 113).

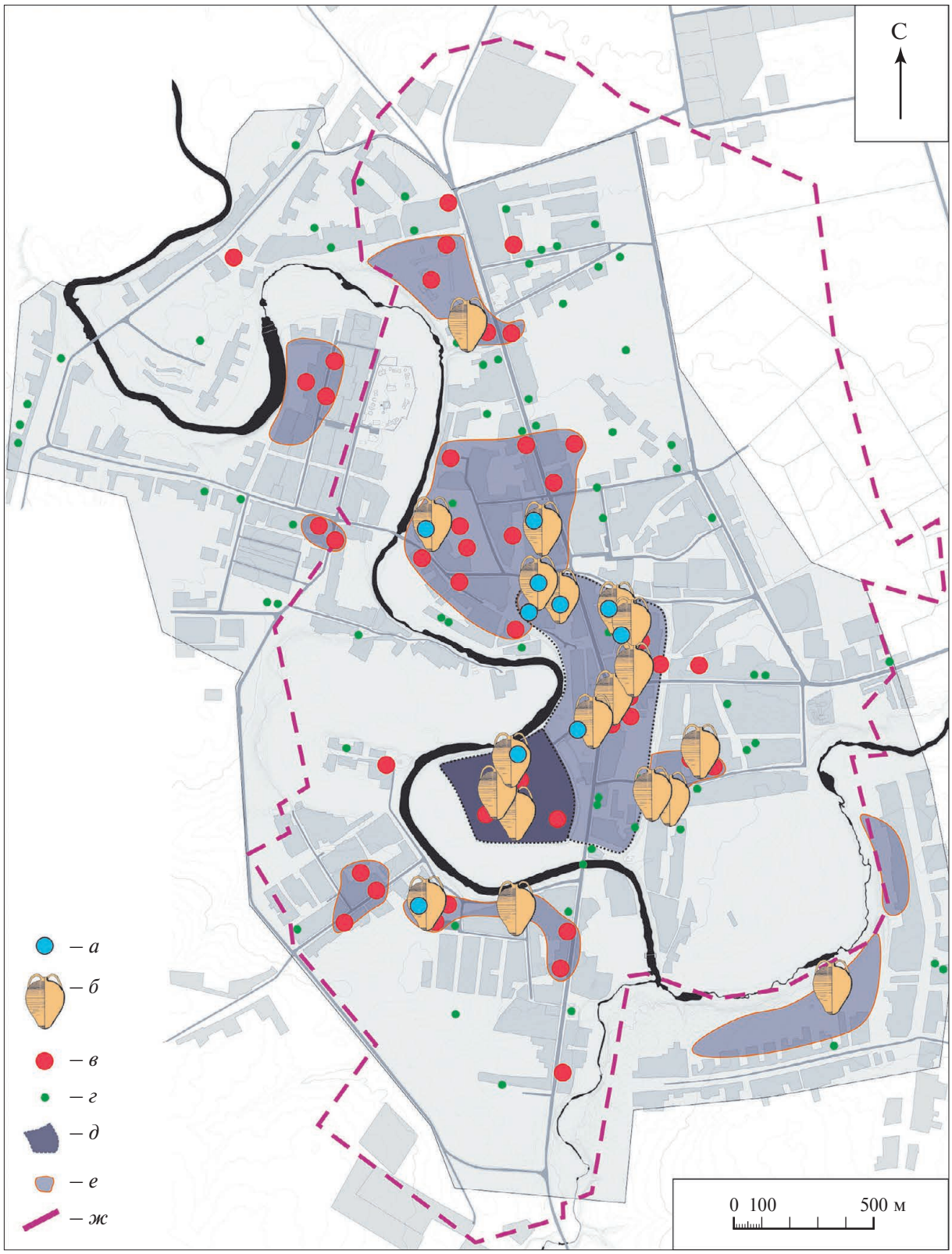

Рис. 113. Карта распределения находок амфор и свинцовых пломб в раскопах 1991–2021 гг.: а – раскопы с находками свинцовых пломб; б – раскопы с находками фрагментов амфор; в – раскопы с культурным слоем XI–XIII вв.; г – прочие раскопы; д – территория кремля; е – городские посады XII–XIII вв.; ж – граница городской территории в XVIII в.

Предметы, характеризующие занятия и стиль жизни средневековой знати, обнаружены и на отдельных усадьбах в раскопах на территории неукрепленных посадов (рис. 111 Д, Е). В их числе шпора, фрагмент писала (Ризоположенский монастырь), книжные застежки (Слободская, 47–49, МДЗ), серии пломб «дрогичинского типа» (Слободская, 47–49, Ленина, 106, МДЗ), обломки амфор (ул. Слободская, 47–49, Гастева, 1б, Ленина, 89–91, Ленина, 125–131, МДЗ), обломки стеклянных сосудов (Слободская, 47–49, Ризоположенский монастырь), колт из цветного металла с эмалью в раскопе на ул. Шевченко, 29а (Сазонов, А-2013б).

Полноценная социальная характеристика усадеб середины XII – первой трети XIII в. предполагает анализ всей совокупности вещевых находок, собранных на участках, охваченных раскопками. Тем не менее отдельные находки экстраординарных статусных вещей (колт, створка энколпиона с эмалью, клинок сабли) и комплексы предметов, связанных с занятиями и повседневным обиходом элиты определенно указывают на принадлежность ряда дворов в Окольном городе и на неукрепленных посадах социальной элите, в том числе представителям ее верхушки. Состав археоботанических спектров с широким разнообразием остатков культурных злаков, садовых, огородных и лесных культур на таких усадьбах (Ленина, 76, Ленина, 82) отражает разнообразие пищевого рациона их жителей, находки макроботанических остатков инжира – выразительное свидетельство «престижного потребления» (подробнее см. главу настоящего издания «Археоботанические материалы о производстве и потреблении аграрной продукции», т. 1). Стоит отметить, что на всех этих участках присутствуют следы ремесленных производств, что вполне обычно для аристократических усадеб других древнерусских городов, в том числе Новгорода и Старой Рязани (Колчин, Хорошев, Янин, 1981; Даркевич, Борисевич, 1995, с. 79; Стрикалов, 2014, с. 64). Очевидно, что археологические маркеры социальной элиты середины XII – первой трети XIII в. в Суздале локализуются дисперсно и не обнаруживают связи с каким-либо одним районом города. Подобное пространственное распределение «маркеров элиты» соответствует наблюдениям о размещении усадеб знати в других древнерусских городах.

В раскопах на шести участках на территории Окольного города и на посадах (Ленина, 76, Ленина, 82, Ленина, 88б, Слободская, 47–49, МДЗ, Толстого, 21) найдены фрагменты керамических половых плиток с желтоватой и зеленой поливой толщиной 18–20 мм и аналогичных плиток без следов поливы. Такие плитки использовались для обустройства церковных зданий. На участки, занятые жилой застройкой, они могли попасть из Рождественского собора или из неизвестных нам деревянных церквей, одна из которых может быть связана с упомянутым в летописи Дмитриевским монастырем.

Важнейшим рубежом в формировании городской территории следует считать строительство укреплений Окольного города. Датировка их временем Юрия Долгорукого (Воронин, 1961; Седова, 1997) обосновывается как археологическими наблюдениями, сделанными при прорезке валов, так и общеисторической оценкой этого периода как времени превращения Суздаля в стольный город, требовавшего соответственного военно-градостроительного оформления.

К середине XII в. прекращают функционирование два из трех могильников с курганными погребениями, находившиеся в ближайших окрестностях города (Седова 1997, с. 160–163; Нестерова, 2008), и формируется новый статусный некрополь на территории кремля. Место Мжарского могильника, наиболее удаленного от городских посадов, не застраивается. Территория «северного» могильника оказалась в зоне растущего посада. Раскопки показали, что курганы и грунтовые могилы здесь перекрыты городскими усадьбами второй половины XII – начала XIII в., расположенными на обеих сторонах улицы, ориентированной с запада на восток (рис. 109 А) (Седова, 1997, с. 143–144; Нестерова, 2008, с. 195–199). Городская застройка второй половины XII – начала XIII в. на месте более ранних погребений зафиксирована и севернее, в раскопе по Ленина, 89; здесь прослежены следы намеренного выравнивания площадки с курганными насыпями (Кабаев, Володина, 2017).

Третий, «восточный», могильник (на Васильевской улице) продолжал использоваться в XII–XIII вв., время прекращения его функционирования не определено. Отметим, что большая часть захоронений, исследованных в этом раскопе, – бескурганные грунтовые погребения (рис. 109 Г). Они расположены плотными группами, прослеживаются достаточно четкие ряды могил, часто с устойчивой ориентировкой внутри ряда, в некоторых случаях могильные ямы частично прорезают друг друга. Таких случаев немного, редко когда можно проследить два-три яруса погребений. Возможно, это свидетельство относительно короткого периода функционирования кладбища. После прекращения производства захоронений территория долго не застраивалась. В перекрывающем могильник культурном слое керамика XII–XVII вв. представлена единичными фрагментами, в XVIII в. участок остается периферией городской территории.

В могильнике, выявленном в кремле в 1999 г. в траншее у Архиерейских палат, исследовано 70 ненарушенных погребений и костные останки еще 88 индивидов в переотложенном состоянии. Многие погребения перекрывают друг друга. Могильник функционировал на протяжении нескольких веков, вероятно, при одной из не дошедших до нас деревянных церквей (Нестерова, 2008, с. 191–193). Это первый известный нам городской некрополь Суздаля,

сложившийся в рамках канонической христианской традиции. Датировка древнейших погребений XII – первой третью XIII в. основывается на стратиграфических наблюдениях и находках в двух погребениях остатков одежды и украшений: воротника с золототканой лентой и бронзовыми пуговками и четырех перстнеобразных серебряных и золотого височных колец. Последние однозначно указывают на принадлежность части погребений суздальской знати.

Общая площадь распространения культурного слоя середины XII – первой трети XIII в. составляет 96,5 га, отражая максимальный рост городской территории (рис. 110). Площадь внутри укреплений кремля и Окольного города в этот период определяется как 49 га, совокупная площадь неукрепленных посадов достигает 47,5 га. Наиболее плотная застройка попрежнему фиксируется вдоль основных магистралей (на север, вдоль дороги на Ростов и Ярославль и на восток, в Волжскую Булгарию), пространство между этими магистралями застраивается неравномерно. За пределами укреплений застройка сохраняет лоскутный характер, пятна культурного слоя приурочены к участкам с удобными ландшафтными условиями, берегам Каменки и бортам выходящих к ней оврагов. На большей части территории культурный слой этого времени насыщен керамикой и разнообразными артефактами, отражающими высокую плотность населения и интенсивность хозяйственной деятельности. Очевидно, участки, не занятые застройкой, использовались под пашни и огороды. Свидетельство сельскохозяйственных работ, следствием которых стала интенсивная почвенная эрозия, – двухметровый слой агрогенного смыва с измельченной керамикой XII–XIII вв., зафиксированный в шурфе в пойме р. Каменки на ул. Слободской, 39.

Посады Суздаля середины XII – первой трети XIII в. тесно соседствовали с сельскими поселениями, некоторые из которых были удалены от городской застройки всего на 100–700 м. Участки культурного слоя этого времени, выявленные на западном конце ул. Толстого, на ул. Пролетарской, у оврага Дебрь, вблизи места будущего Спасо-Ефимьева монастыря (Ленина, 125), на территории Васильевского монастыря, следует рассматривать как отдельные поселения, селища, позднее оказавшиеся на территории современного города. Точно так же отдельными поселениями были и селища середины XII – первой трети XIII в. на территории ближайших к Суздалю сел Сельцо и Михали, известных по письменным источникам с XV в. (АСЭИ, т. II, 1958, № 476, 479). Общая площадь ближних сел составляет не менее 14,2 га. По характеру культурного слоя и застройки посады и пригородные села близки. Некоторая «размытость» границ, при которой посады с лоскутной застройкой не были обособлены от сельской округи, а как бы соединялись с ней, – важная особенность Суздаля как городского центра, отличающая его от Владимира.

Выделенный по археологическим материалам период середины XII – первой трети XIII в. соответствует протяженному историческому времени, в один из моментов которого статус города изменился. После 1157 г., с перенесением княжеского стола Андреем Юрьевичем во Владимир, Суздаль перестал быть политическим центром Суздальской земли. Отдельные археологические объекты, открытые раскопками в Суздале, могут быть отнесены ко второй четверти – середине XII в. или к последней трети XII – первой трети XIII в., однако в целом разделение древностей эпохи Юрия Владимировича и Андрея Боголюбского и его наследников на владимирском столе по археологическим критериям затруднительно. По облику материальной культуры и общей преемственности развития середина XII – первая треть XIII в. – целостный период в истории города, время его быстрого роста и высокого благосостояния его обитателей. Становление Владимира как нового центра княжеской власти не привело к упадку «старого» Суздаля и не остановило его развития.

Суздаль во второй половине XIII – XV в.

Группа хроноиндикаторов второй половины XIII–XV в., представленных в археологических коллекциях из новых раскопок в Суздале, включает кашинную керамику (Торговая площадь, 2; Слободская, 47–49; Ярунова гора, 27; Шевченко, 29а), монеты золотоордынские и Суздальско-Нижегородского княжества, костяные весы для взвешивания монет (Ленина, 76; Торговая площадь, 2; Слободская, 47–49; Виноградова, 21), железную ременную гарнитуру (Ярунова гора, 27; Виноградова, 21), наконечники стрел типов 67, 68, 72, 89 и 6-й вариант типа 60 по Медведеву (Медведев, 1966, с. 72, 75–76, 82), фрагменты шпор с колесиком (Торговая площадь, 12/1), роговые шахматные фигурки (Теремки, 12; Старая, 11), двусторонние прямоугольные плоские костяные гребни (Слободская, 47; Торговая площадь, 20; Ленина, 76), проволочное височное кольцо с завершением конца в виде фигурной лопасти (Слободская, 47), овальнощитковые перстни, ключи и замки поздних типов (В-II-Д-Е-Ж по Б. А. Колчину), короткие овальные кресала, кудельные булавки и булавки «пус йеппи», ножи с накладными рукоятями (рис. 115). Отсутствие специальных разработок по суздальской керамике позднего Средневековья затрудняет использование ее как единственного датирующего материала для выделения хронологического горизонта второй половины XIII – XV в. в тех случаях, когда в культурных отложениях нет артефактов, которые правомерно рассматривать как хроноиндикаторы этого периода. Таким образом, «полнота» выделения древностей второй половины XIII – XV в. в раскопах и шурфах несколько ниже, чем материалов предшествующих периодов.

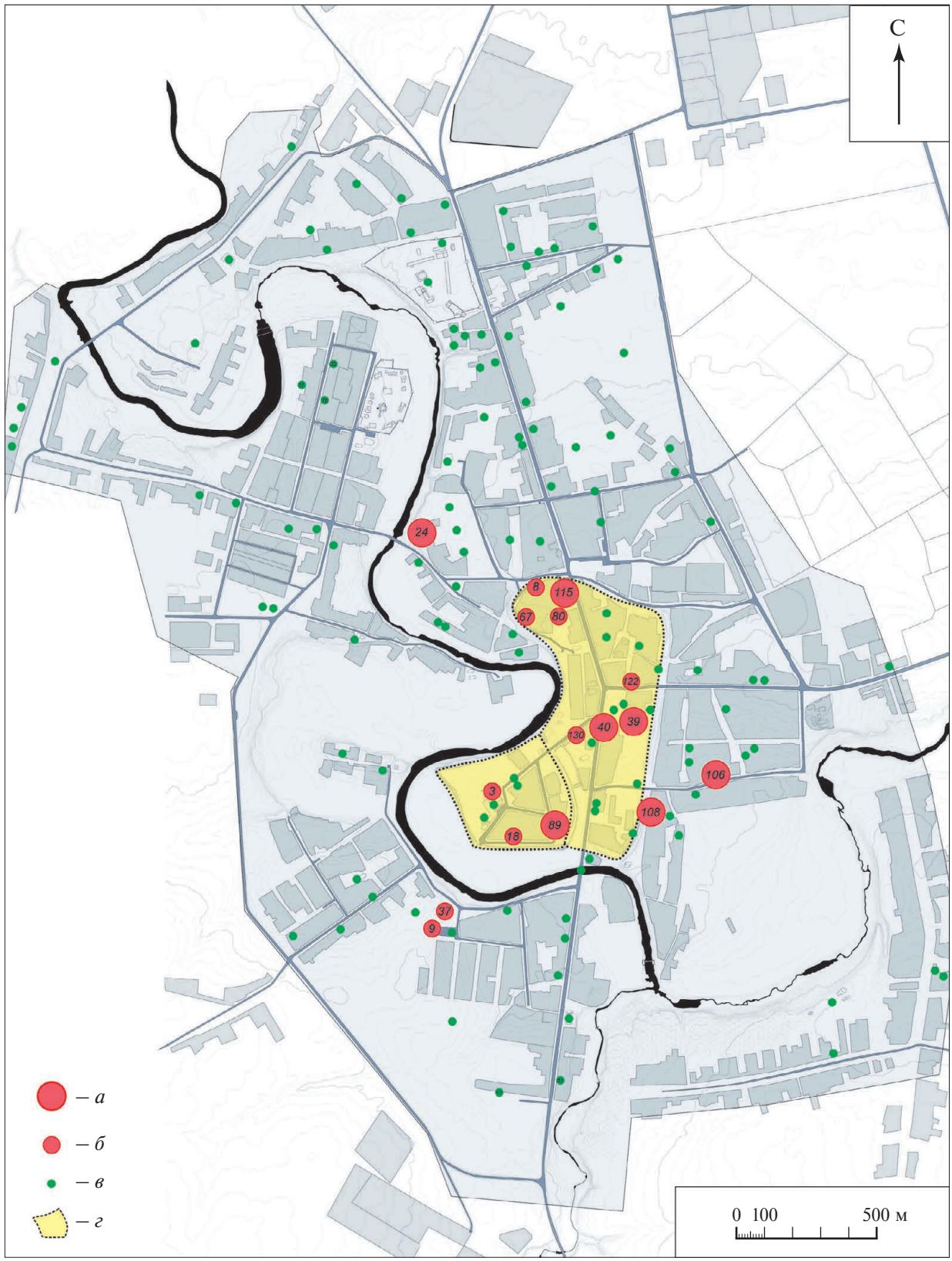

Рис. 114. Суздаль в XIII–XV вв.: а – участки, где выявлен культурный слой и объекты второй половины XIII – XV в.; б – участки, где найдены отдельные вещи второй половины XIII – XV в.; в – участки, где не выявлен культурный слой второй половины XIII – XV в.; г – укрепленная часть города. Номера соответствуют приложению 3

Рис. 115. Вещевые находки, характеризующие материальную культуру XIII–XV вв. жителей Окольного города (А – Торговая площадь, 2б; Б – ул. Теремки и Старая, 11) и неукрепленных посадов (В – ул. Виноградова, 21; Г – Ярунова Гора; Д – Слободская, 47–49). 1–4, 19 – кашин; 5, 7–8, 12–18, 20–31, 43 – черный металл; 6, 9–11, 41–42 – рог; 32–33, 35, 39–40 – цветной металл; 34, 36–38 – цветной металл, эмаль

Археологические материалы второй половины XIII – XV в. представлены в 16 местах, где проводились археологические исследования в 1990–2010-х гг. (рис. 114). Общее количество артефактов-хроноиндикаторов этого времени существенно уступает численности датирующих предметов предшествующего периода. Материалы удельного времени присутствуют в раскопах на территории кремля, в северной и центральной части Окольного города и за его пределами на территории всех посадов (рис. 114). Стратифицированные культурные отложения и ямы с выразительными комплексами вещей второй половины XIII – XV в. документированы в раскопах по адресам Торговая площадь, 2; Ярунова Гора, 27; Теремки, 26; Слободская, 47–49. В раскопе на ул. Теремки, 26 обнаружены частокольные ограды усадеб этого времени. В то же время в целом ряде раскопов, заложенных в непосредственной близости от участков с находками хроноиндикаторов удельного периода, культурный слой второй половины XIII – XV в. отсутствует. В этом плане особенно выразительны большие раскопы со стратифицированным культурным слоем середины XII – первой трети XIII в., не содержащие позднесредневековых находок в вышележащих отложениях (ул. Ленина, 82). Очевидно, что застройка этого времени была несплошной, а на территории Окольного города рядом с усадьбами оставались незанятые участки. Снижение концентрации артефактов и элементов застройки второй половины XIII в. по сравнению с предыдущим периодом отмечено и на тех участках, где прослежена преемственность заселения (ул. Теремки, 12). Точки, в которых присутствуют слои или серии находок удельного времени, не образуют заметных скоплений, они соседствуют с участками без археологических следов жизни этого времени. Поэтому обозначение территории города удельной эпохи на карте сплошной цветной заливкой не отражало бы его реальных границ. Несмотря на то, что корректное определение площади распространения культурного слоя второй половины XIII – XV в. затруднительно, установлено, что за валами кремля и Окольного города (на площади, ранее составлявшей 49 га) застройка существовала лишь на небольших участках на краю высоких коренных берегов Каменки.

Сокращение количества очагов застройки не означает резкого обеднения городского населения. Открытые раскопками комплексы XIII–XV вв. по-прежнему отражают сложный хозяйственный уклад и достаточно высокий уровень благосостояния горожан. В повседневном обиходе представлена дорогая столовая восточная кашинная посуда и шахматы, вовлеченность части населения в торговлю маркируют находки монет и весов для их взвешивания; находки бронебойных стрел, шпор и элементов железной ременной гарнитуры отражают военные занятия жителей усадеб. Важно, что на этих же усадьбах встречаются находки выплесков металла и тиглей, отходов косторезного дела.

В Суздале, несмотря на охват раскопами и шурфами всей территории города, не прослежены следы его разгрома в 1238 г. С расширением исследованных территорий здесь по-прежнему не выявлены мощные прослойки пожаров, приуроченные к концу «домонгольского периода», клады украшений этого времени, массовые захоронения со следами летальных травм, подобные обнаруженным в Ярославле и Владимире. Тем не менее характер культурных отложений и распределение материалов второй половины XIII – XV в. демонстрируют сокращение городской территории. Середина XIII в. открывает длительный период снижения интенсивности городской жизни и определенного «обеднения» материальной культуры. Стагнация Суздаля, сходная с документированным новейшими археологическими работами состоянием ряда других городов центра Северо-Восточной Руси, в том числе Владимира и Ярославля, может рассматриваться как прямое последствие событий 1238 г., но, скорее, – как проявление общего упадка старых городских центров в условиях ордынского присутствия. Стоит отметить, что появление в 1341 г. Суздальско-Нижегородского княжества как нового государственного образования и политическая активность его правителей, претендовавших на великое княжение, не оставили археологических следов нового подъема и восстановления Суздаля во второй половине XIV в.

Для изучения состояния Суздаля в XVI–XVII вв., в том числе определения размеров городской территории, ее планировочной структуры и застройки первостепенное значение имеют письменные источники, в том числе дозорные, писцовые и переписные книги XVII в. Историческая топография и градостроительная организация Суздаля XVII в. подробно рассмотрены Л. Д. Мазур, локализовавшей большую часть дворовладений, известных по писцовым документам, и создавшей на их основе достоверные исторические планы города (Мазур, 2006; 2012а; 2012б). Подробное рассмотрение археологических материалов XVI–XVII вв. не входит в задачу настоящей работы. Тем не менее самый краткий общий обзор их необходим для сопоставления исторических планов и археологической карты города XVI–XVII вв. и оценки общей динамики развития Суздаля от XV в. к XVII в.

Хронологическая группа древностей XVI–XVII вв. включает хорошо определимые керамические материалы (краснолощеная керамика, красноглиняные сосуды с белым ангобом, выразительные формы сосудов с укороченным прямостоящим или наклоненным внутрь венчиком, прямые или с внешней закраиной); многочисленные монеты, кресты-реликварии, кресты-тельники и наперсные кресты с широкими округлыми лопастями, красноглиняные колокольчики и игрушки-фигурки медведя, красные рельефные изразцы. XVII в. – время массового внедрения чернолощеной посуды.

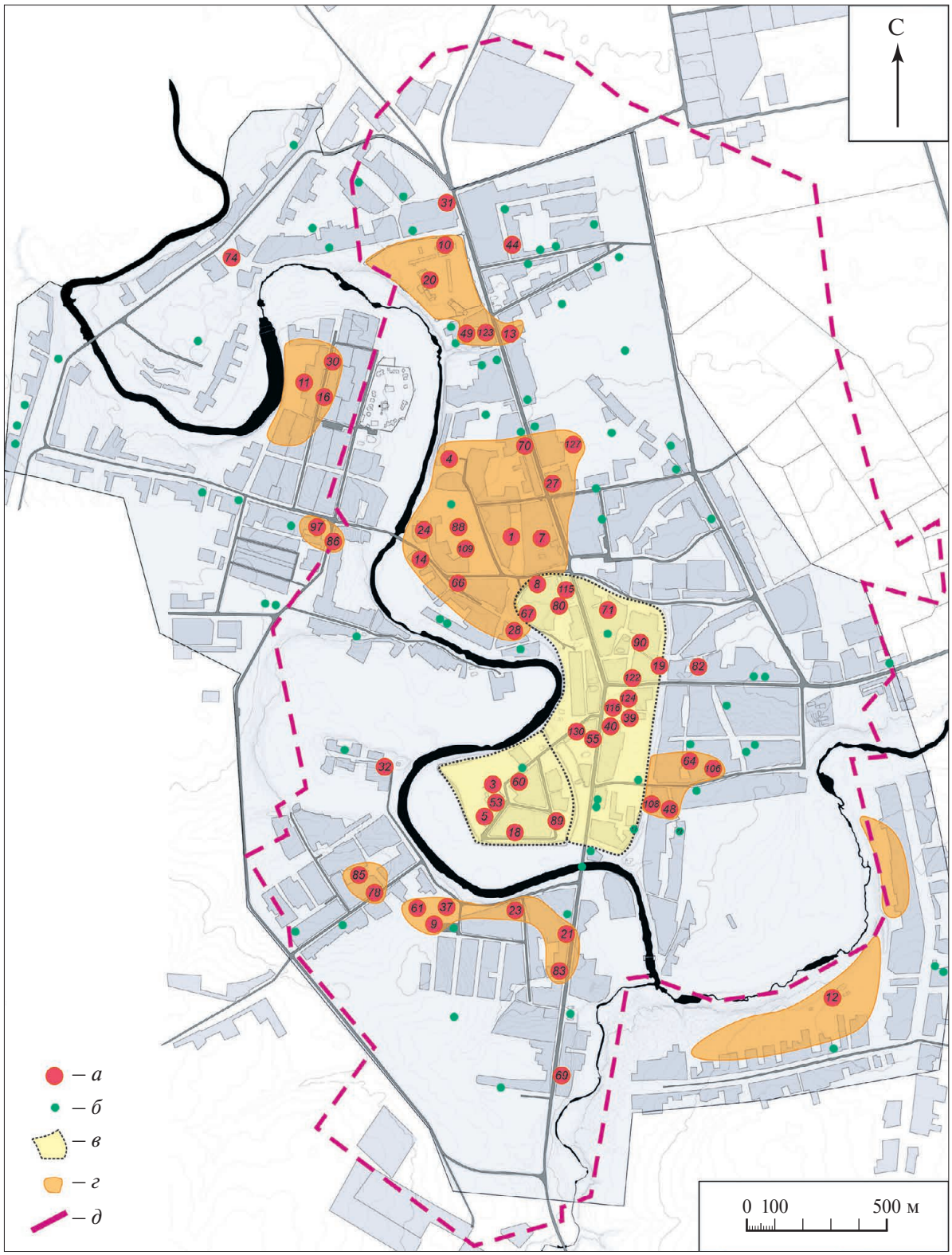

Рис. 116. Суздаль в XVI–XVII вв.:
а – участки, где выявлен культурный слой XVI–XVII вв.;
б – участки, где не выявлен культурный слой XVI–XVII вв.; в – территория города в пределах средневековых укреплений; г – территория города и ближние села за пределами средневековых укреплений;
д – граница города на конец XVIII в. Номера соответствуют приложению 3

По данным дозорных книг, в 1617 г., после Смуты, в Суздале числится 641 двор (из которых на этот момент пустуют 413). Можно считать, что это число (640) отражает численность дворов, существовавших в Суздале в конце XVI в., в период, предшествующий разорению города в Смутное время. К 1628/1629 г. в городе насчитывается уже 861 двор (из них пустует только 147) (Мазур, 2012а). Столь резкий рост общего числа дворов – следствие изменения системы подсчета (в дозорную книгу 1628/1629 г. добавлены слободские дворы), но уменьшение в 4 раза количества пустующих дворов однозначно свидетельствует о восстановлении численности городского населения. Судя по историко-топографическим реконструкциям Л. Д. Мазур, территория города в этот период далеко выходит за валы Острога (Окольного города), распространяется на всю территорию посадов XII – первой половины XIII в., а на севере и востоке расширяется за пределы ареала культурного слоя конца домонгольского времени.

Археологическая картина состояния города в XVI–XVII вв. хорошо согласуется с историко-топографическими реконструкциями (рис. 116). Материалы этого времени практически повсеместно представлены в раскопах и шурфах как в остроге, так и за его пределами, демонстрируя новый подъем Суздаля после длительного периода упадка. Материалы этого времени встречены в 63 точках из тех 90, где были зафиксированы культурные напластования ранее XIX в.

Выводы

Материалы полевых работ трех последних десятилетий подтверждают справедливость основных наблюдений о Суздале X–XV вв., но добавляют много нового к сложившейся в историографии картине формирования города. Главный итог новых раскопок – получение более точных данных о размерах городской территории и динамике ее развития. Эти данные имеют существенное значение для понимания специфики Суздаля как урбанистического центра, его места на исторической карте средневековой Руси и в системе расселения «малой» Суздальской земли, его роли в политической и культурной истории.

Хотя Суздаль – один из древнейших городов Северо-Восточной Руси, история которого начинается в X в., а уже во второй половине XI в. усадебная застройка здесь вышла за пределы кремля, до начала XII в. площадь городского поселения оставалась небольшой. Она не превышала 18 га. Период интенсивной городской жизни, сопровождавшийся быстрым ростом городской территории и формированием насыщенных находками культурных напластований, был сравнительно коротким. Он охватывал менее 150 лет и завершился после 1238 г. Начало периода роста приходится на время княжения Владимира Всеволодовича (Мономаха) и Юрия Владимировича (Долгорукого), основная часть – на то время, когда княжеский стол уже был перенесен во Владимир. Таким образом, становление Владимира как нового княжеского города не остановило развитие Суздаля. Площадь города в эпоху его расцвета составляла 96,5 га. Дворовладения социальной элиты не образуют аристократических кварталов, они располагались на различных участках городской территории, в том числе на новоосвоенных местах, в Окольном городе и на открытых посадах. Специфика Суздаля заключалась в том, что существенная часть городских дворов находилась за пределами укреплений, а сельские поселения тесно соседствовали с пригородами.

Хотя застройка на некоторых участках несколько раз возобновлялась с сохранением изначального территориального деления (на это указывают следы переноса частоколов на небольшие расстояния), в целом для Суздаля не характерно постоянное возобновление усадеб в одних и тех же границах, преемственность в развитии городской застройки, знакомая археологам по Новгороду и некоторым другим городам Северо-Западной Руси. Отметим, что эти же явления – короткий период полноценной городской жизни и отсутствие длительной преемственности в городской застройке – фиксируются и во многих других городах Северо-Восточной Руси, затронутых охранными раскопками последних десятилетий.

Уточнение площади распространения культурного слоя домонгольского времени в Суздале вместе с новыми данными о размерах других городов Северо-Восточной Руси позволяет прояснить место Суздаля в иерархии городских поселений. Суздаль второй половины XII – первой половины XIII в. существенно уступал по своим размерам стольным городам Северо-Восточной Руси, Ростову (200 га) и Владимиру (не менее 145 га) и столицам других древнерусских княжеств, таким как Смоленск (300 га), Чернигов (350 га) или Рязань (104га). По своим размерам он занимал третье место среди городов Северо-Восточной Руси и был близок по площади таким городам, как Городец (90 га) и Переяславль (75 га). При этом многочастная система укреплений с несколькими линиями земляных валов зафиксирована в Северо-Восточной Руси лишь в трех городах – Суздале, Владимире и Городце (Макаров, 2017).

Археология пока не располагает достаточными материалами для прояснения древнейших страниц истории города, связанных с формированием первого укрепленного поселения в западной мысовой части Суздальского кремля и начальной истории древнейших суздальских монастырей. Предметное обсуждение этих вопросов станет возможным после новых раскопок в этих ключевых исторических точках Суздаля.

С. Ю. Каинов, С. В. Шполянский

САБЕЛЬНЫЙ КЛИНОК ИЗ ОКОЛЬНОГО ГОРОДА

В 2012 г., в северной части Окольного города Суздаля при проведении охранных раскопок на участке дома 82 по ул. Ленина (автор работ А. А. Карпухин) был обнаружен большой фрагмент сабельного клинка, происходящий из комплекса постройки древнерусского времени. Находки клинкового оружия в культурных слоях средневековых городов Северо-Восточной Руси достаточно редки, поэтому подробное рассмотрение условий обнаружения и описание самого изделия представляется необходимым.

Находка происходит из нижней части заполнения подполья крупной постройки, из слоя, сформировавшегося при ее разрушении.

Сооружение находилось в северо-восточной части одного из трех раскопов (третьего, самого большого, площадью 370 кв. м) (рис. 117),

Рис. 117. Раскоп 3 2012 г. по адресу ул. Ленина, 82 на территории Окольного города Суздаля с обозначением постройки, из которой происходит обломок сабли

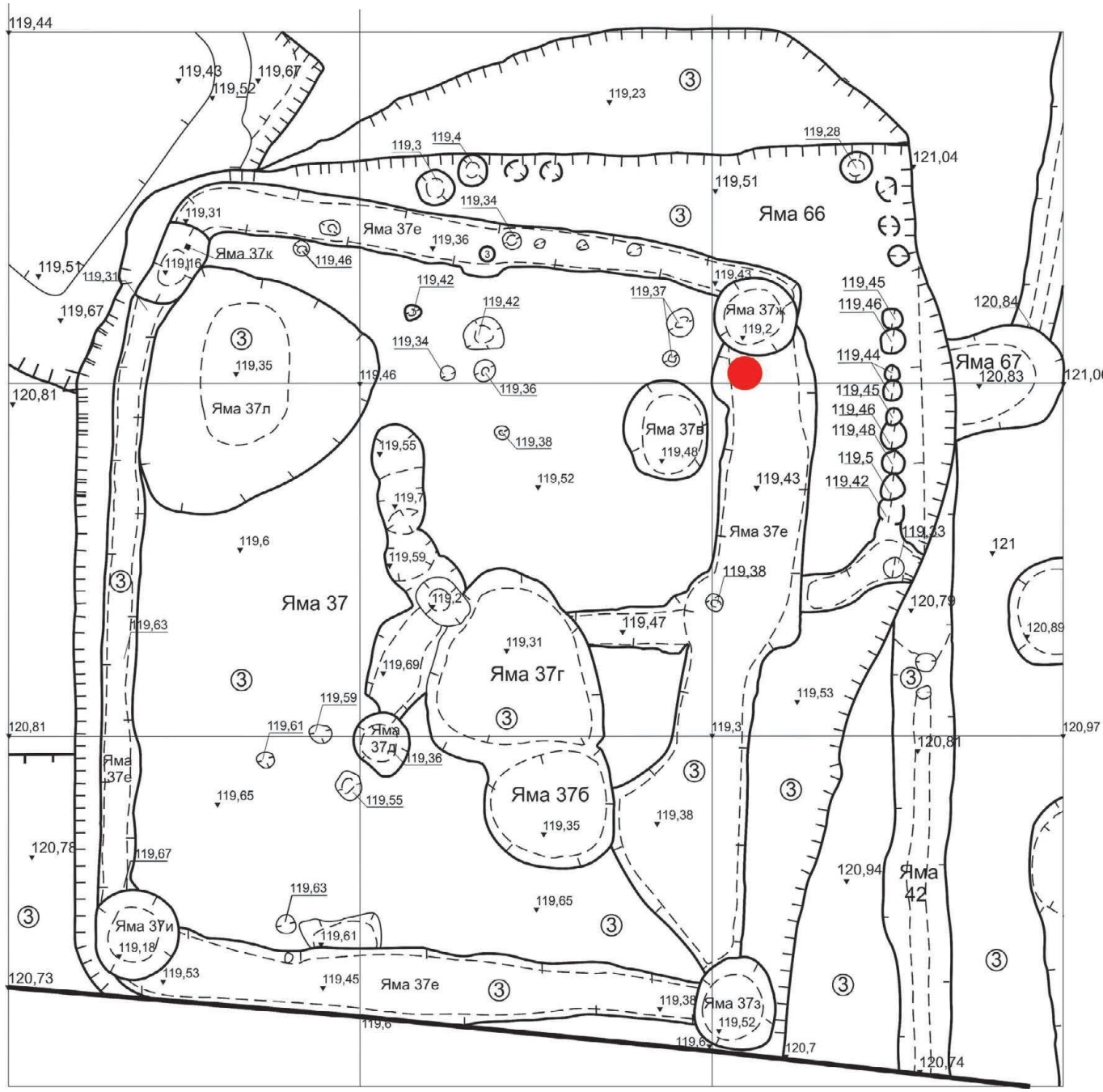

Рис. 118. План ямы 37 на уровне зачистки материка с обозначением места находки фрагмента сабельного клинка

заложенных на территории домовладения, размещалось на месте более раннего, вероятно, жилого дома, от которого сохранился только северо-восточный угол подпола с опалубкой из вертикально поставленных тонких (диаметром 14–20 см) бревен (рис. 118). Остатки постройки, в которой был обнаружен клинок, представляют собой прямоугольную яму (№ 37 по полевой документации) с вертикальными стенками глубиной 1,5 м. По периметру котлована прослежены остатки обшивки, по-видимому, выполненной из толстых, горизонтально располагавшихся досок, крепившихся в пазы угловых столбов диаметром 0,42–0,46 м, углубленных в материковое основание на 12–15 см (Шполянский, 2008б, с. 55–66). Общие размеры конструкции, впущенной в котлован, составляли 4,5 × 3,6 м.

Котлован ориентирован по линии северо-запад – юго-восток и располагался параллельно линии подполий сопоставимых размеров, стоявших в 8,5–9 м западнее (рис. 117). В целом размещение материковых ям в северной части раскопа позволяет говорить о серии сооружений с прямоугольными подпольями, каждое площадью 14–18 кв. м, составляющих основу планировки исследованного участка. Общая их датировка может быть определена в пределах второй половины XII – середины XIII в.

Верхняя часть заполнения ямы сложена слоистым темно-серым суглинком с редкими углистыми включениями мощностью около метра, сформировалась в результате частичной ее засыпки и постепенного заполнения оставшейся западины культурным слоем. Из этого горизонта происходит более 1200 фрагментов керамики и 42 находки. Большинство вещей представлено предметами, которые датируются широко (обломки ножей, железные пластины и стержни, отходы косторезного производства, семь фрагментов стеклянных браслетов, два фрагмента амфор). Уточнить время завершения формирования заполнения подпола позволяет находка обломка стеклянного плоско-выпуклого перстня бирюзового цвета (рис. 119: *16*), относящегося ко времени не ранее конца XIII в. (Захаров, 2004, с. 47, рис. 264: *2–4*).

С горизонтом разрушения постройки связана нижняя, придонная часть заполнения котлована, она представлена серым суглинком с углистыми включениями, перемешанным с переотложенным материком, толщиной 0,4–0,45 м. Фрагмент сабельного клинка был найден в 3–7 см выше дна ямы, к югу от северо-восточного углового столба, с внутренней стороны канавки, проходившей по периметру сооружения, частично провалившись в ее рыхлое заполнение (рис. 118). Возможно, он лежал вдоль дощатой стены подпола и сместился к центру канавки после того, как деревянные конструкции истлели. Кроме него в придонной части заполнения было собрано более 2200 фрагментов керамики и 60 находок (рис. 119: *1–15, 17–18*). Вещи представлены серией стеклянных браслетов (в том числе одним почти целым), хрустальной двенадцатигранной бусиной, маленькой грибовидной пуговицей, двумя писалами, бронзовым треугольным ажурным крючком, крестом-тельником с пирамидками из двух шариков (большого и малого) на окончаниях ветвей и круглым средокрестием. Такие кресты, появляясь во второй половине XII в., были широко распространены на Русском Севере и Северо-западе, в Прибалтике, известны на территории Рязанской земли. Наиболее поздние из них датируются 20-ми гг. XIV в. (Зайцева, 2008 а, с. 60–61, рис. 41: *14*; Остапенко, А-2015, т. 2, с. 203, рис. 15: *1–9*). Из датирующих вещей важны еще находки калачевидного кресала с язычком, шиферного битрапецоидного пряслица, двусторонних роговых гребней типов Е, Н по Б. А. Колчину (Колчин, 1982, с. 166) (рис. 119). В целом комплекс вещей, происходящий из придонной части ямы, вероятнее всего, мог сформироваться не позднее конца XII – первой половины XIII в.

Такой датировке не противоречит и состав керамической коллекции, для которой характерно доминирование венчиков с резко изогнутым профилем и завершением в виде уплощенного валика (типы VIII А–В по В. А. Лапшину) в сочетании с достаточно высоким процентом декорированных фрагментов, украшенных почти исключительно линейным орнаментом, покрывавшем, по-видимому, не менее трети поверхности сосудов (Гакель (Майорова), 2016, с. 88–101).

От сабли сохранилась верхняя половина, представляющая собой часть полосы клинка с череном (рис. 120, 121). Общая длина фрагмента – 53,5 см, длина фрагмента полосы клинка – 43,2 см, ширина полосы – 3,2–3,4 см, толщина полосы – 0,4–0,7 см, длина черена клинка – 10,3 см, ширина черена – 0,9–2,2 см, толщина черена – 0,3–0,6 см. Сохранившийся фрагмент полосы клинка имеет незначительный изгиб. По всей длине обломка клинка в части, прилегающей к обуху, с двух сторон фиксируется дол шириной около 1,2 см и глубиной около 0,1 см. На полосе клинка в месте перехода в черен фрагментарно сохранилась обойма, свернутая из тонкого (около 1 мм) железного листа и надетая на полосу клинка (рис. 120 а, 121 б). Основная часть обоймы представляет собой муфту шириной 2,3–2,4 см. Режущую кромку лезвия клинка охватывал V-образный в сечении выступ длиной 6,8 см, горизонтально отходящий от муфты. В нескольких местах на обойме и под ней зафиксированы следы медносодержащего припоя, которые могут свидетельствовать о том, что края муфты были спаяны. Менее вероятно, что, помимо спайки краев, припой предназначался для непосредственного закрепления муфты на клинке.

Конец полосы клинка оформлен прямыми плечиками, переходящими в сужающийся черен. Основание черена смещено к обуху. К сожалению, черен сломан и сейчас невозможно установить его изначальную форму и степень изогнутости относительно осевой линии клинка в сторону режущей кромки. Геометрия сохранившихся фрагментов черена позволяет реконструировать либо прямой, либо слабоизогнутый черен (рис. 121, 121 а). В последнем случае наклон осевой линии черена относительно осевой линии нижней трети полосы клинка составит около 5–6°. В центральной части черена было пробито отверстие диаметром около 0,4 см, служившее для размещения заклепки, скрепляющей обкладки рукояти.

Рис. 119. Датирующие находки из ямы 37 раскопа 3 на улице Ленина, 82 (Окольный город Суздаля): 1–3 – черный металл; 4, 7, 8 – цветной металл; 5, 18 – камень, 6, 9 – рог; 10–17 – стекло

Реконструировать внешний вид клинка суздальской сабли позволяют опубликованные находки. Например, сабли, найденной в г. Нежине Черниговской обл. Украины в разрушенном погребении «тяжеловооруженного конного воина», которое, по мнению А. Н. Кирпичникова и В. П. Коваленко, датируется 1150–1240 гг. (Кирпичников, Коваленко, 1993, с. 125) (рис. 122). Длина нежинской сабли 99,7 см, ширина 3 см, толщина 0,5 см, кривизна полосы в наивысшей точке изгиба 2,2 см. Нижняя треть клинка раскована на два лезвия. Черен клинка слабо изогнут, снабжен отверстием для заклепки, скрепляющей обкладки рукояти. В нижней части клинка располагается накладка, аналогичная накладке на суздальской сабле. Сабли отличаются между собой сечением полосы клинка. У суздальской в половине, прилегающей к обуху, расположен дол, нежинская сабля на большей длине клинка имеет пятигранное сечение.

Сабли X–XIII вв., найденные на древнерусских памятниках, еще не стали объектом пристального изучения. Не существует и современной сводки находок. В работе А. Н. Кирпичникова, изданной в 1966 г., указано, что на древнерусской территории обнаружено 150 сабель X–XIII вв. (с учетом целых и обломков, а также отдельных деталей). Из них 63 найдены на поселениях, 87 происходит из погребений и еще о 41 находке есть только упоминания в литературе. Но, как указывает сам исследователь, почти половина всех находок происходит из погребений кочевников-федератов южнорусских князей. Также значительное количество находок сабель (в основном фрагментов) обнаружено на южнорусских городищах, например, на Княжой горе – 14 находок, на городище у с. Городище – 16 находок.

А. Н. Кирпичников отметил, что такие признаки сабли как «легкий наклон стержня рукояти к лезвию равный 5–8°, обоюдоострая треть или четверть нижней части клинка, долы и елмань» мало изменчивы у сабель X–XIII вв. (Кирпичников, 1966а, с. 67). Изменяются во времени длина, ширина и кривизна полосы клинка[1]. Но подробную классификацию древнерусских сабель исследователь построил на основании особенностей перекрестий и отчасти наверший, а не с учетом морфологии клинка.

Наиболее ранние хорошо датируемые находки сабель с территории Древней Руси происходят из погребальных памятников второй половины X в.: два сабельных клинка найдены в черниговском кургане Чёрная могила, одна целая сабля – в погребении 61/4 Шестовицкого могильника, детали рукояти и ножен сабель найдены в курганах Ц-3/1950 и Л-80/1952 Гнёздовского могильника, а также согнутая сабля происходит из разрушенного «шиферного саркофага», обнаруженного при работах на усадьбе Трубецкого в Киеве (Каинов, 2019, с. 115–118).

Если для второй половины X в. находки единичны и связаны с погребениями представителей древнерусской элиты, для более позднего времени детали сабель происходят исключительно из культурного слоя поселений. И находки сделаны не только на южнорусских памятниках, но и в Великом Новгороде, где в слоях первой половины XI – XV вв. обнаружено не менее 20 деталей сабель[2]. С нашей точки зрения, вряд ли стоит считать находки деталей сабель в древнерусских городах исключительно свидетельством присутствия в городах выходцев из кочевого мира. Уже во второй половине X в. сабля, наряду с другими элементами всаднического оружия и снаряжения, входит в комплекс вооружения древнерусских воинов (Каинов, 2019, с. 284–287). Это распространение экипировки воинов-всадников среди древнерусских дружинников маркирует и обучение последних навыкам конного боя. «Восточное» оружие и снаряжение становятся отчетливо заметны в древнерусском комплексе вооружения со второй половины X в., и в последующие века сочетание оружия как местного, так и импортируемого с запада с оружием и снаряжением кочевых народов – характерная черта древнерусского комплекса вооружения.

Но, признавая заметное присутствие сабель в составе древнерусского комплекса вооружения домонгольского периода, тем не менее отметим, что свидетельства производства сабель или их деталей на территории Древней Руси в X–XIII вв. крайне малочисленны. А. Н. Кирпичников на основании сходства сабель их кочевнических погребений и южнорусских городских центров предполагает, что сабли из черноклубуцких погребений изготовлены в киевских мастерских (Кирпичников, 1966а, с. 66). При раскопках в 1987 г. на окольном городе древнего Гомия (современный Гомель, Беларусь) были обнаружены остатки мастерской, предположительно погибшей в результате монгольского нашествия на Черниговскую землю в 1239 г. Мастерская специализировалась на сборке защитного и наступательного вооружения, в том числе и сабель, о чем свидетельствуют находки несмонитированных сабельных перекрестий и наверший (Макушников, 1993). Отдельные неоконченные сабельные перекрестия позволяют предполагать их местное изготовление (Макушников, Лупиненко, 2004, рис. 1: *3–5*; Плавінскі, 2009, с. 49–52)

[1] А. В. Евглевский и Т. М. Потемкина в своей работе указали, что данное предположение А. Н. Кирпичникова «не подтверждено автором конкретными статистическими данными, что значительно снижает его ценность и убедительность» (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 125).

[2] Благодарим А. Н. Каменского за любезно предоставленную информацию.

Рис. 120. Сабля, найденная в Суздале (а – накладная обойма)

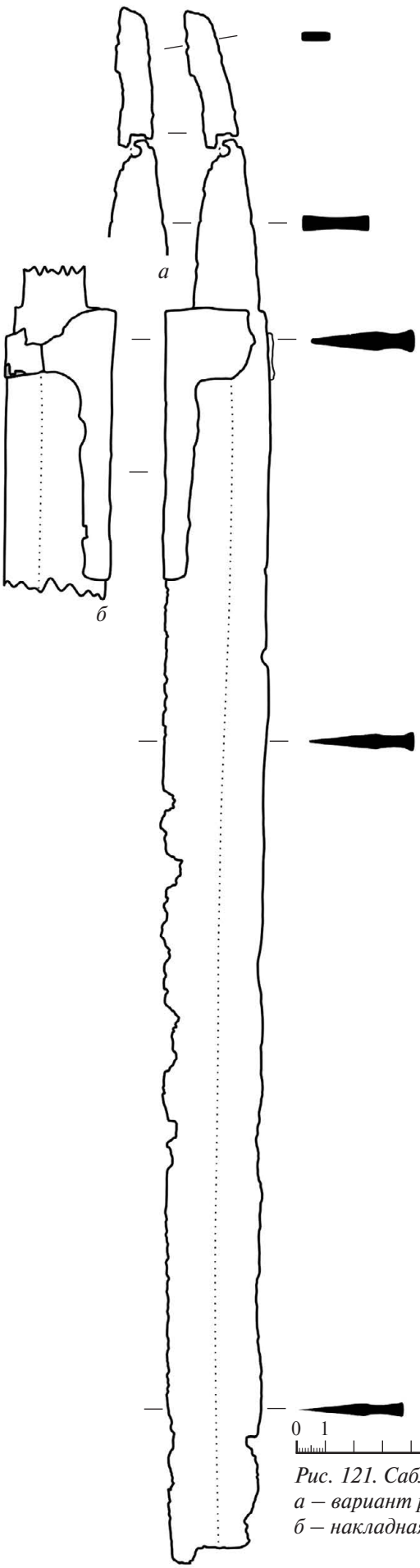

Рис. 121. Сабля, найденная в Суздале: а – вариант реконструкции черена клинка, б – накладная обойма

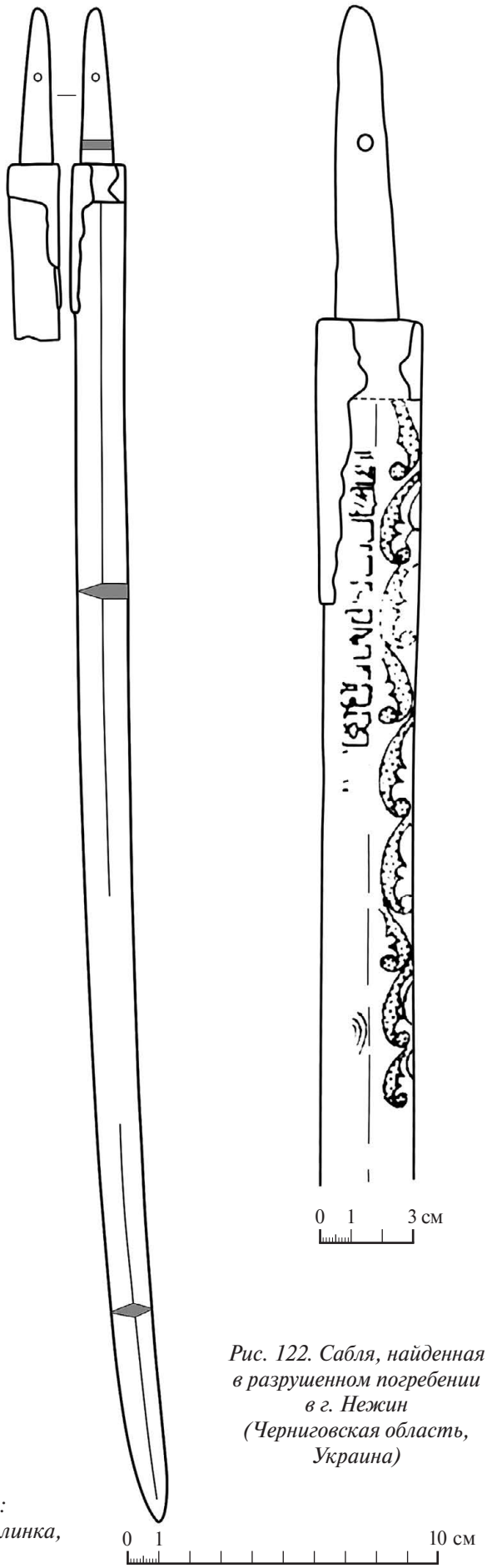

Рис. 122. Сабля, найденная в разрушенном погребении в г. Нежин (Черниговская область, Украина)

Более вероятно предположение, что большинство сабель приобреталось древнерусскими воинами в качестве трофеев либо в результате торговли.

В наиболее объемной работе, посвященной саблям из кочевнических погребений второй половины X – XIV в., отмечается, что слабоизогнутые клинки наиболее характерны для XII – первой половины XIII в. (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 146). Слабоизогнутый черен клинка, по мнению А. В. Евглевского и Т. М. Потемкиной, – признак, встречающийся как у слабоизогнутых, так и у средне- и сильноизогнутых клинков (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 138). В типологии У. Ю. Кочкарова слабый изгиб клинков сабель Северо-Западного Предкавказья не является четким хронологическим признаком. Незначительная кривизна характерна для нескольких типов клинков (I–III, VI/1), выделенных исследователем и датирующихся в рамках VIII–XIV вв. (Кочкаров, 2008, с. 34–36).

Несколько слов стоит сказать по поводу предназначения муфты, закреплённой в месте перехода от черена к клинку. Разными авторами предполагалось, что подобные обоймы служили для лучшего закрепления перекрестия, предохранения ножен от поломки, служили для фиксации клинка в ножнах или были результатом ремонта (Кочкаров, 2008, с. 30). С нашей точки зрения, наиболее предпочтительной кажется гипотеза, высказанная В. Н. Каминским. Исследователь считал, что эта деталь служила для предохранения указательного пальца, перекинутого через перекрестие на клинок (Каминский, Каминская-Цокур, 1997, с. 62). Подобный способ удержания был необходим при нанесении колющих ударов, что, по мнению В. Н. Каминского, подтверждается и тем фактом, что сабли с «накладными пластинами» имели обоюдоострый конец.

А. М. Голубев отмечает, что обоймы на клинках сабель салтовской археологической культуры были необходимы для упрощения работы «по монтажу эфеса и приданию клинку желаемого баланса» (Голубев, 2017, с. 236). Стоит отметить, что речь в данном случае идет о простых обоймах, без горизонтального отростка, предназначенного для перекрытия значительной части режущей кромки у перекрестия. К тому же эти обоймы помещались не на полосу клинка, а в районе основания черена. Морфология детали и ее расположение позволяют предполагать, что функциональная нагрузка простых обойм отличалась от накладок с горизонтальным выступом.

К сожалению, вопросам хронологии бытования накладных пластин с горизонтальным выступом уделено недостаточно места в исследованиях. В наиболее объемной работе, посвященной саблям из кочевнических погребений второй половины X–XIV вв., накладные пластины вообще не рассматриваются в качестве конструктивной детали сабель (Евглевский, Потемкина, 2000). У. Ю. Кочкаров кратко отмечает, что накладные пластины на лезвии появляются в Восточной Европе в IX в. и уже в X–XI вв. представлены многочисленными сериями. В Северо-Западном Предкавказье обоймы встречаются на клинках сабель IX–X вв. и продолжают существовать в XII–XIII вв. (Кочкаров, 2008, с. 30).

Таким образом, контекст суздальской находки позволяет датировать фрагмент клинка сабли в рамках конца XII – первой половины XIII в. Морфологические особенности суздальского клинка не противоречат такой датировке.

Обстоятельства находки свидетельствуют, что сабля попала в подпол постройки уже в сломанном состоянии и хранилась, по-видимому, в качестве ценного, годного в переделку металла либо использовалась для хозяйственных нужд. Тем не менее принадлежность ее к комплексу древнерусского вооружения, характерного для центра Владимиро-Суздальских земель, с учетом уже известных в Суздале находок клинкового оружия (Данилов, 1991, с. 97, рис. 5: *2, 3*), представляется очевидной.

Вл. В. Седов

СУЗДАЛЬСКИЙ СОБОР РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ XII–XIII вв. ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ ОЧЕРК

Цель данной статьи автор видит в том, чтобы дать общее представление о состоянии исследований архитектуры собора Рождества Богородицы в Суздале, а также показать те важнейшие направления дальнейшего изучения его форм, которые могут дать новый взгляд на сложение и развитие архитектуры Древней Руси. Акцент был сделан на сохранившейся архитектуре начала XIII в., но вопросы архитектуры раннего собора рубежа XI–XII вв. также были рассмотрены.

I. Письменные свидетельства о Суздальском соборе

1) Свидетельства о первом соборе

Таких свидетельств всего три, и все они относятся к более позднему времени.

В сообщении Лаврентьевской летописи о закладке нового собора в 1222 г. говорится, что до закладки великий князь Георгий Всеволодович, «зазрушивъ старое зданье, понеже оучала бѣ рушитися старостью, и верхъ ея впалъ бѣ, та бо ц(е)рк(в)ы создана прадѣдом его Володимером Мономахом, и бл(а)ж(е)нымь еп(иско) помь Ефрѣмом» (ПСРЛ, т. 1, стлб. 445). Владимиро-суздальский летописец в начале XIII в. помнил, что первоначальный каменный храм был создан при князе Владимире Мономахе и епископе Ефреме.

В сообщении Лаврентьевской летописи о начале росписи второго собора в Суздале в 1230 г. есть и рассказ о предыдущем памятнике: «Почата быс(ть) писат(ь) ц(е)рк(в)ы с(вя)тыя Б(огороди)ца в Суждали потщаньемъ с(вя)щ(е)н(о)го еп(и)с(ко)па Митрофана, юже бѣ рушилъ велик(ии) князь Юрги, въ еп(и)с(ко)пьство Симон(а), и опят(ь) созда краснѣишю первыя бѣ бо обетшала велми от многъ лѣт(ъ)» (ПСРЛ, т. 1, стлб. 455). Итак, первый храм к началу XIII в. обветшал и был разобран по велению князя Юрия Всеволодовича незадолго до 1222 г., когда начали строить новое здание. Это произошло во время пребывания на Ростовской епископской кафедре владыки Симона (1215–1226).

Наконец, в Киево-Печерском патерике, созданном в начале XIII в. тем же Владимирским и Суздальским епископом Симоном, рассказывается о том, что князь Владимир (Мономах) в своем княжестве построил храм, «по образу» Успенского собора Киево-Печерского монастыря. В приведенном ниже сообщении есть фантастические сведения: автор говорит, что сначала князь Владимир построил церковь в Ростове «по образу» Киево-Печерского монастырского собора, а затем его сын Георгий, услышав от отца рассказ об Успенской церкви в киевском монастыре, выстроил в Суздале церковь «в ту же меру», которая потом разрушилась.

«И в своемъ княжении христолюбець Владимеръ, възем мѣру божественыа тоя церкве Печерскиа, всѣм подобиемъ създа церковь въ градѣ Ростовѣ, въ высоту и в широту и въ долготу, но и писмя на хартии написавъ, иде же кыиждо праздникъ в коемъ мѣсте написанъ есть, и сия вся въ чинъ и въ подобие сътвори по образу великыя тоа церкве богознаменаныа.

Рис. 123. Рождественский собор в Суздале. Вид с юго-востока. Фото начала XX в.

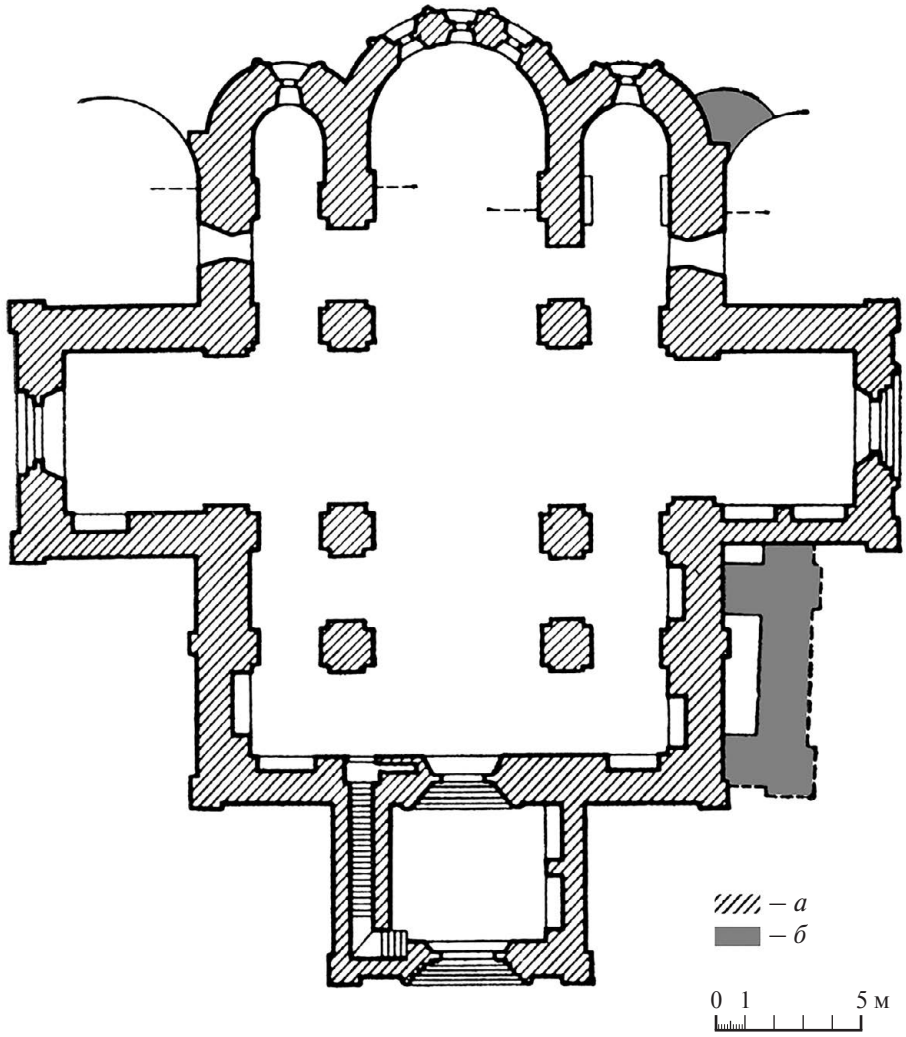

Рис. 124. План собора по А. Д. Варганову (а) с указанием ранних частей начала XII в. (б)

Сынъ же того Георгий князь, слышавъ от отца Владимера еже о тъй церкви сътворися, и тьи въ своемь княжении създа церквоъ в градѣ Сужьдали въ ту же мѣру, яже по лѣтехъ вся ты распадошася, сиа же едина богородична пребываеть въ вѣкы» (ПЛДР, XII, с. 428).

Итак, существовал каменный храм, сооруженный по заказу князя Владимира Всеволодовича (Мономаха). Все известия о нем относятся к началу XIII в., причем часть из них говорит, очевидно ошибочно, о построении князем Владимиром храма по образцу Успенского собора Киево-Печерского монастыря в Ростове, а в Суздале – его сыном, князем Георгием (Юрием Долгоруким). Наиболее достоверно первое известие, о постройке храма по заказу князя Владимира и епископа Ефрема. Посвящение этого первого каменного собора Суздаля дискуссионно. Есть мнение, что он, построенный по образцу Успенского собора Киево-Печерского монастыря, был также посвящен Успению Богородицы, но это предполагает смену посвящения собора в начале XIII в. Можно предположить, что посвященный Богородице и построенный по образцу Успенского собора Суздальский собор не копировал посвящение образца, а сразу был посвящен Рождеству Богородицы.

2) 1194 г. Сообщение о ремонте первого собора

В 1194 г. по заказу князя Всеволода (Большое Гнездо) сначала велись работы по поновлению одного из двух важнейших храмов Ростово-Суздальской земли: Успенского собора во Владимире, пострадавшего от пожара, и церкви Богородицы в Суздале, то есть первого Рождественского собора. О ремонте сообщает Лаврентьевская летопись: «Тогож лѣт(а) м(е)с(я)ца семтяб(ря) обновлена быс(ть) ц(е)рк(в)ы

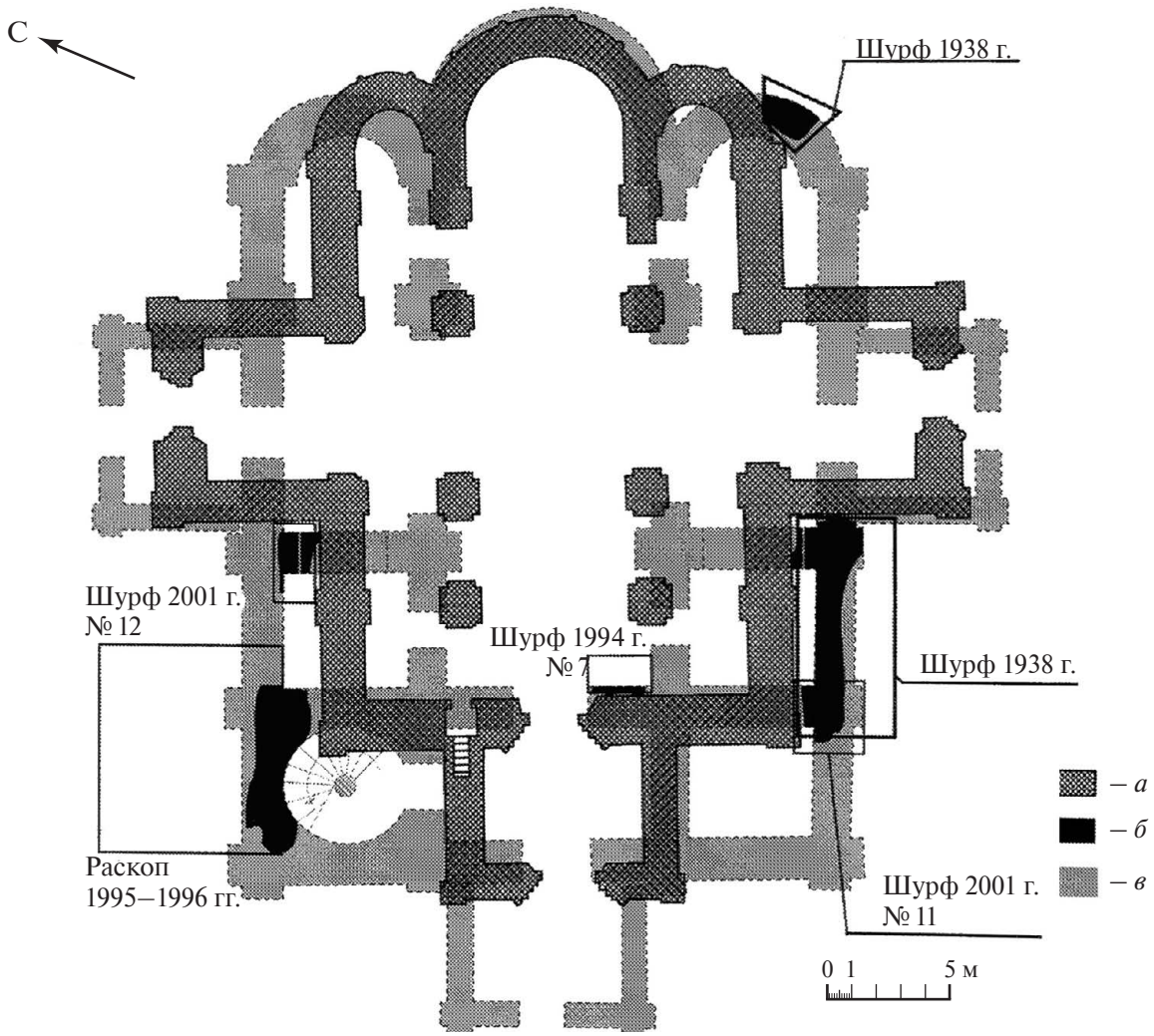

Рис. 125. План собора по П. Л. Зыкову с указанием частей собора начала XII в.: стены собора 1222–1225 гг. (а); вскрытые участки стен собора Владимира Мономаха (б); реконструируемые участки стен собора Владимира Мономаха (в)

с(вя)тая Б(огороди)ца в Суждали, яже бѣ опадала старостью и безнарядьем тѣм же бл(а)ж(е)нымь еп(и)с(ко)п(о)мь Иваном, и покрыта быс(ть) оловом от верху до комаръ и до притворовъ, и то чюду подобно, м(о)л(и)твою с(вя)тое Б(огороди)ци и его вѣрою, а иже не ища мастеровъ от Нѣмець, но налѣзе мастеры от клевретъ с(вя)тое Б(огороди)ци и своихъ иных олову льяти, иных крыти, иных извистью бѣлити, отверзенѣ бо ему бѣста от Б(ог)а» очи с(е)рд(е)чнѣи на ц(е)рк(о)вную вещь, оже пещися ц(е)рк(о)вными вещьми и клириквы, ако правому пастуху, а не наимнику» (ПСРЛ, т. 1, стлб. 411).

Ремонт Суздальского собора, судя по летописному сообщению, заключался в побелке фасадов старого храма и в устройстве новой кровли из олова. Для этих работ нашлись местные мастера, в том числе связанные с епископской кафедрой («клевреты святой Богородицы»). Заказчиком выступил епископ Иван (Иоанн), который должен был действовать при милостивом согласии князя. Интересно упоминание сводов старого собора («комар») и его притворов, которых, очевидно, было несколько.

3) 1222 г. Начало строительства второго собора по заказу князя Юрия Всеволодовича

В 1222 г. великий князь разрушил старый храм рубежа XI–XII вв. и начал строить новый. Вот как об этом сообщает статья Лаврентьевской летописи, уже приведенная нами выше: «В лѣт(о) 6730. ... Великыи княз(ь) Гюрги заложи ц(е)рк(о)вь каменьну с(вя)тыя Б(огороди)ца в Суждали на первѣмь мѣстѣ, зазрушивъ старое зданье, понеже оучала бѣ рушитися старостью, и верхъ ея впалъ бѣ, та бо ц(е)рк(в)ы создана прадѣдом его Володимером Мономахом, и бл(а)ж(е)нымь еп(иско)помь Ефрѣмом» (ПСРЛ, т. 1, стлб. 445).

4) 1224 г. Окончание строительства второго собора и его освящение

В 1224 г. строительство церкви в Суздале было закончено. По сообщению Лаврентьевской летописи, она была освящена 8 сентября: «В лѣт(о) 6733. Тогож лѣта создана быс(ть) ц(ерк)ы с(вя)тыя Б(огороди)ца в Суждали, и с(вя)щ(е)на быс(ть) еп(иско)п(о)мь Симоном въ 8 д(е)нь семтя(бря)» (ПСРЛ, т. 1, стлб. 447).

Мы видели, что в летописном сообщении 1222 г. заказчиком собора в Суздале назван великий князь Георгий (Юрий) Всеволодович, который «заложи церковь каменьну». Храм был освящен 8 сентября, то есть в день празднования Рождества Богородицы, на храмовый праздник новосозданной церкви. Службу служил епископ Суздальский и Владимирский Симон.

Заметим, что в цитируемом ниже летописном сообщении о начале росписи собора говорится о том, что старый храм был разрушен великим князем Георгием в епископство Симона: «юже бѣ рушилъ велик(ии) князь Юрги, въ еп(и)с(ко)пьство Симон(а), и опят(ь) созда краснѣишю первыя бѣ бо обетшала велми от многъ лѣт(ъ)» (ПСРЛ, т. 1, стлб. 455).

Все это значит, что епископ Суздальский и Владимирский Симон играл достаточно значительную роль в постройке Суздальского собора: он, помимо князя и рядом с ним, возможно, подбирал мастеров и материалы, распределял силы строителей и декораторов.

В созданном им «Киево-Печерском патерике» епископ Симон о себе самом говорит как об инициаторе и заказчике украшения соборных храмов Владимира и Суздаля, причем если о его роли в украшении Успенского собора во Владимире еще можно гадать, поскольку работы в этом здании во время пребывания Симона на епископской кафедре нам неизвестны, то автор сам себя называет создателем Суздальского собора, в чем вряд ли можно видеть слишком большое преувеличение:

«Кто не вѣсть мене, грѣшнаго епископа Симона, сея съборныа церкве, красоты Володимеръскыя, и другыа Суждальскыа церкве, ю же сам създах?» (ПЛДР, XII, с. 482).

5) 1230 г. Начало росписи второго собора

Еще одно сообщение о росписи, осуществленной много позже строительства, содержится под 1230 г. в Лаврентьевской летописи: «В лѣт(о) 6738. ... Тогож лѣт(а) м(е)с(я)ца [пробел]. Почата быс(ть) писат(ь) ц(е)рк(в)ы с(вя)тыя Б(огороди)ца в Суждали потщаньемъ с(вя)щ(е)н(о)го еп(и)с(ко)па Митрофана, юже бѣ рушилъ велик(ии) князь Юрги, въ еп(и)с(ко)пьство Симон(а), и опят(ь) созда краснѣишю первыя бѣ бо обетшала велми от многъ лѣт(ъ)» (ПСРЛ, т. 1, стлб. 455).

Роспись 1230 г. была начата по заказу и, видимо, на средства епископа Митрофана, а не князя, то есть ситуация повторяет историю с росписью епископом Лукой Успенского собора в Ростове в 1187 г. и историю с ремонтом Успенского собора во Владимире и церкви Богородицы в Суздале в 1194 г. Кроме того, заметим, что это было сделано много позже строительства храма, который был возведен по заказу князя Георгия Всеволодовича в 1222–1224 гг.

Если церковь Богородицы (Рождества Богородицы) в Суздале была построена по заказу князя Юрия Всеволодовича в 1222–1224 гг., то роспись ее была начата в 1230 г. по заказу епископа Владимирского и Суздальского Митрофана.

6) 1232/1233 г. Окончание росписи второго собора и настилка пола

Роспись Суздальского собора была окончена в 1232/1233 г., о чем сообщает Лаврентьевская летопись: «В лѣт(о) 6741. Написана быс(ть) ц(е)рк(в)ы с(вя)тая Б(огороди)ца в Суждали и измощена мороморомъ красным разноличным» (ПСРЛ, т. 1, стлб. 459–460). Пол, очевидно, был не мраморным, а настлан из керамических плиток с поливой, имитирующей поверхность и узоры различных сортов мрамора.

7) Разрушение второго собора в 1444 г.

Воскресенская летопись рассказывает о знамении в Суздальском соборе: святительские гробы, то есть саркофаги епископов Суздальских, начали гореть внутри и падать, а потом, утром следующего дня, на праздник Преполовения, упал и сам собор: «Того же лѣта сътворися знамение въ соборной церкви въ Пречистой въ Суздалѣ: начаша святительские гробы горѣти изнутри и падати, а на завтрее и сама церковь падеся, на Преплавение» (ПСРЛ, т. 8, с. 114). Преполовение Пятидесятницы празднуется на 25 день после Пасхи, а Пасха в 1444 г. была 25 апреля, то есть собор упал 20 мая 1444 г. Как увидим ниже, он разрушился только в верхних частях, которые и были заменены в 1528–1530 гг.

8) Разборка верха второго собора и надстройка оставшейся части вновь в 1528–1530 гг.

Об этом важнейшем событии свидетельствовала только надпись на камне, до нашего времени не дошедшая, текст которой приводит ключарь Рождественского собора Анания Федоров в своей книге «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале»:

«Преосвященный Геннадий епископ Суждальский бе в лета 7036 г.

О том показует в соборной церкви летопись резная на камени сице: повелением и жалованием благовернаго и Христолюбиваго великаго Князя Василия Иоанновича, Божиею Милостию Царя и Государя, и Самодержца всея Русии, разобрана бысть

Святая Божественная соборная Апостольская церковь Рождество Пречистые о трех версех лета 7036 г. а замышлением и благословением смиреннаго епископа Суждальскаго владыки Генадья, свершена бысть о пяти версех, в преименитом граде Суждале, оным же Генадием епископом и освящена на память святых мученик иже в Крите, лета 7038-м году» (Федоров Анания, 2012, с. 58).

Собор, таким образом, был достроен в верхней части, примерно на половину высоты оставлены были стены храма начала XIII в., а выше был создан новый памятник, как будто подстроивший под себя собор более раннего времени или сам по себе подстроившийся под этот древний храм. Во всяком случае, Суздальский собор в редакции 1528–1530 гг. был шестистолпным пятиглавым храмом того нового для древнерусской архитектуры типа, который был заново создан Аристотелем Фиораванти в Успенском соборе Московского Кремля и несколько доработан Алевизом Новым в Архангельском соборе Московского Кремля. Об архитектуре собора первой трети XVI в. писал А. Г. Мельник, который указал на аналогии плоским арочным нишам, украшающим прясла собора ниже карниза, отсекающего закомары (Мельник, 1998). Исследователь назвал следующие церкви с подобными фасадными нишами, восходящими к московскому Архангельскому собору: Рождества Христова в Юркине, Благовещения в Тимошкине, Иоанна Предтечи в Ивановском монастыре в Москве и Ильи Пророка в Ильинском (Малоярославецкий уезд Калужской губернии).

А. Л. Баталов, писавший о соборе Ивановского монастыря в Москве, добавил еще два храма с арочными нишами в пряслах фасадов: это церкви Благовещения в Старом Ваганькове 1514 г. и Ильи Пророка на Новгородском подворье 1519 г. (Баталов, 2006, с. 290–295; также см.: Арутюнян, 2003). От себя добавим еще церковь Покрова в Чиркине Московской области (Памятники, 1975, с. 292). Все перечисленные памятники относятся к первой трети XVI в., то есть современны Суздальскому собору в той версии, которую он получил в 1528–1530 гг. Нужно только отметить, что существует еще более ранний памятник с такими нишами: Средняя Арсенальная башня Московского Кремля конца XV в. Эти ниши происходят из североитальянской, скорее венецианской архитектуры XV в. Заметим также, что подобные арки появлялись в бесстолпных храмах, а в храме типа «вписанный крест» такие арки появляются лишь в двух памятниках: в двустолпной церкви Благовещенского погоста и в Суздальском соборе времени великого князя Василия III.

Кроме того, необходимо сказать, что сама идея надстроить над старым объемом новый верх, причем так, что на старую часть приходится примерно половина высоты основного объема храма, является очень редкой, но все же не уникальной: укажем на церковь Иоанна Предтечи на Городище (окраина Коломны), где над раннемосковским храмом конца XIV в. был надстроен в XVI в. верх с отчетливыми итальянским чертами (Памятники, 1999, с. 34–35).

9) Роспись собора в 1635 г.

В 1635 г. при архиепископе Суздальском и Тарусском и при помощи царя Михаила Федоровича весь соборный храм Рождества Богородицы был расписан, особенно в верхних частях, но и в папертях, тогда же была создана идущая вдоль стен летопись, повествующая об этой росписи. Эта роспись, несколько раз прописанная и обновленная, частично дошла до нашего времени, как частично сохранилась и летопись вдоль основания стен собора. Об этих работах повествует главка («показание первое») в «Историческом собрании о богоспасаемом граде Суждале»: «В помянутой Суждальской соборной церкви, во святом олтаре на стене возле горняго места и в церкви у рак мощей сих святителей, на стенах написанныя их святыя изображения в 7143 году, при преосвященном Серапионе архиепископе {Суждальском и Торусском}, по грамоте благочестивейшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, {самодержца Всероссийскаго}, присланной к Преосвященному Серапиону архиепископу в 7144 году. В которой грамоте прислал под отпискою своею соборныя церкви рождества пресвятыя Богородицы церковному строению и стенному иконному писму роспись, что в прошлом 7143 году, по нашему указу и по твоему челобитью, велено тебе в Суждале в соборной церкви образа местныя построить, и церковь стенным иконным писмом подписать вновь, и летопись у того стеннаго писма учинить; и ты (де) богомолец наш в соборной церкви святые образа построил, а местные велел писать вновь стенным иконным писмом, и во олтаре, и в верху в небе, и к пяти главах, и в папертях, и летопись на наше государское имя устроил; и мы тебя богомолца за то похваляем, что ты то учинил добро, радея о церковном благолепии (до зде от грамоты Государевы)» (Федоров Анания, 2012, с. 168).

10) Перестройка собора при митрополите Илларионе после 1682 г.

Об этих масштабных работах по переустройству здания второго собора (начала XIII в.), включавшего в себя, как и сейчас, верхние части 1528–1530 гг., подробно повествует «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале»: «По прежним описным 7117 года соборной церкви книгам показуется, в той соборной церкви имелись хоры, и на тех хорах были пределныя престолы: первой архангела Гавриила, второй Иоанна Предтечи, третий великомученика Димитрия; а по переписным 7136 и 7137 годов книгам значится в соборной церкви на хорах престол Вознесение Господня, престол усекновения честныя главы Иоанна Предтечи,

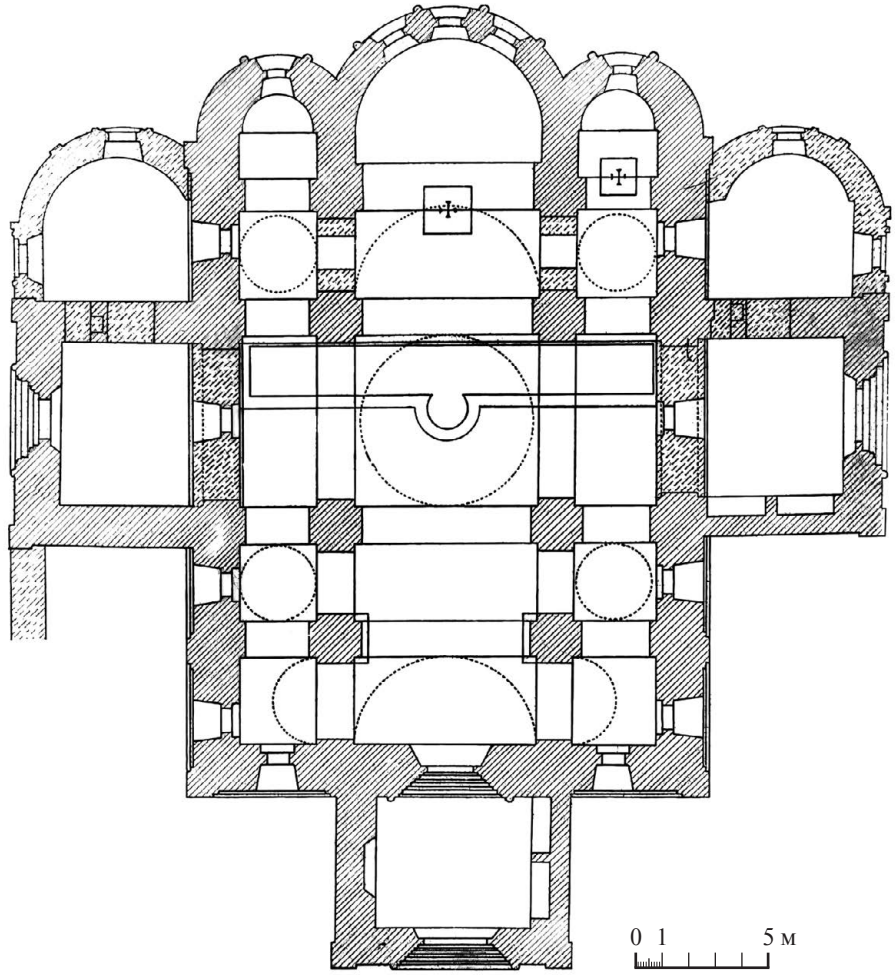

Рис. 126. План собора с пристройками по В. В. Суслову

престол Архангела Гавриила, престол трех святителей Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго, и оныя предельныя (на хорах) престолы упразднены преосвященным Иларионом митрополитом Суждальским и Юрьевским, когда те хоры ради пространства в соборной церкви упразднены: понеже в той соборной церкви была великая теснота и темнота, окна бо {самыя} имелись старинныя малыя, и множество гробниц было, от чего к собранию народа весьма было тесно {и с нуждою стоять едва возможно...}. Той же преосвященный Иларион митрополит, знатно {что} не сам собою, но с соизволения, Благочестивейшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича {самодержца Всероссийскаго}, той бо Благочестивейший самодержец сам Высочайшею своею царскою особою в помянутой Суждальской соборной церкви в 7190 году соблаговоли быти и тесноту и темноту усмотрити, те хоры разобра, и гробницы многия упраздни, и окна величайшия и краснейшия устрои, и содела ту церковь весьма прекрасну, и пресветлу и пространну, которая ныне паче многих первопрестольных архиерейских соборных церквей красотою и благолепием преизобиловати видится» (Федоров Анания, 2012, с. 76–77).

Спустя некоторое время после визита царя Федора Алексеевича в Суздаль и в Суздальский собор (что состоялось в 1682 г.) митрополит Иларион выломал древние хоры, убрав для этого арки между столбами и своды промежуточного уровня, а также растесал древние окна, очевидно, как в первом, так и во втором уровне света. Подобное расширение окон было частью работ по «осовремениванию» старых соборов, предпринятых митрополитами Новгородским (в Софии Новгородской) и Ростовским (в Успенском соборе Ростова), однако своды хор пришлось удалять лишь митрополиту Суздальскому: ему достался собор с древними хорами, оставшимися еще от XII в., тогда как митрополит Новгородский лишь удалил несколько столбов под обширными хорами своего древнего собора, а в Успенском соборе Ростова, выстроенном в начале XVI в., хор не было (Седов, 2001). Ко времени митрополита Илариона принадлежит и иконостас Рождественского собора (Гладкая, 2002).

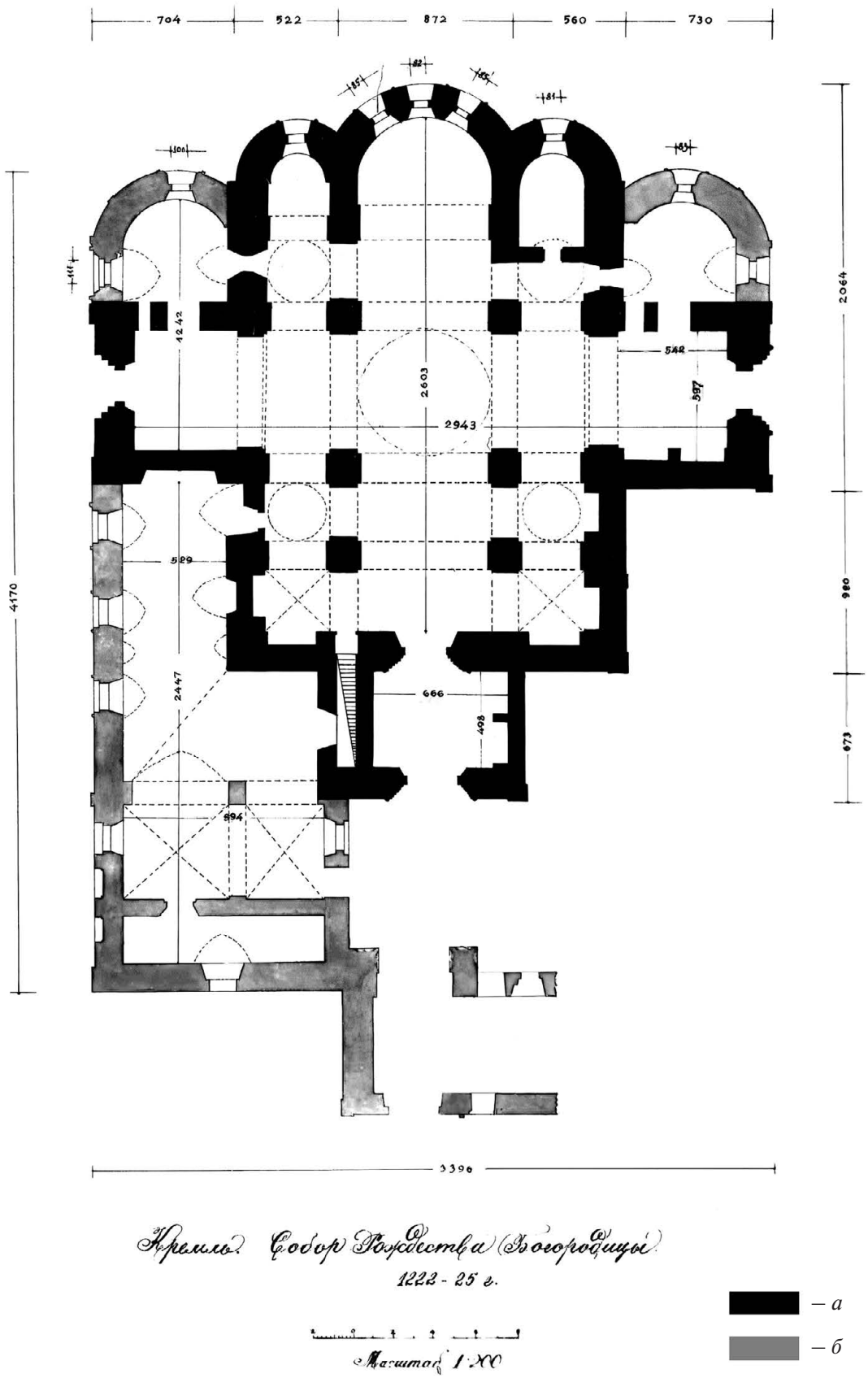

Рис. 127. План собора с пристройками по А. Д. Варганову:
а — стены и столбы собора XIII в., б — пристройки XVIII в.

Рис. 128. Вид собора с юго-запада. Фото автора

Рис. 129. Вид частей собора начала XIII в. с юго-запада. Фото автора

Рис. 130. Вид алтарной части собора с востока. Фото автора

Рис. 131. Продольный разрез собора с видом на юг. Чертеж 1940-х гг., обмер студентов МАРХИ

Рис. 132. Поперечный разрез собора с видом на запад. Чертеж студентов МАРХИ 1940-х гг.

Рис. 133. Западный фасад собора. Чертеж студентов МАРХИ 1940-х гг.

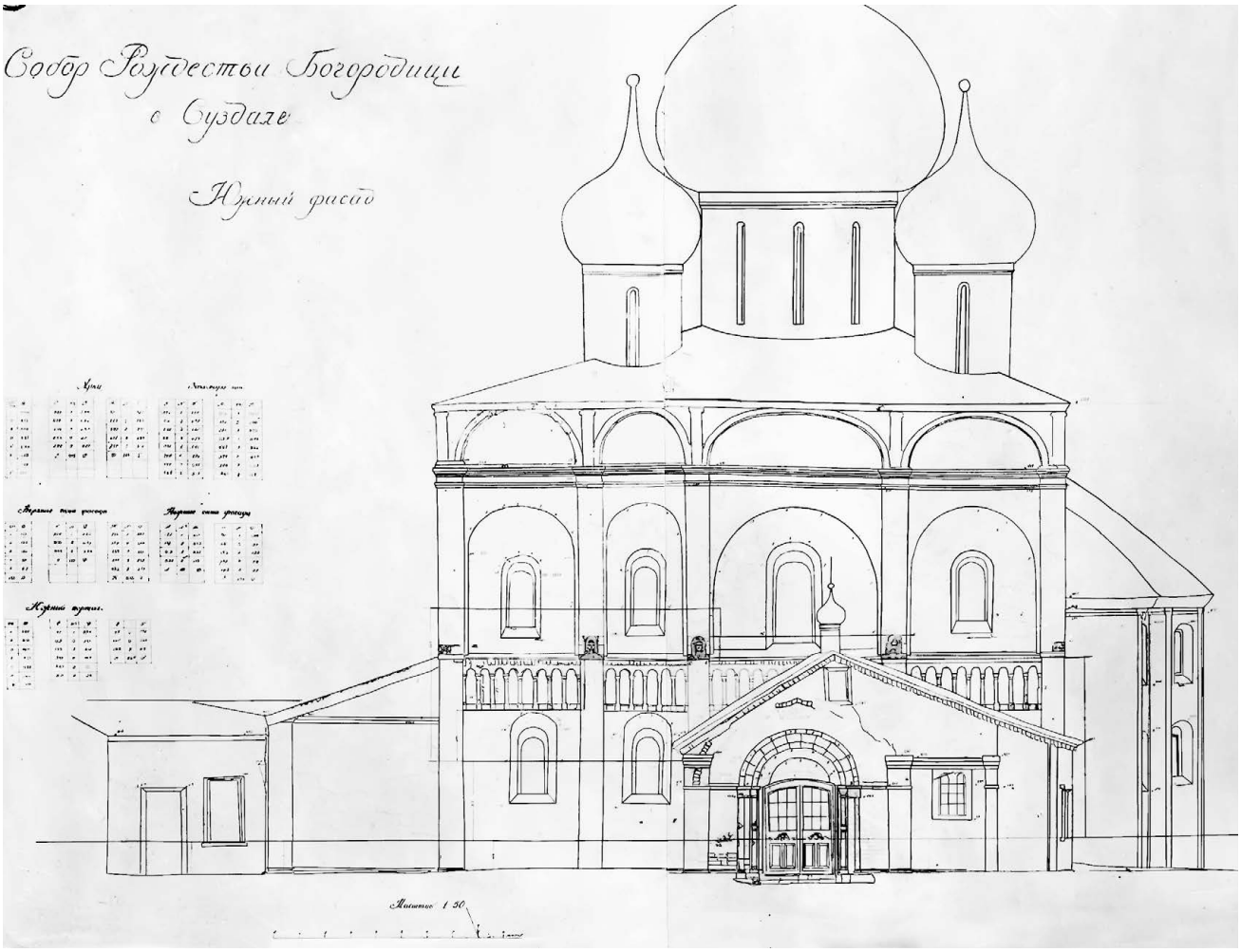

Рис. 134. Южный фасад собора. Чертеж студентов МАРХИ 1940-х гг.

11) Ремонт и достройка собора в 1748–1761 гг. при епископе Суздальском и Юрьевском Порфирии и митрополите Суздальском и Юрьевском Сильвестре

«По нем же от времени до времени, и от бывшаго во граде Суждале в 1719 году пожара, хотя и возобновляшеся, но в совершенство исправлением приити не возможе даже до содержащего Суждальскую епархию престолоправительством преосвященнаго Порфирия епископа Суждальскаго и Юрьевскаго. {Иже с самаго своего прибытия на епархию в Суждаль, в 1748 году, первее всего о святей соборней церкви и о украшении ея приложи тщание и старание; усмотре бо, что многая во всем уже во исправлении строением и попечением имеется не обходимая потреба, сквозе бо церковныя своды во многих местех от худой деревянной кровли в время погод дождевых бывала теча во святом олтаре и внутри церкви, потщася своим собственным иждивением, и подаянием различных христолюбцев устроити кровли церковную, олтарную, папертныя, и на колоколни, також и главы вместо деревянных железныя и среднюю главу позлати ныне 1761 года. На помяненной соборной церкви кроме болшой золоченой главы вызолочены, одна на теплой происхождения честных древ честнаго креста Господня церкви, другая на предельной церкви святителей и чудотворцев Иоанна и Феодора епископов Суждальских, которыя теплая и придельная церкви построены тщанием преосвященнаго Силвестра митрополита Суждальскаго и Юрьевскаго, предельная в 1756 году, теплая же в 1757 году, и того ныне на соборной церкви три главы золоченых, а протчия четыре також и кровли покры краскою...}» (Федоров Анания, 2012, с. 72–73).

Эти два придельных храма, вернее теплая церковь Происхождения Честных Древ, расположенная с севера, и придел Иоанна и Феодора Суздальских Чудотворцев, устроенная с юга, сохранялись до середины XX в., как и кровля, а также журавцы пяти луковичных глав над барабанами самого собора и, возможно, рельефные звезды на этих главах.

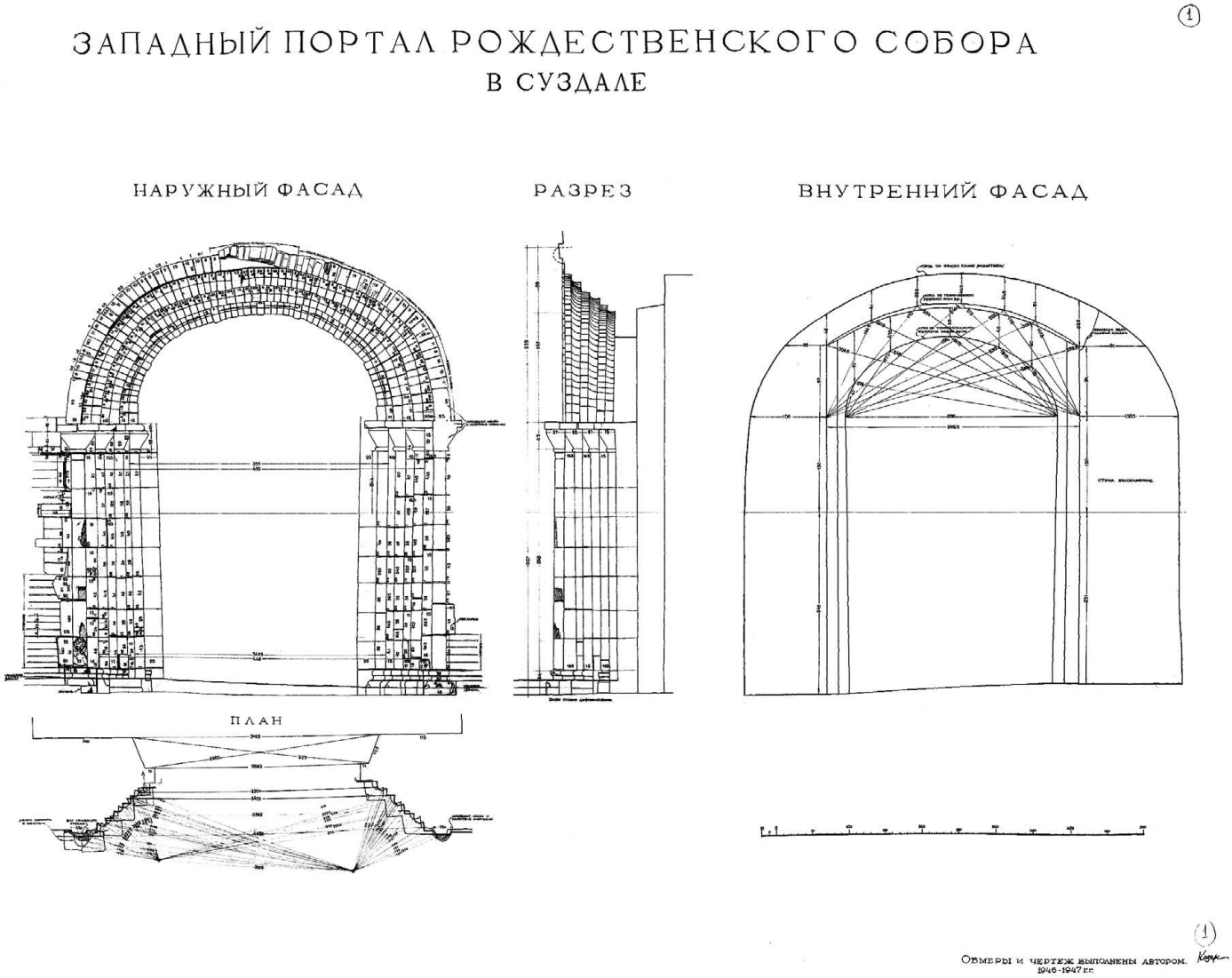

Рис. 135. Западный внешний портал собора. Чертеж В. И. Казариновой 1946–1947 гг.

12) Реставрация середины XX в.

В 1949–1954 гг. работники Владимирской реставрационной мастерской (под руководством А. Д. Варганова) раскрыли южный портал от цемента и масляной краски (Столетов, 1958, с. 111; Столетов, 2008, с. 60); тогда же, видимо, была снесена абсида южного придела, пристроенная в середине XVIII в. к южному притвору с востока. В этот же период была разобрана верхняя часть западного притвора. Несколько позже были уничтожены и пристройки с севера: галерея с северного и западного фасада, абсида у северного притвора.

В 1964 г. был составлен комплексный проект реставрации верхнего яруса собора. В результате в том же году было восстановлено покрытие по закомарам с сохранившимися у малых закомар килевидными завершениями (с выборкой промежутков между ними) и реконструкцией подобных завершений у больших закомар. Окна верхнего яруса были оставлены прежними (в редакции конца XVII в.), во время исследования были найдены остатки первоначального окна в восточной части южного фасада, где было обнаружено основание колонки с находящейся на нем резьбой. Кроме того, по сохранившимся следам на восточном фасаде были восстановлены сферические покрытия абсид, относящиеся к XVI в. (Владимиро-Суздальская школа реставрации, 2011, с. 104–108).

II. Обзор литературы по архитектуре собора

Несмотря на то, что собор Рождества Богородицы в Суздале не принадлежит к полностью сохранившимся памятникам Владимиро-Суздальской архитектуры, а его формы и стиль до сих пор видятся

исследователям не слишком ясно, значительность этого храма была понята учеными, что видно по тому значительному количеству публикаций, которые были ему посвящены. Мы постараемся по возможности подробно указать на наиболее важные научные работы, в которых отражаются архитектура и скульптура собора.

В самом конце XIX столетия В. В. Суслов опубликовал краткие очерки, посвященные архитектуре и живописи Суздальского собора; он указал на начало строительства храма в 1222 г., а также на последующие перестройки; о соборе времени князя Владимира Мономаха он не пишет. Упомянуты основные известные на тот момент рельефы и резные украшения, перечислены перестроенные части здания (Суслов, 1897; Суслов, 1898).

Граф А. А. Бобринский напечатал краткий очерк архитектуры Рождественского собора, где указал на его первоначальное строительство при князе Владимире Мономахе и на его вторичную постройку в 1222–1225 гг., а также роспись в 1230–1233 гг.; он также опубликовал две таблицы с фотографиями аркатурно-колончатого пояса, «личин» оснований колонок и капителей западного портала (Бобринский, 1916, с. 17, табл. 19, 20).

А. И. Некрасов в 1924 г. (Некрасов, 1924б, с. 29–30) отметил наличие в Суздальском соборе трех притворов, один из которых завершен килевидной аркой, а также подчеркнул необычный характер лопаток храма, которые до того во владимиро-суздальской архитектуре всегда были непрерывными, а здесь «перебиваются» киотами. В более общем труде этот ученый указал лишь на наличие в суздальском соборе начала XIII в. трех притворов, как в Георгиевском соборе Юрьева-Польского (Некрасов, 1924а, с. 71).

К. К. Романов, проведший работы по раскрытию пояса собора в 1927–1928 гг., считал, что храм был «шестистолпным», с тремя притворами, у каждого из которых был как внешний, так и внутренний портал, как у западного портала, тогда как внутренние порталы были уничтожены позднее. Исследователь полагал, что маски в киотах и угловые украшения со львами не расположены на своих местах, то есть спорил с А. И. Некрасовым. В южном притворе исследователь обнаружил древний портал с капителями, бусинами, базами с плетенкой и рельефными изображениями львов, львы были раскрыты и на импостах портала; открыты были колонки с растительными мотивами на фустах, а также части архивольтов с резьбой. В результате стало возможно говорить о «ближайшей связи Суздальского собора с Юрьев-Польским как в плановом, так и в орнаментальном отношении, о последовательном развитии во Владимиро-Суздальской земле орнаментальных мотивов и приемов и о том, что мотив бусины относится не только к «раннемосковскому периоду», но употреблялся уже во «владимиро-суздальский период» (Романов, 1931).

А. И. Некрасов еще раз обратился к архитектуре Суздальского собора: он опубликовал планреконструкцию собора 1220-х гг., повторил соображение о «пилястрах» со скульптурными украшениями и справедливо увидел здесь исчезновение приставленных полуколонн; важны наблюдения ученого над новым характером аркатурного пояса, поставленного на отливе стены, и основанные на исследованиях К. К. Романова мысли о «плоской, узорчатой и сухой резьбе по внешним стенам порталов» (Некрасов, 1936, с. 130–132).

А. Ф. Дубынин относил найденный им в южном притворе собора во время раскопок 1936–1940 гг. белокаменный саркофаг с полукруглым оглавием к XII в. и связывал его с летописным сообщением о погребении в 1174 г. в храме сына Юрия Долгорукого, князя Святослава (Дубынин, 1945, с. 97–98). Это, очевидно, ошибка, поскольку такие саркофаги характерны для XVI в. (Беляев, 2015; Беляев, 2018).

А. Д. Варганов сначала напечатал краткий экскурс по архитектуре собора, где дал реалистичную картину его истории: первый каменный храм начала XII в. (опубликован план с его найденными частями), второй храм начала XIII в., а также последующие перестройки XVI–XVIII вв. (Варганов, 1944, с. 4–5, 18–23). Годом позже А. Д. Варганов вновь опубликовал реконструкцию откопанных А. Ф. Дубыниным частей собора рубежа XI–XII вв., а также сформулировал идею о промежуточном соборе, «соборе Юрия Долгорукого» 1148 г., и о том, что собор 1222–1225 гг. строился «на старом фундаменте с частичным сохранением стен собора 1148 г.». Этот собор 1148 г. никогда не существовал, материальных свидетельств о нем нет, а все соображения о нем основаны на ошибочном предположении А. Д. Варганова.

Этот ученый также писал о том, что южный притвор не перевязан в верхних частях с южной стеной собора, которую автор считал относящейся к 1148 г. Кроме того, автор предположил, что порталы вделаны в притворы уже в начале XIII в., то есть что притворы «собора 1148 г. «были открытыми вовне, а потом были закрыты порталами, тогда как арки внутрь были растесаны». Это также неверно.

Зато этот же исследователь открыл два первоначальных аркосолия в западной стене собора XIII в., а также лестницу в северной стене западного притвора (Варганов, 1945).

А. Д. Варгановым были сделаны важные наблюдения над отдельными фрагментами белокаменного декора южной стены и южного притвора собора; особенно подчеркнем обнаружение поребрика на восточной стене южного притвора, а также находка базы колонки, обрамлявшей окно в восточном прясле южного фасада (Варганов, 1960).

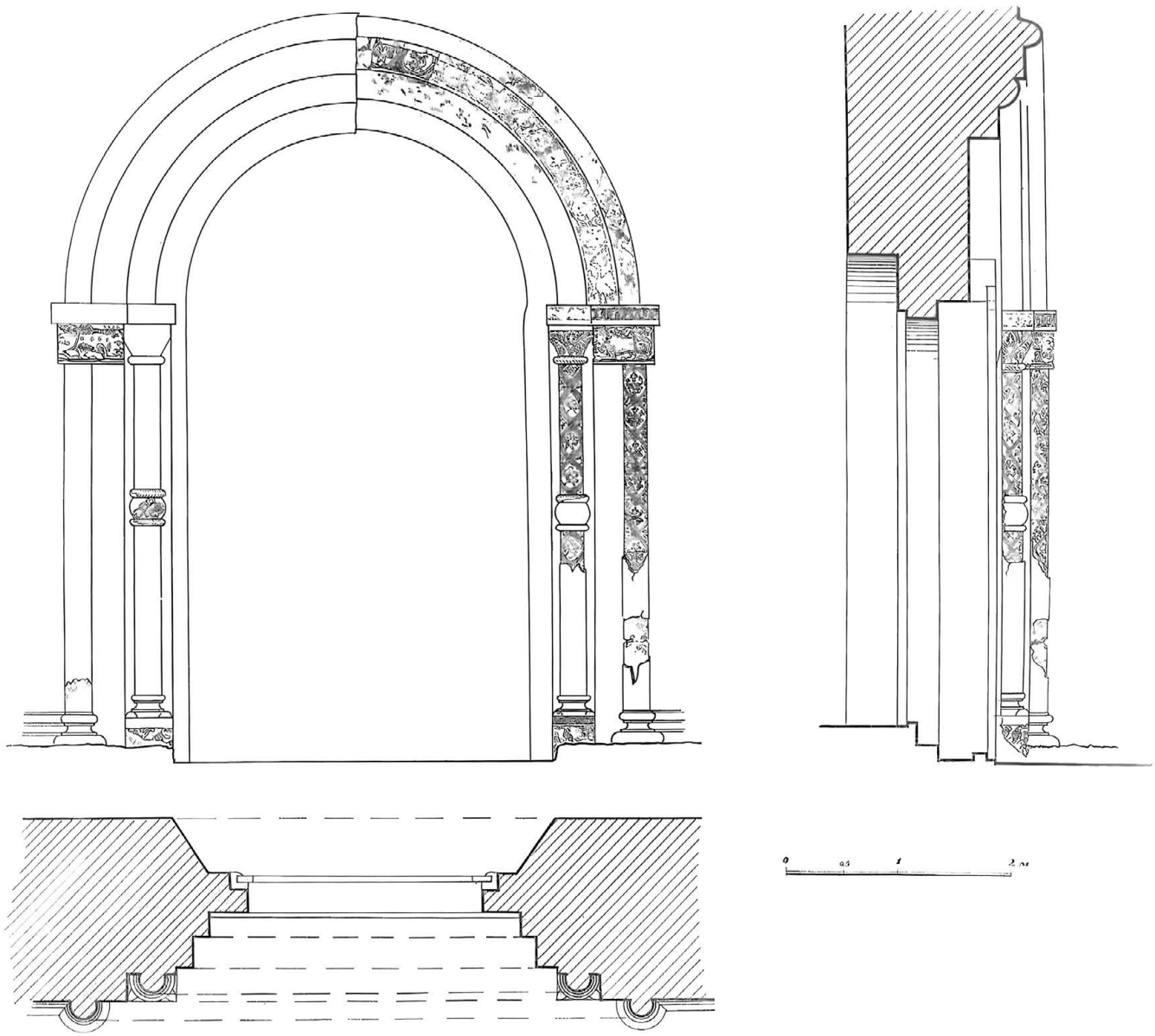

Рис. 136. Южный портал собора. Чертеж А. Д. Варганова 1940-х гг.

Очерки архитектуры и перестроек собора были дважды напечатаны А. Д. Варгановым, сначала совсем кратко и тезисно (Варганов, 1957, с. 48–50), а затем с расширением, особенно в части характеристики некрополя собора (Варганов, 1971, с. 109–118). Отметим также очерки, посвященные архитектуре собора, А. В. Столетова, который, помимо двух соборов начала XII и начала XIII в., писал и о «подновлении собора в 1148 г.» (Столетов, 1958, с. 106–111; Столетов, 2008, с. 55–60).

Важные соображения об архитектуре Рождественского собора были высказаны Н. Н. Ворониным в его большой монографии о зодчестве Северо-Восточной Руси. Сначала он разобрал письменные свидетельства о суздальском и ростовском соборах князя Владимира Мономаха и убедительно показал, что каменный собор на рубеже XI–XII вв. был построен только один, а именно в Суздале. Исследователь, опираясь на раскопки А. Ф. Дубынина предвоенного времени, указал на общий тип этого раннего храма, построенного из плинфы и камня на известково-цемяночном растворе: это был трехабсидный (обнаружена только южная абсида) храм, вероятно, четырехстолпный, у которого с запада находился нартекс, части южной и внутренней стен которого были обнаружены при раскопках. Н. Н. Воронин остановился на раскрытых в Суздале трех печах для обжига кирпича и одной печи для обжига извести, а также дал карту с расположением собора и этих объектов на схеме средневекового города (Воронин, 1961, с. 27–36).

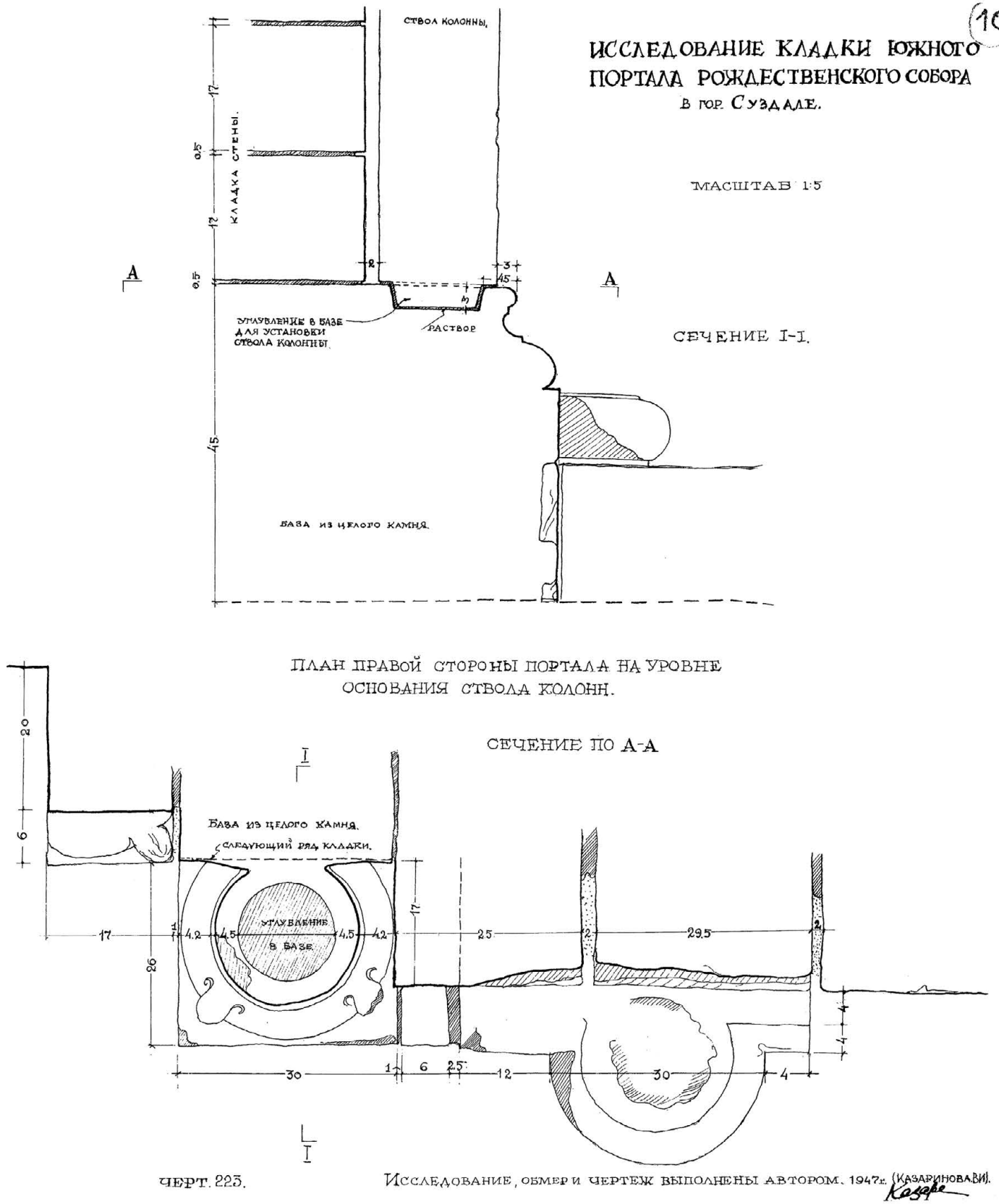

Рис. 137. Исследование кладки южного портала собора. Профилировка и план. Чертеж В. И. Казариновой 1947 г.

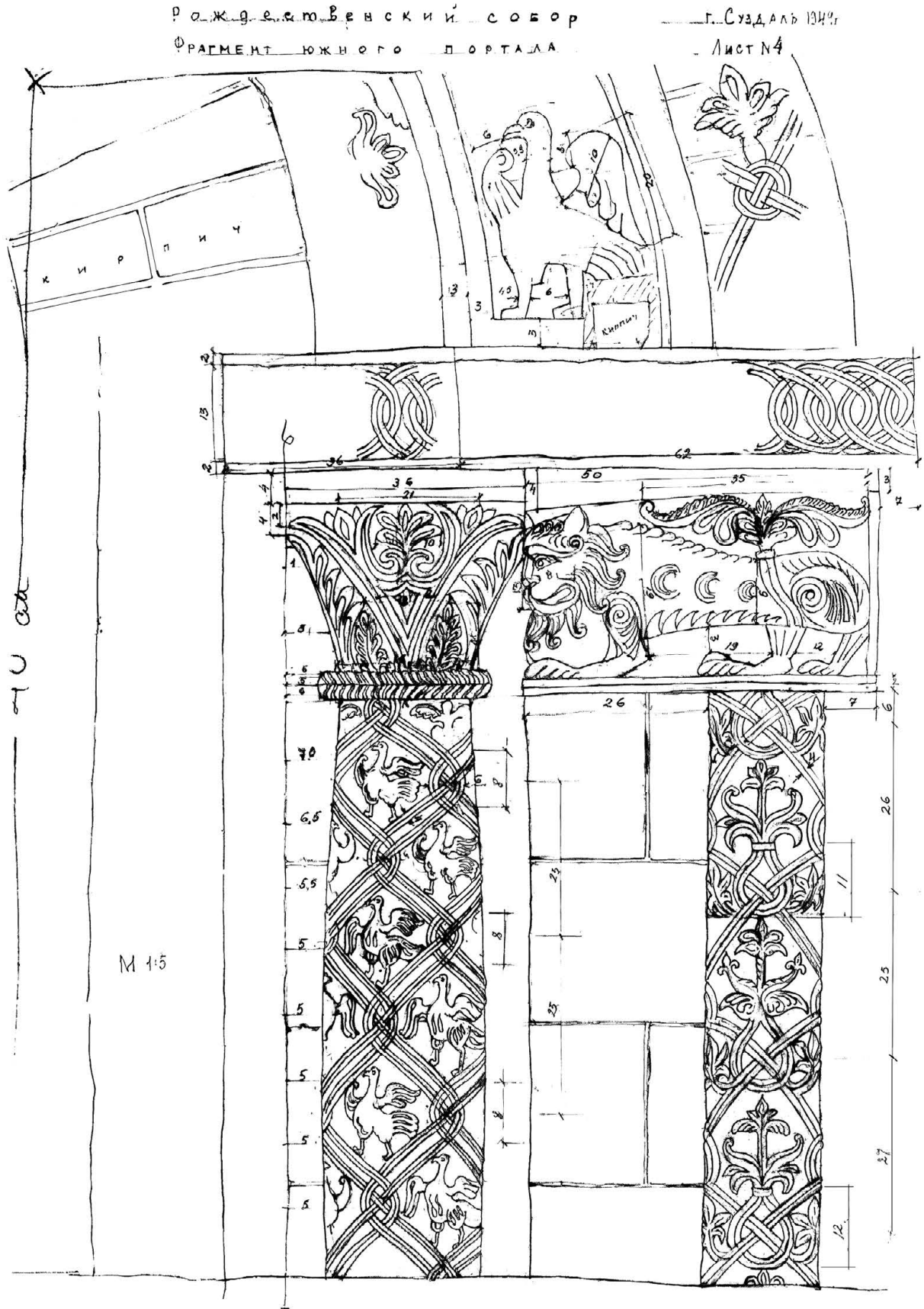

Рис. 138. Фрагмент фасада южного портала собора. Чертеж В. И. Казариновой 1949 г.

Второму Суздальскому собору, построенному в 1220-е гг., Н. Н. Воронин посвятил отдельную главу, в которой, помимо разбора письменных источников, он проанализировал общую структуру собора начала XIII в., подчеркнув его «шестистолпный» характер, притворы (которые он вывел из гипотетических притворов Успенского собора), а также функцию усыпальницы, с чем связаны были не только аркосолии в стенах, но и гробницы в западной части (до нас не дошедшие), а также (не совсем понятно, на каком основании) обширные хоры с запада, которые ученый связал с функцией мавзолея. Исследователь отметил удлиненность восточной части собора, подробно рассмотрел западный двухэтажный притвор, упомянул о вероятном трехглавии собора, указал на «врезанный» в стены аркатурно-колончатый пояс и на сосредоточение декора на южном и западном фасадах (северный фасад и его притвор значительно скромнее), а также на «напряженный» или сдавленный характер резного профиля цоколя собора и на то, что колонки абсид могли нести вверху аркатурно-колончатый пояс (Воронин, 1962, с. 19–42).

А. Ф. Дубынин опубликовал в 1972 г. результаты своих раскопок около и внутри собора в 1937–1938 гг. (Дубынин, 1972). В раскопах с юга от собора были открыты части южной стены здания рубежа XI–XII вв., а также юго-западного угла этого здания, в котором можно было безошибочно признать остатки собора, построенного во время князя Владимира Мономаха. На обращенной внутрь здания части южной стене храма обнаружился фрагмент фрески. Был также обнаружен фрагмент внутренней стены, отделявшей нартекс от наоса собора. Кроме того, в западной части храма в раскопе был найден фрагмент круглящейся стены абсиды. Часть южной стены была подрублена, а ее остатки накренились, такой же фрагмент был найден неподалеку от абсиды. Это значит, что собор сознательно разрушали. У северного притвора исследователь зафиксировал какие-то остатки более ранней постройки, которые он принял за притвор мифического «собора 1148 г».

В 1975 г. было опубликовано обширное монографическое исследование скульптурной декорации собора, проведенное Г. К. Вагнером (Вагнер, 1975). Что касается архитектуры, то, помимо сведений о раннем соборе, исследователь говорит и о соборе Юрия Долгорукого, сохранившемся в основании стен постройки начала XIII в., то есть повторяет версию А. Д. Варганова. Относительно собора 1222–1224 гг. Г. К. Вагнер отметил не совсем обычный характер его аркатурно-колончатого пояса, углубленного в толщу стены, коротковатость колонок этого пояса, а также угловые лопатки без наложенных на них полуколонок и трехглавое завершение собора, упоминаемое в надписи о перестройке собора в 1528–1530 гг. Трехглавие исследователь реконструирует с двумя малыми главами над восточными угловыми частями храма, а на средних лопатках второго яруса он помещает полукруглые колонки, опиравшиеся, по его мнению, на камни с ликами (Вагнер, 1975, с. 14–34). Большое внимание исследователь уделил каменной резьбе собора, а также его росписи и медным вратам с золотой наводной.

В еще одной, поздней, статье А. Д. Варганов предложил новую версию истории собора: предположил, что собор времени Владимира Мономаха был разрушен лишь частично с южной стороны, а с северной стена собора сохранилась (она сложена из плинфы, но на каком-то «другом» растворе, не том, на котором сложены стены начала XII в.) и лишь получила известково-туфовую облицовку (Варганов, 1977). Это наблюдение дало возможность автору предположить, что собор был около 1148 г. не столько отремонтирован, сколько заново выстроен по заказу князя Юрия Долгорукого. К этому же зданию были отнесены и лестница в толще северной стены здания, и «весь притвор со своим маленьким окошечком на север», и «полностью стены до аркатурного пояса», и даже вставленные камни с масками, которые, по показанию исследователя, сохраняют следы резьбы XII в. Во времена же князя Юрия Всеволодовича в 1222–1225 гг. старые туфовые стены середины XII в. разобрали наполовину, а затем надстроили их из белого камня, причем над старыми нижними частями сделали уступ, на который поставили аркатурно-колончатый пояс (очевидно, новый. – *В. С.*), в пилястры вставлены резные женские маски, в окна врубили колонки с базами и капителями, был вставлен в старую кладку новый южный портал, тогда как северный оставлен от прежнего строительства. Исследователь почему-то утверждает, что «пилястры XIII в. были с полуколонками, украшенными резным орнаментом».

Упомянутое в поздних источниках трехглавие собора ученый отнес к ремонту XV в., о котором мы ничего не знаем (он произошел, по мнению А. Д. Варганова, после разрушения храма в 1445 г.). Итак, исследователь видел в соборе шесть периодов строительства: постройку князем Владимиром Мономахом Успенского собора на рубеже XI–XII вв., собор князя Юрия Долгорукого 1148 г., ремонт собора в 1194 г., реконструкция и надстройка храма при князе Юрии Всеволодовиче в 1222–1225 гг. и его переименование в Богородице-Рождественский, разрушение в 1445 и последующее восстановление и надстройка в 1528–1530 гг.

Очень сложную трактовку форм южного портала собора предложил С. Г. Щербов: он предположил, что внешний обвод портала принадлежит открытому притвору, созданному во время ремонта храма 1194 г., а внутренние уступы того же портала относятся к южному входу в собор, располагавшемуся в южной стене, в глубине притвора. Во время перестройки собора 1222–1225 гг. внешний и внутренний портал были соединены на южном фасаде нового притвора.

Эта догадка была явно сделана по следам предположений А. Д. Варганова о присутствии в существующем здании частей, связываемых с ремонтом 1194 г. Основаниями для предположения о перенесении и его последующей «сборке» портала послужило также сопоставление форм портала собора Рождественского монастыря во Владимире и южного портала Суздальского собора, а также идея о несоответствии внешних и внутренних частей южного портала суздальского памятника (Щербов, 1985). В реальности портал южного притвора не был никуда перенесен (следов внутренней стены притвора нет, все конструкции здесь в сохранности), а был создан для этого притвора в начале XIII в.

В недавнее время сведения по архитектуре и истории собора собирал С. Н. Вахтанов (Вахтанов, 2000); им же были опубликованы статьи об истории, резных камнях и некрополе этого памятника (Вахтанов, 2014 а, б, в). Эти статьи вошли в состав коллективной монографии по искусству Рождественского собора (Собор Рождества Богородицы, 2014), в которой содержится много ценных сведений о резных камнях этого памятника, а также соображения и сведения о его некрополе и росписях. Появилась также статья по результатам реставрационных исследований (Анисимов, Бачурина, 2004). Ряд работ по архитектуре первого собора опубликовал П. Л. Зыков (Зыков, 2008; Зыков, 2010; Зыков, 2019). Автор этой статьи написал две работы, непосредственно посвященные деталям Суздальского собора начала XIII в. (Седов, 2012; Седов, 2020).

III. Композиция и стиль второго Суздальского собора

Композиция

Композицию Рождественского собора начала XIII в. в Суздале мы можем оценить лишь частично, поскольку сохранилась только нижняя половина здания. Внутри, возможно, сохранилось даже меньше половины высоты: с учетом того, что сохранность первоначальных столбов неясна, на уровне трети высоты через западные столбы проходили арки хор, выломанные в XVII в., а значит, столбы явно перекладывались выше этого уровня. На юго-западном подкупольном столбе нынешнего собора с восточной стороны на высоте около двух метров сохранился фрагмент фресковой живописи, так что мы можем быть уверены в том, что нижняя часть столбов все же подлинная, а значит, можно считать, что и крестообразное сечение столбов принадлежит началу XIII в.

Перед нами только нижняя половина собора, не сохранившего первоначальную высоту. Это древнерусская версия византийского храма типа «вписанный крест», в котором основные четыре опоры, несшие главный купол на барабане и расходящиеся от него своды ветвей креста, дополнены двумя опорами, отделявшими основное пространство, наос, от нартекса. Предположения о том, что хоры были не только над нартексом, но и над всей западной частью храма, вряд ли могут быть приняты: примеров такого распространения хор не только над нартексом и боковыми частями западной трети наоса, но и над нижней частью западной ветви креста, мы просто не знаем. Достаточно гипотетичны и соображения о характере трехглавия, хотя кажется более логичным расположение боковых глав не над восточными угловыми частями, а над угловыми частями хор (в западной трети наоса). Впрочем, и само наличие этих трех глав, упомянутых в закладной плите начала XVI в., да еще и в пересказе второй половины XVIII в., гипотетично.

Достоверно мы видим остатки одного из наиболее поздних четырехопорных храмов с нартексом (домонгольский вариант «шестистолпного храма»), в котором собственно храм дополнен традиционными тремя абсидами и тремя притворами, о которых речь следует вести отдельно. Возможно, это просто наиболее поздний вариант храма этого типа (ростовский Успенский собор времени князя Константина Всеволодовича заложен раньше, в 1213 г.). В этом случае мы видим своеобразное «прощание» с когда-то единственным, а потом, примерно с середины XII в., все более и более редким типом храма.

Крестообразные столбы членят внутреннее пространство, причем им очень точно отвечают пристенные лопатки в интерьере. У собора к востоку выдвинуто развитое восточное пространство, состоящее из трех долей, но «столичного типа» с развитой вимой здесь не возникает, перед нами скорее некое подражание этому типу, выразившееся в создании в средней части алтаря собора, уже «после» (восточнее) восточного рукава креста, удлиненного начала средней абсиды – с прямыми стенками. Это своеобразное воспроизведение вимы, дополнительного членения алтаря. Мы не знаем, было ли это членение как-то выделено наверху, например, перепадом свода перед конхой. Во всяком случае, перед нами некий шаг в сторону столичного, константинопольского типа алтарного пространства.

Постановка второго собора

Собор начала XIII в. был поставлен без учета предшествующей постройки рубежа XI–XII вв.: его ось развернули к северу, так что части южной алтарной абсиды старого здания оказались в земле к юго-востоку от новых алтарных полукружий, а южная стена была обнаружена к югу от существующей южной стены. Такое отношение к предыдущей постройке, которая мастерами начала XIII в. как будто забывается и с которой новое здание никак не соотносится (может быть, только само место храма так или иначе сохраняется), вообще не так часто, но у нас немного и примеров подобных последовательных, на одном месте расположенных построек.

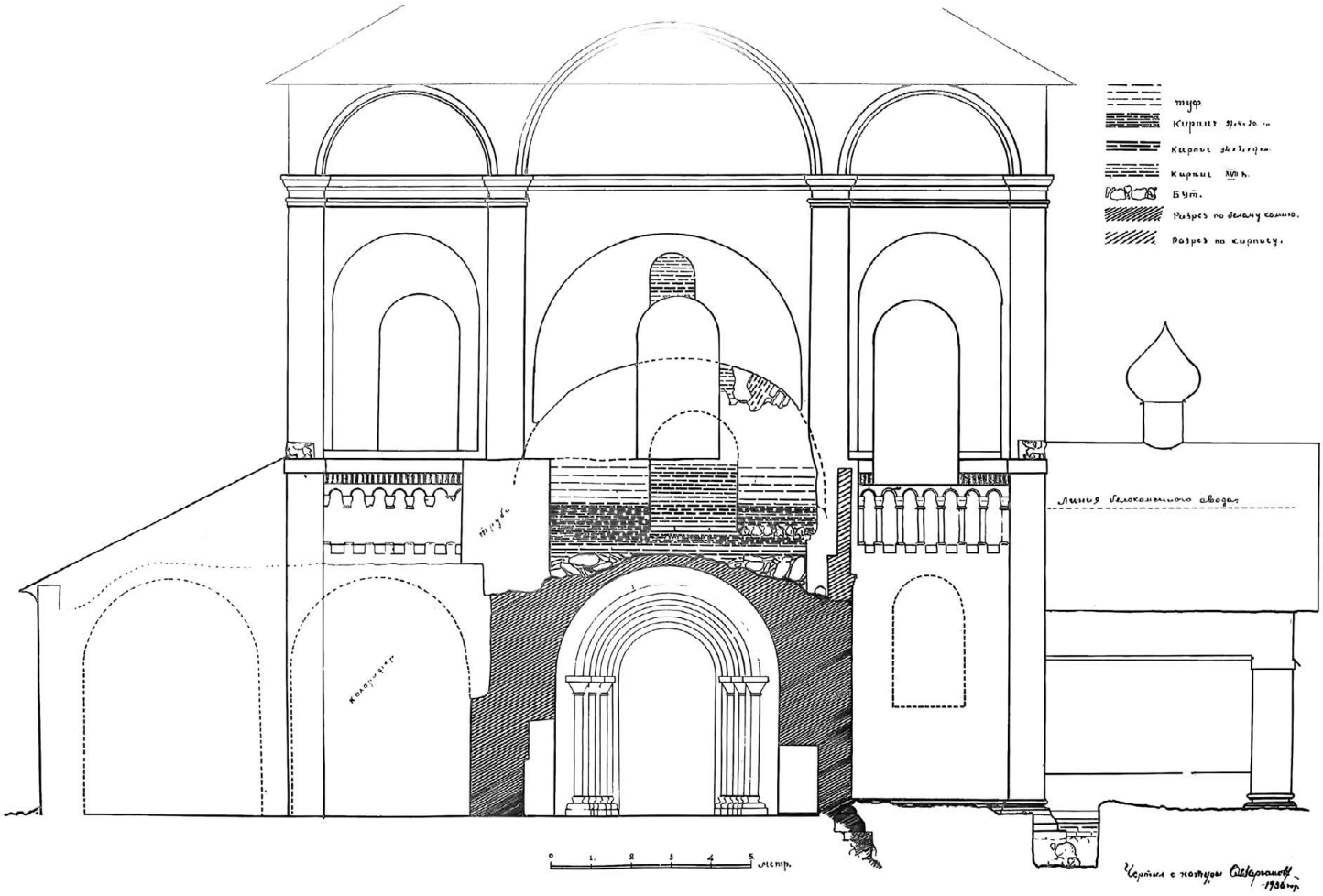

Рис. 139. Западный фасад собора с разрезом западного притвора. Чертеж А. Д. Варганова 1936 г.

Собор Рождества Богородицы в Суздале 1220-х гг. не является первой постройкой на месте храма-предшественника. В Новгороде в 1184 г. церковь Иоанна Предтечи на Опоках была построена заново на месте церкви 1127–1130 гг., сооруженной по заказу новгородского князя Всеволода (Гавриила) Мстиславича. Как выяснилось, храм 1184 г. был поставлен прямо на основания стен более ранней церкви, изменения произошли только в западной части (Раппопорт, 1982, с. 191–193).

Успенский собор в Ростове 1213–1231 гг., построенный по заказу князя Константина Всеволодовича, был поставлен прямо на основания стен предыдущего собора, сооруженного в 1161–1162 гг.; отличие состояло только в том, что собор начала XIII в. имел три притвора, впрочем, предположительно (зафиксирован археологически только западный притвор), тогда как у собора XII в. притворов не было (Иоаннисян, Зыков, Леонтьев, Торшин, 1994). То есть несколько раньше собора в Суздале в Северо-Восточной Руси поставили один собор на основаниях другого, то есть прибегли к тому же способу, что и в Новгороде в конце XII в.: одна постройка наследует другой и по азимуту, и по трассе стен (конечно, с определенными дополнениями), то есть с сохранением основных габаритов.

Но есть и пример, сходный по подходу с Рождественским собором: примерно так же «забыли» место и азимут предшествующей постройки при работах 1342–1343 гг. в церкви Благовещения на Городище под Новгородом, где новый храм был повернут алтарем севернее, тогда как старая церковь 1103 г. была засыпана и забыта (Седов, 2019в). В отношении постановки одного храма над другим без учета фундаментов Суздальский собор 1220-х гг. и церковь Благовещения на Городище 1340-х гг. кажутся связанными одним приемом: наследования трассы стен при перестройке не происходит, связь с предшествующей постройкой если и есть, то на уровне «припоминания», а в основном эта связь отсутствует, новый храм строится без оглядки на более раннюю постройку, палимпсеста не возникает, и носитель и «текст» новые.

Притворы и их характер

Предложенная Н. Н. Ворониным связь притворов Суздальского собора с вероятными притворами Успенского собора во Владимире кажется практически невозможной: притворов этих мы не знаем, само их существование гипотетично, а, кроме того, сам характер притворов Суздальского собора является новым, свойственным началу XIII в.

Притворов у Суздальского собора три: это постройки прямоугольной формы, кладка их перевязана со стенами собора, но это именно дополнения к основному объему. Западный притвор был двухэтажным, в его северной стене расположена лестница, начинавшаяся внутри нартекса собора, под хорами. На втором этаже была площадка, из которой через арочный проем в западной стене собора, возможно, частично сохранившийся в основании, можно было попасть в пространство хор.

В первом этаже притвор имеет более традиционный характер: это помещение с коробовым сводом, у которого есть и внутренний, и внешний порталы. Нижняя часть западного притвора, таким образом, является типичным притвором в духе южнорусской и новгородской архитектуры XI–XII вв.: воздушным тамбуром с двумя дверями, расположенными по основной оси притвора. В верхней части, куда вела лестница в северной стене, располагалось пространство, открытое в сторону хор в самом соборе аркой в его западной стене.

Само устройство двухэтажных притворов является очень редкой чертой. Мы знаем двухэтажные притворы еще в двух памятниках: таковы все три притвора в церкви Михаила Архангела (Свирской) в Смоленске, которую датируют временем около 1198 г., а также таковы были притворы в церкви Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде, хорошо датированной 1207 г. Отличие этих притворов от западного притвора Суздальского собора заключено только в том, что они и в нижней части открыты внутрь храмового пространства, тогда как первый этаж западного притвора в Суздале имеет замкнутый, изолированный характер.

Западный притвор Суздальского собора связан с общерусской тенденцией устройства таких притворов, в которых размещена лестница на хоры и которые в своей верхней части являются продолжением или расширением хор.

Боковые, северный и южный притворы нашего памятника устроены проще хотя бы потому, что они одноэтажные. Это открытые внутрь арками прямоугольные в плане пространства, которые как будто расширяют собой площадь наоса (основного пространства собора), порталы у них расположены только с внешней стороны.

Такой характер этих притворов кажется результатом сокращения двухъярусных боковых притворов указанных смоленских памятников: выглядит это так, как будто мастерами, проектировавшими храм в Суздале, второй этаж боковых притворов просто был мысленно убран, а остался только первый этаж, открытый внутрь храма.

Открытые внутрь притворы не столь уж часты в архитектуре византийского круга. Есть некоторое сходство древнерусских притворов этого типа с боковыми притворами Сербии конца XII – первой половины XIII в. (Korać V., 1967). А потому существует вероятность скорее не сербского влияния на древнерусское зодчество, а влияния из византийского центра сразу в две стороны: на Сербию и на Русь. Впрочем, источники такого вероятного влияния пока не выявлены.

В дальнейшем ряду памятников Владимиро-Суздальской архитектуры мы видим два трехпритворных храма в четырехстолпном варианте: в церкви Михаила Архангела в Нижнем Новгороде, построенной тем же заказчиком, князем Георгием Всеволодовичем, и в Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, сооруженном братом Георгия, князем Святославом Всеволодовичем. Если в Нижнем Новгороде мы не знаем высоты притворов (храм сохранился на уровне плана), то в Юрьеве-Польском боковые притворы примерно такие же, как в Суздале, а вот западный притвор, сейчас тоже одноэтажный, выше боковых и мог быть в первоначальном соборе, до перестройки середины XV в., двухэтажным (правда, здесь нет внутристенной лестницы, и вопрос о попадании на второй ярус является дискуссионным). Внутрь, в наос, западный притвор Юрьева-Польского открыт широким и высоким арочным проемом.

Суздальский собор со своими притворами явно стоит в начале этой эволюции. Он представляет собой приспособление древнерусских открытых внутрь боковых притворов и западного двухъярусного притвора с аркой на хоры вверху к типу четырехстолпного храма с нартексом, внутри которого Рождественский собор остается почти единственным памятником с притворами (притворы были и у Успенского собора в Ростове 1213–1231 гг.), однако их характер до конца неясен (Иоаннисян, Зыков, Торшин, Леонтьев, 1994). Для понимания места собора внутри традиции Владимиро-Суздальской архитектуры следует отметить экспериментальный характер притворов и их вероятное заимствование и приход из иных архитектурных школ Древней Руси.

Собор как усыпальница

Значительной особенностью Суздальского собора является то, что в нем уже при строительстве были заложены аркосолии, глубокие арочные ниши, предназначенные для размещения саркофагов. Аркосолии собора размещены в соответствии с системой: два аркосолия находятся на западной стене по сторонам портала, по два аркосолия рас-

положено на северной и южной стенах в западной части собора, а еще по четыре аркосолия (по два напротив друг друга на западной и восточной стенах) устроены в северном и южном притворах. Всего, таким образом, в Суздальском соборе было четырнадцать аркосолиев. Эта черта собора позволяет говорить о том, что он планировался как усыпальница князей и, может быть, епископов. До этого мы знаем лишь два аркосолия в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, устроенные друг напротив друга в северной и южной стенах западной трети этого храма (Седов, 2019б). В Суздале же развивается определенная программа, смысл которой угадывается лишь частично, поскольку в нишах аркосолиев сейчас расположены поздние погребения (хотя в некоторых стоят древние, домонгольские саркофаги, еще пока не исследованные). Подобные храмы с многочисленными аркосолиями известны в древнерусской архитектуре (Седов, 2003), но такой последовательности и симметричности устройства погребальных ниш мы нигде не видим.

Членения стен

Низ всех фасадов, как собственно собора, так и притворов, отмечен профилированным цоколем сложного сечения. Этот профилированный цоколь раскрепован на лопатках, то есть огибает их в соответствии с их рельефом.

На фасадах довольно узкие лопатки прямоугольного горизонтального сечения членят фасады на три (западный) и четыре прясла, похожие лопатки отмечают края фасадов притворов. На углах, как западных у самого собора, так и у притворов, лопатки эти превращаются в огибающие, то есть они возникают на боковых фасадах и сходятся под прямым углом. На восточном фасаде лопатки тоже огибающие, но так как расстояние до абсид на востоке очень небольшое, лопатки делаются несимметричными.

На абсидах вверх уходят тонкие полуколонки, на боковых полукружиях по две таких полуколонки, сдвинутых к восточному окончанию скругления (то есть фланкировавших окно), а на средней абсиде четыре полуколонки ритмично расположены на круглящейся стене. Заметим, что столько же колонок находим на абсидах Успенского собора во Владимире. Однако в нем, как и во всех известных нам памятниках владимиро-суздальской архитектуры, есть рамка или филенка, образованная двумя фланкирующими каждую абсиду лопатками, которых в Суздале уже нет, что не только свидетельствует об определенном упрощении, но прямо знаменует начавшиеся упрощения по всему фасаду. В дальнейшем в соборе Юрьева-Польского мы тоже не увидим филенок и образующих их лопаток на абсидах.

В Суздальском соборе нет полуколонок, наложенных на лопатки, как нет и диагонально расположенных колонок на углах здания. Здесь мастера как будто вернулись к истокам, ко временам храмов Кидекши и Переславля-Залесского, где тоже были угловые обходящие лопатки и простые лопатки на средних пряслах фасадов. Однако это упрощение связано с равнением Суздальского собора на Владимирский Успенский собор.

Собор как подражание Успенскому собору во Владимире

Для нашей темы важна не дата Успенского собора во Владимире и его частей (в настоящее время сердцевину храма, одноглавый четырехстолпный храм с нартексом, относят к середине XII в. (1158–1160), а обстройки с дополнительными четырьмя главами – к концу XII в.). В любом случае к моменту сооружения Рождественского собора в Суздале композиция владимирского Успенского собора уже полностью сложилась. Именно из этого величественного храма мастера, строившие суздальский собор, позаимствовали тип и общий абрис храма, расчлененного прямоугольными в сечении лопатками, а также углубленный, утопленный в стену аркатурно-колончатый пояс (такие пояса встречались и раньше, например, в башне Боголюбова) и количество колонок на абсидах. Однако часть деталей оказалась упрощена. Например, не стали делать полуколонок, наложенных на лопатки, нет «филенчатого» решения абсид. Сама кладка Суздальского собора, включающая участки, сложенные не из белого камня, а из не очень ровных кусков туфа, говорит об определенной вольности отношения к чистоте форм. В результате получился памятник, в котором равнение на Успенский собор создало сильный и монументальный образ, который в соответствии с духом времени дополнили тремя притворами.

Новые романские формы: сечение цоколя и окна

В Суздальском соборе есть по крайней мере две формы, которые пришли с романского Запада и которых до того не было в арсенале форм владимиро-суздальской архитектуры. Это профилированный цоколь собора, а также окна его первого яруса с фланкирующими колонками.

Цоколь собора с подмеченной еще Н. Н. Ворониным чертой – сильным выгибом частей, как будто произошедшим из-за давления вышележащей стены, очень отличается от спокойных и монументальным аттических профилей Боголюбова и церкви Покрова на Нерли. Перед нами уже не столько романский, сколько романо-готический, переходного стиля профиль, который не «получился» в результате эволюции, а был привнесен извне, из какой-то области романского мира, где уже осуществлялся переход от чисто романского искусства к раннеготическому.

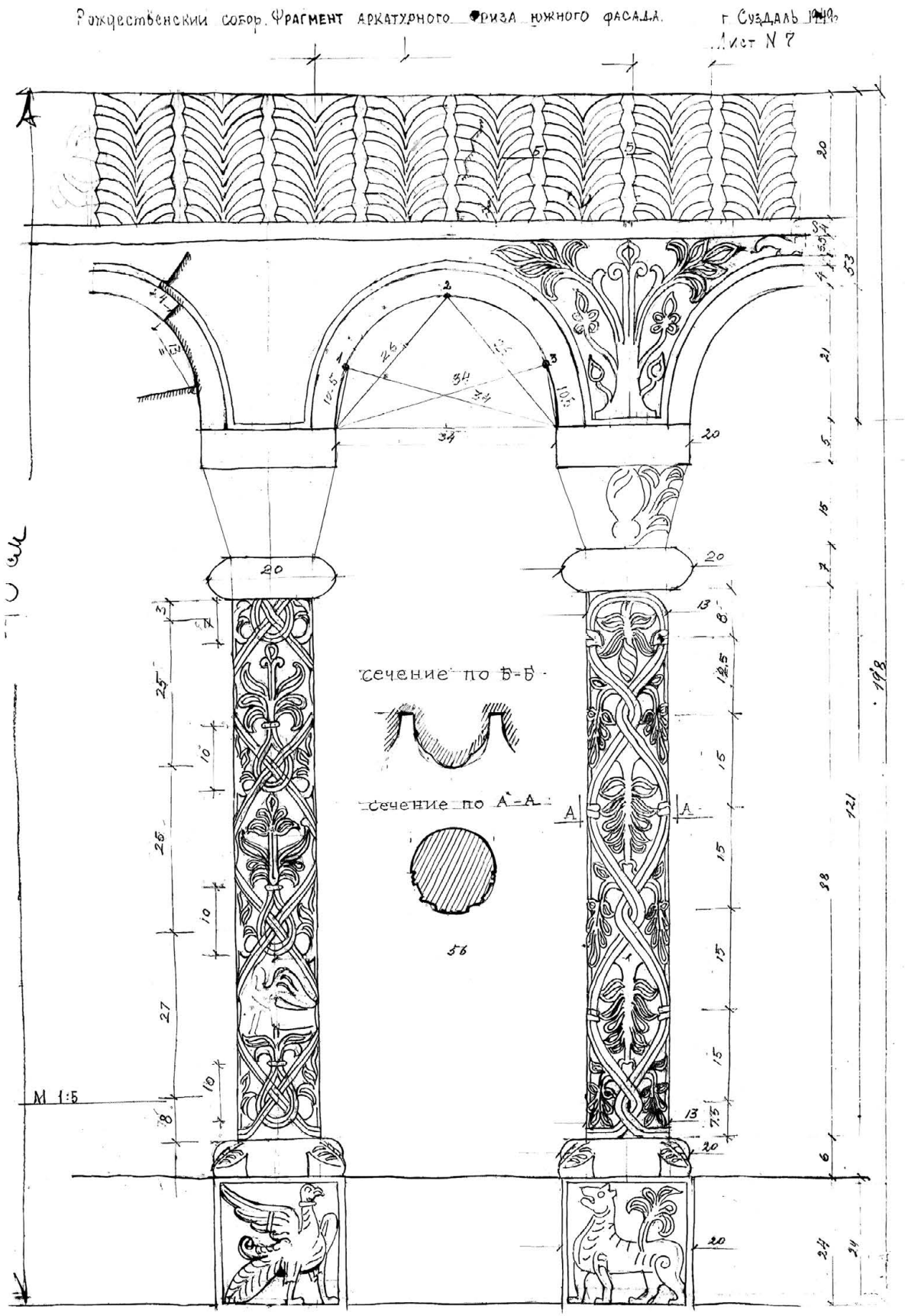

Рис. 140. Аркатурно-колончатый пояс южного фасада. Фрагмент. Чертеж В. И. Казариновой 1949 г.

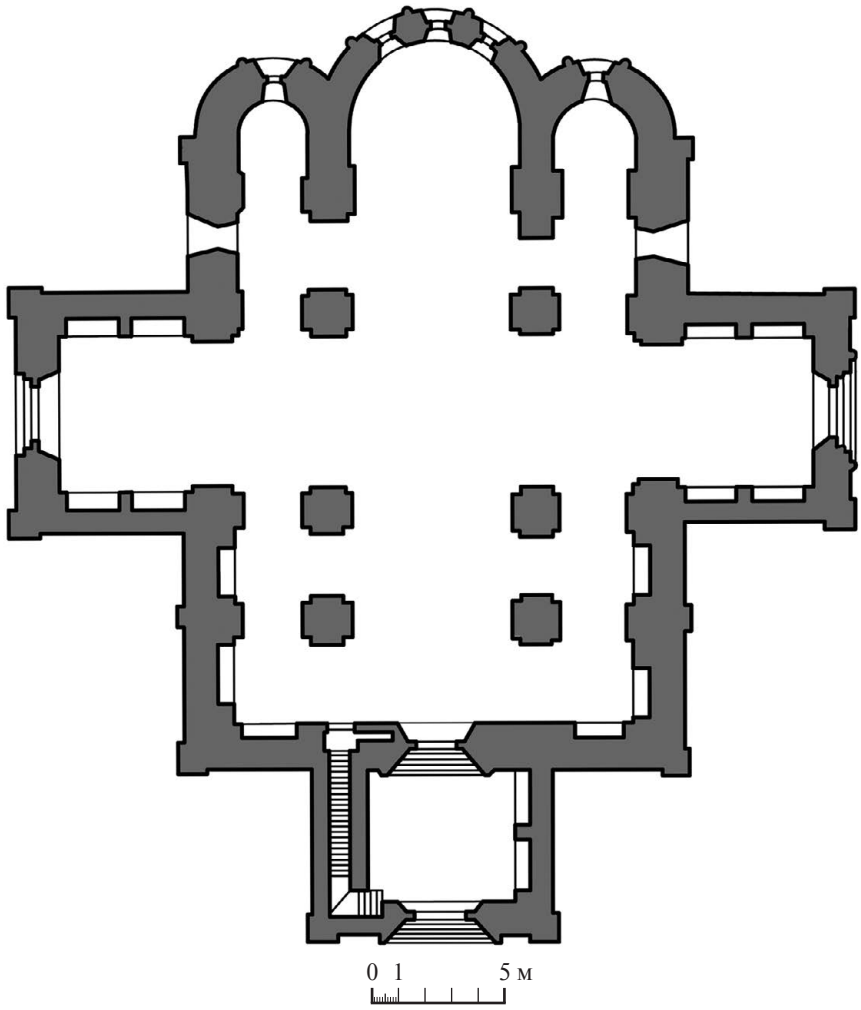

Рис. 141. План собора на начало XIII в. Реконструкция автора, чертеж Ю. С. Фомичевой

Окна собора, известные по зарисовкам и основаниям кладки, принадлежат к западной, романской традиции, в которой довольно часто окно с внешним раструбом имеет по сторонам ограничивающие колонки, углубленные относительно плоскости стены и являющиеся частью окна (а не наличником). Такие окна есть и в романской архитектуре Северной Италии, и во Франции, и в Испании. Больше такие окна никогда во Владимиро-Суздальской архитектуре не встречаются, они, как и цоколь, возникают на Суздальщине во время строительства собора начала XIII в. и исчезают после его возведения (хотя, возможно, что они были в каком-нибудь несохранившемся или лишь частично сохранившемся памятнике того же времени).

Вопрос о волнах западных мастеров

Мы отчетливо понимаем, что отдельные группы владимиро-суздальских мастеров романского стиля, как архитекторов, так и каменщиков, прибывали в Суздальскую землю в разное время. Архитекторы времени князя Юрия Долгорукого, середины XII в., составляли особую группу, которую сменили или вобрали в себя мастера князя Андрея Боголюбского, часть которых прибыла в Суздальскую Русь из итальянской Модены (или шире, из области Эмилия), а часть – из области Ломбардия. Мы можем поставить вопрос о «сборных» артелях, в которых присутствовали мастера из разных областей и, соответственно, принадлежавшие к разнящимся архитектурным школам внутри романского стиля. Мастера конца XII в., времени князя Всеволода Большое Гнездо, могли быть связаны с какой-то другой волной, но были также во многом ограничены сложившейся в середине XII в. образностью местной архитектуры.

По отношению к этим мастерам конца XII в., построившим Димитриевский собор во Владимире, мастера Суздальского собора – другие. Это уже представители следующей, четвертой, волны, которые умеют делать такие сложные и напряженные профили в основании храма и такие сложные окна с фланкирующими колонками, то есть обладают несколько большим арсеналом форм по сравнению

с мастерами Димитриевского собора. Это может означать, что у заказчиков Владимиро-Суздальской Руси был какой-то канал связи с Европой или, точнее, Северной Италией (нужно сказать, что в какие-то периоды это могла быть и не Италия, но точные «адреса» мастеров еще предстоит установить).

Заметим также, что в Ростовском Успенском соборе 1213–1231 гг. в аркатурно-колончатом поясе появляются необычные трехлопастные арочки и короткие колонки (Седов, 2019а). Есть некоторая вероятность того, что и после Суздальского собора в Ростов и Юрьев-Польский прибывали какие-то позднероманские мастера. Это еще следует подтвердить анализом форм. В любом случае мы видим в Суздальском соборе какую-то группу позднероманских мастеров из Западной Европы, прибывшую в Суздальскую землю и привнесших в ее архитектуру новые формы и черты.

В целом Владимиро-Суздальскую архитектуру XII–XIII вв. формируют древнерусские типы храмов (собственно только два, четырехстолпный с нартексом и просто четырехстолпный), а также романская архитектурная декорация, иногда как будто только наложенная на древнерусский храм, а иногда сплавленная с ним, интегрированная в него.

Новая форма арки

Сами арки аркатурно-колончатого пояса Суздальского собора имеют полуциркульный романский абрис. Окна собора (судя по старым рисункам) тоже завершены полуциркульными арками; тот же абрис имеют и порталы, два западных (внешний и внутренний) и два боковых внешних, северный и южный. Так что романская полуциркульная арка в сохранившихся частях собора просто господствует.

Но южный притвор завершен килевидной аркой в целом полуциркульного очертания, но с подчеркнутым килевидным выступом сверху. Эта килевидная арка появляется здесь впервые, до этого ее нет ни в древнерусской, ни во владимиро-суздальской архитектуре. В дальнейшем она будет использована в завершении собора в Юрьеве-Польском, а также в арочках аркатурно-колончатого пояса этого храма. В XIV–XV вв. эта же форма появится в памятниках раннемосковской архитектуры.

Мы предполагаем, что сама килевидная арка Суздальского собора и последующих памятников не является романской формой, а связана с византийским кругом форм (Седов, 2011), однако здесь необходимы дополнительные штудии. Появление этой новой формы в Суздальском соборе ярко обозначает другую линию, другой круг форм, связанных с древнерусской и, шире, византийской архитектурой.

Собор как сплав романских и древнерусских (византийских) форм

Собор Рождества Богородицы в Суздале 1222–1224 гг. был необычной постройкой, в которой сочетались три направления, три линии архитектуры: здесь была линия местной традиции, основанной на североитальянском, эмилиано-ломбардском «стиле» или манере, выработанной в середине XII в. в памятниках времени князя Андрея Боголюбского и ставшей своеобразным эталоном локального стиля, линия романской архитектуры, линия позднероманской или переходной архитектуры, отличающаяся от эталонного стиля (окна с колонками и профиль цоколя), а также линия древнерусского зодчества и, шире, архитектуры византийского мира, которая определяла сам тип здания, распределение его пространств и масс, а также наличие новой формы – трех притворов, пришедших из архитектуры византийского круга; к этой же линии принадлежит и килевидная арка, появляющаяся в соборе впервые.

Если романская традиция, ставшая местной иконографической схемой, определила наличие цоколя, аркатурно-колончатого пояса (заглубленного, с оглядкой на владимирский Успенский собор) формы перспективных порталов и полуколонок на абсидах, то она же оказалась несколько сокращенной и упрощенной за счет отсутствия филенок на абсидах. Вторая, позднероманская, линия усложнила облик собора тем, что внесла в него новые, необычные и драгоценные черты. А вот древнерусская линия дает не только новые формы, такие как многочисленные аркосолии в стенах храма, переходящие на внутренние стены притворов, сами притворы и килевидное завершение по крайней мере одного из них, но и особый акцент, отразившийся прежде всего в резьбе порталов и аркатурно-колончатого пояса, которая отличается уже почти ковровым характером: резные плоскости как будто захватывают все новые и новые поверхности, распространяя по фустам колонок и их основаниям (даже в окнах), резные звери на каменных блоках заменяют собой капители, резная стихия как будто подменяет собой строгость и тектоничность романской архитектурной декорации. Это только начало движения, которое усилится и станет всеобъемлющим в соборе Юрьева-Польского.

Архитектуру и резьбу Суздальского собора можно рассматривать как сплав романской декорации и древнерусской архитектуры, а также тех нарастающих декоративных тенденций, что приходили из разных областей византийского мира. В целом этот памятник начала XIII в. имеет синтетический характер, который можно объяснить не столько присутствием здесь черт уже устоявшейся во Владимиро-Суздальской Руси романики, но и привнесением пришедших вместе с новыми мастерами новых, уже позднероманских, черт, а также тех черт византийского и древнерусского мира, которые, смыкаясь и взаимодействуя, образуют мир древнерусской архитектуры и монументальной резьбы после падения Константинополя в 1204 г. и на протяжении всей первой трети XIII в.

СЕЛЬСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Село Кибол.
Раскопки селища Кибол 5 на трассе автодороги.
2013 г.

Н. А. Макаров, А. Н. Федорина

«БОЛЬШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ» И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА X–XI вв.[1]

Сеть расселения X–XV вв., зафиксированная в Суздальском Ополье «в высоком разрешении», скрывает за собой поселения различного социального облика и статуса, общество со сложной социальной организацией. Однако общая совокупность древнерусских неукрепленных поселений с трудом поддается разделению по формальным археологическим критериям: в этих материалах не просматриваются признаки, строго соответствующие различным иерархическим уровням и историческим типам поселений. Реконструкция иерархических структур расселения и социально-экономической дифференциации поселенческих памятников в особенности осложнена для периода X–XI вв., времени почти безраздельного господства неукрепленных поселений. Использование термина «селище» для определения формальной типологической принадлежности поселений как бы само подразумевает их аграрный характер, принадлежность к сельскому миру, однотипность. Внешний облик памятников, особенности их ландшафтной приуроченности и пространственного положения, выявленные раскопками или геофизической съемкой сооружения, не дают ключей для историко-социологической интерпретации селищ или выделения среди них отдельных групп, различающихся по своему статусу, функциям и экономическому базису. Более информативны в этом контексте данные о размерах поселений, характере культурного слоя и составе вещевых коллекций, собранных на селищах.

С накоплением новых данных о селищах X–XI вв. в Суздальском Ополье среди них выделяется особая группа – «большие поселения». Характерные особенности этих памятников: крупные размеры (площадь более 4 га, в большинстве случаев – 7–15 га); высокая насыщенность культурного слоя вещевыми находками и разнообразными бытовыми остатками, свидетельствующая об интенсивности жизни; присутствие на площадках поселений остатков производств и предметов, связанных с дальней торговлей; многокомпонентный характер культуры, включающей, как правило, элементы, связанные с различными этническими традициями; присутствие в составе вещевых коллекций «престижных вещей», указывающих на особые социальные претензии части населения. Эти особенности не соответствуют традиционным представлениям о хозяйстве и культуре средневекового сельского общества и сближают «большие поселения» с открытыми торгово-ремесленными поселениями и раннегородскими центрами. В то же время очевидно, что «большие поселения» образуют достаточно многочисленную группу памятников, отражающую один из магистральных путей организации расселения и хозяйства в IX–X вв. на территории Северо-Восточной Руси.

«Большое поселение» – археологический термин, не имеющий заранее заданного историко-социологического содержания. Его «нейтральность» позволяет рассматривать этот тип поселений как археологический феномен, воздерживаясь от прямолинейных историко-социологических интерпретаций до более глубокого изучения памятников. Введение этого термина в оборот кажется уместным, учитывая бедность дошедшей до нас древнерусской терминологии, относящейся к поселенческим структурам X–XIII вв., широкое значение терминов «весь», «село» и «погост», использовавшихся для обозначения поселений в источниках домонгольского времени, и недостаточную разработанность проблемы иерархии древнерусских сельских поселений, выявляемых археологией (Макаров, Захаров, 2009б, с. 116–120). Предлагаемый подход ориентирует на выявление социальной природы «больших поселений», основываясь на особенностях самих материальных памятников, вещевых комплексов и общего археологического контекста.

[1] Предварительные публикации: Макаров Н. А., Федорина А. Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. М.: Языки славянской культуры, 2015. Вып. 238. С. 115–131; Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополье: проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара / отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 8. С. 7–25.

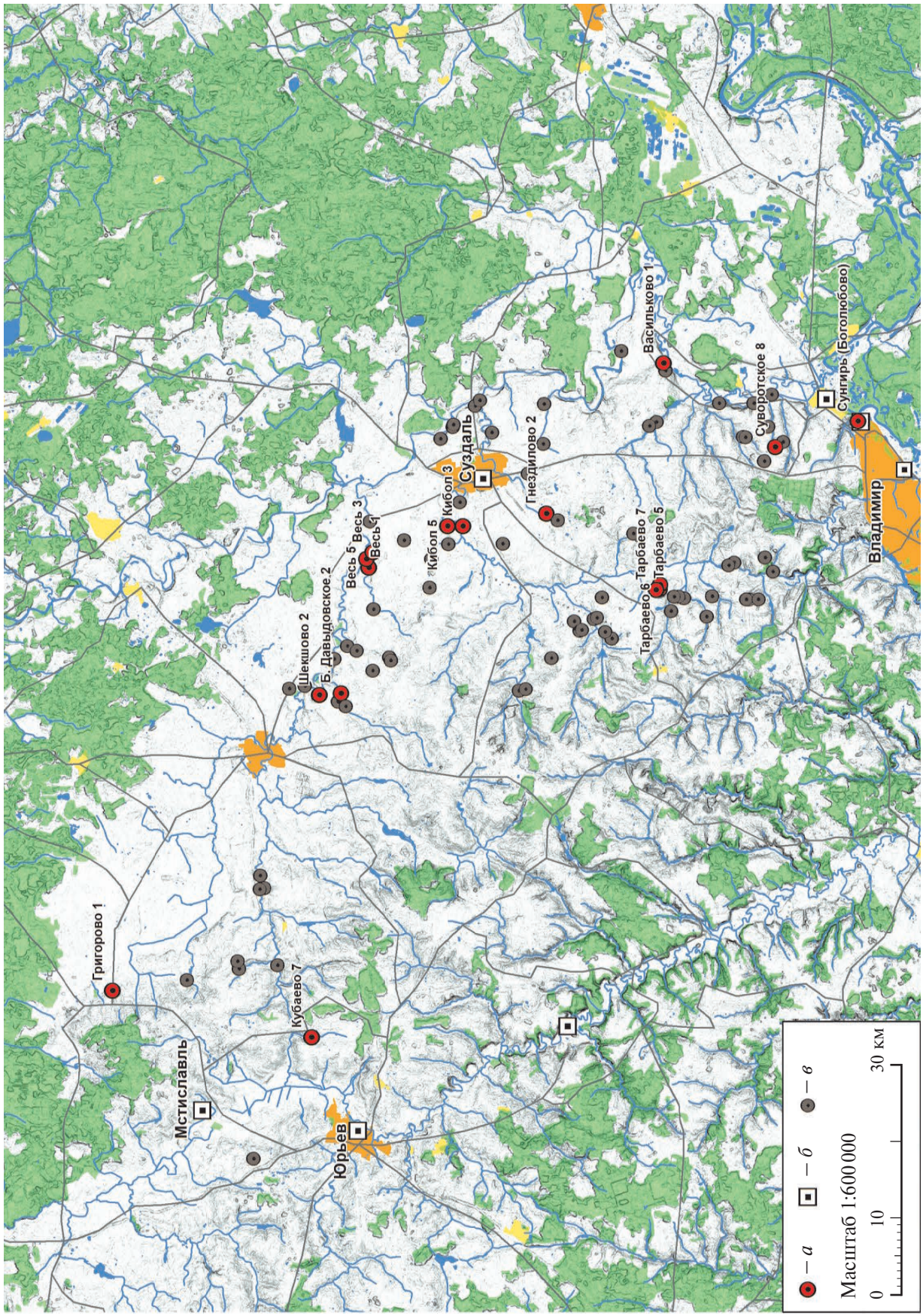

Рис. 142. «Большие поселения» в общей сети расселения X – начала XII вв. в Суздальском Ополье.: а – «большие поселения», б – города и городища, в – прочие поселения

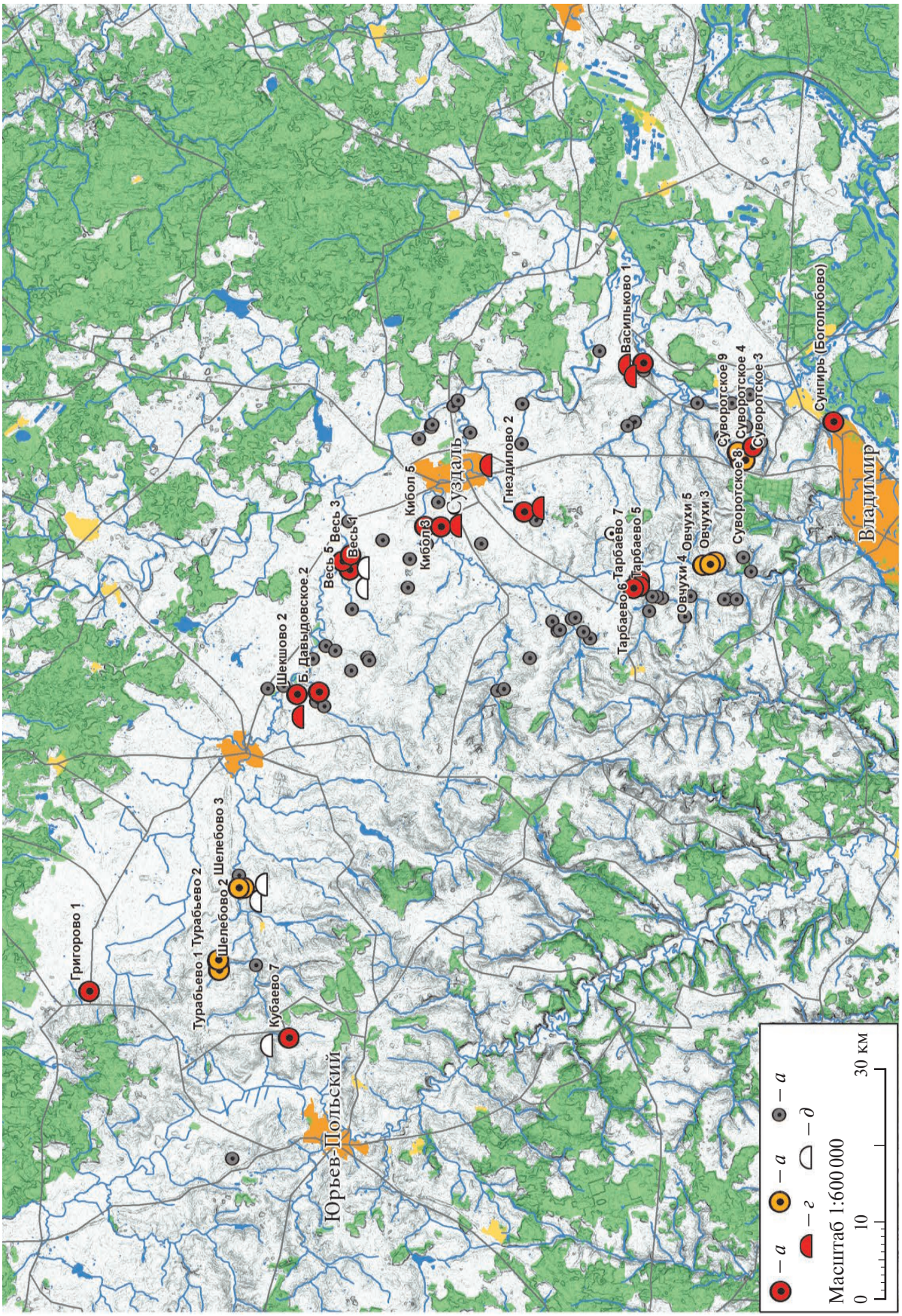

Рис. 143. «Большие поселения» и могильники X–XI вв. в Суздальском Ополье.:
а – «большие поселения», б – поселения, которые отнесены к «большим поселениям» предположительно, в – прочие селища,
г – локализованные могильники X–XI вв., д – курганные могильники X–XI вв., раскопанные А. С. Уваровым, которые пока не удалось локализовать

Таблица 16

«Большие поселения» X–XI вв. в Суздальском Ополье

Памятник	Площадь (га)	Общее количество находок из сборов	Хроноиндикаторы X – первой четверти XII в.	Хроноиндикаторы середины XII – первой половины XIII в.	Хроноиндикаторы второй половины XIII – XIV в.	Керамический материал из сборов				
						Лепная керамика (венчики/стенки)	Венчики круговой посуды X – первой половины XII в. (типы I–V, VII А по В. А. Лапшину)	Венчики круговой посуды середины XII – первой половины XIII в. (типы VIII–XI по В. А. Лапшину)	Венчики круговой посуды второй половины XIII – XIV в.	Всего
Васильково 1	13	278	49	23	1	39/139	45	194	10	920
Весский археологический комплекс:	**18,3**	**375**				**116/477**	**47**	**521**	**151**	**3672**
Весь 1	4,3	-				29/37				65
Весь 2		-				8/35	4	1	2	55
Весь 3	11,5	18				29/66	3	153	137	468
Весь 5	2,5	357	84	49		103/424	40	367	12	3204
Гнездилово 2	14,8	405	169	4		60/900	32	27	4	1838
Григорово 1	8,1	169	43	7		7/90	17	34		286
Кибольский археологический комплекс	**26,43**	**154**	**20**	**8**	**3**	**23/333**	**144**	**231**	**398**	**1210**
Кибол 2-4	14,93	104	18	5	1	22/314	13	67		812
Кибол 5	11,5	50	2	3	2	1/19	3	131	164	398
Кубаево 7	12,7	184	38	8		8/53	17	21		199
Суворотское 8	6	578	146	53	3	20/270	93	169		1541
Сунгирь	10	249	53	34	10	105/217	145	468	228	1185
Тарбаевский археологический комплекс	**10,1**	**823**	**117**	**13**	**4**	**162/1089**	**66**	**241**		**3006**
Тарбаево 5	4,9	554	93	5	4	111/892	57	131		2425
Тарбаево 6	2,5	134	20	3		8/126	3	11		138
Тарбаево 7	2,7	135	4	5		43/71	6	99		443
Шекшовский археологический комплекс	**39**	**1237**	**299**	**113**	**3**	**80/533**	**102**	**96**	**4**	**1689**
Шекшово 2	29	946	284	92	1	51/480	87	9	1	1096
Большое Давыдовское 2	10	291	15	21	2	29/53	15	87	3	593

В Суздальском Ополье в настоящее время известно 10 подробно документированных поселенческих комплексов, которые могут быть отнесены к этой группе: Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2, Кибол 3 – Кибол 5, Весь 1-3-5, Васильково 1, Тарбаево 5-6-7, Гнездилово 2, Суворотское 8, Сунгирь, Кубаево 7, Григорово 1 (см. табл. 16, рис. 142, 143). На всех этих памятниках определены границы распространения культурного слоя X–XI вв. и собраны большие вещевые коллекции (от 170 до 3250 предметов), определяющие их хронологические рамки, характеризующие культуру, потребление и хозяйственную деятельность. Основная часть вещевого материала на всех памятниках получена путем сбора артефактов на распаханной поверхности. Раскопки производились в пяти поселенческих комплексах на семи селищах, в том числе на четырех селищах – Суздальской экспедицией ИА РАН в 2004–2012 гг. По восьми селищам получены серии радиоуглеродных дат (см. приложение 2, т. 1). На шести памятниках в составе трех поселенческих комплексов на больших площадях произведена геомагнитная съемка, позволяющая представить плотность застройки и пространственную организацию поселений. Таким образом, хотя раскопками вскрыты лишь небольшие части памятников, мы располагаем достаточно объемным и разнообразным материалом для характеристики «больших поселений».

Для оценки места этих памятников в общей иерархии поселений существенное значение имеет определение размеров участков с культурным слоем X–XI вв. на селищах на основании планиграфии находок лепной и раннекруговой керамики, металлических вещей-хроноиндикаторов X–XI вв. и радиоуглеродного датирования углей и органики из заполнения ям, прорезанных геобурением. На двух наиболее крупных поселенческих комплексах эти площади определены как 15 и 13 га (рис. 147, 149), для шести других известно, что они превышают 5–7 га, еще на двух они оцениваются как превышающие 3 и 4 га, однако установление реальных размеров распространения раннего культурного слоя в последних случаях затруднено присутствием на памятниках позднейших отложений. Геомагнитная съемка, выполненная на поселениях Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2 и Тарбаево 5-6-7, показывает присутствие в границах распространения культурного слоя с лепной и раннегончарной керамикой участков с плотной застройкой. Суздальские «большие поселения», таким образом, вполне соразмерны раннегородским центрам (Новогородское (Рюриково) городище – 7 га, Ладога – 8 га, Гнездово – 30 га), торгово-ремесленным поселениям (Тимерёво – не менее 6 га, подробнее см. Захаров, Зозуля, 2015, с. 158) и административным центрам (Сарское – 3 га) самого высокого статуса.

Вещевые коллекции, собранные на всех десяти больших поселенческих комплексах, богаты и разнообразны по своему составу, они включают украшения и металлические детали костюма, бытовые вещи, орудия труда и предметы вооружения (рис. 144–146). Набор женских украшений характеризуется сочетанием шумящих украшений поволжско-финского облика (треугольные подвески, полутрубчатые подвески, подвески-коньки типа XVII по Е. А. Рябинину, двуспиральные обувные накладки, привески-лапки, бутылковидные привески), украшений балтийского или северо-западного происхождения, получивших широкое распространение на севере Восточной Европы (подковообразные фибулы различных типов, широкосрединные пластинчатые перстни с завязанными концами, орнаментированные «волчьим зубом», пластинчатые браслеты со штампованным орнаментом) и отдельных вещей славянских и скандинавских типов (лунницы, височное кольцо «деснинского типа», различные типы круглых подвесок, в том числе со стилизованным изображением переплетенного зверя). Поясная гарнитура: накладки, поясные наконечники и пряжки – найдены на всех десяти поселенческих комплексах; на селищах Шекшово 2, Гнездилово 2 и Суворотское 8 они представлены большими сериями. На всех «больших поселениях» обнаружены предметы христианского культа ранних типов: крестики с грубым изображением Распятия, кресты «скандинавского типа» (крупные равноконечные с фигурными ветвями, расширяющимися к концам, украшенным тремя полусферическими выступами, тип 1.4.3 вариант В по Й. Стеккеру, и с концами трехчастной формы (Макаров, Зайцева, 2020а, с. 350–355, рис. 2, 3)), равноконечный крестик с ромбическим средокрестием (Тарбаево 5), грубые равноконечные крестики из свинцово-оловянистого сплава. В коллекциях семи селищ присутствуют амулеты-топорики. Отметим присутствие на трех поселениях амулетов скандинавских типов: железного кольца с молоточками Тора (Шекшово 2), железного кольца со стерженьками (Большое Давыдовское 2) и отдельного стерженька (Гнездилово 2) (Makarov, 2021). Ножи представлены преимущественно образцами с узким клиновидным лезвием, новые металлографические анализы ножей с селищ Шекшово 2 и Весь 5 подтверждают заключение об использовании техники «пакета» при изготовлении части изделий этого типа (Щербаков, 2014, с. 36–37). Заслуживает внимания присутствие среди бытовых вещей железных игл с кольцами и ключей-лопаточек (см. главу настоящего издания «Ключи и замки», т. 2). Для керамических комплексов характерно сочетание лепной керамики и раннекруговой посуды славянского облика.

Как индикаторы северо-западных связей существенны новые находки лепных сосудов «ладожского типа» и круговой керамики «балтийской традиции» (близка менкендорфскому типу) на поселении Кибол 5. Подобная керамика ранее была идентифицирована В. А. Горюновой и В. А. Лапшиным в коллекции из раскопок Гнездилова (Горюнова, Лапшин, 2004, с. 55–69). Хотя селища различаются по соотношению находок, отражающих различные культурные традиции, общий состав этих наборов близок, присутствие поволжско-финского, балтийского и славянского компонента прослеживается на всех памятниках.

Включение «больших поселений» Суздальского Ополья в систему товарно-денежных отношений документировано находками монет, торгового инвентаря и многочисленных импортов. В коллекциях, собранных на пяти поселенческих комплексах, представлены целые куфические монеты и их фрагменты, на шести селищах найдены западноевропейские денарии, на двух – медные византийские монеты. Большинство дирхамов – саманидские монеты, чеканенные в середине – второй половине X в. Наиболее многочисленны находки куфических монет на селищах Весь 5 (13 экземпляров) и Шекшово 2 (10 экземпляров), на остальных поселениях найдено от одного до семи дирхамов (см. главу настоящего издания «Куфические монеты», т. 2). Значительные серии куфических и отдельные западноевропейские монеты найдены также в погребениях пяти могильников, связанных с «большими поселениями» (Шекшово 9, Гнездилово 12, Сунгирь, Весь, Васильково). На восьми поселенческих комплексах зафиксированы находки бочонковидных весовых гирек, на двух найдены детали весов. На четырех поселениях при раскопках собраны большие коллекции стеклянных бус, наиболее высокая концентрация их отмечена на селище Весь 5. Находки тиглей, льячек, незаконченных ювелирных украшений и заготовок – слитков металла на селищах Весь 5, Весь 1, Большое Давыдовское 2, Гнездилово 2 и Шекшово 2 указывают на существование ювелирного производства на этих памятниках.

Систематизация предметов вооружения и конского снаряжения показала, что находки, которые могут быть отнесены к X – началу XII в., составляют скромную группу в суздальской коллекции (см. главу настоящего издания «Вооружение и всадническое снаряжение», т. 2). Наиболее выразительные находки происходят с «больших поселений». Определимые «ранние» предметы: наконечники стрел типов 83 (бронебойные ромбических очертаний), 84 (долотовидные), 41 (уплощенные ромбические гнездовского типа), дротик с пером двушипной формы, стержневидные псалии – представлены на шести поселенческих комплексах этой группы (Гнездилово 2, Весь 5, Шекшово 2, Григорово 1, Суворотское 8, Тарбаево 5-6). Из сборов в Шекшове происходит ланцетовидный наконечник стрелы, характерный для североевропейского вооружения. Здесь же найден единственный на селищах Ополья фрагмент ажурного наконечника ножен меча с антропоморфной личиной в центре ленточного плетения (группа А-1-1а по Н. В. Ениосовой, группа IV по С. В. Каинову). Аналогичные наконечники ножен известны в Гнездове, Искоростене, Херсонесе, а также на территории Болгарии (2 экземпляра), Польши и Германии (Makarov, 2017, P. 663–670). Основываясь на географии находок, Н. В. Ениосова полагает, что они изготовлялись на Руси, в Среднем Поднепровье, мастерами, знакомыми со скандинавской традицией (Ениосова, 1994).

Археоботанические материалы из раскопок свидетельствуют о достаточно высокой земледельческой активности обитателей «больших поселений» и о важности продуктов земледелия в структуре их питания. Зерновые материалы, собранные на селищах Весь 5, Кибол 5 и Большое Давыдовское 2, недостаточны для реконструкции конкретных форм земледелия на участках вблизи поселений и структуры урожая, однако присутствие макроостатков культурных растений (ячмень, рожь, пшеница-двузернянка, просо, овес) и сорняков и разнообразие культурных злаков (см. главу настоящего издания «Археозоологические материалы как индикатор хозяйственных процессов в XI–XIV вв.», т. 1) не оставляет сомнений в том, что становление «больших поселений» сопровождалось сельскохозяйственным освоением ресурсных территорий. Результаты изотопного анализа костных остатков из могильника Шекшово 9, некрополя «большого поселения», выделяющегося наиболее крупными размерами, показали, что диету его обитателей, по крайней мере с начала XI в., характеризует растительный рацион с высокой долей местной земледельческой продукции (см. главу настоящего издания «Образ жизни людей по данным изотопного состава костных материалов», т. 2).

Для характеристики жизнеобеспечения и экономики «больших поселений» существенны результаты изучения костных остатков животных из раскопок четырех селищ, имеющие надежную хронологическую привязку (Шекшово 2, Большое Давыдовское 2, Весь 5, Кибол 5) (см. главу настоящего издания «Археозоологические материалы как индикатор хозяйственных процессов в XI–XIV вв.», т. 1). Судя по составу остеологических коллекций селищ Кибол 5, Шекшово 2 и Большое Давыдовское 2, обеспечение их обитателей мясной пищей осуществлялось в основном за счет продуктов животноводства (в остеологических спектрах X–XI вв. доминируют кости свиньи и крупного рогатого скота).

Рис. 144. Предметы, собранные на селище Гнездилово 2:
1–4,6–8, 15, 16, 18–30, 34 – цветной металл; 5, 11, 31, 32 – черный металл; 9, 10, 14, 17 – серебро;
12, 13 – черный и цветной металл; 33 – цветной металл, эмаль

Рис. 145. Предметы, датируемые X–XI вв., собранные на селищах:
1, 2, 5–8, 11, 12, 14, 15, 19, 21–24 – Тарбаево 5; 3, 4, 9, 10, 13, 16, 17, 20 – Тарбаево 6; 18 – Тарбаево 7.
1, 3, 5, 13, 14 – черный и цветной металл; 2, 15, 16 – серебро; 4, 6–12 – цветной металл; 17–24 – черный металл

Доля костей диких промысловых животных (бобра, белки и куницы) в горизонтах X–XI вв. на этих селищах варьирует от 4 до 7,5 %. Очевидно, обитатели этих поселений во второй половине X – XI в. не были непосредственно заняты добычей пушнины в значительных объемах. Иной состав остеологического спектра IX–X вв. демонстрируют материалы селища Весь 5, в которых кости диких промысловых составляют 31 %. Такой состав археозоологических остатков в полной мере соответствует «ресурсному» поселению, где в занятиях жителей существенную роль играет пушная охота. Специфика поселения Весь 5 в общем ряду «больших поселений» заключается, во-первых, в том, что оно находится на краю Ополья, в непосредственной близости от лесных массивов, сохранявшихся в Средневековье и Новое время, во-вторых, в том, что здесь представлены материалы второй половины IX – X в., более ранние, чем собранные на других памятниках этой группы. Очевидно, собственная добыча пушнины могла быть важным источником благосостояния «больших поселений» на первом этапе их существования. Однако во второй половине X – XI в. промысел падает, что в полной мере соответствует изменениям ландшафта с широкими вырубками лесов. При этом весьма вероятно, что меха, добывавшиеся жителями лесных поселков, находившихся за пределами Ополья, поступали на «большие поселения», остававшиеся узловыми пунктами пушной торговли и вывоза пушнины на международные рынки.

Погребальные памятники X–XI вв., связанные с семью «большими поселениями», в разной степени исследованы раскопками (рис. 143). Могильники трех (Григорово 1, Суворотское 8, Тарбаево 5-6-7) остаются невыявленными. Локализация памятников, исследованных А. С. Уваровым на современных археологических картах, позволяет связать с этими поселенческими комплексами 7 курганных групп (курганные группы Васильково, Весь (два могильника), Гнездилово, Кубаево, Шекшово, Сельцо) с погребениями по обряду кремации и ингумации (Лапшин, 1980). Повторное исследование двух этих некрополей Суздальской экспедицией выявило более сложный характер их как погребальных памятников с курганами, грунтовыми ингумациями, грунтовыми и поверхностными кремациями (Макаров, Красникова, Зайцева, Добровольская, 2020; Макаров, Красникова, Ерохин, 2021). Грунтовый могильник конца X – XI в. у поселения Сунгирь исследован в 1972–73 гг. раскопками Н. Н. Мошениной (Леонтьев, 1996, с. 284–285; Мошенина, А-1973), атрибуция его как мерянского в настоящее время должна быть скорректирована с учетом новых данных о погребальном обряде населения центральных районов Северо-Восточной Руси. Для характеристики культурного и социального облика «больших поселений» существенно, что все могильники, относящиеся к этим поселенческим комплексам, включают погребения с престижным инвентарем, монетами, предметами вооружения. В четырех из них исследованы погребения со скандинавскими скорлупообразными фибулами (Васильково, Гнездилово, Весь, Кубаево) (Лапшин, 1980; Макаров, Красникова, Ерохин, 2021), в двух (Шекшово, Гнездилово) присутствуют погребения с византийскими монетами. Именно с этими географическими точками связано первоначальное распространение курганного обряда в Суздальском Ополье в середине X в. (Лапшин, 1980).

Полоса «больших поселений» X–XI вв. тянется с юго-востока на северо-запад, от Клязьмы до северного края Ополья на 120 км. 18 селищ, входящих в состав «больших поселений», составляют чуть менее трети всех поселений с хроноиндикаторами X – первой половины XI в. в Суздальском Ополье, суммарная площадь «больших поселений» по очень приблизительным оценкам может составлять около 40 % общей площади поселений этого времени. Весьма вероятно, что не все поселения этого типа выявлены и идентифицированы: северо-западная часть Ополья пока не охвачена сплошными разведками, а среди уже известных поселений X–XI вв. остаются значительные по своим размерам памятники, для характеристики которых пока недостаточно материалов (Турабьево 1-2, Шелебово 2-4, Овчухи 3-5).

При всех возможных пробелах на карте археологических памятников X–XI вв. очевидно, что «большие поселения» образуют в Суздальском Ополье плотную сеть, в которой расстояние между ближайшими крупными поселенческими комплексами X–XI вв. составляет от 6–7 до 13–14 км. Таким образом, хозяйственные зоны и возможные зоны административного управления «больших поселений» были невелики. Для некоторых «больших поселений» надежно установлено отсутствие в радиусе 3–5 км синхронных поселений более низкого статуса, которые могли бы находиться под их административным контролем. Подобная ситуация зафиксирована на участках вблизи поселенческих комплексов Гнездилово, Васильково, Сунгирь, Кубаево. Скромные потенциальные размеры округи ставят под сомнение возможность отождествления «больших поселений» с погостами, центрами административных округов. «Большие поселения» были не единственными элементами сети расселения X–XI вв., она включала также и селища более скромных размеров, расположенные вблизи крупных поселенческих комплексов или удаленные от них на расстояние более 5–6 км. Однако немногочисленные «рядовые» селища в Суздальском Ополье едва ли могли быть основой для сельскохозяйственного обеспечения «больших поселений».

Основной период существования «больших поселений» ограничивается X–XI вв. Судя по имеющимся материалам, формирование этого типа поселений начинается в IX в., однако надежно датированные культурные напластования и вещевые материалы IX в. выявлены пока лишь на одном памятнике – селище Весь 5 (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010, с. 113–41). Период наивысшего подъема этих поселений охватывает, по-видимому, вторую половину X – XI вв. Часть «больших поселений» пришла в упадок в начале XII в. (запустели или сократились в размерах Гнездилово 2, Кубаево 7, Григорово 1, Шекшово 2), часть дожила до середины XIII в., превратившись в обычные села (Тарбаево, Васильково 1, Большое Давыдовское 2, Суворотское 8). Два поселения продолжали свое существование до Нового времени или продолжают его и в настоящее время, в ряде случаев с сокращением площадей и запустением части территории (Весь 3, Кибол 5). Продолжение жизни на «больших поселениях» после начала XII в. сопровождалось изменением сложившегося облика культуры и хозяйственного уклада. Это подтверждает изменение пространственной организации жилых площадок, выявленное раскопками на поселениях Большое Давыдовское 2, Шекшово 2 и Кибол 5 (Федорина, Красникова 2012; Федорина, Красникова, 2021; Шполянский, 2007б).

Селище Гнездилово 2, одно из наиболее полно исследованных «больших поселений», – яркий пример поселения, прекратившего существование на рубеже XI–XII вв. или в самом начале XII в. В радиусе 4 км от «большого поселения», находившегося в 6 км от Суздаля, у истока р. Мжары, выявлено 9 селищ и местонахождений с керамикой и вещевыми находками X–XIV вв. Однако ранние материалы, хронологически близкие «большому поселению» (IX–X вв.), идентифицированы здесь лишь на одном из них (Гнездилово 7). Очевидно, что в X–XI вв. локальный очаг расселения представлял структуру, в которой «большое поселение» доминировало, а освоение региона не сопровождалось устройством полноценных дочерних поселений. В вещевой коллекции из сборов на селище Гнездилово 2 представлен широкий набор хроноиндикаторов X–XI вв. и лишь четыре предмета, которые правомерно рассматривать как хроноиндикаторы середины XII – первой половины XIII в. (два бубенчика, крест-тельник, нож с широким плоским лезвием) (рис. 144, 148). Из 11-ти радиоуглеродных дат, полученных по объектам, исследованным раскопками В. А. Лапшина, 7 укладываются в рамки конца IX – середины XI в., интервал трех дат – X – третья четверть XII в. (900–1170 AD) (Горюнова, Лапшин, 2004). Можно полагать, что после начала XII в. на месте «большого поселения» оставался однодворок или специализированное хозяйственное поселение. Запустение «большого поселения» сопровождалось формированием нового крупного поселения в двух километрах к западу на месте современного села Гнездилово и сети поселений площадью 1–2 га на оврагах, в радиусе 4 км (рис. 150 А, 151 А).

Поселенческий комплекс Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2, представляющий собой крупнейшую агломерацию X–XI вв., которая может быть отнесена к категории «больших поселений», дает пример сложной и многоэтапной трансформации ее в исторические села, сложившиеся на новых местах (рис. 150 В, 152). Эти села – Шекшово (селище Шекшово 4) и Большое Давыдовское (селище Большое Давыдовское 5) – известны в письменных источниках с середины XV в. Первое упоминание о Шекшове содержится в договорной грамоте суздальских князей Василия и Фёдора Юрьевичей с князем Дмитрием Шемякой и его сыном князем Иваном, датированной около 1446 г. (ДДГ, № 40, с. 120), первое упоминание о «Давыдовском» – в духовной грамоте великого князя Василия Васильевича 1462 г. (ДДГ, № 61, с.196). Однако по археологическим данным появление их должно быть отнесено ко времени не позднее второй половины XII в. Суммарная площадь участков с культурным слоем X–XI вв. на поселенческом комплексе Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2 составляет не менее 15 га (рис. 147). На поселении Шекшово 2 количество вещей – хроноиндикаторов X – начала XII в. почти втрое превышает количество хроноиндикаторов середины XII – первой половины XIII в. Лепная керамика и круговая керамика XI – начала XII в. преобладает здесь над более поздней на всех участках, где производились сборы с точной привязкой находок (подробнее см. главу настоящего издания «Внутренняя структура поселений по данным археологии и геофизики», т. 1). Керамические и вещевые материалы второй половины XII – первой половины XIII в. достаточно широко представлены на различных участках Шекшовского поселения, но концентрация их невысокая. Хроноиндикаторы второй половины XIII – XV в. в вещевой коллекции практически отсутствуют. На селище Большое Давыдовское 2, составляющем вторую часть поселенческого комплекса, хронологическое распределение археологических материалов несколько иное, хроноиндикаторы X – начала XII в. и второй половины XII – первой половины XIII в. образуют примерно равные группы, на участках, исследованных раскопками, выявлены выразительные комплексы второй половины XII – первой половины XIII в. Вещевые находки и керамика второй половины XIII – XIV в. единичны. Следов упадка и снижения жизнедеятельности до середины XIII в. здесь нет.

Рис. 146. Предметы, собранные на селище Кубаево 7:
1, 6, 15 – черный металл, 2 – черный и цветной металл, 3–5, 7–14, 16–18 – цветной металл

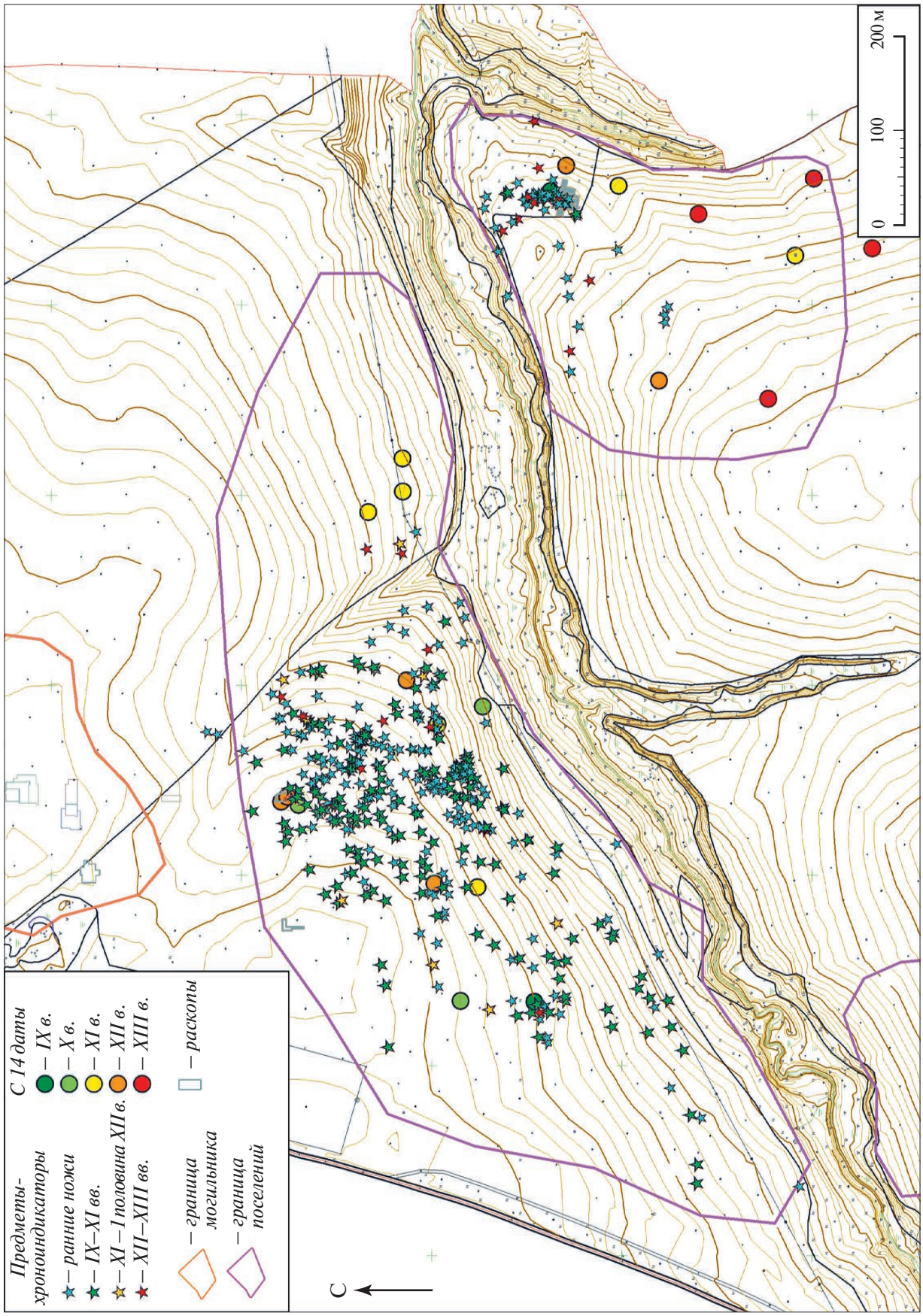

Рис. 147. «Большое поселение» Шекшово 2–Большое Давыдовское 2. Пространственное распределение находок-хроноиндикаторов и радиоуглеродных дат образцов на поселении

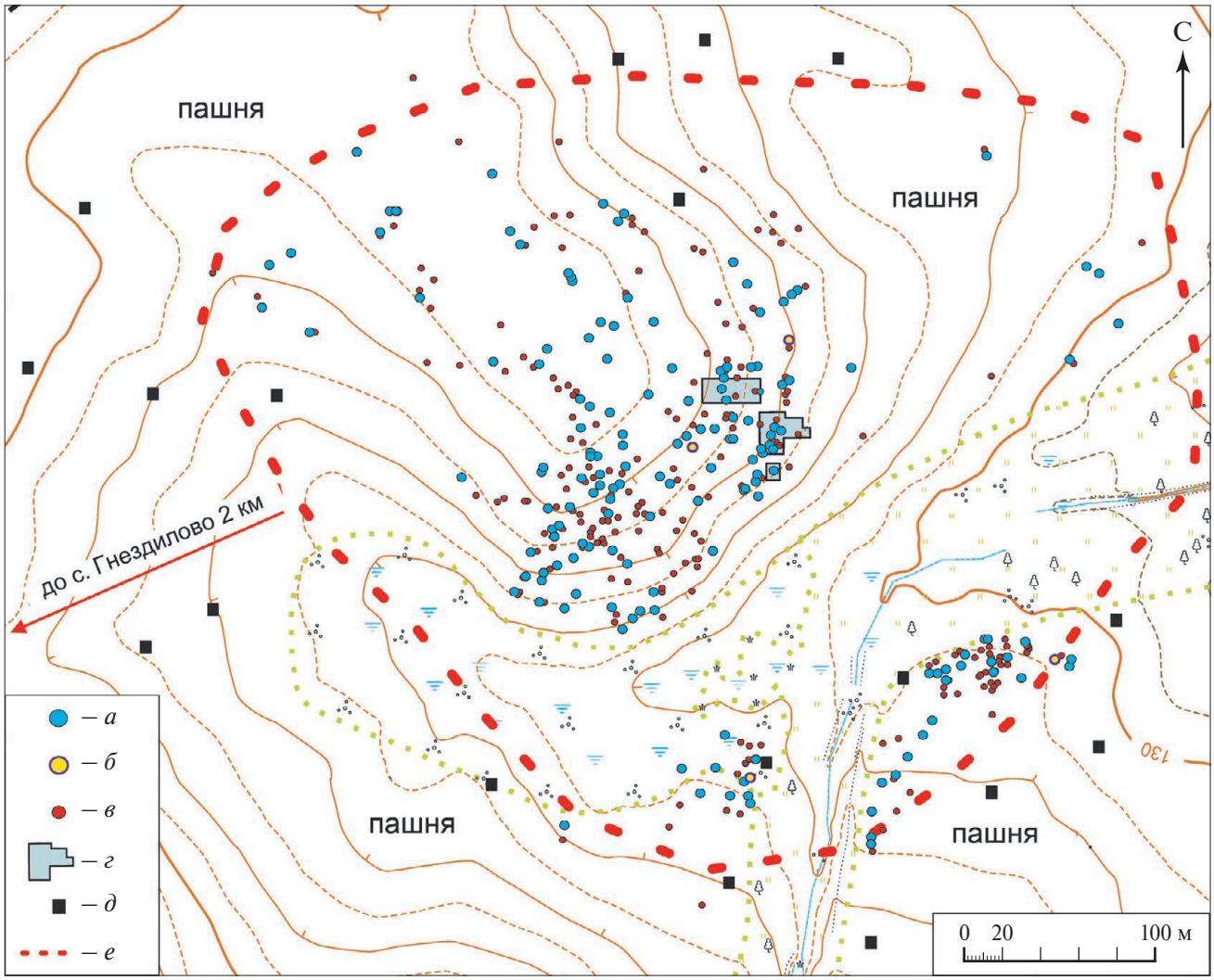

Рис. 148. «Большое поселение» Гнездилово 2.
Пространственное распределение находок-хроноиндикаторов:
а – предметы, датируемые X–XI вв., б – предметы, датируемые XII–XIII вв.,
в – предметы без точной хронологической атрибуции,
г – раскопы В. А. Лапшина, д – шурфы 2016 г., е – граница памятника

Начальный период существования исторических сел Шекшово и Большое Давыдовское документирован археологическими материалами беднее, чем история поселенческого комплекса на р. Урде. Судя по имеющимся материалам, оба этих поселения сложились как крупные села не позднее второй половины – конца XII в., то есть именно в то время, когда зафиксировано снижение интенсивности жизни на поселении Шекшово 2 (Федорина, Красникова, 2015). В течение некоторого периода в конце XII – начале XIII в. «старые» и «новые» центры сосуществовали.

Еще два поселенческих комплекса, сложившихся в X в. как «большие поселения» и демонстрирующие значительное снижение интенсивности жизни на рубеже XI–XII вв., – поселения Кубаево 7 (Кинобол 2) и Григорово 1 в северной части Ополья. В Киноболе, на реке Кунье, зафиксировано формирование нового поселения Кубаево 6 (Кинобол 1) в середине XII в. вблизи материнского селища Кубаево 7 и значительное снижение интенсивности жизни на последнем в середине XII – первой половине XIII в. (вещевые находки хроноиндикаторов середины XII – первой половины XIII в. существенно уступают по своей численности более ранними). Хронологическое и планиграфическое соотношение двух селищ правомерно интерпретировать как перемещение основного поселения на новое место в первой четверти – середине XII в. при сохранении на первоначальной территории

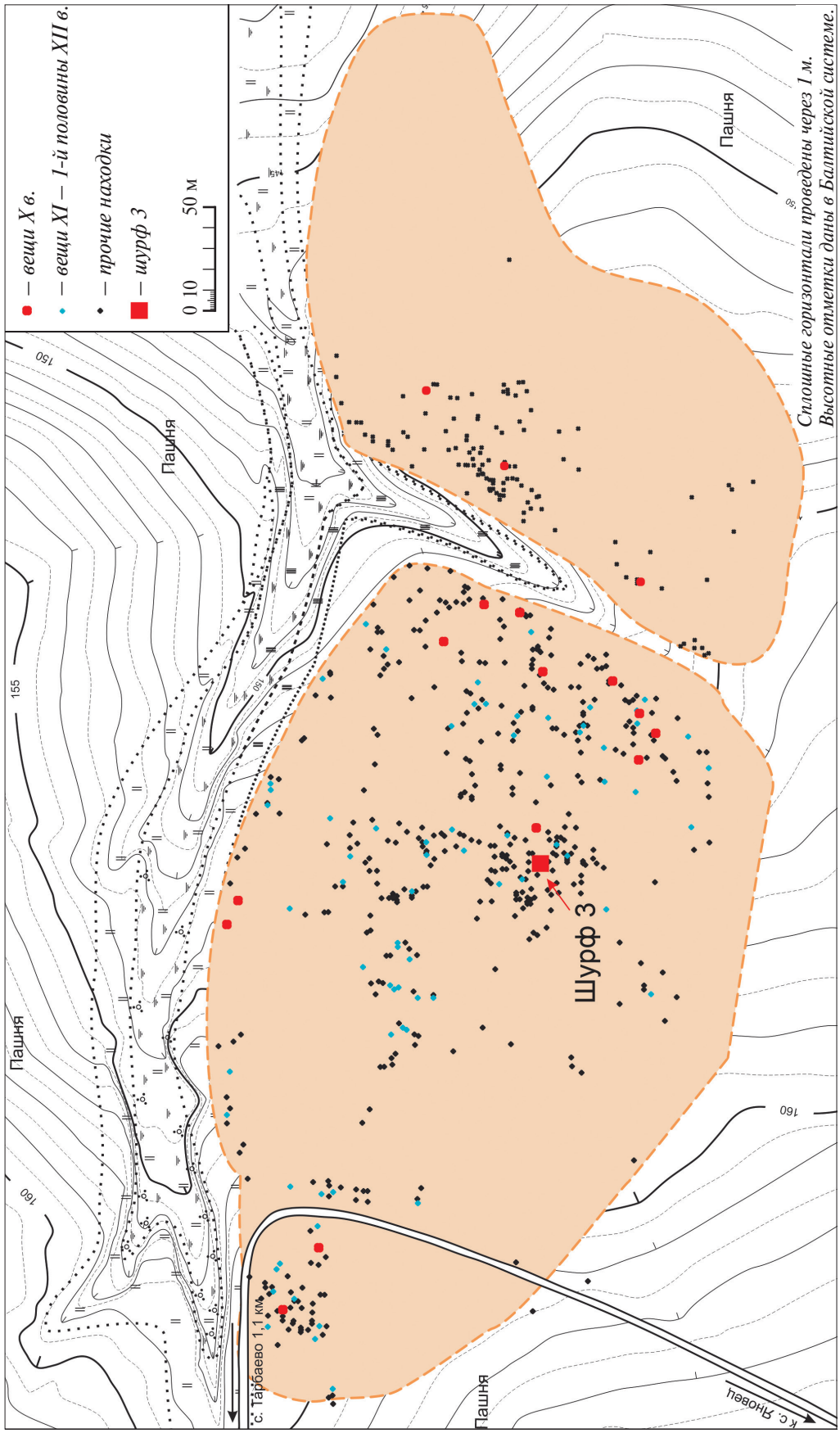

Рис. 149. «Большое поселение» Тарбаево 5–6. Пространственное распределение находок-хроноиндикаторов

Рис. 150. Взаиморасположение поселений X–XI вв. и исторических сел, упоминаемых в письменных источниках XV–XVI вв. (показаны на картах Генерального межевания):
а – местоположение поселений X–XI вв.; б – местоположение поселений XV–XVI вв.
А – село Гнездилово, Б – село Тарбаево, В – села Шекшово – Давыдовское, Г – села Кубаево – Кинобол

«большого поселения» отдельных построек вплоть до второй половины XIII – XIV в. (рис. 150 Г). Григорово 1, сформировавшееся в X в. как «большое поселение», продолжало существование в XII–XIII вв., однако материальные остатки этого времени в количественном отношении существенно уступают древностям предшествующего периода и не содержат предметов, связанных с престижным потреблением и высоким благосостоянием насельников.

Примеры продолжения развития поселенческих комплексов, возникших в X в. как «большие поселения», дают материалы селищ Васильково 1 на Нерли и Тарбаево 5-6-7 на овражных системах в верховьях р. Рпени (рис. 150 Б, 151 Б). На обоих комплексах представлены археологические свидетельства непрерывного развития поселенческих структур с X до первой половины XIII в. без каких-либо пространственных подвижек и снижения интенсивности жизнедеятельности.

Поселенческие комплексы Сунгирь, Кибол 5 – Кибол 3 и Весь 1 – Весь 3 – Весь 5 дают примеры развития поселенческих структур Средневековья – раннего Нового времени непосредственно на месте «больших поселений» X–XI вв.

Рис.151. Средневековое расселение в районе сел Гнездилово (А) и Тарбаево (Б): а – X–XI вв.; б – XII–XIII вв.

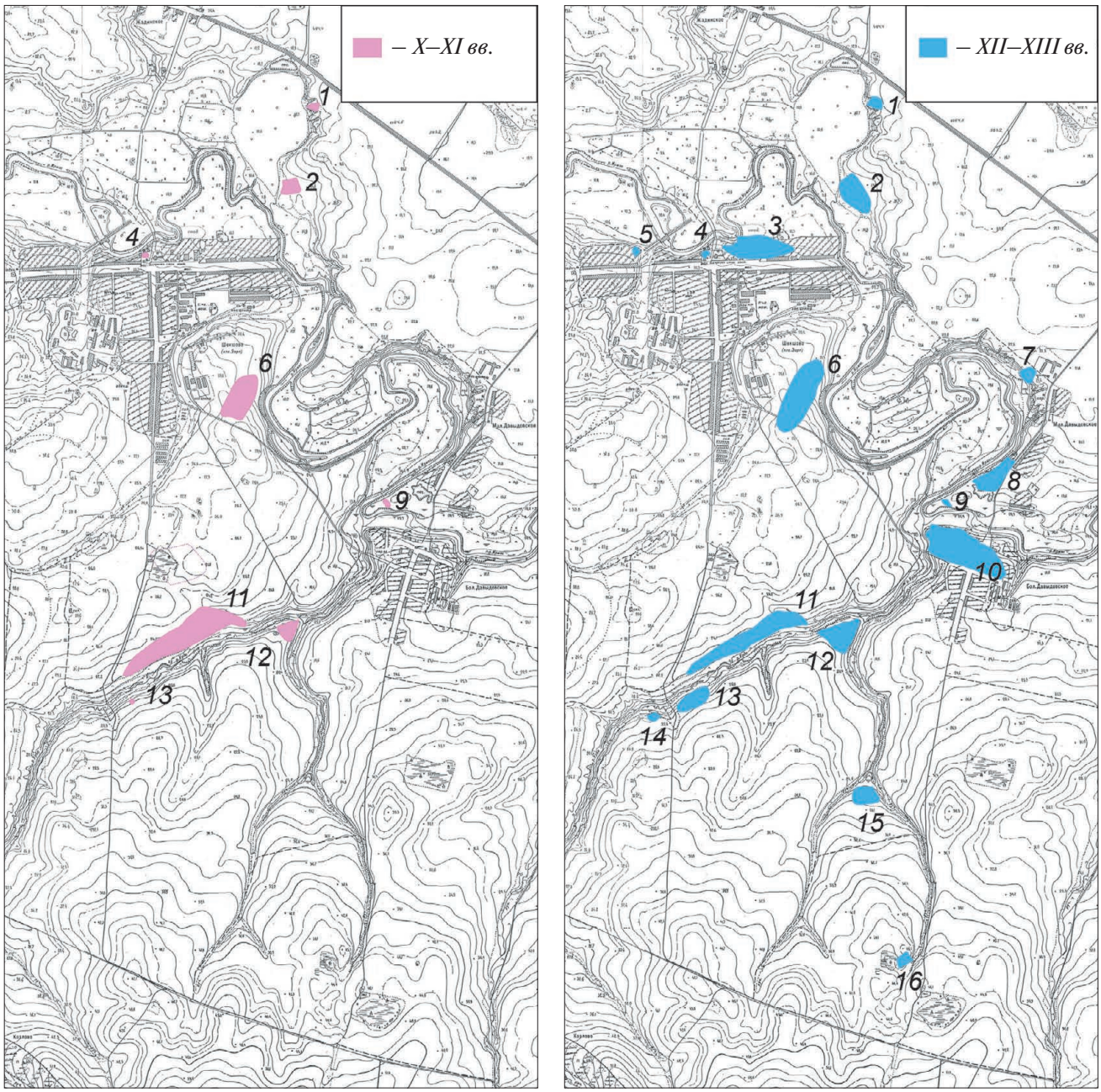

Рис. 152. Средневековое расселение в районе сел Шекшово – Большое Давыдовское:

1 – Малое Давыдовское городище; 2 – селище Шекшово 1; 3 – селище Шекшово 4;
4 – селище Шекшово 5; 5 – селище Шекшово 6; 6 – селище Шекшово 3;
7 – селище Малое Давыдовское 3; 8 – селище Малое Давыдовское 2; 9 – селище Давыдовское 1;
10 – селище Большое Давыдовское 5; 11 – селище Шекшово 2; 12 – селище Большое Давыдовское 2;
13 – селище Большое Давыдовское 6; 14 – селище Большое Давыдовское 6а;
15 – селище Большое Давыдовское 3; 16 – селище Большое Давыдовское 4

Развитие сопровождалось запустением отдельных поселений, составлявших части поселенческих комплексов X–XI вв. (селища Кибол 3, Весь 1, Весь 5) и распространением средневековой застройки на смежные участки, но в целом топографическая преемственность в этих случаях отчетливо выражена. Сунгирь интересен как поселение, вся территория которого обследована по единой методике, позволяющей сопоставить количественное и пространственное распределение керамики и вещевых материалов различных периодов. Площадь «большого поселения» X – XI вв. здесь оценивается в 6 га, в XII–XIII вв. территория поселения выросла до 10 га, на всей этой площади зафиксированы находки керамики второй половины XIII–XV в. В XVI–XVII вв. площадь поселения сжимается, жизнь продолжается лишь на двух участках. Для характеристики Сунгиря как «большого поселения» X–XI вв. существенны находки денариев, весовых гирек, крестиков «скандинавского типа», поясных накладок и наконечников, фрагментов шейных гривен и шумящих украшений. Однако материалы XII–XIII вв. на этом селище количественно преобладают, демонстрируя трансформацию «большого поселения» X–XI вв. в обычное село, жители которого занимались, впрочем, не только сельским хозяйством, но и ремеслом (находка каменной литейной формочки).

Таким образом, выход Северо-Восточной Руси на историческую арену в IX–X вв. сопровождался становлением особого типа поселений со сложной комплексной экономикой и, вероятно, неоднородным этническим составом обитателей. Эти поселения сложились в тот период, когда Суздаль еще только формировался как городской центр, и выступали как места сосредоточения значительной части населения Суздальской земли. Определение этих поселений как «сельские» не отражает их место в экономике и культурном облике, поскольку производство аграрных продуктов было лишь одним из направлений их хозяйственной деятельности, а культура близка раннегородской. В то же время отсутствие на этих памятниках некоторых категорий престижных украшений женского костюма (например, серебряных украшений с зернью), монетных и монетно-вещевых кладов и относительная малочисленность (по сравнению с Гнездовом и Рюриковым городищем) монетного серебра в целом, а также ограниченный набор импортов свидетельствуют о том, что по своему экономическому потенциалу, благосостоянию и уровню социальных претензий «большие поселения» заметно уступали раннегородским центрам.

«Большие поселения» Суздальского Ополья как археологические памятники по своему характеру близки раннесредневековым неукрепленным поселениям среднего иерархического уровня с находками импортов, престижных украшений, оружия и торгового инвентаря в Западной Балтике и Южной Скандинавии (Dobat, 2005, p. 53–90; Trade and Communication Networks..., 2010, p. 6; Håkansson, 2013, p. 359–370; Kleingärtner, 2014). Те и другие показывают, что появление сложных форм социальной организации и высокий уровень развития торговых отношений в раннем Средневековье не всегда связаны с кристаллизацией ранних городов. Существенное различие между «большими поселениями» Суздальской земли и «центральными поселениями» Западной Балтики заключается в том, что первые были, скорее, самодостаточными очагами расселения и экономической жизни, чем центрами округов, структура которых хорошо прослеживается в Скандинавии (Müller-Wille, 2005, p. 92–93, 109, fig. 1).

«Большие поселения» – феномен IX–XI вв. (главным образом X–XI вв.), связанный с особым экономическим укладом (weight economy: Means of Exchange, 2008; Brather, 2010; Kilger, 2011) и особой культурой, хорошо известной по раскопкам раннегородских поселений, получившей развитие в X–XI вв. и трансформировавшейся в первой четверти XII в. Как особый тип поселений – носители специфических форм экономики и культурных традиций – «большие поселения» перестали существовать в начале XII в., но реальное существование многих населенных пунктов продолжалось много долее. В судьбе большинства этих поселенческих комплексов и наследовавших им сел прослеживаются два периода «кризисных трансформаций» – прекращения жизни или сокращения площадей первоначальных поселений, перемещения поселений или части поселенческой структуры на новые участки. Один из них приходится на рубеж XI–XII – начало XII в., а другой – на середину XIII в. Уместно видеть в этих трансформациях отражение социально-политических и военных событий конца XI – начала XII в. и середины XIII в. Упадок «больших поселений» и наследовавших им сел не сопровождался общим запустением тяготеющих к ним микрорегионов, сменой населения. Трансформации имели, скорее, характер переноса «центральных» поселений на новые места, реорганизации расселения на уровне микрорегионов. Общий принцип организации расселения в виде крупных сел с минимальной сетью тянущих к ним малодворных поселений или вовсе без них, преобладавший в Суздальском Ополье в Средневековье и Новое время и сохранившийся до наших дней, восходит к поселенческим структурам X–XI вв. Поэтому «большие поселения» X–XI вв. правомерно рассматривать как архетип, исходную модель средневековых суздальских сел, определившую историческое своеобразие расселения в центре Северо-Восточной Руси в последующие столетия.

Н. А. Макаров

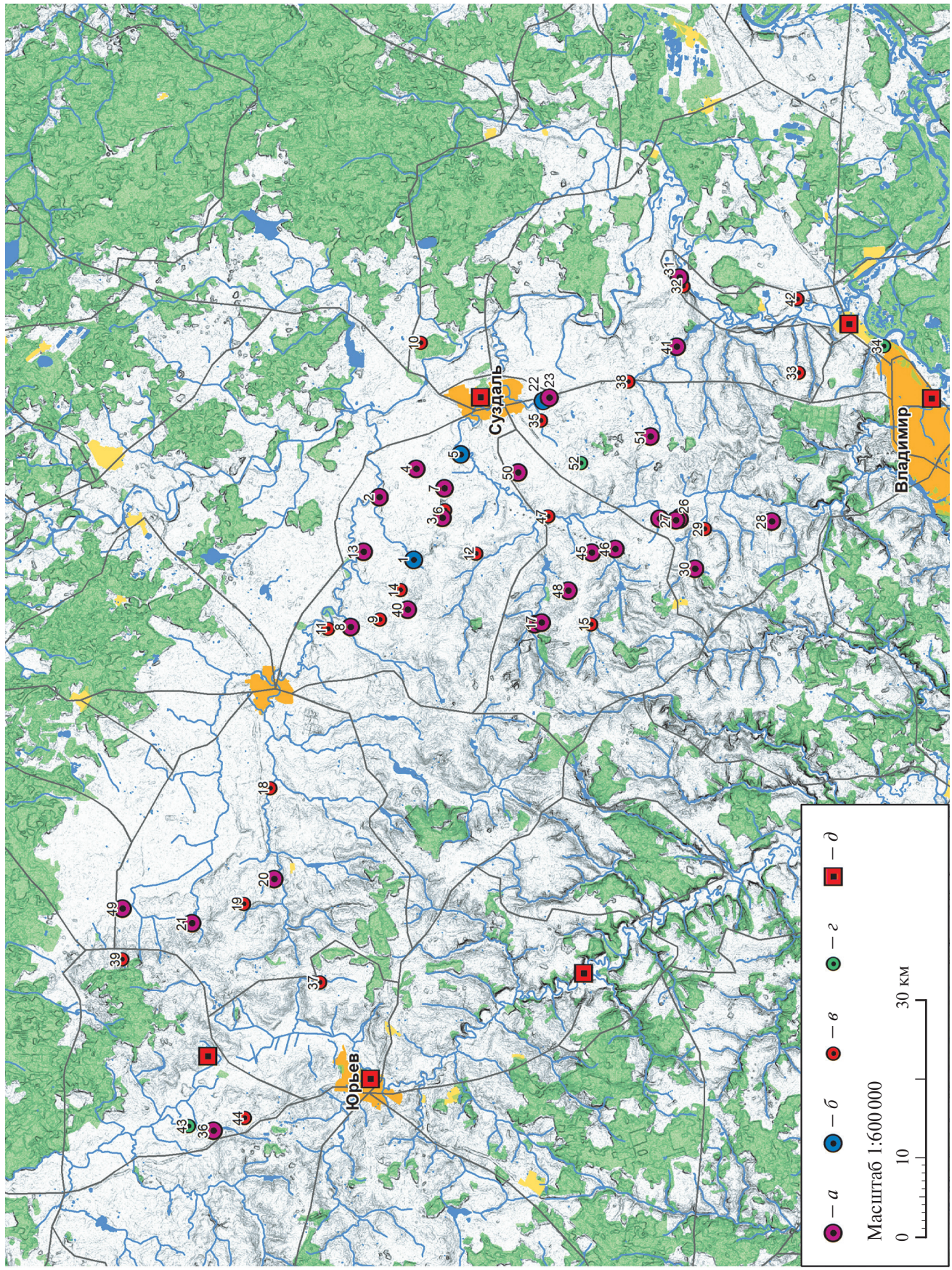
«УСАДЬБЫ ЗНАТИ» НА ПОСЕЛЕНИЯХ XII–XV вв.

Сельские поселения XII–XV вв., на первый взгляд, представляют собой однородный массив памятников, сходных по своим внешним признакам, ландшафтной приуроченности и характеру культурных напластований. Систематизация данных о суздальских селищах эпохи расцвета Северо-Восточной Руси не выявляет четких иерархических структур, которые можно было бы рассматривать как отражение социальной стратификации. Если принять традиционную для отечественной историографии точку зрения, согласно которой углубление социальной дифференциации в XII в. сопровождалось устройством укрепленных поселений, на которых и находились боярские дворы и усадьбы представителей княжеской администрации низшего ранга, придется признать, что на территории основного ядра Северо-Восточной Руси число таких поселений было крайне ограничено. На территории Суздальского Ополья, помимо пяти летописных городов, известно лишь два городища с укреплениями и культурным слоем XII – первой половины XIII в. – Сунгирское (Чаша) на Клязьме и Семьинское на Колокше. Выше было показано, что основной каркас сети расселения XII–XIII вв. составляли крупные поселенческие комплексы, села, однако их социальный облик не может быть прояснен, основываясь на данных об их размерах. Села XII–XV вв. слишком многочисленны, чтобы рассматривать их как поселения, выделявшиеся по своему статусу и выполнявшие преимущественно функции местных центров, хотя присутствие элиты на таких поселениях кажется весьма вероятным.

Один из путей изучения социальной дифференциации общества в центральных районах Северо-Восточной Руси лежит через систематизацию и анализ вещевых материалов, собранных на селищах, городищах и в городах, выделение в этих коллекциях предметов, связанных с профессиональными занятиями и повседневной жизнью социальной элиты, анализом категориального состава и пространственного распределения подобных находок на отдельных памятниках и на исследуемой территории в целом.

Вопрос о связи отдельных категорий и типов средневековых предметов с определенными социальными группами населения Руси XII–XIII вв. в общем плане остается малоразработанным. Как предметы княжеско-боярского обихода традиционно рассматриваются престижные украшения из драгоценных металлов, изготовленные с использованием сложных ювелирных технологий и известные, главным образом, по кладам. Отмеченные А. В. Кузой археологические критерии городского статуса поселений, такие как находки предметов, связанных с военным делом, письменностью и «бытом феодалов» (украшения из драгоценных металлов, металлическая и стеклянная посуда, прочая дорогая утварь) (Древняя Русь, 1985, с. 46–47), по своему содержанию отражают присутствие в городах знати. Однако не все эти признаки достаточно конкретизированы применительно к археологическим материалам. Социальная окраска значительной части средневековых артефактов, в том числе выделяющихся высоким качеством исполнения, остается нейтральной или размытой. Использование формальных критериев для выделения в материальной культуре предметов, однозначно связанных с боярством и низшей знатью («слугами»), требует осторожности, однако принципиальная возможность изучения вещевых материалов в контексте проблем социальной стратификации, идентификации элиты по вещевым находкам, выделяющимся особым качеством и особым назначением, кажется очевидной.

Наблюдения о присутствии на суздальских селищах некоторых категорий вещевых находок, связанных со специфическими занятиями и образом жизни элиты, и остатков оград, канавок частоколов, защищавших усадьбы, были сделаны после завершения первого этапа обследования Ополья и стали обоснованием для предположений об особом, «нерядовом», статусе части находившихся здесь дворов. «Усадьбы знати» были условно идентифицированы на 25 поселениях (Makarov, 2013). За прошедшие десять лет общее число селищ с вещевыми коллекциями, которые могли бы быть рассмотрены в контексте социальной атрибуции их обитателей, существенно расширилось (рис. 153). Выявлены новые выразительные комплексы дорогих и престижных предметов XII – первой половины XIII в. С учетом накопления новых материалов целесообразно уточнить критерии, которые правомерно использовать для обоснования присутствия знати на неукрепленных поселениях XII – первой половины XIII в.

Суздаль
Владимир
Юрьев
а
б
в
г
д
Масштаб 1:600 000
0
10
30 км

В качестве предметов, которые могут быть связаны с обиходом элиты разного статуса, ранее было предложено рассматривать вислые печати, пломбы, книжные застежки, стили для письма, предметы из драгоценных металлов, фрагменты амфорной керамики, предметы вооружения и парадного конского снаряжения, предметы личного благочестия со сложной религиозной символикой (энколпионы, амулеты-змеевики). При этом достаточным основанием для выделения поселений с усадьбами знати следует считать не находки отдельных предметов из этого перечня, а комплексы находок, включающие несколько категорий предметов. Значимость различных категорий находок как археологических маркеров элиты неодинакова, принадлежность некоторых категорий предметов к обиходу знати может быть неоднозначной. Наиболее очевидными археологическими индикаторами занятий, стиля жизни и высокого достатка знати можно считать вислые печати (найдены на пяти селищах, рис. 158: *1*; 9: *2*), стили для письма (найдены на 11 поселениях, рис. 154), книжные застежки (найдены на 13 селищах, рис. 161: *10*; 165: *2*), каменные образки (на одном поселении, рис. 165: *14*), фрагменты защитного доспеха (найдены на пяти селищах, рис. 165: *15, 16*), фрагменты украшений и предметов христианского культа из золота (на трех селищах, рис. 160: *1*). Есть основания относить к этому кругу вещей и образцы некоторых редких типов украшений, сделанных из недорогих материалов, но выделяющихся высоким качеством работы, например, бронзовые позолоченные колты с эмалью, найденные на селищах Вышеславское 3 и Михали 3 (рис. 158: *5*; 167: *1*). Очевидно, с элитой связаны и некоторые находки предметов христианского культа со сложной символикой, например, змеевики (обнаружены на четырех селищах, рис. 158: *3*; 165: *13*), хотя все они – грубые отливки, изготовленные из цветного металла. С другой стороны, принадлежность к обиходу элиты другой группы предметов христианского культа со сложной символикой – энколпионов – с ростом числа находок может быть поставлена под сомнение. На селищах Ополья сейчас собрано 42 энколпиона – целых крестов, створок и фрагментов. Некоторые изделия очень низкого качества, трудно предположить, что круг их владельцев был ограничен знатью. Пожалуй, лишь для двух находок, фрагментов крупных энколпионов с рельефным и черневым изображениями (Подолец, Черниж 2), такая атрибуция в полной мере аргументирована. Нет основания относить к кругу нерядовых предметов и литые образки, большинство из которых имеет низкое качество отливки, за исключением отдельных предметов, декорированных эмалью или воспроизводящих изображения на печатях, изготовленных по индивидуальным заказам как образки с изображением патрональных святых (Семеновское-Советское 3, Добрынское). Находки предметов вооружения и снаряжения всадника и коня в широком смысле, безусловно, связаны с профессиональной воинской средой, однако присутствие на селищах отдельных категорий этих предметов, например, граненых наконечников стрел с упором или псалиев, само по себе не может быть достаточным основанием нерядового статуса поселений или отдельных усадеб.

Рис. 153. Селища конца XI – XV вв. с находками предметов, связанных с обиходом и занятиями элиты, в Суздальском Ополье:

1 – Кистыш 3; 2 – Весь 1; 3 – Вишенки 3; 4 – Поганое озеро 1; 5 – Кибол 5; 6 – Вишенки 6; 7 – Кибол 11; 8 – Б. Давыдовское 2; 9 – Б. Давыдовское 4; 10 – Хламово 1; 11 – Шекшово 2; 12 – Константиновское 2; 13 – Подолец; 14 – Торки 4; 15 – Губачево 1 (Челагино); 16 – Карельская Слободка 4; 17 – Карельская Слободка 5; 18 – Осановец 1; 19 – Турабьево 2; 20 – Парша 3; 21 – Скомово 2; 22 – Михали 3; 23 – Михали 4; 24 – Тарбаево 1; 25 – Тарбаево 5; 26 – Тарбаево 6; 27 – Тарбаево 7; 28 – Новгородское 1; 29 – Яновец 1; 30 – Раславское 1; 31 – Мордыш 1; 32 – Васильково 1; 33 – Суворотское 8; 34 – Сунгирь (Боголюбово); 35 – Черниж 2; 36 – Сорогужино 2; 37 – Кубаево 7; 38 – Павловское 2; 39 – Григорово 2; 40 – Гостево 3; 41 – Улово 1; 42 – Добрынское 1; 43 – Сорогужино 4; 44 – Сорогужино 5; 45 – Вышеславское 3; 46 – Вышеславское 5; 47 – Крапивье 6; 48 – Семеновское-Советское 3; 49 – Григорово 3; 50 – Крапивье 10; 51 – Теренеево 1; 52 – Гнездилово 1.

а – селища с вещевыми комплексами, характеризующими повседневную жизнь и занятия элиты, конец XI – первая половина XIII в.

б – селища с вещевыми комплексами, характеризующими повседневную жизнь и занятия элиты, конец XI – первая половина XIII в., вторая половина XIII – XV в.

в – селища с находками отдельных предметов, характеризующих повседневную жизнь и занятия элиты, конец XI – первая половина XIII в.

г – селища с находками отдельных предметов, характеризующих повседневную жизнь и занятия элиты, вторая половина XIII – XV в.

д – города и городища, XII–XV вв.

Рис. 154. Стили для письма из сборов на селищах Суздальского Ополья:
1 – Подолец 1; 2 – Сорогужино 2; 3 – Сорогужино 2; 4 – Вышеславское 5;
5 – Раславское 1; 6 – Новгородское 1 ; 7 – Подолец 1;
1–3, 5–7 – железо; 4 – цветной металл

При современном уровне изученности суздальских селищ, большая часть которых известна нам по находкам из сборов, и вопросов социальной интерпретации средневековой материальной культуры целесообразно подойти к формированию списка поселений с предполагаемыми «усадьбами знати» с предельной осторожностью, ограничив его памятниками с яркими репрезентативными комплексами вещей, нерядовой характер которых достаточно выражен. В «основном списке» – 28 селищ с представительными сериями артефактов – археологических индикаторов элиты, включающими предметы нескольких категорий (не менее четырех), в том числе наиболее значимые маркеры занятий и повседневной жизни знати, артефакты связанные со сферой управления и письменностью (рис. 153). На двух этих селищах (Кистыш 3, Михали 3) раскопками вскрыты канавки от усадебных частоколов, сменявших друг друга на одном участке несколько раз, сохраняя общую планировку (подробнее см. главу настоящего издания «Внутренняя структура сельских поселений по данным археологии и геофизики», т. 1). На обоих этих памятниках часть «социально значимых» предметов найдена на участках, выделенных частоколами. Еще 23 памятника – селища с более скромными наборами подобных предметов или яркими отдельными находками «престижных вещей», не содержащие печатей, стилей для письма, книжных застежек, деталей защитного доспеха и клинкового оружия (рис. 153). Интерпретация этих наборов как следов «усадеб знати» кажется весьма вероятной, но надежность обоснования в этих случаях несколько ниже, чем для селищ «основного списка». В перечни памятников с наборами «социально значимых» предметов не включены селища с находками отдельных артефактов, которые можно связывать с занятиями и стилем жизни элиты (в том числе с находками фрагментов амфор, кистеня, псалиев с инкрустацией, товарных пломб), и селища с небольшими сериями предметов конского снаряжения и наконечников стрел. Вполне вероятно, что продолжение изучения памятников с подобными находками даст более определенные указания на присутствие здесь древнерусской элиты. Многие предметы, которые рассматриваются в настоящем разделе как археологические маркеры элиты (печати, предметы вооружения и снаряжения всадника и коня, христианские предметы) получили подробную характеристику в главах настоящего издания, посвященных этим категориям. Поскольку постройки и сооружения с находками престижных вещей на большинстве памятников не вскрыты раскопками, мы используем словосочетание «усадьбы знати» как условный термин, обозначающий поселения со следами стабильного местопребывания элиты.

Картирование селищ с комплексами вещей, связанных с обиходом и занятиями элиты (рис. 153), показывает, что они разбросаны по всей территории Ополья, от устья Нерли на юго-востоке до Селекши на северо-западе. Концентрация значительной их части в центральной части Ополья, к западу от Суздаля, может частично объясняться тем обстоятельством, что эти территории полнее охвачены обследованиями. Памятники с вещевыми комплексами – «маркерами элиты» – приурочены как к крупнейшим на этой территории рекам – Нерли, Рпени, Ирмесу и Каменке, так и к овражным системам на водоразделах. 13 вещевых комплексов локализуются на поселениях, сформировавшихся в X–XI вв., в том числе на «больших поселениях» или в непосредственной близости от них (Весь 1, Кибол 5, Большое Давыдовское 2, Шекшово 2, Турабьево 2, Тарбаево 5, Тарбаево 6, Тарбаево 7, Васильково 1, Мордыш 2, Кубаево 7, Суворотское 8). Остальные 32 селища – поселения, возникшие в XII – первой половине XIII в. на ранее не освоенных участках, преимущественно на овражных системах в глубине водоразделов, в том числе между крупными поселенческими центрами, сформировавшимися в предшествующий период. Наиболее яркие по составу находок многочисленные комплексы «маркеров элиты» документированы на поселениях, начало существования которых относится к XII–XIII вв.

Вещевые комплексы с «маркерами элиты» представлены на поселениях разной площади, от миниатюрных селищ до наиболее крупных в Суздальском Ополье агломераций. Среди этих памятников выделяется 10 селищ площадью от 0,5 до 1,6 га в верховьях овражных систем с компактным расположением вещевых находок (Крапивье 10, Вишенки 3, Вишенки 6, Тарбаево 1, Карельская Слободка 5, Хламово 1, Кибол 11, Михали 4, Парша 3, Торки 4). Эти случаи можно рассматривать как примеры обособленного расположения «усадеб знати», составлявших отдельное поселение или находившихся в составе поселения из двух-трех дворов. Однако гораздо более многочисленны ситуации с присутствием подобных комплексов на поселениях, занимавших большую площадь, которые могут быть интерпретированы как свидетельство устройства усадеб в составе многодворных сел. Судя по имеющимся материалам, общий подход к территориальной организации в большинстве случаев не предполагал территориального выделения «усадеб знати».

Большинство вещевых находок, связанных с обиходом и занятиями элиты, и отдельные небольшие серии предметов этого круга относятся к XII – первой половине XIII в. Этим временем датированы «маркеры элиты», идентифицированные на 48 поселениях. Наиболее ранний набор вещей, дата которого определяется в рамках второй половины XI в. – рубежа XI–XII вв., представлен на селище Крапивье 10.

Рис. 155. Средневековые предметы из сборов на селище Крапивье 10:
1 – навершие рукояти меча; 2 – крест; 3 – подвеска-денарий; 4 – фрагмент шейной гривны;
5, 6 – ременные разделители; 7 – подвеска-лунница; 8 – чулочный крючок; 9, 10 – фибулы; 11 – бубенчик;
12 – перстень; 13, 19 – ножи; 14 – наконечник стрелы; 15 – ключ; 16 – звено цепи; 17 – пинцет; 18 – серп.
1 – железо, цветной металл; 2 – цветной металл, эмаль; 3 – серебро; 4–12, 17 – цветной металл; 13–16, 18 – железо

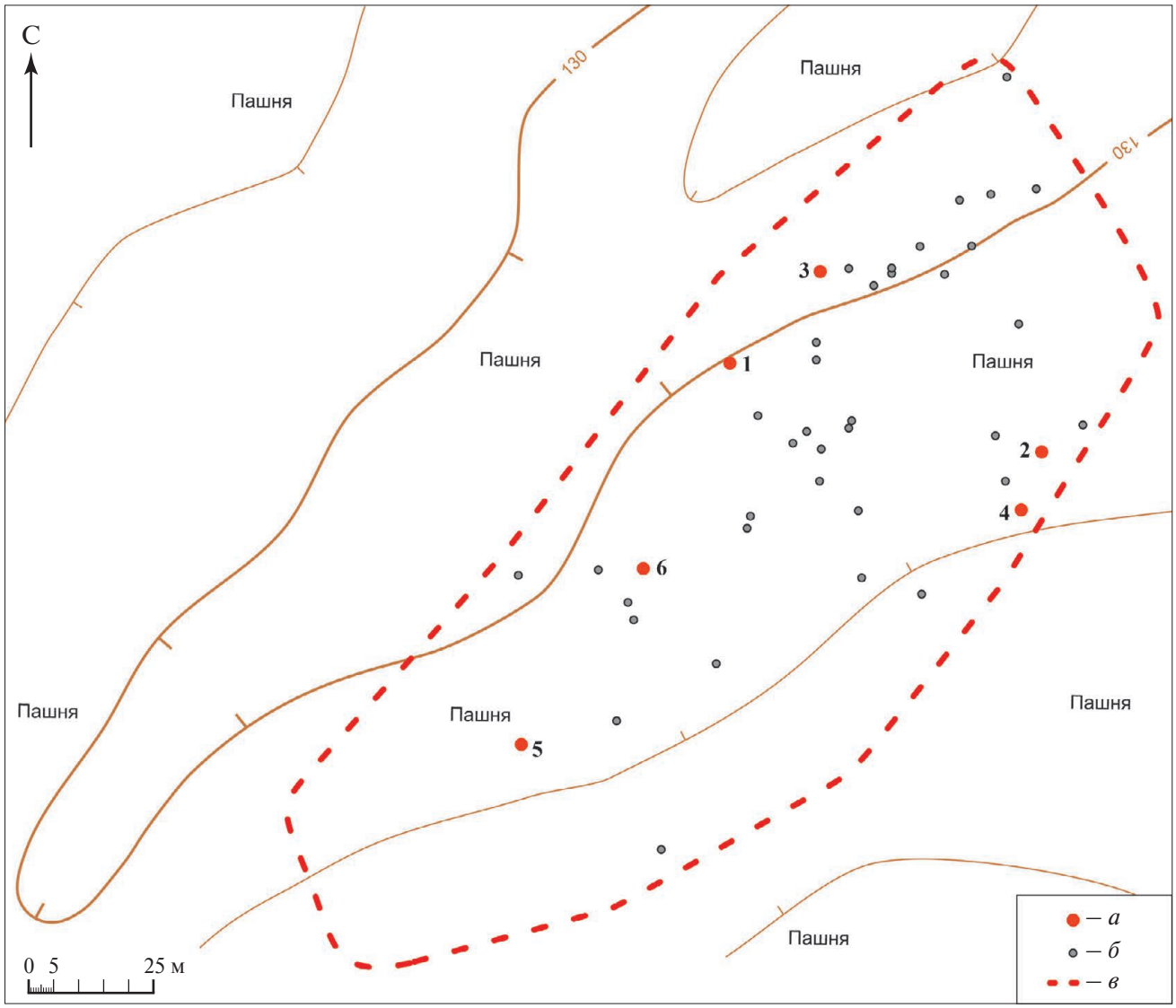

Рис. 156. Планиграфия находок «статусных предметов» на селище Крапивье 10 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 155): а – «статусные предметы»; б – прочие средневековые находки; в – граница памятника

Ранняя дата комплекса устанавливается по находкам лепной керамики, денария-подвески (Англия, Кнут Великий, 1023–1029 гг.), кольцевидной фибулы с зооморфными личинами, наборной коньковой подвески, пластинчатого широкосрединного перстня с петлей для привесок. К послемонгольскому времени могут быть отнесены находки на шести селищах, включающие шпоры с колесиком и их фрагменты (Сорогужино 4, Кистыш 3, Гнездилово 1), панцирные пластины (Кистыш 3, Кибол 5), прикладную печать в виде шахматной пешки (Кистыш 3), набор железных ременные поясных накладок (Кибол 5), фрагменты поливной восточной посуды (Кистыш 3, Сунгирь) (Шполянский, 2015). При этом на трех селищах находки престижных предметов и снаряжения всадника второй половины XIII – XV в. наследуют наборам социально значимых артефактов домонгольского времени.

Остановимся на некоторых селищах с наиболее яркими вещевыми материалами, которые интерпретированы как свидетельства местопребывания на поселениях социальной элиты.

Для понимания начальных этапов формирования малодворных поселений с «усадьбами знати» первостепенный интерес представляет селище Крапивье 10, находящееся в верховьях одной из небольших овражных систем, выходящих к реке Каменке, в нескольких километрах от Суздаля (рис. 155, 156).

Рис. 157. Ременные разделители с зооморфными личинами:
1 – Крапивье 10; 2–5 – Лютомерск; 6 – Тум; 7 – Сахновка

Площадь этого селища около 1,5 га, однако, судя по распределению основной массы находок, размеры участка, занятого усадьбами, могли составлять чуть более половины этой площади. Это единственное селище, на котором найден фрагмент клинкового оружия – основание навершия рукояти меча, инкрустированное цветным металлом (рис. 155: *1*). Точное типологическое определение меча по найденной детали затруднительно, орнамент с насечкой в виде ромбов близок декору рукоятей мечей типа Т-2 (Кирпичников, 1966 а, с. 17, 21, 25–27, рис. 1, 4: *4*). Верхняя граница бытования мечей с двусоставными навершиями в целом не выходит за рамки середины XI в. (Кирпичников, 1966а, с. 23–29, 39; Андрощук, 2013, с. 137–166). Среди прочих находок к предметам, связанным с элитной воинской средой, могут относиться два уздечных разделителя – целый и фрагмент разделителя с зооморфными личинами, выполненными по североевропейским мотивам (рис. 155: *6*). Находки аналогичных разделителей с зооморфными личинами происходят из Сахновки в Среднем Поднепровье (рис. 157: *7*; Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1902, с. 34, табл. XVIII, 304) и из Лютомерского могильника и городища Тум (Лечице) в Польше (рис. 157: *2–6*; Grygiel, Stasiak, Trojan, 2014, s. 489, 698–699; s. 515, ryc. 289: *4*; s. 709, ryc. 16). К числу редких предметов, демонстрирующих социальный престиж, могут быть отнесены также фрагмент шейной гривны (деталь замка) и крест с эмалью редкой формы. В керамической коллекции лепная керамика составляет около 10%. Очевидно, поселение возникло во второй половине – конце XI в. и продолжало существование до середины XII в. Крапивье 10 находится на расстоянии двух с половиной – четырех километров от двух «больших поселений» X–XI вв. – Кибол 3-5 и Гнездилово 2, на которых найдены предметы скандинавского круга. В Гнездилове, как показано выше, жизнь прекратилась на рубеже XI–XII вв. или в начале XII в., примерно тогда же, когда возникло поселение Крапивье 10. Это селище – самое ранее из выявленных пока малодворных поселений на водоразделах со следами местопребывания знати. Находка фрагмента клинкового оружия определенно указывает, что инициатива устройства таких поселений могла принадлежать представителям воинской среды, сохранявшим традиции «дружинной культуры» X–XI вв.

Селище Семеновское-Советское 3 находится на водоразделе Каменки и Уршмы в 12 км к юго-западу от Суздаля, оно располагается на возвышенности и приурочено к небольшой лощине в верховьях разветвленной овражной системы. Общая площадь поселения составляет около 4 га, однако основная часть находок (их всего немногим более 100) собрана на участке площадью не более 1,5 га. Коллекция включает обычный для селищ набор бытовых и хозяйственных вещей и орудий труда (ножи, иглы, шило, обух топора, сошник, ножницы, замок, ключ), украшений, металлических деталей костюма и предметов христианского культа (8 крестов и энколпион). Судя по находкам лепной керамики и фрагмента креста скандинавского типа, поселение возникло не позднее конца XI в., основная часть находок датируется XII – первой половиной XIII в. В числе предметов, которые могут рассматриваться как индикаторы присутствия элиты, свинцовая пломба, книжная застежка, некоторые детали костюма, в том числе бронзовая ременная накладка килевидной формы с чернью. Наиболее значимая находка для характеристики социального статуса насельников – двусторонняя бронзовая подвеска с квадрифолийным щитком с изображениями Христа Эммануила и св. Нестора Солунского, выполненными в технике перегородчатой эмали (рис. 85: *3*).

Украшенные эмалью квадрифолийные кресты и звенья цепочек получили широкое распространение в древнерусской металлопластике XII–XIII вв., однако среди них нет образков с изображением св. Нестора. Очевидно, изображение носит патрональный характер. Имя Нестора известно русской средневековой ономастике, но не было широко употребительным. Можно полагать, что почитание св. Нестора на Руси было тесно связано с почитанием его учителя, св. Дмитрия Солунского (Макаров, Зайцева, 2019). Выше уже было отмечено, что культ Дмитрия Солунского во Владимиро-Суздальских землях получил распространение во время княжения Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, построившего собор во Владимире во имя своего святого покровителя и поместившего в нем привезенные из Солуни реликвии (подробнее см. главу: Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Христианская пластика: подвески-образки и змеевики в настоящем томе, С. 181–182; ПСРЛ, т. 1, стб. 436–437). Восстанавливая исторический контекст находки, уместно предположить, что заказчиком эмалевого образка с изображением малоизвестного на Руси мученика мог быть человек из окружения Всеволода. Нестор, таким образом, – единственный пока обитатель (скорее всего, владелец) «усадьбы знати» на суздальских сельских поселениях, известный нам по имени.

Селище Вышеславское 3 (рис. 158, 159) находится примерно в 8 км к юго-западу от Суздаля, оно приурочено к вершине одного из оврагов в верховьях р. Каменки. Освоение этой территории началось на рубеже XI–XII вв., селище входит в состав локальной группы поселений, сформировавшейся на овражных системах, площадь его около 3,9 га. При обследовании на распаханной поверхности и в шурфе собрано около 180 фрагментов венчиков средневековых сосудов и около 140 предметов из железа, цветного металла, камня и кости.

Рис. 158. Средневековые предметы из сборов на селище Вышеславское 3:
1 – печать; 2 – подвеска-образок; 3 – подвеска-змеевик; 4 – накладка; 5 – колт;
6 – острие с кольцом; 7 – молоток; 8 – пряжка; 9 – привеска-лапка; 10 – подвеска-ложечка;
11 – пуговица; 12 – крест; 13 – перстень; 14 – бубенчик; 15 – кольцо; 16 – фибула; 17 – нож.
1–4, 7–11, 13–16 – цветной металл; 5 – цветной металл, позолота; 6 – железо, цветной металл;
12 – цветной металл, эмаль; 17 – железо

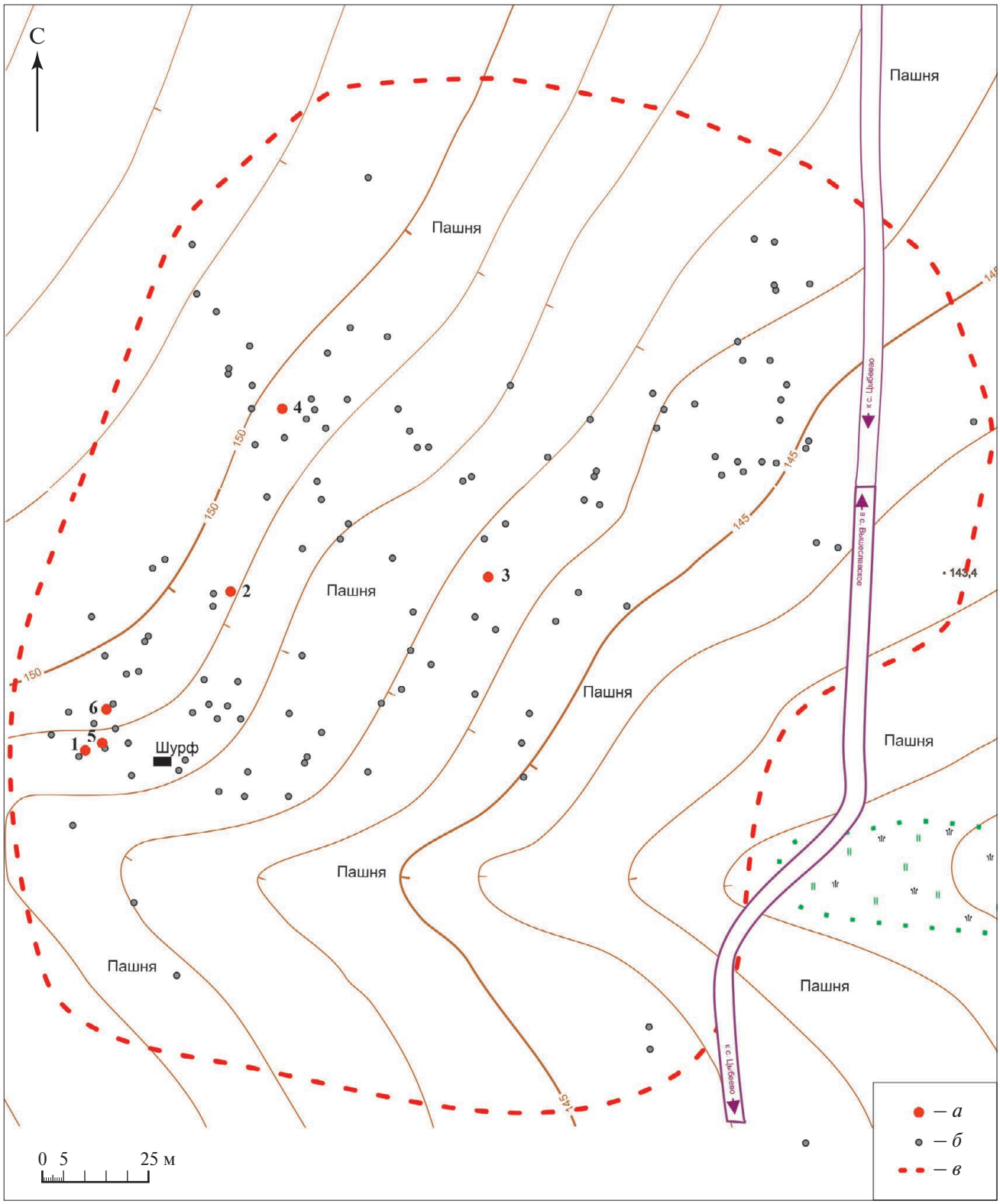

Рис. 159. Планиграфия находок «статусных предметов» на селище Вышеславское 3 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 158):
а – «статусные предметы»;
б – прочие средневековые находки;
в – граница памятника

Вся керамика круговая, в керамической коллекции преобладают фрагменты сосудов с невысокой шейкой и отогнутым наружу венчиком со скругленным и загнутым внутрь краем и сосуды с высокой раструбовидной шейкой (типы VIII А–В и VI по классификации В. А. Лапшина) (Лапшин, 1992), характерные для XII – первой половины XIII в., но представлены также отдельные фрагменты венчиков с эс-образным и секировидным профилем, верхняя граница бытования которых не выходит за рамки первой половины XII в. Среди хронологически определимых предметов из металла преобладают бытовые вещи, украшения и предметы христианского культа – хроноиндикаторы середины XII – первой половины XIII в., но присутствует также несколько украшений и предметов личного благочестия, получивших распространение в более ранний период. К числу последних относятся, в частности, бронзовый грушевидный крестопрорезной бубенчик и крест скандинавского типа. В шурфе площадью 6 кв. м, заложенном вблизи места находки печати (рис. 159), выявлен культурный слой мощностью до 40 см и материковая яма с круговой керамикой XII – первой половины XIII в. Очевидно, поселение возникло на рубеже XI–XII вв. и прекратило существование в середине XIII в.

Вещевая коллекция, собранная на селище (рис. 158), включает бытовые вещи и орудия труда (ножи, иглы, шило, зубило, ювелирный молоток, пластины от котлов, замки, булавку с кольцевидной головкой), украшения и детали костюма (перстни, фрагменты браслетов, бубенчики, пуговицы, поясные пряжки и накладки) и христианские предметы (кресты различных типов). Среди нерядовых, социально значимых, предметов металлическая накладка на сумку с плетеным орнаментом (рис. 158: *4*), бронзовый позолоченный колт с изображением фантастического животного (рис. 158: *5*), амулет-змеевик, на лицевой стороне которого помещено изображение Богоматери с младенцем на троне, а на обороте – изображение Горгоны и круглая подвеска с погрудным изображением святого Георгия и трезубцем на оборотной стороне (рис. 158: *2*). Наиболее важная находка – печать с изображением Космы и Дамиана и греческой благопожелательной надписью (рис. 158: *1*), атрибутированная как моливдовул высокопоставленного представителя княжеской власти, в управлении которого могли находиться суздальские земли, или церковного иерарха. Принадлежность печати неизвестному по письменным источникам лицу, связанному с Северо-Восточной Русью, обоснована географией находок аналогичных печатей и отливавшихся по их образцу иконок с изображением Космы и Дамиана (Макаров, Гайдуков, 2018). Тип печати с греческой благопожелательной надписью на лицевой стороне и изображением святого патрона владельца на обороте хорошо известен в русской сфрагистике второй половины XI – начала XII в. (Янин, 1970, с. 14–33).

Селище Григорово 3 (рис. 160) находится у северной границы Ополья, на водораздельном участке, на берегу ручья, вблизи от истоков р. Садовки, правого притока р. Нерли. Площадь селища около 2,1 га. Культурный слой сильно распахан, на площадке зафиксированы многочисленные грабительские перекопы. Коллекция из сборов включает около 300 фрагментов круговой средневековой керамики и 104 предмета из металла, стекла и камня. Период жизни поселения определяется в рамках XII–XV вв. В составе коллекции бытовые и хозяйственные вещи и орудия труда (ножи, ножницы, шилья, фрагменты котлов, замки, ключ, пряслице, сошник), металлические украшения и детали костюма (лунница, привески, перстни, пуговицы), христианские предметы (4 креста). К числу предметов, связанных с присутствием элиты, могут относиться накладка на книжный переплет (рис. 160: *5*), наконечник стрелы (рис. 160: *2*), уздечный разделитель (рис. 160: *4*) и обоюдоострый нож. Наиболее выразительная находка – яшмовый крест «корсунчик» с золотой обкладкой (рис. 160: *1*), имеющий многочисленные аналогии в кладах, выпадение которых связывается с монгольским нашествием. Это единственный целый предмет, изготовленный с использованием золота, в коллекции из сборов 2001–2019 гг. Продолжение жизни на поселении в послемонгольское время документировано находками полуденги Василия Дмитриевича 1390-х гг. и медного фалса XIV–XV вв., однако в коллекции нет предметов, указывающих на пребывание здесь знати в этот период. Очевидно, что значительная часть средневековых предметов извлечена из культурного слоя грабителями и собранная коллекция не отражает набор артефактов, находившихся в обиходе обитателей поселения.

Селище Скомово 2 (рис. 161, 162) находится в северной части Ополья, в глубине водоразделов, на правом берегу небольшой речки Скомовнянки, левого притока р. Ирмес. Оно занимает мысовидный выступ в излучине речки, площадь селища 0,6 га. Очевидно, селище представляет собой часть гнезда средневековых поселений, находящегося на территории современного села Скомово и оставшегося неохваченным разведками. На селище собрано около 250 фрагментов керамики, главным образом круговой домонгольской, и 76 предметов из металла, камня и стекла. Материалы из сборов датируются XI – первой половиной XIII в., присутствие в коллекции раннекруговой керамики (типы I, II и IV по В. А. Лапшину) и нескольких фрагментов лепной может указывать на возникновение поселения в конце XI в. В вещевой коллекции представлен бытовой и хозяйственный инвентарь (ножи, кресало, замки, ключи, фрагменты котлов, фрагменты топоров) и отдельные украшения и детали костюма (пуговицы, пряжки, стеклянная бусина).

Рис. 160. Средневековые предметы из сборов на селище Григорово 3:
1, 10 – кресты; 2 – наконечник стрелы; 3 – обоюдоострый нож; 4 – ременной разделитель;
5, 8 – накладки; 6 – ключ; 7 – ременной наконечник; 9 – подвеска-лунница;
11 – пластина (фрагмент котла?); 12 – крючок колчанный; 13, 14 – ножи.
1 – золото, камень; 2, 3, 6, 13, 14 – железо; 4, 5, 7–12 – цветной металл

Рис. 161. Средневековые предметы из сборов на селище Скомово 2:
1 – подвеска-образок; 2 – печать; 3, 5, 6, 9 – наконечники стрел; 4 – наконечник сулицы; 7 – писало; 8 – крюк для подвески лампады; 10 – книжная застежка; 11–12 – пуговицы; 13 – ключ; 14 – крест; 15 – кресало; 16 – пряслице; 17 – гребень.
1, 2, 8, 10–12 – цветной металл; 3–7, 9, 13, 15 – железо;
14 – цветной металл, чернь (утрачена); 16 – пирофиллит; 17 – рог

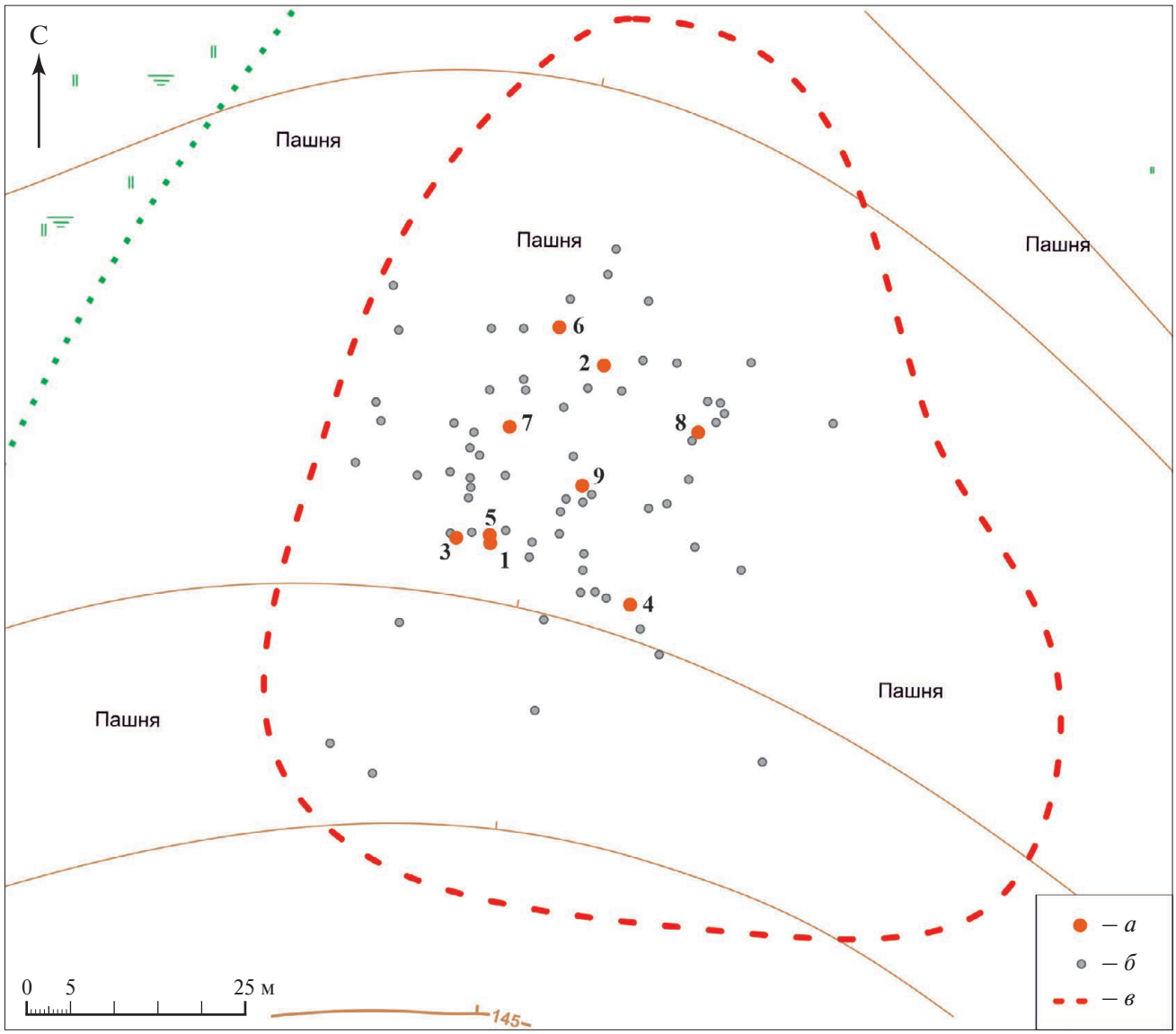

Рис. 162. Планиграфия находок «статусных предметов» на селище Скомово 2 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 161):
а – «статусные предметы»;
б – прочие средневековые предметы;
в – граница памятника

К числу предметов – «маркеров элиты» – должна быть отнесена печать с изображением св. Дмитрия Солунского и благопожелательной надписью (рис. 161: *2*), стиль для письма (рис. 161: *7*), книжная застежка (рис. 161: *10*), бронзовый крюк – деталь лампады (рис. 161: *8*) и 5 наконечников стрел, 4 из которых имеют упор для древка. Печать относится к типу, получившему распространение в последней четверти XI – начале XII в., и могла принадлежать неизвестному князю (Янин, 1970, с. 67–71). Хронологически обособлена от этой группы находок двусторонняя иконка с изображением Богоматери Воплощение и святого Николая (рис. 161: *1*), близкая по своим стилистическим особенностям к образкам второй половины XIII – XV в. (Макаров, Зайцева, 2019).

Среди ближайших к Суздалю поселений с находками предметов, связанных с письменностью, селище ***Поганое озеро 1*** (рис. 163, 164), расположенное в 5 км к северо-западу от города, на водораздельном участке, на берегу одноименного озера. Одиночное поселение площадью около 3 га занимает возвышенный участок береговой террасы, вся поверхность его распахивается.

Рис. 163. Средневековые предметы из сборов на селище Поганое озеро 1:
1 – писало; 2, 4 – энколпионы; 3 – фрагмент лампадофора; 5 – подвеска-ложечка; 6 – ключ; 7–9 – грузики; 10 – перстень; 11 – накладка; 12 – браслет; 13, 14 – кресты; 15, 17 – бубенчики; 16 – пряжка.
1, 3, 6 – железо; 2, 5, 7–15, 17 – цветной металл; 4 – цветной металл, чернь; 16 – цветной металл, железо

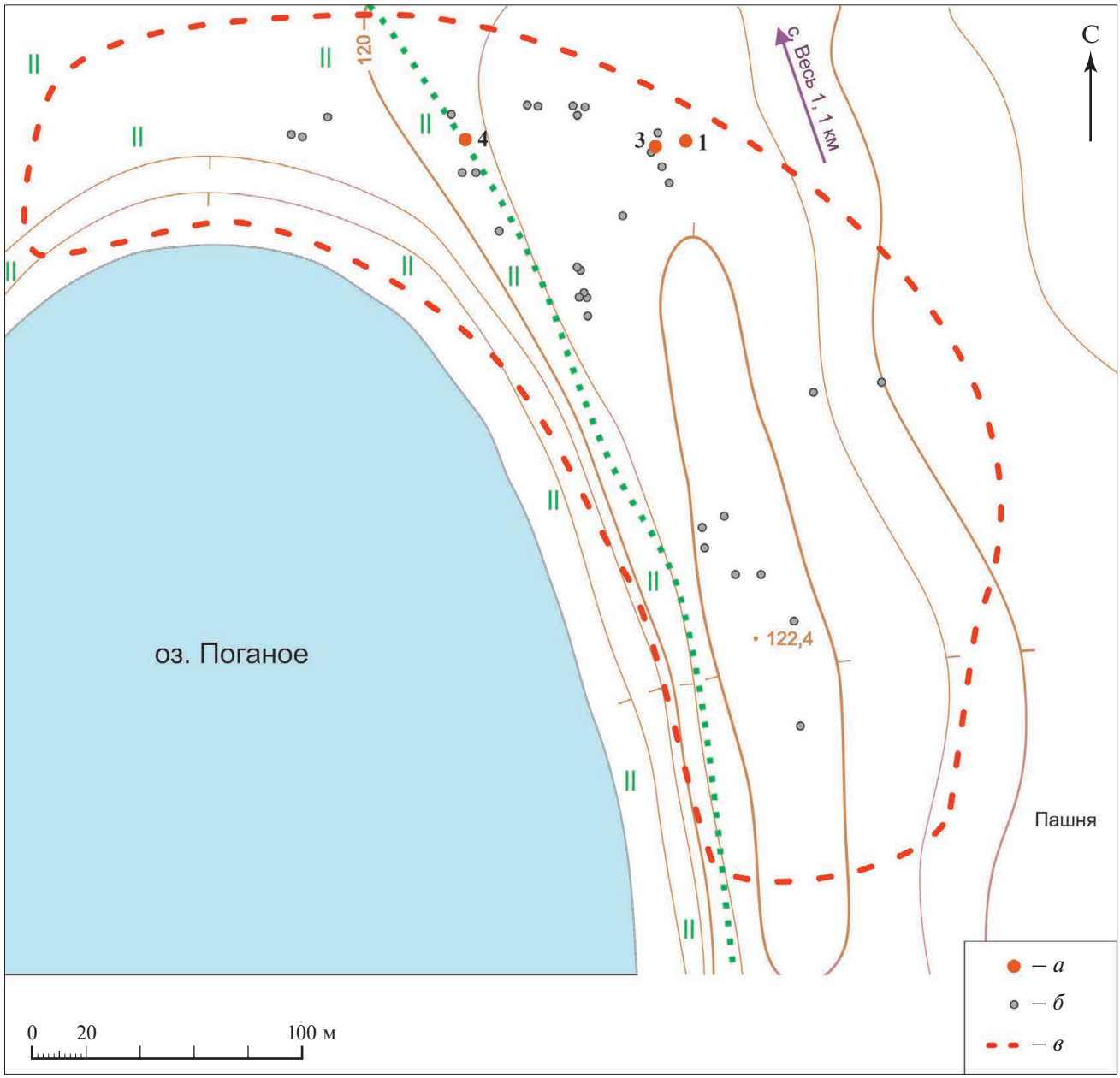

Рис. 164. Планиграфия находок «статусных предметов» на селище Поганое озеро 1 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 163): а – «статусные предметы»; б – прочие средневековые предметы; в – граница памятника

На селище собрано около 200 фрагментов круговой домонгольской керамики и отдельные фрагменты лепной средневековой, а также 107 предметов из металла, камня, стекла и рога (рис. 163). Присутствие в материалах из сборов лепной керамики и металлических предметов-хроноиндикаторов XI – первой четверти XII в. (грушевидные крестопрорезные бубенчики, узкопластинчатый перстень, крест-подвеска с растительным декором на лопастях) позволяет отнести начало жизни на поселении ко времени не позднее конца XI в.; очевидно, оно продолжало существование до середины XIII в. Коллекция содержит разнообразный набор бытовых и хозяйственных предметов (ножи, иглы, шило, пряслица, замки, ключи, фрагмент топора, фрагмент серпа, детали котлов), детали снаряжения коня (удила), украшения и детали одежды (браслеты, перстни, бубенчики, подвеску-ложечку, ременные накладки). Христианские предметы представлены фрагментами энколпионов –

Рис. 165. Средневековые предметы из сборов на селище Кистыш 3:
1 – навершие булавы; 2 – книжная застежка; 3 – пломба; 4, 6, 9 – наконечники стрел; 5 – энколпион;
7 – часть образка-складня; 8, 14 – подвески-образки; 10, 12 – фрагменты шпор; 11 – прикладная печатка;
13 – подвеска-змеевик; 15 – пластина от доспеха; 16 – фрагмент кольчуги.
1, 4, 6, 9, 10, 12, 16 – железо; 2, 3, 5, 7, 8, 13, – цветной металл; 11 – рог; 14 – камень;
15 – железо, цветной металл

створками гладкого черневого и рельефно-черневого реликвариев с изображениями Распятия и двумя оглавиями энколпионов, а также двумя крестами-подвесками. Комплекс «нерядовых» находок включает фрагмент золотой фольги, стиль для письма с фигурной лопаточкой (рис. 163: *1*) и фрагмент металлического осветительного прибора (хороса или лампадофора) (рис. 163: *3*). Любопытно, что все предметы, которые могут иметь статусное значение, здесь имеют отношение к христианству и гражданским занятиями, тогда как предметы вооружения отсутствуют.

Один из наиболее представительных наборов предметов, связанных с обиходом элиты, происходит с ***селища Кистыш 3***, находящегося в 13 км к северо-западу от Суздаля, на небольшой речке Кестре, притоке Ирмеса. Селище является составной частью гнезда средневековых поселений, выявленных на территории современного села Кистыш и в его ближайших окрестностях. Оно занимает мыс, образованный р. Кестрой и безымянным ручьем. Селище разделено на две части ложбиной, площадь его около 2,7 га, почти вся поверхность распахана. На пашне собрано около 940 фрагментов средневековой керамики и 437 предметов из металла, стекла, камня, кости и рога (рис. 165). На северном участке селища проведены раскопки на площади чуть более 100 кв. м, коллекция из раскопа включает около 30 000 единиц керамики и 324 индивидуальные находки. Основной период существования поселения на северном участке охватывает XII – первую половину XIII в., на южном участке жизнь продолжалась также во второй половине XIII–XIV в.

Среди археологических маркеров элиты, обнаруженных в северной части селища, фрагмент книжной застежки (рис. 165: *2*), фрагмент иконки-складня (рис. 165: *7*), фрагмент каменного двустороннего образка с изображениями неизвестных святых (рис. 165: *14*), булава (рис. 165: *1*), фрагмент кольчуги (рис. 165: *16*), два наконечника стрелы: срезень и четырехгранный наконечник с упором, железная посеребренная пластина от доспеха с декором в виде концентрических окружностей (рис. 165: *15*) и свинцовая пломба «дрогичинского» типа со знаком Рюриковичей (трезубец прямоугольных очертаний с укороченным центральным зубцом) (рис. 165: *3*). Часть этих находок происходит с участка, ограниченного частокольной оградой, канавки которой с остатками деревянных столбиков выявлены в раскопе. Очевидно, это следы ограды усадьбы, существовавшей в течение продолжительного времени. Хронологические рамки представленного в этой части селища набора инвентаря и массового материала определяются в пределах XII–XIII вв.

В южной части селища, помимо обычных бытовых вещей, орудий труда и украшений, в распашке собраны: змеевик с изображением сцены Крещения на лицевой стороне (рис. 165: *13*), энколпион с прямоугольными концами с изображением на лицевой стороне Распятия, на оборотной – Богоматери (рис. 165: *5*), круглая иконка с врезным изображением Богоматери Оранты (рис. 165: *8*), наконечник стрелы, шпора и колесико от шпоры, роговая прикладная печатка (рис. 165: *11*) и обломок полуфаянсового сосуда с черной росписью под голубой глазурью. Большая часть этих предметов должна быть отнесена ко второй половине XIII – XIV в.

Еще один пример селища с находками статусных предметов, относящихся к различным хронологическим периодам, – ***поселение Михали 3*** в трех километрах к югу от Суздаля (рис. 166, 167). Селище находится в верховьях сильно запаханного и приболоченного оврага, выходящего к р. Мжаре, площадь его около 3,6 га. Селище идентифицируется как село Мининское, упоминаемое в данной грамоте черницы Марины как владение суздальского князя Дмитрия Константиновича Ногтя, младшего сына Константина Васильевича Нижегородского, переданное Васильевскому монастырю. Датировка грамоты (1453 г. или 1580-е гг.) и вопрос об ее подлинности остаются предметом дискуссии (Кучкин, 1982; Кучкин, 1984, с. 220–221; Каштанов, 1996, с. 90–95; подробнее см. главу настоящего издания «Суздальские селища во второй половине XIII – XV в.: археологические реалии и исторический контекст», т. 2), однако принадлежность запустевшего в XVI в. поселения к вотчинам суздальских князей надежно установлена на основании поземельных документов. Для характеристики памятника мы располагаем коллекцией из сборов (около 280 предметов) и материалами раскопок на площади около 70 кв. м, вскрывших культурный слой XI–XIV вв. с канавками от ограды усадьбы и участок некрополя XIV–XV вв., прорезавшего культурные напластования. Коллекция из раскопок включает 238 предметов. Возникновение поселения по находкам лепной и раннекруговой керамики должно быть отнесено ко второй половине – концу XI в., непрерывное существование его до середины – конца XV в. надежно документировано керамическими и вещевыми материалами (Федорина, Красникова, Шполянский, Угулава, 2020, с. 138–141). Среди вещевых находок – археологических маркеров элиты домонгольского времени – две книжные застежки, бронзовый колт с геометрическим декором чернью и позолотой (рис. 166: *1*), два серебряных креста-подвески, три псалия (рис. 166: *10, 11*), фрагменты булавы (рис. 166: *5*), пластина от доспеха и три наконечника стрел. Эти находки локализуются на различных участках поселения (рис. 167), в том числе на участке, вскрытом раскопками, где располагалась усадьба, частоколы которой по данным радиоуглеродным датам отнесены к XI – первой половине XII в.

Рис. 166. Средневековые предметы из сборов на селище Михали 3:
1 – колт; 2 – подвеска-образок; 3, 4 – оглавия энколпионов; 5 – навершие булавы; 6 – подвеска;
7–9 – наконечники стрел; 10, 11 – псалии; 12 – крест; 13 – пряслице.
1 – цветной металл, чернь, позолота; 2–6 – цветной металл;
7–9, 11 – железо; 10 – железо, цветной металл;
12 – цветной металл, чернь; 13 – пирофиллит

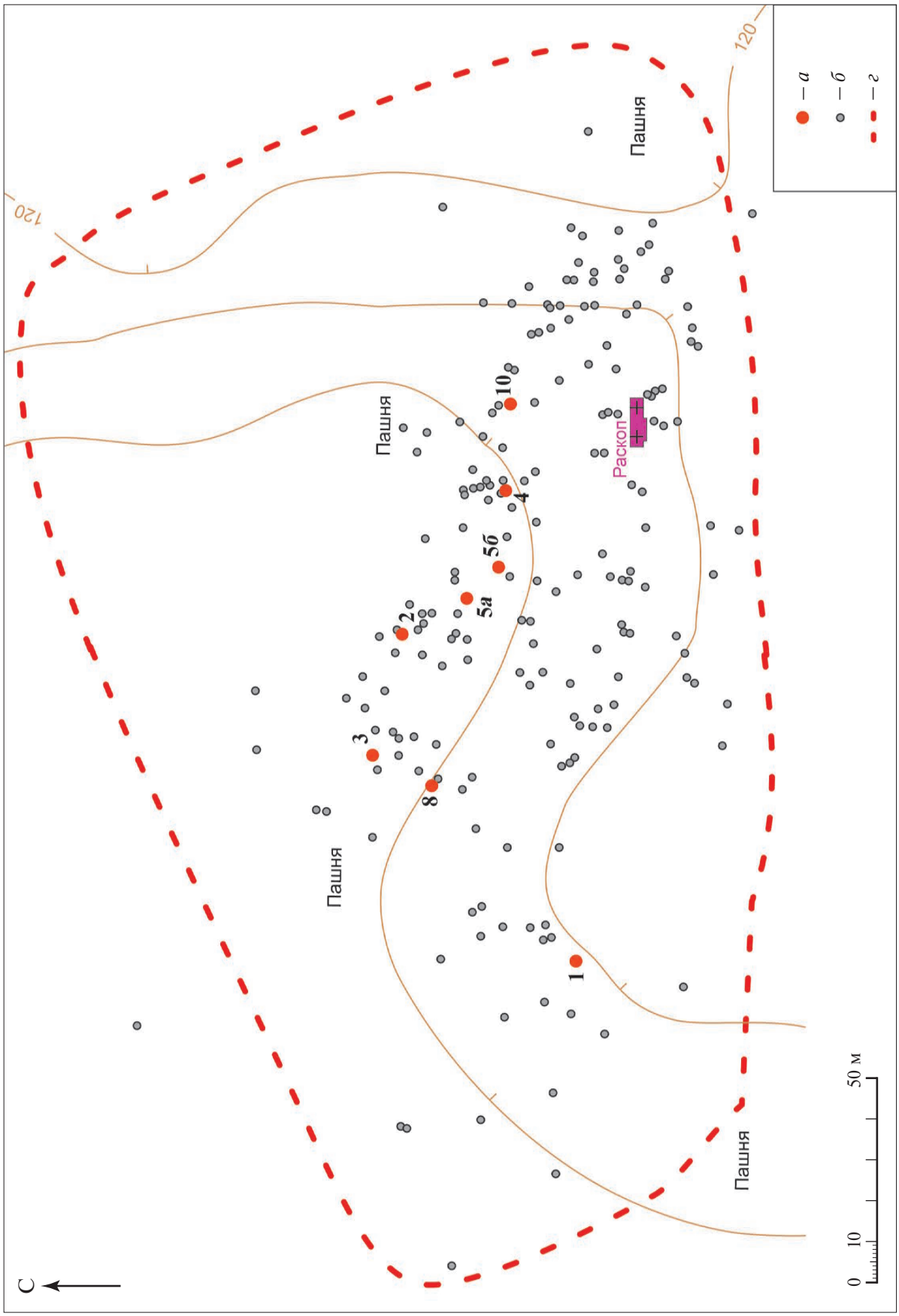

Рис. 167. Планиграфия находок «статусных предметов» на селище Михали 3 (номера находок на плане соответствуют их позициям на рис. 166): а – «статусные предметы»; б – прочие средневековые предметы; в – граница памятника

Находки, связанные с обиходом знати удельной эпохи, включающие фрагменты золотоордынских бронзовых зеркал и книжной застежки, пластину от доспеха, поясные накладки и многочисленные монеты, в том числе серебряные деньги русского чекана, рассмотрены С. В. Шполянским в главе, посвященной особенностям сельского расселения второй половины XIII – XV в. и его историческому контексту.

Стоит отметить, что вблизи селища Михали 3, в 200 м южнее, на склоне противоположного берега оврага, выходящего к р. Мжаре, находится небольшое ***селище Михали 4*** (площадь около 0,5 га), на котором найдена редкая печать с изображением святого всадника и святой мученицы, которая могла принадлежать одной из княгинь XII – первой половины XIII в. (подробнее см. главу настоящего издания «Актовые печати», т. 2). В составе коллекции вещей из сборов на этом памятнике, насчитывающей чуть более 200 единиц, также представлены отдельные предметы, которые могут быть связаны с обиходом элиты, в том числе колчанный крючок, три закрытых энколпиона с рельефно-черневым изображением Распятия и черневыми изображениями крестов, крючок для подвешивания колчана, амулет-топорик и ручка амфоры. Набор «статусных вещей» здесь существенно более скромный, чем на селище Михали 3, однако присутствие печати – весомое основание для отнесения его к числу поселений с усадьбами знати. В отличие от селища Михали 3, никаких находок, указывающих на продолжение жизни после середины XIII в., здесь нет.

Как мы видим, наборы находок, выделенные как маркеры «усадеб знати», могут заметно различаться по своему составу и численности. Различна и история самих поселений, с которыми связаны эти находки, период жизни одних ограничен одним – полутора столетиями (Вышеславское 3, Семеновское-Советское 3) или еще более коротким отрезком (Крапивье 10), на других жизнь продолжалась не менее четырехсот лет (Михали 3). Очевидно, многие из этих поселений прекратили свое существование в середине XIII в. (Вышеславское 3, Семеновское-Советское 3, Михали 4), однако в ряде случаев хронологическое распределение престижных вещей указывает на возобновление «усадеб знати» после монгольского нашествия (Кистыш 3, Михали 3). Существенно, что на большинстве рассмотренных селищ в составе находок маркеров «усадеб знати» представлены предметы, связанные с различными сферами деятельности представителей элиты, а на 11 селищах (Кистыш 3, Весь 1, Поганое 1, Вишенки 3, Большое Давыдовское 2, Подолец, Кибол 11, Вышеславское 3, Михали 3, Михали 4, Теренеево 1) в коллекциях одновременно присутствуют предметы, связанные с военным делом, письменностью, христианским благочестием и «престижным потреблением».

При первом обращении к проблемам социальной характеристики суздальских селищ я попытался найти критерии для выделения среди вещевых комплексов – «маркеров элиты» – специфических наборов, которые можно было бы связать с боярскими усадьбами и дворами низшего слоя элиты, дворян и слуг. Продолжение исследований склоняет к более осторожному подходу. Несколько памятников с эксклюзивными находками, предметами высокого художественного качества и фрагментами украшений и предметов христианского культа из драгоценных металлов (Кистыш 3, Григорово 3, Семеновское-Советское 3) действительно с большой долей вероятности могут рассматриваться как боярские усадьбы. Принадлежность остальных не может быть конкретизирована. Документы, скрепленные печатями, стили для письма, книги, предметы вооружения могли находиться в обиходе различных социальных групп знати, в том числе слуг.

51 поселение с репрезентативными комплексами артефактов – «маркеров элиты» – составляют около 15% от всех известных в настоящее время поселений XII–XV вв. в Суздальском Ополье. В действительности их доля в общем массиве поселений этого времени была, вероятно, существенно выше. Ведь за общее число при определении этой доли следовало бы принимать не число всех выявленных памятников, а число памятников XII–XIII вв. с достаточно представительными вещевыми коллекциями, которые могут быть использованы для характеристики повседневной жизни и уровня благосостояния. В списке селищ XII–XV вв. с вещевыми коллекциями, насчитывающими более 50 предметов (их 55), доля селищ с «маркерами элиты» составляет 58%. Не имеющие внешних признаков «усадьбы знати» с большой долей вероятности могут быть выявлены на уже известных селищах по мере продолжения обследований или раскопок и накопления более обширных вещевых коллекций. На сегодняшнем уровне изученности поселенческих памятников стоит проявить осторожность при оценке доли поселений с усадьбами знати в общей совокупности селищ. Очевидно, однако, что устройство таких усадеб на сельских поселениях, не защищенных деревоземляными укреплениями, в Суздальском Ополье было в XII–XIII вв. достаточно обычным явлением.

Отражает ли эта форма организации расселения и повседневной жизни элиты особенности социального устройства центра Суздальской земли или более универсальную модель, распространенную на всей территории Северо-Восточной Руси и в других древнерусских землях? Прямых свидетельств присутствия «усадеб знати» на неукрепленных поселениях других территорий пока не так много, но это объясняется во многом отсутствием их целенаправленных поисков и систематического обследования сельских территорий. В центре Европейской России многие старые сельскохозяйственные земли, перспективные для поиска подобных комплексов, в на-

стоящее время выведены из сельскохозяйственного оборота, что значительно снижает продуктивность разведок. Вещевые комплексы – «маркеры элиты», близкие суздальским, известны на отдельных селищах XII–XIII вв. в Верхнем Поволжье (Шитовичи) (Олейников, А-1989) и широко представлены на селищах Черниговского Подесенья и Среднего Поднепровья (Шекун, Веремейчик, 1999, с. 62–66; Моця, 2003, с. 154–155, 205–207; Петрашенко, 2005, с. 96–97, 147; Шекун, 2006; Веремейчик, 2010). В последнее время раскопками исследованы усадьбы знати на селищах позднего Средневековья и раннего Нового времени, типологически близкие суздальским домонгольским. Наиболее известные и хорошо документированные – Ближнее Константиново под Нижним Новгородом (с частокольной оградой, находками предметов вооружения и конского снаряжения, предметами христианского культа и восточной поливной керамикой; вторая половина XIII – начало XV в.) (Грибов, 2008) и Игнатьево 2 под Звенигородом (с остатками большой постройки – «хором» и кладом предметов вооружения, включавшим два шлема (Алексеев, Смирнов, Двуреченский, 2018). Этих примеров достаточны для того, чтобы признать, что мы имеем дело с практикой, имевшей весьма широкое территориальное распространение.

Наблюдения, сделанные в Суздальском Ополье, показывают, что идея поиска боярских усадеб в городах и на городищах, сформулированная в советской археологии в 1930-х гг. и находившаяся на вооружении до конца XX в., не является единственным путем археологического поиска средневековой русской элиты. А ландшафты, не имеющие внешних признаков присутствия средневековых властных структур и иерархической организации общества, не должны априорно рассматриваться как сельские территории с недифференцированным в социальном отношении населением, не охваченным политическим устройством.

Как соотносятся археологические наблюдения, сделанные на материалах новых полевых работ, с историческим видением социального устройства и властных отношений в Суздальской земле, утвердившимся в современной историографии?

Трудно усомниться в том, что обитатели «больших поселений» X–XI вв. представляли собой влиятельную социальную силу, изначально формировавшуюся независимо от структур княжеской власти, но уже в XI в. находившуюся под контролем княжеской администрации. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что это население обладало большим благосостоянием, но не позволяют ответить на вопрос, насколько оно было дифференцировано в социальном плане. «Старая чадь» присутствовала на «больших поселениях», но мы не можем идентифицировать ее дворы. Запустение части «больших поселений» (Гнездилово, Кубаево, Шекшово, Григорово) на рубеже XI–XII вв. связано, по-видимому, с укреплением княжеской власти в Суздальской земле и размещением в Суздале князя и его двора после вокняжения Юрия Владимировича Долгорукого в Ростово-Суздальской земле.

Возможно ли связать «усадьбы знати» на суздальских селищах со «старым боярством», местной аристократией, которая традиционно рассматривается как главный политический противник княжеской власти, имевший сильные позиции в местном обществе и значительные материальные ресурсы и стоявший на пути централизации управления? Присутствие вещевых комплексов – «маркеров элиты» XII–XIII вв. – на местах семи из десяти известных в Суздальском Ополье «больших поселений» X–XI вв., на первый взгляд, может рассматриваться как свидетельство такой связи.

Однако при более внимательном рассмотрении материалов она кажется маловероятной. Появление «усадеб знати» в Суздальском Ополье в XII – первой половине XIII в. хронологически соотносимо с периодом усиления княжеского присутствия на землях центра Северо-Восточной Руси. Судя по актовым материалам, по крайней мере четыре такие поселения (Мордыш, Васильково 1, Михали 3, Улово 1) находились на землях, принадлежавших в XIV в. суздальским князьям (Кучкин, 1984, с. 200–204, 220–222; см. также главу настоящего издания «Суздальские селища во второй половине XIII – XV в.: археологические реалии и исторический контекст», т. 2). Как уже отмечено, значительная их часть (почти три четверти) – новые поселения, появившиеся не ранее первой половины XII в., многие – во второй половине XII в. Но и на площадках «больших поселений» X–XI вв. мы не видим следов «родовых гнезд», преемственности в расположении участков с престижными артефактами на протяжении XI – первой половины XIII в., особого пространственного выделения этих участков. В археологических материалах не прослеживаются и специфические элементы материальной культуры, указывающие на существование «старого боярства» как особой группы местной элиты с собственными традициями. С учетом этих наблюдений «старое боярство» Ростово-Суздальской земли – скорее, часть ближайшего княжеского окружения, появившаяся на Северо-Востоке во времена Ярослава, Мстислава Владимировича и Юрия Долгорукого и не имевшая более глубоких собственных корней в местной среде. А устройство «усадеб знати» на сельских поселениях так или иначе связано с окняжением центра Суздальской земли. Противостояние князя и «старого боярства» как местной политической силы, связанной с «землей», не имеет прямых археологических следов в ландшафте. Это скорее конфликты внутри высшего слоя приближенной к князю элиты, чем противоборство различных ее групп, имеющих различный статус и происхождение.

С. В. Шполянский

СУЗДАЛЬСКИЕ СЕЛИЩА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – XV в.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ[1]

Монгольское нашествие на сельских территориях центра Владимиро-Суздальской земли не оставило таких зримых следов катастрофических событий, как в столице и других городах княжества. Долговременными последствиями военного разгрома 1238 г. и ордынских походов второй половины XIII в. в Ополье можно считать уменьшение количества и размеров ряда поселений и обеднение материальной культуры, потерявшей черты элитарности, присущей ей в домонгольскую эпоху.

В результате работ последних десятилетий стала отчетливо видна общая картина продолжения стабильного существования большинства крупных сел и, значит, сохранения значительной части населения и экономического потенциала региона во второй половине XIII – середине XV в. Вплоть до начала XV столетия, по-видимому, продолжается нормальное функционирование основных центров расселения на малых водотоках, их сеть стала реже, чем в XII–XIII вв., но оставалась более разветвленной, чем известная по письменным источникам второй половины XV – XVI в.

Общее количество памятников, на которых найдены материалы, относящиеся ко времени позже середины XIII в., составляет немногим менее двухсот (см. главу настоящего издания «Общий характер расселения и динамика освоения территории», т. 1). На основе анализа керамических коллекций из сборов сейчас возможна лишь общая их датировка в рамках диапазона протяженностью около двух столетий (вторая половина XIII – середина XV в.). Поэтому необходимостью является поиск критериев для построения более дробной хронологии поселений (Шполянский, 2015, с. 199–201).

Селища, переживающие монгольское нашествие, помимо состава керамического комплекса, содержащего значительное количество материалов предшествующего времени, можно выделить по набору находок, распространяющихся на Руси во второй половине XIII в. Такие вещи представлены совсем небольшими сериями, их происхождение, как правило, не связано с функционированием крупных ремесленных центров Поволжья периода расцвета золотоордынских городов. Это предметы, характерные для культуры номадов времени монгольских завоеваний (Иванов, 2013, с. 180–181): детали костюма, относящиеся к импортам или подражаниям степной или европейской моде (Исаков, Афоньков, Архангельский, Павленко, Шереметьев, 2014; Шполянский, 2020, с. 325–326), бытовые вещи и украшения, датируемые не ранее середины XIII в. (Макаров, 2012а, с. 75–77). Похожие особенности материальной культуры русского населения во второй половине XIII – начале XIV в. уже фиксировались при раскопках малодворных деревень Московского региона (Шполянский, 2003; Чернов, 2004, с. 245–284, Кренке, 2019, с. 107–109).

Среди селищ Ополья памятники с таким набором признаков составляют довольно малочисленную группу, сейчас можно назвать чуть более десятка поселений (Спасское городище 6, Вышеславское 18, Весь 5, Парша 4, Тарбаево 7, Большое Давыдовское 4, Скородумка 1-2, Федоровское 2, возможно Осановец 1, Мордыш 1, Кибол 11). Наиболее явственно отмеченные особенности выражены в материалах двух поселений, близких по размерам и топографической приуроченности.

Селище Спасское городище 6 располагается в верховьях малой реки Карши (правый приток р. Нерли Клязьминской), на слабо выраженном возвышении ее левого берега. Селище вытянуто вдоль речки, занимает площадь около 2,5 га, относится к числу поселений, возникающих около рубежа XI–XII вв., как и многие памятники в верховьях овражных систем ближайшей суздальской округи (Макаров, Шполянский, Федорина, Угулава, 2019, с. 25–27). Объемная керамическая и вещевая коллекции (более 350 фрагментов керамики и 83 находки) позволяют говорить о непрерывном продолжении функционирования памятника с момента возникновения и до последних десятилетий XIII в. или

[1] Предварительная публикация: Шполянский С. В. Села Суздальского Ополья и изменения в системе расселения во второй половине XIV–XV вв. // Поволжская археология. Казань, 2021. № 2 (36). С. 148–163.

до чуть более позднего времени. Близость к Суздалю (около 5,5 км к югу от кремлевских стен) и расположение на водоразделе в непосредственной близости от дороги на Владимир позволяют предполагать, что поселение не избежало последствий монгольских походов. Среди вещей, найденных на селище, есть два наконечника «степных» стрел: срезень типа 67 в виде вытянутой лопаточки с дугообразным лезвием (Медведев, 1966, с. 75–76) и долотовидный наконечник редкой формы со следами деформации от удара на острие (рис. 168: *1, 2*), – выпадение которых в культурный слой можно связать событиями середины XIII столетия.

Помимо стрел, к изделиям обычным для кочевнических древностей относится обломок металлического зеркала (рис. 168: *3*). О продолжении жизни на селище свидетельствуют находки перстня со щитком овальной формы без орнамента (Сарачева, 2007, с. 82–84), замка типа Г (Колчин, 1982, с. 160), одноглавого полого конька – подвески с кольчатой гривой и петельчатым хвостом (рис. 168: *5–7*) (Зайцева, 2020, с. 123–124). Датировка этих предметов охватывает довольно протяженный период, начиная с середины XIII в., однако небольшое количество находок и отсутствие среди них вещей, появляющихся во второй половине XIV в., позволяет ограничить время существования селища началом или первой половиной этого столетия.

Селище Вышеславское 18 находится в верховьях безымянного проточного оврага, правого притока р. Каменки, на расстоянии около 15,5 км к юго-западу от Суздальского кремля. Оно немного меньше (1,7 га), чем Спасское городище 6, и возникает позже – не ранее середины XII в., во время наибольшего роста количества сельских поселений Ополья.

Памятник характеризуется высокой насыщенностью культурного слоя, отсюда происходит более 770 фрагментов керамики, собрано 136 средневековых предметов. При обследовании площадки поселения на пашне были отмечены остатки двух глинобитных печей, а в центральной его части – разрозненные человеческие кости, лежащие компактно на площади около 500 кв. м. По-видимому, распашкой было частично затронуто сельское кладбище, хотя без проведения раскопок это нельзя утверждать наверняка.

Из находок второй половины XIII – первой половины XIV в. на селище обнаружены: обломок корпуса цилиндрического замка (тип Г), ключ (тип В-2), фрагмент железного щитка от пряжки листовидной формы (рис. 168: *11, 14*), трапециевидная литая бронзовая накладка с подвесом, на лицевой стороне которой помещено объемное изображение дракона с длинным извивающимся телом и раскрытой пастью (рис. 168: *13*). Такие накладки, или «бляхи с петлей», хорошо известны в поволжских древностях золотоордынской эпохи (Полякова, 1996, с. 205–206, рис. 68, № 5). Эти вещи, происходящие в том числе и со средневековых мордовских и русских памятников, датируются современными исследователями концом XIII – первой половиной XIV в. и трактуются как дешевые подражания изображениям драконов на гарнитуре статусных поясных наборов золотоордынской элиты (Исаков, Афоньков, Архангельский, Павленко, Шереметьев, 2014, с. 240–241, рис 2, № 5).

Отдельно стоит обратить внимание на обломок железной накладки (рис. 168: *12*), вероятнее всего, наконечника ремня удлиненно-трапециевидной формы. Сохранился широкий дугообразный край изделия с двумя небольшими выступами по углам и штифтом в центре, который с лицевой стороны оформлен в виде полусферы. С сельских поселений ближайшей суздальской округи известна серия аналогичных наконечников, датировка этих находок, вероятнее всего, может быть определена в пределах середины XIII – начала XIV в. (Шполянский, 2019, с. 230).

С поселения происходят два наконечника стрел, один из которых – срезень типа 67 по А. Ф. Медведеву, а второй – двурогий, варианта 6 типа 60 (Медведев, 1966, с. 72). С высокой степенью вероятности они могли быть утеряны во время ордынских походов в середине – второй половине XIII в. (рис. 168: *8, 9*).

В подъемном материале на обоих селищах встречены единичные фрагменты краснолощеной болгарской керамики (рис. 168: *4, 10*), представленные обломками ручек кувшинов. Целых три подобных сосуда происходят из одной постройки вместе с уникальным иранским кувшином «султанабадского» типа из раскопок П. И. Куглюковского 1973 г. в Суздале. Недавно предложенная датировка комплекса золотоордынским временем позволяет предполагать для подобных находок на селищах близкую хронологическую атрибуцию (Коваль, 2010а, с. 108).

Несмотря на немногочисленность датирующих вещей, состав коллекций не оставляет сомнений в том, что во второй половине XIII – первой половине XIV в. жизнь на поселениях продолжается, хотя, возможно, они сокращаются в размерах и постепенно теряют роль локальных центров расселения (небольших сел). Набор находок представляется достаточно типичным, отражающим процесс изменений материальной культуры населения региона в новых исторических реалиях.

Ограниченное количество массового материала «золотоордынского» периода (менее 10 %), отсутствие «хроноиндикаторов» второй половины XIV в. позволяют предполагать прекращение существования памятников не позднее первой половины столетия.

Рис. 168. Находки второй половины XIII – первой половины XIV в. с селищ Спасское городище 6 (1–7) и Вышеславское 18 (8–14): 1, 2, 6, 8, 9, 11, 12, 14 – железо; 3, 5, 7, 13 – цветной металл; 4, 10 – глина

Сопоставимые наборы вещей или единичные находки этого времени встречены, как уже говорилось, на небольшом количестве селищ, но керамические коллекции, в составе которых стабильно фиксируются материалы второй половины XIII – первой половины XIV в., представлены на нескольких десятках поселений, располагающихся преимущественно на водоразделах (Макаров, 2012а, с. 75–77). Их постепенное запустение к середине XIV в. представляется сейчас значимым фактором истории Ополья, имеющим системный характер (Шполянский, 2008а, 168–169; Макаров, Шполянский, Федорина, Угулава, 2019, с. 27).

Поселения на водоразделах не прекращают своего существования полностью. Основные трансформации структуры расселения проявились в уменьшении количества небольших (площадью до 2,5 га) селищ и концентрации населения на относительно крупных памятниках (селах). Эта тенденция, по-видимому, не была тотальной, но известно пока очень небольшое количество исключений, подавляющее большинство малых селищ на оврагах, если и не запустевают полностью, то продолжают использоваться в качестве сезонных.

Наиболее очевидным маркером памятников, функционирующих во второй половине XIV – середине XV в., являются находки золотоордынских и русских удельных монет. Сейчас известно о 29 монетах (26 определимых), обнаруженных на десяти селищах (Раславское 1, Кистыш 3, Сунгирь 1, Васильково 6, Павловское 2, Федоровское 1, Гнездилово 11, Михали 3, Сорогужино 4, Вышеславское 23). В двух случаях (Осановец 2, Подолец 1) были найдены монеты, чеканенные в 20–30-х гг. XV в. (деньга Василия Темного 1425–1432 гг. и анонимная деньга 1420–1423 гг.), утерянные на поселениях через продолжительное время после их запустения (определения монет выполнены А. А. Гомзиным и П. Г. Гайдуковым – см. табл. 17).

Самая ранняя из находок происходит с селища Раславское 1, это анонимный дирхам, чеканенный в Сарае в 681–682 г. х. (1282–1284 гг.); наиболее поздние – медные пулы Великого Суздальско-Нижегородского княжества рубежа XIV – 30-х гг. XV в. Наличие памятников с монетами позволяет представить в первом приближении комплекс материалов, характерный для сел Ополья времени существования Суздальско-Нижегородского княжества и начала распространения здесь власти московских князей.

Правда, в большинстве случаев монеты происходят из сборов на крупных поселениях, живущих в течение нескольких столетий (Раславское 1, Сунгирь 1, Павловское 1-2, Кистыш 3, Михали 3), и группы находок разного времени могут быть выделены только исходя из общих представлений о хронологии их бытования.

В связи с этим особое значение имеют результаты обследования селищ, на которых нет датирующих находок второй половины XII – XIII в., и основной период их существования приходится на XIV – первую половину XV в.

Вероятнее всего, так можно датировать ***селище Гнездилово 11***. Памятник приурочен к верховьям безымянного оврага, притока р. Бакалейки (правый приток р. Каменки), располагается на водоразделе межу селами Туртино и Гнездилово, примерно в 9,5 км к юго-западу от суздальских укреплений. Его размеры составляют чуть более 1,6 га.

В керамической коллекции (240 фрагментов) абсолютно преобладают формы конца XIII – первой половины XV в. Только 12 (из 124) обломков венчиков имеют профиль, характерный для сосудов древнерусского времени (типы VIII А-Б, по В. А. Лапшину). Важными для датировки селища представляются находки четырех фрагментов краснолощеной керамики и обломка горла кувшина с рифлением. Найдено три монеты, одна из которых неопределима из-за плохой сохранности (рис. 169: *4*), другая относится к чеканке Московского государства второй половины XVII в. (копейка Алексея Михайловича) (рис. 169: *5*), третья – серебряный данг 761 г. х. (1360 г.) (Хызр, баллад Гюлистан) (рис. 169: *3*) (табл. 17: *12*).

Среди датирующих находок три керамических пряслица, в том числе два – из стенок краснолощеных сосудов; две железные пряжки – сегментовидная и с прямоугольным основанием и расширяющейся рамкой; два овальных кресала; обломок ключа от цилиндрического замка с редкой формы ключевой прорезью (рис. 169: *14–20*).

Украшения представлены тремя щитковыми перстнями, со щитками прямоугольной овальной и ромбовидной формы (рис. 169: *8–10*), обломками двух пластинчатых браслетов, на одном из которых, на пластине с прямоугольным окончанием, читается плохо различимый рельефный орнамент (рис. 169: *12*). К декоративным деталям относится фрагмент железной накладки, представляющей собой треугольный в сечении стержень с завершением в виде «ласточкина хвоста» и обломанным фигурным расширением с отверстием на противоположном конце (рис. 169: *13*).

На селище найдены обломок креста-тельника с остатками желтой эмали на лицевой стороне, вероятно, имевший килевидное завершение нижней лопасти (Беленькая, 1993, с. 12–15, рис. 1: *2*), и прямоугольная иконка, верхняя часть которой (по-видимому, арочной формы) была отломана (рис. 169: *1, 2*). На лицевой стороне иконки представлено схематичное изображение святого (предположительно св. Николы). Иконки такой формы, появляясь в древнерусское время, получают наибольшее распространение в XIV – начале XV в. (Макаров, Зайцева, 2018, с. 126).

Таблица 17

Монеты конца XIII – XV в. на селищах Суздальского Ополья

№ п/п	Памятник	Год находки, № по полевой описи	Описание	Датировка	Правитель	Вес	Определение
1	Кистыш 3	2008, № 11	Подражание дангам середины или второй половины XIV в. нижневолжской чеканки. Первая сторона – вероятно, очень искаженное слово «ал-Джедид» – «Новый» – от имени монетного двора. На второй стороне: «чекан Сарая / ал-Джедид /...» (Нового Сарая)	середина – вторая половина XIV в.	–	–	А. А. Гомзин
2	Сунгирь 1, селище	2008, № 11	Подражание дангам 1350-х гг. нижневолжской чеканки. (Первая сторона: «султан справедливый / Джанибек (хан) / ...». Вторая сторона: «чекан / Гюлистана / год / 75...».	750-е гг. х. (последняя цифра даты не видна) – 1350-е гг.	Дучиды, Джанибек	–	А. А. Гомзин
3	Осановец 2	2009, № 7	Великое княжество Московское. Денга	1425–1432 гг.	в. кн. Василий Васильевич Темный	0,70 г	П. Г. Гайдуков
4	Подолец 1	2009, № 20	Анонимная денга	1420–1423 гг.	–	0,58 г	П. Г. Гайдуков
5	Васильково 6	2013, № 3	Место и год чеканки обрезаны	по типу – Сарай, 727–728 гг. х. (1326–1328 гг.)	Джучиды, Узбек	0,57 г обрезан	А. А. Гомзин
6	Раславское 1	2013, № 12	Сарай, год чеканки не уместился на монетной пластине, анонимный дирхам	по типу – 681–682 гг. х. (1282–1284 гг.)	–	1,07 г, край обломан	А. А. Гомзин
7	Павловское 2	2015, № 23	Сарай-ал-Джадид	74х г. х. – тип 746–747 гг. х. (1345–1347 гг.)	Джучиды, Джанибек	1,55 г	А. А. Гомзин
8	Павловское 2	2015, № 60	Великое княжество Московское. Денга регионального чекана	около 1390 г.	Василий Дмитриевич	0,88 г	П. Г. Гайдуков
9	Павловское 2	2015, № 131	Великое княжество Суздальско-Нижегородское. Нижний Новгород под властью Москвы. Анонимная денга	начало 1390-х гг.	Василий I Московский	0,90 г	П. Г. Гайдуков
10	Федоровское 1	2016, № 10	Подражание Джучидам	?	–	0,97 г	А. А. Гомзин
11	Федоровское 1	2016, № 13	Данг, Гюлистан	752 г. х. (1351/1352 г.)	Джучиды, Джанибек	0,58 г, обрезан	А. А. Гомзин
12	Гнездилово 11	2016, № 16	Данг, баллад Гюлистан	761 г. х. (1360 г.)	Джучиды, Хызр	0,74 г, обрезан	А. А. Гомзин
13	Сорогужино 4	2017, № 6	Данг, ал-Махруси Сур (ал-Махруси Сарай), год чеканки за пределами монетной пластины	по типу – 785 (=758) г. х. (1356/1357 г.)	Джучиды, Бердибек	0,59 г, обрезан	А. А. Гомзин
14	Михали 3 (Минино)	2017, № 24	Данг, баллад Гюлистан	760 г. х. (1359 г.)	Джучиды, Кулпа	0,57, обрезан	А. А. Гомзин

15	Михали 3 (Минино)	2017, № 27	Великое княжество Суздальско-Нижегородское, Суздаль (?), пуло с четвероногим животным(?) и равноконечным крестом в линейной обводке	конец XIV – начало XV в.	–	–	А. А. Гомзин
16	Михали 3 (Минино)	2017, № 33	Великое княжество Суздальско-Нижегородское, Суздаль (?), пуло с четвероногим животным и равноконечным крестом в линейной обводке	конец XIV – начало XV в.	–	–	А. А. Гомзин
17	Михали 3 (Минино)	2017, № 57	Великое княжество Московское. Денга	1412–1425 гг.	в. кн. Василий Дмитриевич	–	П. Г. Гайдуков
18	Михали 3 (Минино)	2017, № 34	Великое княжество Суздальско-Нижегородское, Суздаль (?), пуло с четвероногим животным(?) и равноконечным крестом в линейной обводке	конец XIV – начало XV в.	–	–	А. А. Гомзин
19	Михали 3 (Минино)	2017, № 215	Территория великого княжества Владимирского, денга с надчеканкой в виде четвероногого животного влево	1390–1400-е гг.	–	–	А. А. Гомзин
20	Михали 3 (Минино)	2017, № 252	Великое княжество Суздальско-Нижегородское, Суздаль (?), пуло с четвероногим животным и равноконечным крестом в линейной обводке	конец XIV – начало XV в.	–	–	А. А. Гомзин
21	Михали 3 (Минино)	2018, № 35	Великое княжество Суздальско-Нижегородское, Суздаль (?), пуло с четвероногим животным и равноконечным крестом в линейной обводке	конец XIV – начало XV в.	–	1,27 г	А. А. Гомзин
22	Михали 3 (Минино)	2018, № 36	Великое княжество Суздальско-Нижегородское (?), пуло с четвероногим животным с когтистыми лапами влево в фигурном (?) картуше, изображение о. с. не ясно	конец XIV – первая треть XV в. (?)	–	0,67 г	А. А. Гомзин
23	Михали 3 (Минино)	2018, № 37	Великое княжество Суздальско-Нижегородское, Суздаль (?), пуло с четвероногим животным и равноконечным крестом в линейной обводке	конец XIV – начало XV в.	–	0,67 г	А. А. Гомзин
24	Михали 3 (Минино)	2018, № 38	Подражание Джучидам. Имитирует данги Узбека чеканки Сарая	подражание типу образца 734 г. х. (1333/1334 г.)	–	0,95 г	А. А. Гомзин
25	Михали 3 (Минино)	2018, № 39	Данг, Сарай ал-Джадид, 74х г. х.	по типу – 748 г. х. (1347/1348 г.)	Джучиды, Джанибек	0,73 г, обрезан	А. А Гомзин
26	Вышеславское 23	2019, № 6	Данг, Сарай, год чеканки за пределами монетной пластины	по типу – 722 г. х. (1322/1323 г.)	Джучиды, Узбек	1,13 г, обрезан	А. А. Гомзин

Рис. 169. Селище Гнездилово 11. Датирующие находки конца XIII – первой половины XV в.: 6, 7, 13, 14–18 – железо; 1–5, 8–12 – цветной металл; 19, 20 – глина

С поселения происходит наконечник стрелы вытянутых пропорций с упором ромбовидного сечения, с расширением в верхней трети формы (рис. 169: *7*) (тип 78 вариант 2 – см.: Медведев, 1966, с. 80). Широкое распространение таких наконечников на территории Восточной Европы связано с началом орденской экспансии в Прибалтике (Кильдюшевский, 1999, с. 65, 68; Rackevičius, 2002, с. 271–274). По форме и пропорциям наконечник, в соответствии с европейскими аналогиями, может быть отнесен к XIII–XIV вв. (см., например: L. Marek, 2018, с. 616, ryc. 475 a).

Вся совокупность материалов позволяет датировать селище концом XIII – первой половиной XV в. В это время, по-видимому, иногда появляются небольшие села на склонах водоразделов, продолжая традицию в развитии систем расселения древнерусского времени.

Сопоставимый состав находок происходит еще с одного памятника, основной период существования которого так же приходится на XIV – середину XV в.

Селище Федоровское 1 приурочено к правому берегу одного из суходольных ответвлений овражной системы, на которой располагается село Федоровское, менее чем в 2 км югу от Гнездилова 11. Селище имеет достаточно большие размеры (3,7 га), на нем было собрано 54 находки, среди которых отсутствуют хронологические маркеры второй половины XII – XIII в.

Среди находок три монеты. Одна из них – серебряный данг (Джанибек, Гюлистан, 752 г. х. (1351/1352 г.) – рис. 170: *3*), вторая – плохо сохранившееся подражание Джучидам, определение ее затруднено (рис. 170: *4*) (табл. 17: *10–11*). Третья монета, также плохой сохранности, относится, по-видимому, к русскому удельному чекану XV в. (рис. 170: *5*)

Остальные датирующие вещи представлены перстнем с овальным щитком, грушевидной пуговицей с рельефным литым орнаментом, ключом от цилиндрического замка типа В-2, топором с симметричным лезвием, коротким овальным кресалом (рис. 170). Особенно стоит выделить находку пряслица из обломка поливного кашинного сосуда. Кашин рыхлый, сероватого цвета, покрыт бирюзовой монохромной поливой, сосуд, из фрагмента которого изготовлено пряслице, принадлежит, вероятно, к продукции одного из нижневолжских городских центров и датируется не ранее середины XIV в. (Коваль, 2010б, с. 196) (рис. 170: *8*).

Селищами Гнездилово 11 и Федоровское 1 пока ограничен список памятников, которые не вписываются в картину прекращения развития сети поселений по берегам оврагов в XIV столетии. В целом это не меняет представления о преобладании в это время тенденции к уменьшению количества селищ небольших размеров на водоразделах, которая становится определяющей к середине XIV в.

Монастырскими актами и духовными грамотами, преимущественно с середины XV в., в окрестностях Суздаля фиксируется абсолютное доминирование крупных сел как основной единицы расселения, что значительно отличается от сетевой поселенческой структуры древнерусского времени.

В границах реконструируемой В. А. Кучкиным территории Суздальского княжества упоминаются около 60 владельческих сел, известных по актовым материалам в XIV–XV вв. (АСЭИ, т. 1, 2, 3; ДДГ; Кучкин, 1984, с. 199–206, 224, рис. 7) (табл. 18). Небольшое количество населенных пунктов, фигурирующих в актах, объясняется ограниченным объемом корпуса источников. С. З. Черновым учтено всего 46 документов, содержащих информацию о землях Суздальского уезда, датированных ранее 1505 г. (Чернов, 1998, с. 12, табл. 1).

Очевидно, что в сохранившихся актах содержится неполная информация о количестве сел, системе расселения, характере землепользования и владельческой принадлежности большой части поселений и «тянувших» к ним угодий. Учитывая, что земли центра княжества в значительной мере попадают в зону сплошного археологического обследования, появляется возможность соотнести археологические реалии с контекстом документальных свидетельств жизни сел Ополья.

Подавляющее большинство названных в источниках населенных пунктов – это существующие до настоящего времени или сравнительно недавно запустевшие села, известные как урочища с сохранившимися названиями. Исследование исторических поселений – отдельная важная задача (см. главу настоящего издания «Исторические села как археологические памятники и структурные элементы средневекового расселения», т. 1). Это большие памятники с многовековой историей, сложной планировкой, с мощным культурным слоем. При изучении таких селищ без проведения стационарных раскопок, как правило, бывает невозможна детализация хронологии собираемого материала, что позволяет рассматривать динамику их развития только в рамках достаточно широких временных диапазонов.

Из всех населенных пунктов, помещенных В. А. Кучкиным на карту Суздальского княжества XIV в., можно назвать два села, не переживающих рубеж Средневековья и Нового времени. Результаты обследования этих поселений имеют большое значение для верификации материалов второй половины XIV – середины XV в. в Ополье, поиска причин изменений системы расселения при переходе региона под власть московских князей и развитии церковного землевладения.

Таблица 18

Список сел на реконструируемой территории Суздальского княжества, упоминаемых в письменных источниках до конца XV в.

№ п/п	Села	Издание, документ	Первое упоминание
1	Кидекша	ПСРЛ, т. 17, стб. 2	ок. 1152 г.
2	Ярышево	ДДГ, № 34	1434, 1440 гг.
3	Гавриловское	ДДГ, № 34	1434, 1440 гг.
4	Гавриловское	ДДГ, № 34	1434, 1440 гг.
5	Ивановское	ДДГ, № 34	1434, 1440 гг.
6	Шокшово	ДДГ, № 40; АСВР, т. 1, № 176	1445 г.
7	Шиповская слободка	ДДГ, № 40; АСВР, т. 1, № 176	1445 г.
8	Шухобалово	ДДГ, № 40; АСВР, т. 1, № 176	1445 г.
9	Давыдовское	ДДГ, № 61	1461, 3 мая – 1462, 27 марта
10	Микульское	АСЭИ, т. 1 № 176	1445 г.
11	Богдан (Богдановское)	АСЭИ, т. 1, № 176	1445 г.
12	Тума, приселок	АСЭИ, т. 1, № 176	1445 г.
13	Григорьево	АСЭИ, т. 1, № 212; АСВР, т. 2, № 474	1447–1455 гг.; перед 4 июня 1476 г.
14	Непотягово	АСЭИ, т. 1, № 223	1448/9–1455 гг.
15	Дрыгаево	АСЭИ, т. 1, № 315	1462–1466 г.
16	Мукино	АСЭИ, т. 1, № 315	1462–1466 г.
17	Ясенье	АСЭИ, т. 2, № 434	1417 г.
18	Переборовское	АСЭИ, т. 2, № 436	1424–1425 гг.
19	Троицкое	АСЭИ, т. 2, № 438	1426–1433 гг.
20	Коровническое	АСЭИ, т. 2, № 441	1440–1444 гг.
21	Заполицы	АСЭИ, т. 2, № 441	1440–1444 гг.
22	Иконниче	АСЭИ, т. 2, № 442	1440–1444 гг.
23	Чапиха, слободка	АСЭИ, т. 2, № 443	1440–1444 гг.
24	Омуцкое	АСЭИ, т. 2, № 444	1444 г.
25	Низкая слободка	АСЭИ, т. 2, № 445	ок. 1444–1445 гг.
26	Мордаш	АСЭИ, т. 2, № 446	1444–1448 гг.
27	Торки	АСЭИ, т. 2, № 448	1445–1446 гг.
28	Васильково	АСЭИ, т. 2, № 450	1449–1450 гг.
29	Федоровское	АСЭИ, т. 2, № 456	1451–1464 гг.
30	Тарбаево	АСЭИ, т. 2, № 456	1451–1464 гг.
31	Выпово	АСЭИ, т. 2, № 456	1451–1464 гг.
32	Носково	АСЭИ, т. 2, № 456	1451–1464 гг.
33	Корязиково	АСЭИ, т. 2, № 462	1463–1470 гг.
34	Урсово	АСЭИ, т. 2, № 462	1463–1470 гг.
35	Караулово	АСЭИ, т. 2, № 462	1463–1470 гг.
36	Урусобино	АСЭИ, т. 2, № 462	1463–1470 гг.
37	Стебачево	АСЭИ, т. 2, № 463	1465–1466 гг.
38	Шатрищи	АСЭИ, т. 2, № 463	1465–1466 гг.
39	Добромерье	АСЭИ, т. 2, № 467а	1472–1476 гг.
40	Глумово	АСЭИ, т. 2, № 467а	1472–1476 гг.
41	Павловское	АСЭИ, т. 2, № 470	1472–1479 гг.
42	Городищи	АСЭИ, т. 2, № 471	1472–1479 гг.
43	Липицы	АСЭИ, т. 2, № 472	1472–1479 гг.
44	Новое	АСЭИ, т. 2, № 474	перед 4 июня 1476 г.
45	Сельцо	АСЭИ, т. 2, № 476	1482 г. 17 ноября
46	Сокольниково/Сокольниче	АСЭИ, т. 2, № 476	1482 г. 17 ноября
47	Новоселка	АСЭИ, т. 2, № 479	1484 г., март
48	Ивань-деревня	АСЭИ, т. 2, № 479	1484 г., март
49	Лопатниче	АСЭИ, т. 2, № 484	1490–1496 гг.
50	Менчаково	АСЭИ, т. 2, № 492	1497/1498 г.
51	Гостево	АСЭИ, т. 2, № 492	1497/1498 г.
52	Вятчянинова дер.	АСЭИ, т. 2, № 492	1497/1498 г.
53	Кощеево	АСЭИ, т. 3, № 86, 92	1399 г., 13 сентября. (По В. А. Кучкину. Покупка кн. Юрием Московским между 1317 и 1322 гг.)
54	Весьское	АСЭИ, т. 3, № 86	1399 г., 13 сентября. (По В. А. Кучкину. Покупка кн. Юрием Московским между 1317 и 1322 гг.)
55	Улола	АСЭИ, т. 3, № 92, 92а	ок. 1409–1410 (6917) гг. (по В. А. Кучкину)
56	Баскаково	АСЭИ, т. 3, № 92, 92а	ок. 1409–1410 (6917) гг. (по В. А. Кучкину)
57	Мининское	АСЭИ, т. 3, № 93	1452/1453 гг.?
58	Романовское	АСЭИ, т. 3, № 93	1452/1453 гг.?
59	Муравнино	АСЭИ, т. 3, № 106	1486 г., 6 марта

Рис. 170. Селище Федоровское 1. Датирующие находки конца XIII – первой половины XV в.:
1, 9–13 – железо; 2–7 – цветной металл; 8 – кашин

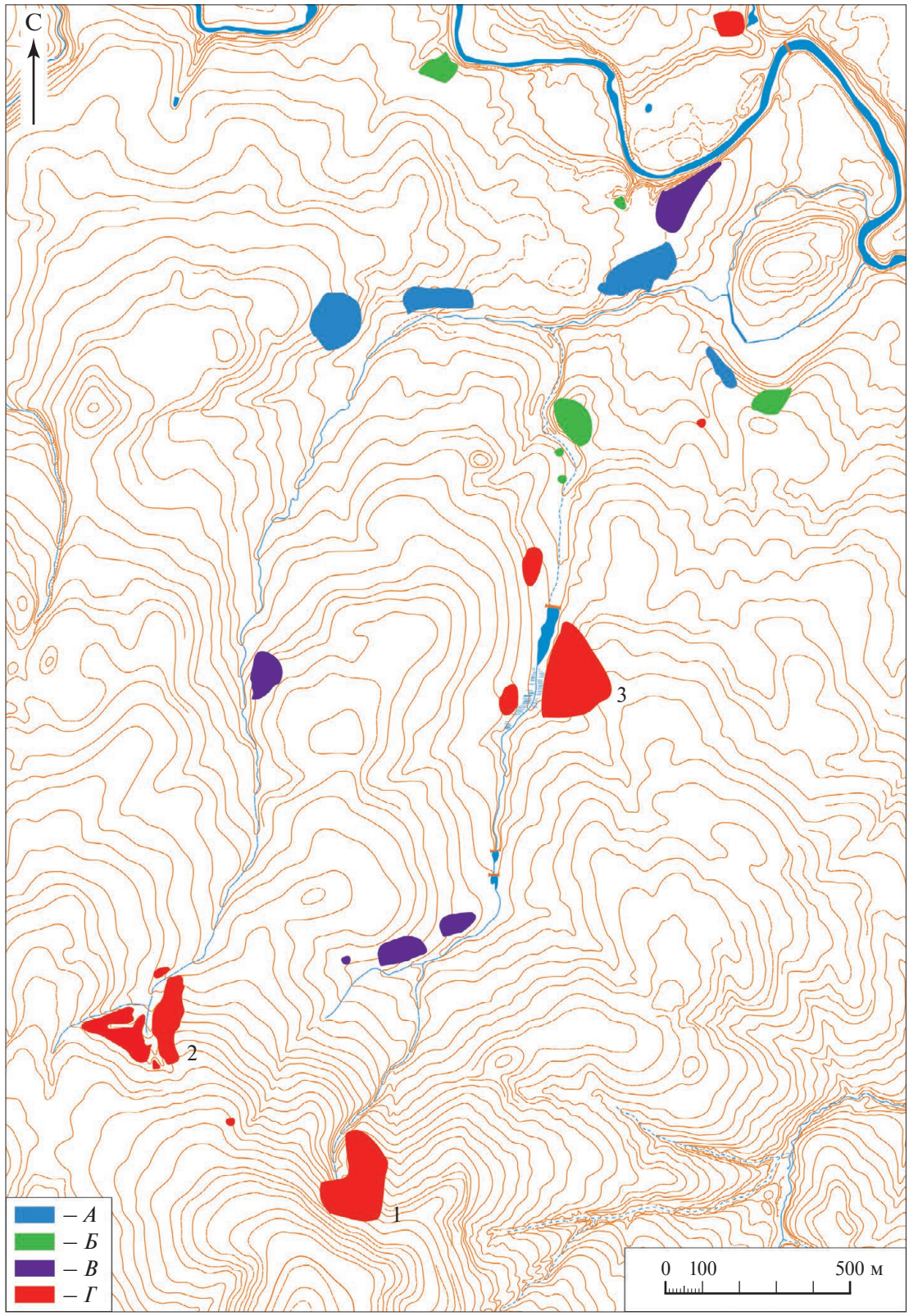

Рис. 171. Расположение поселений X–XV вв. в окрестностях урочища Торки.
А – конец I тысячелетия н. э.; Б – вторая половина X – первая половина XII в.;
В – вторая половина XII–XIII в.; Г – XII–XV вв.
1 – селище Гостево 1 (Ясенье); 2 – селище Гостево 3; 3 – селище Торки 1

Торки и Ясенье

Первое из них, ***село Ясенье***, фигурирует в одной из ранних (1417 г.) грамот суздальского Спасо-Ефимиевского монастыря. Согласно документу («данной грамоте»), некий Даниил Павлович, в иночестве Давыд, отдает свое село Ясенье «великому Спасу в дом... души на поминок, да и за долг» (АСЭИ, т. 2, № 434, с. 478). Судьба бывшего владельца может быть прослежена благодаря его духовной, датируемой около 1424 г., где он назван Данилой (в монашестве Давыдом) Климентьевым (АСЭИ, т. 3, № 484, с. 467), но Ясенье больше в актах монастыря не упоминается.

В существующей историографической традиции Ясенье обычно отождествлялось с одним из крупных монастырских сел, появляющемся в источниках с середины XV в., – Торками. О том, что топоним Ясенье – древнейшее название села Торки, без лишних оговорок, пишет В. Березин в описании церквей и приходов Владимирской епархии (Березин, 1896, с. 154). В академическом издании монастырских актов Ясенье также отождествляется с Торками со ссылкой на копийную рукопись актов XIX в., хранящуюся в ГИМе (АСЭИ, т. 2, с. 11, 478). В. А. Кучкин вместе с тем осторожно считал такую локализацию Ясенья недоказанной (Кучкин, 1984, с. 224, рис. 7).

Окрестности пустующего сейчас урочища Торки (13–15 км к северо-западу от Суздаля) обследовались Суздальской экспедицией с перерывами с 2007 г. по 2017 г. Село размещалось на обоих берегах водотока, длиной около 5 км, правого притока р. Ирмес, в среднем его течении. Овражная сеть, к которой приурочено поселение, образована двумя крупными проточными оврагами, примерно равной протяженности, сливающимися в низовьях, на берегах которых было открыто 19 памятников X–XV вв. (рис. 171).

Кроме поселения на территории урочища (рис. 172 А) – села Торки, которое упоминается в монастырских актах XV столетия четырежды (в 1445–46, 1451–62, 1482 и 1484 гг., см: АСЭИ, т. 2, № 448, 454, 476, 479, с. 488, 493–494, 515–516, 517), в верховьях оврагов найдены еще два селища, сопоставимых с Торками по размерам и длительности существования. Все три поселения появляются во второй половине XII – начале XIII в. и сосуществуют в течение двух с половиной – трех столетий.

Важным для корректного соотнесения одного из памятников с селом начала XV в. «данной» Даниила Павловича представляется фиксация названия ручья – Ясенье, в среднем течении которого стояли Торки, на землеустроительной карте масштаба 1:10000 съемки 1942 г. Правда, ни на одной из более ранних карт или в других документах этого названия ручья найти не удалось.

Однако это не может служить решающим аргументом в пользу отождествления двух сел, поскольку в дожившей до современности устной традиции топоним Ясенье прочно локализуется в самых верховьях оврага, в 2,7 км к югу от руин церкви во имя св. Дмитрия Солунского в Торках. Так до сих пор называется крупный родник, являющийся истоком ручья.

При обследовании верховьев оврага в 2007 г. на его правом берегу было открыто селище, названное Гостево 1 по находящемуся в 1,6–2 км к югу урочищу, в котором до второй половины XX в. располагалось одноименное село. Площадь памятника составляет около 6,2 га, культурный слой распространяется по склону водораздела, тяготея к небольшому холму с отметкой вершины 168,4. Поселение находится поблизости от родника, занимая пространство к северу, востоку и юго-востоку от котловины, которую промыли родниковые воды в склоне водораздельного плато (рис. 172 Б). Глубина котловины – 4–5 м, диаметр достигает 20–25 м. Исходя из местоположения селища, размеров и датировки, наиболее вероятным представляется отождествление села Ясенье именно с ним.

Обследования памятника продолжились в 2011, 2014 и 2017 гг. В 2011 г. на нем был проведен комплекс геофизических исследований, а в 2014 заложен шурф площадью 20 кв. м.

Центральная часть селища не распахивается (и, видимо, никогда регулярно не пахалась), в культурном слое присутствует большое количество печного камня, поверхность небольшого холма, где зафиксирована наибольшая плотность подъемного материала, покрыта неровностями, которые весной при отсутствии растительности читаются как западины разной формы, частично перекрывающие друг друга, глубиной до 0,5 м. Проведение сборов на селище возможно только сразу после схода снега, керамика концентрируется в углублениях западин, выбрасывается в кротовины. За все годы работ собрано более 600 определимых фрагментов, в том числе более 400 венчиков. При осмотре памятника в 2017 г. обнаружено, что его территория сильно нарушена грабительскими вкопами, при сборе находок с применением металлоискателей.

Из грабительских отвалов, кротовин и обнажений в западинах собрано 17 находок. Большинство из них – это изделия из железа: обломки черешковых ножей, пружина от цилиндрического замка, фрагмент лезвия топора (рис. 173: *7*), косы-горбуши, два разделительных кольца и булавка с рельефным орнаментом в верхней части стержня (рис. 173: *5*). Двумя оселками и фрагментом рукояти ограничен перечень предметов из камня и кости.

Изделия из цветных металлов представлены двумя находками: перстнем с прямоугольным щитком и крупной ажурной накладкой ассиметрично ромбической формы (рис. 173: *1, 2*). Последняя из находок относится к числу редких, сумочная накладка таких очертаний и размера известна в материалах литовских позднесредневековых инвентарных кладбищ (Svetikas, 2003, p. 241–266; 2009, p. 438, pav. 439. 5), где подобные предметы датируются второй половиной – концом XIV–XV в.

Рис. 172. Общий вид оврага Ясенье. Август 2012 г.
А – вид на урочище Торки с юга. Б – вид на верховья овражной системы Ясенья – Варги.
На первом плане – родник и урочище Ясенье. Вид с северо-запада

Рис. 173. Селище Гостево 1 (Ясенье). Находки из сборов и шурфа:
1–4, 10 – цветной металл; 5, 7–8, 11–15, 19 – железо; 6, 17, 20 – глина; 9, 16 – кость, 18 – стекло

Рис. 174. Селище Гостево 1 (Ясенье). Шурф 2014 г. на уровне зачистки материка. Вид с севера

Шурф 2014 г. располагался на юго-западном склоне холма, обращенного в сторону родника, в западной части селища. В начале разборки культурного слоя, мощность которого достигала 0,65 м, под дерном были найдены следы конной распашки. Пахалась селище, вероятно, недолго, поскольку на глубине около 0,1 м в слое были встречены крупные обломки керамики, не задетые пахотой. В составе слоя хорошо выделяются два стратиграфических горизонта, разделявшихся прослойкой светло-серой супеси, прослеженной практически по всей площади шурфа на глубине 0,26–0,37 м от поверхности.

В числе индивидуальных находок, собранных выше прослойки, преимущественно вещи, имеющие широкую датировку, но есть и небольшая группа предметов второй половины XII–XIII в. (полая привеска-уточка, фрагмент амфоры, ложновитой литой перстень) (рис. 173: *3, 4, 6*).

На глубине 0,3–0,4 м от поверхности были открыты частично попавшие в пределы раскопа две крупные подпольные ямы, заполнение одой из них (ямы 1) формировалось одновременно с прослойкой светло-серой супеси. Другое подполье (яма 2) было засыпано за некоторое время до того, как произошло формирование прослойки. Кроме того, в раскопе открыты частокольные канавки, остатки летнего очага и легких столбовых конструкций (рис. 174).

Датирующие находки из ямы 1 представлены железной накладкой с двумя шестилепестковыми розетками, пряжкой с треугольным приемником, коротким овальным кресалом, что позволяет отнести формирование комплекса постройки к концу XIII–XIV в. (Шполянский, 2019, с. 233–235). Этой датировке соответствует и керамическая серия, в целом сопоставимая с материалами, полученными при раскопках в суздальских селах Кидекша (Шполянский, 2011, с. 43), Кибол и Гнездилово (см. главу настоящего издания «Исторические села как археологические памятники и структурные элементы средневекового расселения», т. 1). Основные признаки керамических типов, доминирующих в регионе во второй половине XIII–XIV в., с учетом наблюдений предшественников были подробно рассмотрены Е. В. Майоровой (Гакель) на материалах исследований в Печернем городе Владимира (в 13-м квартале), дополненных наблюдениями за древнерусской керамикой из раскопок на месте Ивановского вала (Майорова, 2011, с. 142–153; Гакель (Майорова), 2016, с. 88–101).

Среди признаков керамических комплексов этого времени наблюдается уменьшение декорированной зоны на тулове сосуда, появление и постепенное увеличение количества различных форм венчиков без следов заворота «чернового» края, в сочетании с венчиками с резко изогнутым профилем, с завершением в виде уплощенного валика, с постепенным уменьшением числа последних (рис. 175).

Керамическая серия, собранная в яме 2, оказалась очень малочисленной для хронологических построений, а единственная находка, бронзовая лунница с рельефным литым орнаментом (рис. 173: *10*), позволяет отнести время засыпки ямы ко второй половине XII–XIII в.

По итогам небольших работ на селище Гостево 1 при сопоставлении с материалами многолетних разведок в микрорегионе можно сделать следующие выводы.

Можно считать доказанным существование крупного средневекового поселения у родника Ясенье в течение второй половины XII – первой половины XV столетия. Поздняя дата, кроме прочего, устанавливается по наличию в составе подъемного материала и в верхнем стратиграфическом горизонте шурфа 2014 г. отдельных фрагментов краснолощеной керамики (отличающихся от болгарского импорта цветом – имеют более яркий, светлый оттенок поверхности) при отсутствии форм, появляющихся во второй половине XV столетия.

Зафиксировано длительное сосуществование на берегах проточного оврага Ясенье двух крупных поселений. Характер размещения (в 2,5 км друг от друга), их размеры (6,2 и 6,7 га) позволяют говорить о селищах как о двух равновеликих центрах расселения со сложившимися ресурсными зонами.

И, когда одно из сел (у родника, по-видимому, Ясенье) прекращает свое существование, это значительно меняет ситуацию землепользования в пользу крестьян «великого Спаса» – жителей Торок, поскольку все угодья села Ясенье по «данной» Даниила Павловича переходят «в дом архимандрита Авраамия с братией».

Сочетание разных источников: актового материала, результатов археологических изысканий и устной топонимической традиции – позволило получить ясную картину поглощения монастырским хозяйством одного из светских владений региона, которая может быть существенно дополнена, если использовать весь объем данных, полученных в процессе полевых работ.

Третье селище, сходное по топографической приуроченности, размерам и длительности существования, располагалось совсем рядом от села при роднике, в верховьях малой реки Варги, образующей с ручьем, вытекающим из Ясенья, общую овражную систему (рис. 171, 172 Б).

Памятник обследовался в 2016–2017 гг. Суздальской экспедицией, приурочен к истокам реки. Наибольшей насыщенности слой поселения прослежен на правом берегу овражной системы, спускаясь вдоль серповидно выгнувшегося к востоку ответвления почти на 350 м. Зона распространения культурного слоя простирается на запад до правобережья Варги, охватывая берега и верховья мелких оврагов, расходящихся веерообразно от основного русла, по дну которых текут ручьи, питаемые небольшими родниками.

Рис. 175. Селище Гостево 1 (Ясенье). Шурф 2014 г. Керамика из заполнения ямы 1

В двух километрах к юго-востоку от поселения размещается урочище Гостево, в 2 км к северо-востоку – урочище Торки, а в 2,2 км к западу находится окраина с. Козлово, известного с начала XVI в. Расстояние от родника Ясенье до восточной границы селища, названного Гостево 3, составляет около 800 м. Памятник имеет внушительные размеры, занимая пространство внутри неправильного треугольника со сторонами 480 × 340 × 260 м, – около 8 га. С учетом того, что его площадка разделена оврагами, размеры поселения в верховьях Варги сопоставимы с территориями Торок и Ясенья.

На пашне при обследовании селища было собрано 826 фрагментов керамики, в том числе 586 венчиков. На момент обнаружения поселения его территория была вся изрыта грабителями. Коллекция вещей с поселения включает 53 находки, представленные почти исключительно изделиями из железа.

Возникновение памятника во второй половине XII–XIII в. документировано находкой ключа типа Б (Колчин, 1982, с. 162) (рис. 176: *9*) и присутствием венчиков с характерной профилировкой (типы VIII А–Б, по В. А. Лапшину, см.: Лапшин, 1992, с. 100), однако в составе керамической коллекции преобладает керамика XIV – первой половины XV в. с короткой шейкой, с венчиком без следов заворота чернового края (рис. 177).

В числе находок этого времени ключи типа В-2, обоймица и заглушка рукоятей ножей с высоким бортиком (Двуреченский, 2004а, с. 41, рис. 75: *12–14*), сердцевидная накладка с центральным круглым отверстием под пробой (Двуреченский, 2004а, с. 46, рис. 93: *15–18*; Шполянский, 2007а, с. 107–108), железная булавка с рельефным орнаментом, подобная происходящей из Ясенья (рис. 176).

Предметом, важным для характеристики материальной культуры населения селища, представляется прорезная железная накладка, вероятно, прямоугольной формы, от которой сохранился фрагмент только с одним ровным краем. В центре накладки, внутри шестиугольной рамки, располагалась фигура в виде стилизованного цветка лотоса (Шполянский, 2019, с. 240) (рис. 176: *1*).

Единственное изделие из цветного металла представлено крестовидной бронзовой накладкой-держателем с поперечным отверстием в навершии и шпеньком сверху (рис. 176: *4*). Этот предмет надежно определяется как парная деталь крепежа сумки. Такие находки часто встречаются на русских позднесредневековых памятниках, однако их атрибуция возможна благодаря большой серии подобных вещей, происходящих из литовских могильников второй половины XIV–XV в. (Svetikas, 2003, p. 241–266).

Очевидно, что совсем рядом с селом Ясенье на протяжении не менее двух веков в сходных топографических условиях существовало сравнимое по размерам селище, прекращающее свое существование приблизительно в то же самое время (до середины XV в.). Это одно из поселений Ополья, не известное по письменным источникам, обладающее всеми признаками села – крупного, долгоживущего населенного пункта со сложившейся сельскохозяйственной округой. Длительное стабильное сосуществование двух сел предполагает тесное хозяйственное взаимодействие их населения, неизбежное совместное использование угодий. Селища находились менее чем в километре друг от друга, что примерно в два раза меньше, чем от Ясенья до Торок и любого другого известного сейчас синхронного им крупного поселения.

Поэтому очень вероятной кажется взаимосвязь между переходом в монастырское владение Ясенья «со всем, что к нему потагло», и прекращением жизни обоих сел. Можно представить, что жители двух селищ, у родника и в истоках р. Варги, входили в одну волостную корпорацию с правом общего землепользования (Чернов, 2017). Оставляя такое предположение как возможное, стоит обратить внимание на документы, проясняющие ситуацию с использованием угодий, «тянувших» к бывшему селу Ясенье, крестьянами близлежащих сел в более позднее время.

В датированной 8 июня 1508 г. грамоте Василия Челядина посельскому Прокофию Якимову (АССЕМ, № 2, с. 14) сообщается о жалобе спасского архимандрита Константина на гостевских и козловских крестьян. Согласно жалобе, крестьяне этих сел «у их села монастырского, у Торок, межу старую подарывают и ямы межные закопывают», то есть понятно, что речь идет о споре по размежеванию полей.

Оба села – ближайшие соседи Торок: Козлово располагается в пяти километрах к юго-западу, на правобережье р. Урды (правый приток Ирмеса), Гостево – примерно на таком же расстоянии, через водораздел к югу, на левом берегу р. Тумки, притока р. Каменки, на которой стоит Суздаль. Родник Ясенье находится посередине между Торками и Гостево, к Козлову ближе истоки Варги, где найдено селище Гостево 3 (рис. 178). Очевидно, что спорные земли лежат как раз на водоразделах вокруг селищ, запустевших за несколько десятилетий до появления жалобы архимандрита Константина.

Характер взаимоотношений между крестьянами Торок и Гостево становится ясней, если принять во внимание еще один документ: докладной судный список суда Василия Бобкова и Григория Нарбекова к старосте великокняжеского с. Гастева (Гостево) Федосию Ульянову из архива другого крупного вотчинника Ополья – Троице-Сергиева монастыря (АРГ, № 230, с. 232–234).

Рис. 176. Селище Гостево 3. Находки из сборов: 1–3, 5–14, 16 – железо; 4 – цветной металл; 15 – стекло

Рис. 177. Селище Гостево 3. Керамика из сборов

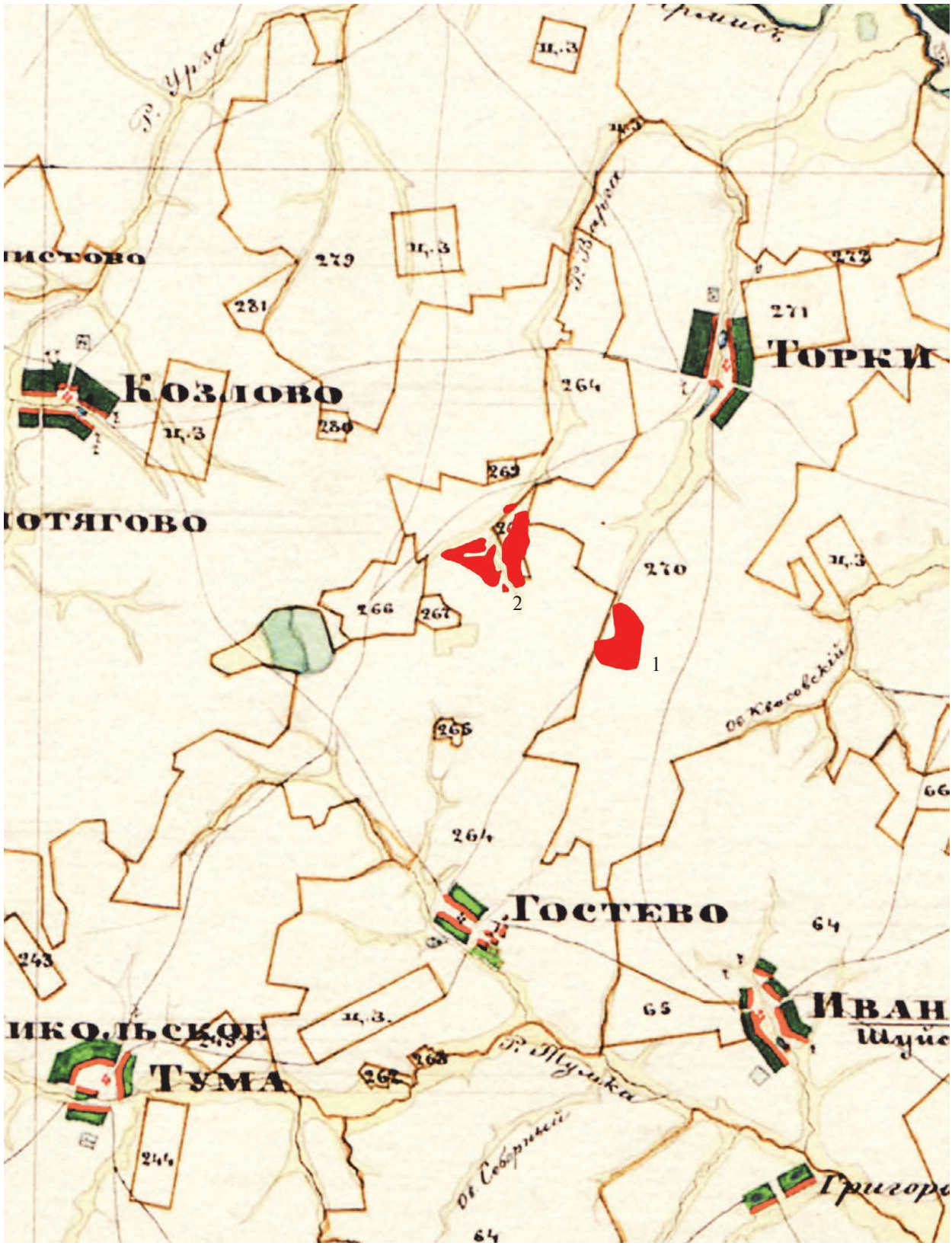

Рис. 178. Селища в верховьях оврагов.
Положение относительно сел Гостево, Торки, Козлово и Тума на карте Менде 1850 г.
1 – селище Гостево 1 (Ясенье); 2 – селище Гостево 3

Судный список датирован 11 августа 1524 г., через 16 лет после спора тех же гостевских крестьян с «великим Спасом» за поля у родника. В документе решается вопрос принадлежности угодий крестьян великокняжеского села Гостево и монастырского села Тума на «Буженинском враге» (правобережье р. Тумки), на западном краю гостевских земель. Учитывая, что между церквями Тумы и Гостево всего 2,7 км, а расстояние от Тумы до Ясенья напрямую составляет меньше 5 км, становится ясно, что земли великокняжеских крестьян оказываются окружены владениями двух крупнейших церковных феодалов страны. И если Троицкий монастырь решает земельные споры путем судебных разбирательств, то Спасская братия таких судов, по-видимому, не ведет. И действия гостевских крестьян в окрестностях родника выглядят, скорее, не как разбой, а как борьба за землю (которую они, очевидно, считают своей), когда других способов у них, наверное, не осталось.

Зато настоящим разбоем кажется продолжение этого конфликта, длящегося к тому времени более двухсот (!) лет, описанное в челобитной 1641 г. спасского архимандрита Иосифа и келаря Тихона Тургенева царю Михаилу Федоровичу. В ней сообщается, что крестьяне из Гостева, принадлежащие Нехорошему Ивану сыну Волохову с братьями, напали на крестьян села Торки, когда те шли крестным ходом святить воду «в колодези при часовне св. Параскевы-Пятницы... Несмотря на то, что и колодезь, и часовня находятся на монастырской земле... ограбили... взяли с них украшений и одежды (серьги, перстни, кресты) на 156 р. с полтиной». Еще в челобитной сообщается, что гостевские крестьяне «насильством» производят покосы на монастырской земле, а в посевах монастырских крестьян, «подходящих к их селу», прокладывают дороги и травят покосы скотом (Описание актов, 1905, № 424, с. 277–278).

Во-первых, интересна привязка событий к месту, где располагается «колодезь при часовне». Крестный ход шел из села до него, где и случилось нападение на процессию, возглавляемую дмитриевским попом (то есть церкви Дмитрия Солунского в Торках) Иваном. Вполне вероятно, что речь идет о роднике в истоках ручья, тем более что в грамоте упоминаются посевы монастырских крестьян, подходящие к селу Гостеву, расположенные, видимо, к югу от Ясенья.

Во-вторых, упорство, с которым продолжается борьба за земли вокруг родника, позволяет предположить, что переход земель, «тянувших» к Ясенью, в монастырское владение в начале XV в. не был принят как законный крестьянами окрестных поселений, наверное, потому, что они потеряли часть своих (волостных) угодий. Неизвестно, куда ушли жители запустевших сел, но вероятным кажется переселение их на соседние водотоки, поблизости от старых полей. Поскольку разведочных работ в районе Гостево и Козлово не велось, картину нельзя считать полной, но развитие крупного монастырского землевладения как один из значимых факторов формирования системы расселения в этом небольшом сюжете из истории Ополья проявляется отчетливо.

При обсуждении судьбы сел на водоразделах важным представляется упоминание в судной грамоте 1524 г. двух селищ, находящихся на границе великокняжеских и монастырских владений, на одном из оврагов: «да врагом Морщиком вверхъ водоточью вешнею, да изо врага межою налево меж Григориевым селищом и Левиным селищом» (АРГ, 1975, № 230, с. 233). Селища располагаются рядом, на землях двух разных владельцев, а местоположение их является одновременно ориентиром и аргументом в споре за «пожню». Исходя из их описания, понятно, что в грамоте фиксируется прекращение существования поселений, расположенных в топографических условиях, сходных с положением сел в истоках Варги и Ясенья.

Исчезновение поселений в верховьях оврага выглядит продолжением процесса концентрации населения региона в селах – центрах хозяйственной деятельности крупных землевладельцев как церковных, так и светских. Принадлежность земель по обоим берегам Тумки светским вотчинникам еще в начале XVI столетия следует из данной кн. Семена Борисовича суздальского, по которой он, между 1508 и 1511 гг., передает в «в дом живоначальной Троицы» свою вотчину село Окоемово «на речке на Туме» (АРГ, № 46, с. 51–52). Окоемово на Туме, по-видимому, отождествляется с монастырским селом Тумой (АРГ, 1975, № 83, с. 88–89), и, значит, селища в верховьях Морщика находились на волостных (великокняжеских) землях и во владениях суздальских князей.

Потеря князьями суздальского дома своих вотчин в Ополье была одним из наиболее значимых последствий перехода региона под власть Москвы в 1392 г., которое оказало влияние на смену (запустение старых и развитие новых) центров расселения в регионе. Этот процесс был растянут во времени, источники фиксируют попытки суздальских князей вернуть вотчины, свои и своих бояр, в условиях феодальной войны (ДДГ, № 40, с. 120), но к началу XVI в., видимо, он почти завершился.

Примером запустения центра княжеской вотчины может служить судьба одного из самых известных историкам средневековых сел ближайшей суздальской округи – Мининского.

Мининское селище

О его существовании было известно еще до начала первых археологических исследований в Ополье.

По описанию 1847 г., отхожая пустошь «Минино селище» находится на второй версте от Суздаля, на выезде из оврага Мжара. Местность получила свое название по имени суздальского «князя» Мины Иоанновича, упомянутого в житии Ефросиньи Суздальской (Седова, 1997, с. 19, 42), которому пустошь, якобы, принадлежала, здесь были его «село и дворец» (Заметки, 1847, с. 300).

Село Мининское фигурирует в данной грамоте черницы Марины суздальскому Васильевскому монастырю, которая первоначально датировалась XIII в., хотя в отношении этой датировки высказывались сомнения. После изысканий В. А. Кучкина грамота была отнесена к 1453 г., а упомянутый в ней князь отождествлен с Дмитрием Константиновичем Ногтем (АСЭИ, т. 3, № 93, с. 129–130; Кучкин, 1984, с. 220–221). Однако С. М. Каштанов, изучив структуру и палеографию документа, сопоставив информацию из актового материала с писцовыми книгами XVII в., следом за С. Н. Валком, считавшим грамоту подложной, отнес ее появление, скорее, к началу 80-х гг. XVI в. Согласно выводам С. М. Кашатонова, Мининское селище не входило в состав основной вотчины монастыря Василия Кесарийского, который только пытался добиться передачи его себе во владение, а оставалось отхожей пустошью, которой «владеют насилством суздалские охотные слободы охотники... сено косят и травят» (Каштанов, 1996, с. 90 – 95).

Упоминание села Мининского как принадлежащего князю Дмитрию Константиновичу в разновременных документах позволяет рассматривать поселение как княжескую вотчину (Седова, 1997, с. 234), прекращение существования которого возможно в широком временном диапазоне с середины XV по начало 80-х гг. XVI в. В такой ситуации результаты археологических работ приобретают особое значение для получения достоверной информации о хронологии и аргументов в интерпретации памятника.

Исследования «Мининского селища» впервые были проведены в начале 1990-х гг. Т. Ф. Мухиной, о раскопках поселения упоминает М. В. Седова (Седова, 1997, с. 42), однако никакой информации о результатах этих работ не сохранилось.

Суздальской экспедицией территория «пустоши» была обследована в 2010 г. Селище площадью 3,6 га находится в 2,15 км к юго-западу от окраины с. Михали и в 3 км к югу от Суздальского кремля. Оно получило название Михали 3 (Мининское 1), расположено в верховьях запаханного оврага, прорезающего пологое плато правого берега р. Мжара, в 800–900 м к югу – юго-востоку от ее русла. Южнее селища находится округлое в плане блюдцевидное понижение, заросшее кустарником, в котором весной собирается талая вода и вытекает ручей, образовавший овраг. В наиболее возвышенной южной части поселения в пределах ограниченной площади (примерно 20 × 15 м) отмечено большое количество выпаханных человеческих костей, обозначивших место сельского кладбища.

На склоне противоположного, правого берега оврага, в 150–200 м к югу, было найдено небольшое (площадью около 0,5 га) селище Михали 4, памятники представляют собой, по-видимому, остатки одного средневекового села.

Впоследствии оба селища обследовались в 2016–2018 гг. В 2018 на месте находки выпаханных человеческих костей был заложен раскоп размером 71 кв. м, в котором исследовано 25 погребений. Безынвентарность, плотность размещения (до трех ярусов), четко читаемая северная граница зоны совершения захоронений позволяют определять хронологию исследованной части кладбища в пределах XIV–XV вв. Это подтверждается находкой в одной из могил серьги в виде знака вопроса (рис. 179: *6*) и результатами датирования образцов древесины гробовин методом ускорительной масс-спектрометрии во временном диапазоне 1291–1407 гг. (Федорина, Красникова, Шполянский, Угулава, 2020, с. 138–141).

Состав коллекции вещей (более 500 предметов) позволяет определить Михали 3 как остатки владельческого села с выраженным элитарным комплексом находок (см. главу настоящего издания «„Усадьбы знати“ на поселениях XII–XV вв.», т. 2) и датировать XI – серединой XV в. В контексте истории поселения в позднесредневековый период следует подробнее рассмотреть ту часть коллекции, которая иллюстрирует характер материальной культуры его жителей в XIV–XV вв.

Наиболее выразительными находками этого времени является серия удельных и золотоордынских монет, самая крупная из собранных сейчас на памятниках Ополья. Всего на памятнике собрано 16 монет: 12 чеканены во второй половине XIV – 30-х гг. XV в., остальные четыре датируются XVI столетием. Только 11 из них обнаружены в результате археологических исследований, 5 монет переданы местными жителями как происходящие с селища.

Золотоордынская чеканка представлена тремя серебряными дангами или их подражаниями: хана Узбека, Сарай, 734 г. х. (1333/1334 г.) (рис. 180: *8*); Джанибека, Сарай ал-Джадид, 748 г. х. (1347/1348 г.) (рис. 180: *12*); Кулпа, Гюлистан, 760 г. х. (1359 г.) (рис. 180: *11*).

Чуть менее половины монетной коллекции (7 штук) – медные пулы Суздальско-Нижегородского княжества с четвероногим животным на лицевой стороне и равноконечным крестом в линейной обводке на оборотной (рис. 180: *1–7*). Предположительно, монеты относятся к суздальскому чекану, который, по мнению В. В. Зайцева, был налажен после присоединения княжества к Москве в 1392 г.

Рис. 179. Селище Михали 3. Датирующие находки конца XIII – середины XV в.:
1–8, 10–20 – цветной металл; 9, 21–24 – железо

Рис. 180. Селище Михали 3 (Минино). Монеты.
1–7 – пулы Суздальско-Нижегородского княжества (№ 15–16, 18, 20–23 в таблице 1);
8, 11–12 – монеты золотоордынской чеканки (№ 14, 24–25 в таблице 1);
9–10 – русские монеты конца XIV – первой четверти XV в. (№ 17, 19 в таблице 1);
13–16 – монеты XVI в.
1–7, 13 – медь; 8–12, 14–16 – серебро.

Интересно, что исследователю известно всего несколько экземпляров таких пул, найденных в окрестностях Суздаля «в разное время» (Зайцев, 2016, с. 198). Беря во внимание, что три медные монеты из семи переданы находчиками как обнаруженные на Мининском селище, можно предположить, что с памятника, вероятно, происходит большинство известных пул этого типа.

Русские серебряные монеты представлены денгой великого княжества Владимирского с надчеканкой в виде четвероногого животного влево 1390–1400-х гг. (близка к опубликованной в книге: Зайцев, 2016, с. 28, рис. 27 а) (рис. 180: *9*) и денгой великого князя Василия Дмитриевича 1412–1425 гг. (рис. 180: *10*).

Среди датирующих вещей второй половины XIII – первой половины XV в. четыре обломка бронзовых зеркал (рис. 179: *1–4*), обломок книжной застежки (рис. 179: *5*), три фигурных накладки, в том числе одна крестовидная сумочная (рис. 179: *8*), и ажурная железная (рис. 179: *9*), имеющая бронзовые и серебряные аналоги в Волго-Камье (Руденко, 2001, с. 104, рис. 18: *24*, с. 107, рис. 21) и Ярославле (Сапрыкина, 2014б, с. 177, рис. 2: *275*), но наиболее близкую, из черного металла, на селище Мякинино в Москворечье (ГИМ, В-2849/119). Около середины XIII в. или чуть более поздним временем, вероятно, датируется монетовидное изделие с рельефным литым орнаментом на лицевой стороне (рис. 179: *10*). Подобные находки трактуются как подвески (Сапрыкина, 2014б, с. 176–177, рис. 2: *487*), предмет из Михалей отличается от аналогов схематичностью изображения. На селище найдено пять щитковых перстней со щитками овальной и ромбовидной формы, с рельефными валиками на обруче (Сарачева, 2007, с. 82–83) (рис. 179: *13–17*), крупный бубенчик, спаянный из двух половинок, с Т-образной формой прорези (рис. 179: *20*), два обломка криноконечных крестов с ромбовидным средокрестием (Макаров, Зайцева, 2020б, с. 57–58) (рис. 179: *18, 19*). Из бытовых предметов выделяется целый цилиндрический замок с ключевой прорезью редкой формы (рис. 179: *22*), предметы вооружения (рис. 179: *21, 23, 24*) представлены пластиной от сложносоставного доспеха и двумя стрелами: пулевидной и ромбовидного сечения с расширением в верхней трети формы (см. главу настоящего издания «Вооружение и всадническое снаряжение», т. 2).

Подавляющее большинство вещей датируется временем не позднее середины XV столетия, за исключением четырех монет более позднего времени (рис. 180: *13–16*), среди которых тверское медное пуло, отчеканенное в первой трети XVI в. (Гайдуков, 1993, с. 194, № 362) (рис. 180: *13*), которые не сопровождаются синхронным им вещами и массовым материалом, что позволяет говорить о прекращении жизни на территории села около середины или во второй трети XV в.

Состав коллекции, содержащей представительную серию монет (в том числе медных), предметы вооружения и степные импорты (обломки зеркал), позволяет подтвердить высокий социальный статус части жителей села в конце его существования. То обстоятельство, что время исчезновения поселения, определенное на основе археологических данных, совпадает со временем передачи села Мининского в монастырское владение, если следовать датировке грамоты черницы Марины, предложенной В. А. Кучкиным (1453 г.), вряд ли может быть аргументом в пользу его позиции, поскольку ничего не добавляет к спору о подлинности документа.

Запустение пригородного княжеского села, существовавшего около четырехсот лет, представляется знаковым событием, отражающим процесс значительных изменений в составе землевладельцев, характере землепользования, численности и закономерностях размещения сельских поселений близкой суздальской округи.

Благодаря разведочным работам последних десятилетий, все яснее видна картина уменьшения количества сел Ополья в течение XV столетия. Если в предшествующее время сеть поселений, привязанная к овражным системам, хоть и с потерями, продолжала существовать, то вторая половина XV в. становится временем перемен, исчезают памятники, которые были основой поселенческой структуры в регионе в течение 250–400 лет (Макаров, Шполянский, Федорина, Угулава, 2019, с. 27). Сейчас можно назвать около полутора десятков локальных поселенческих центров, не переживших рубежа XV–XVI вв. в разных районах в Ополья. В окрестностях Суздаля, помимо уже названных, это селища Янево 4-5, Кистыш 3. На границе между владимирскими и суздальскими землями – Павловское 1-3, Улово 1, Васильково 6, на севере Ополья, в окрестностях Юрьева Польского, – Сорогужино 4, Волствиново 2, Озерцы 1. При сопоставлении даже этого, совсем неполного, списка запустевших позднесредневековых сел с количеством населенных пунктов письменных источников становится ясно, что речь идет о серьезных изменениях.

Тем не менее это не означает уменьшения количества населения, которое концентрируется в центрах новых вотчин, к концу столетия формируется сеть поселений, которая с незначительными изменениями доживает до современности.

Размеры сел продолжают расти, достигая нескольких десятков дворов, они, по образному выражению М. С. Черкасовой, представляют собой «мощные хозяйственные „бастионы“, которым по плечу были все испытания опричнины, кризиса 1560–1580-х гг., а затем и Смутного времени» (Черкасова, 2001, с. 143).

Н. А. Макаров

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление Суздальской земли соединяет в себе создание новых ландшафтов, формирование нового узла расселения, идентичности, культуры и политической организации общества. Различные линии исторического действия оказываются тесно переплетены. Археология сегодня достоверно раскрывает макроисторию, общий характер исторических процессов, происходивших на территории Суздальской земли в Средневековье, состояние Ополья на различных исторических срезах и специфику его культуры, его место в общей панораме средневековой Руси. Анализ пространственного размещения археологических памятников на обследованных участках Ополья показывает, что развитие средневекового расселения на всей его территории имело сходный характер и было подчинено общим закономерностям.

Малая Суздальская земля – плотная сеть поселений, выделяющихся своими размерами, устойчивостью, преемственностью в развитии с конца I тысячелетия и до Нового времени, интенсивностью и разнообразием хозяйственных занятий, высоким благосостоянием. Здесь значительно раньше, чем в других областях лесной полосы Европейской России, сложилась сотовая система расселения с поселениями на оврагах, не связанными с крупными водотоками, открывавшая возможность устройства сельскохозяйственных угодий на водоразделах. Определение точных границ этого массива поселений и тяготеющих к ним земель на отдельных участках потребует дальнейших полевых обследований, однако его общие очертания надежно реконструируются по ландшафтным картам, бытованию имени «опольский» в названиях административных образований XVI–XVIII вв. и по материалам разведок на «краях» опольских земель. Его площадь составляла около 2000 кв. км. Средневековое расселение с внешней стороны реконструированных рубежей, на левобережье Нерли, правобережье Колокши, правобережье Клязьмы, остается малоизученным, однако очевидно, что плотность его была существенно ниже. Ополье в течение нескольких столетий оставалось местом сосредоточения основной части населения Большой Суздальской земли. Период его максимального роста – XII – первая половина XIII в. Политическое возвышение Северо-Восточной Руси во многом связано с формированием этого демографического ядра.

Археологические материалы дают возможность рассчитать примерную численность сельских поселений и сельских дворов на территории Суздальского Ополья в период его расцвета. На обследованной части Ополья находится 314 сельских поселений второй половины XII – первой половины XIII в. (включая местонахождения и поселения на местах городищ железного века). При условии, что обследованная часть Ополья (680 кв. км) составляет около трети (34 %) всей его территории (2000 кв. км), общее количество сельских поселений этого времени на территории Малой Суздальской земли может быть определено как близкое 920.

Расчет общего количества сельских дворов в Суздальском Ополье может быть произведен путем деления общей площади сельских поселений на примерную площадь, соответствующую одному дворовладению. Суммарная площадь всех выявленных селищ и местонахождений составляет чуть менее 900 га. Общая площадь всех сельских поселений в Ополье в таком случае могла составлять около 2640 га. Приняв для расчета площадь, соответствующую одному дворовладению (с учетом межусадебных пространств), в пределах от 1000 кв. м до 2500 кв. м (см. главы настоящего издания: «Исторические села как археологические памятники и структурные элементы средневекового расселения», «Внутренняя структура сельских поселений по данным археологии и геофизики», т. 1), мы реконструируем общую численность сельских дворов в Ополье во второй половине XII – первой половине XIII в. в пределах от 10 000 до 26 000.

Средняя численность средневековой семьи в демографических исследованиях определяется как состоящей из 4–6 человек, В. А. Кучкин определил ее как 4,4 человека, взяв в основу расчетов летописные данные о составе княжеских семей XII–XIII вв. (Кучкин, 2013, с. 69–88). Численность сельского населения Ополья на основе этих данных может быть реконструирована в интервале между 44 000 и 115 000 человек. Ранее археолого-демографический метод с различными вариациями и поправками был использован для оценки численности населения Новгорода (15–17,5 тысячи человек: Лукин, 2012), Коломны (1,7–2 тысячи человек: Мазуров, 2001, с. 287), Москвы (3 тысячи человек: Кренке, 2015, с. 292), всей сети городов Северо-Восточной Руси (46–71 тысяча человек: Макаров, 2017, с. 65). При всех возможных погрешностях этих расчетов они однозначно указывают, что население Суздальского Ополья по своей численности представляло собой заметную областную группу в общем демографическом пространстве Руси.

Археологический облик Ополья и характер средневекового расселения в этой области подтверждают справедливость ранее цитированных (см. главу настоящего издания «20 лет археологических исследований в Суздальском Ополье», т. 1) замечаний А. Е. Преснякова об особом земском строе Суздальской земли, о ее «эксцентричности» по отношению к городам, о том, что ее развитие в большей мере связано с развитием земли (Пресняков, 2020, с. 38–39).

Вместе с тем специфика археологических материалов Малой Суздальской земли состоит в том, что ее памятники редко дают исследователю возможность выделения узкодатированных комплексов и горизонтов, столь необходимых для хронологической детализации картины исторического развития Северо-Восточной Руси. Характер памятников с сухим, часто перемешанным слоем, в отличие от Новгорода или Ростова, редко позволяет зафиксировать стратиграфические колонки, отражающие во всех подробностях последовательность исторического движения, в вещевых коллекциях из раскопок часто нет критериев для разделения материалов, относящихся к эпохам отдельных правителей, столь контрастным по своему содержанию. В этой ситуации археологическая картина часто лишена желаемой хронологической точности, а археологические материалы не всегда могут быть убедительно увязаны с летописными событиями.

Культурный ландшафт

Характер Ополья как особого безлесного ландшафта с «добрыми» (по терминологии писцовых описаний) землями (Черненко, 2016) и сложная история его формирования проясняются по материалам археологических карт, палинологических разрезов, растительных остатков из культурного слоя средневековых поселений и изотопного анализа образцов костной ткани из средневековых погребений. Пахотные горизонты X–XII вв., в том числе с бороздами распашки, перекрытые культурным слоем поселений при расширении их территории, выявлены на селищах Весь 5, Вишенки 3, Кидекша, Шекшово 2 и Глебовское 1 (рис. 182). Горизонт средневековой пахоты, документированный в Кидекше, перекрыт прослойкой белокаменной крошки и извести, связанной со строительством церкви Бориса и Глеба, постройки Юрия Долгорукого (рис. 181) (Макаров, Шполянский, Долгих, Алешинская, Лебедева, 2014).

Палинологические исследования показали, что этот открытый ландшафт представляет собой вторичное образование, сформировавшееся в результате сведения лесов, средневековой земледельческой колонизации, следы которой впервые отмечены в спорово-пыльцевых спектрах VI–VII вв. и становятся отчетливо заметны в IX–X вв. с сокращением в спектрах доли древесных пород, увеличением доли травянистых, появлением пыльцы рудеральной растительности, пашенных сорняков и культурных злаков. Открытый ландшафт Малой Суздальской земли с обширными сельскохозяйственными угодьями и остатками широколиственных лесов в речных долинах окончательно сложился в XII в. в условиях потепления климата, создавшего благоприятные условия для расширения земледельческого хозяйства в Волго-Окском регионе. Во второй половине XIII в. площади лесов вновь несколько увеличились, однако Суздальская земля сохранила характер ландшафта сельскохозяйственных полей, отличного от сопредельных территорий (рис. 183).

Присутствие макроостатков культурных растений в отмывках культурного слоя всех средневековых поселений, на которых производился отбор проб, высокий индекс насыщенности растительными макроостатками культурных напластований на отдельных селищах (Кибол 5, Вишенки 3) и в самом городе, широкий видовой набор культурных растений хорошо согласуются с палинологическими наблюдениями и указывают на значительный удельный вес земледелия в экономике и жизнеобеспечении Ополья. Судя по археоботаническим материалам, возделывание зерновых, с характерным для железного века лесной полосы сочетанием в посевах пшеницы двузернянки, проса и ячменя, было важным компонентом хозяйства здесь уже в VI–VII вв., однако полевые угодья и поселения в это время оставались окруженными лесами, о чем свидетельствует обилие и разнообразие лесных плодов (лесной орех, черемуха, рябина, малина) в отмывках культурного слоя. Расчистки лесов и формирование новой сети поселений в X–XI вв. происходили одновременно с распространением новых сельскохозяйственных культур – ржи и овса. Рожь является основной культурой в большинстве образцов растительных макроостатков, происходящих из культурного слоя XI в., в том числе в ранних слоях Суздаля. По наблюдениям Е. Ю. Лебедевой, к XII–XIII вв. на селищах Суздальского Ополья формируется комплекс посевных культур, в котором рожь и овес выделяются как две основных при явном превосходстве ржи. В XIII в. и позднее этот комплекс распространяется повсеместно и в лесной зоне средневековой Руси. Таким образом, Ополье можно рассматривать как один из очагов первоначального внедрения ржи – важнейшей для Средневековья земледельческой культуры – на Северо-Востоке.

Для сельского хозяйства Ополья XII–XIII вв. характерно также возделывание на регулярной основе пшеницы-двузернянки и спельты, возможно, некоторые поселения специализировались на возделывании мягкой пшеницы (Вишенки 3).

А

Б

Рис. 181. Пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба в Кидекше.
А – церковь Бориса и Глеба,
Б – стратиграфия и следы распашки в раскопе у стен церкви

А

Б

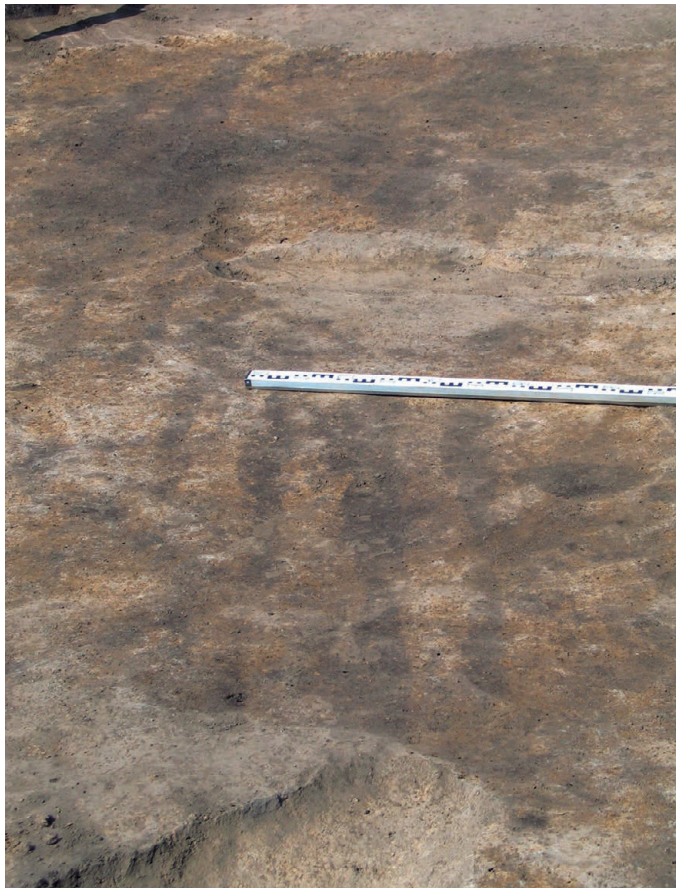

Рис. 182. Пахотные горизонты с бороздами распашки на селищах Весь 5 (А) и Вишенки 3 (Б)

Рис. 183. Пахотные орудия (1–3, 5) и орудия уборки урожая (4, 6–8) из сборов на селищах Суздальского Ополья: 1 – Григорово 2; 2 – Суворотское 8; 3 – Михали 3; 4 – Овчухи 4; 5, 6 – Новгородское 1; 7 – Кибол 11; 8 – Карельская слободка 5

Находки в Суздале и на селищах Кибол 5 и Вишенки 3 в культурном слое XII–XIII вв. семян гречихи указывают, что Ополье могло быть одним из центров первоначального распространения этой редкой на Руси культуры, макроостатки которой зафиксированы лишь на нескольких памятниках домонгольского времени (Кирьянова, 1992, рис. 5, табл. 3). Обилие макроостатков сорняков и редкость остатков лесных растений в археоботанических материалах, собранных на селищах X–XIII вв., дополняют картину Ополья как территории с обширными пахотными угодьями, вытеснившими лесные массивы. Высокая концентрация мякины культурных злаков в Суздале, существенно превышающая обычные для древнерусских городов показатели, говорит о том, что городское население, так же как и сельчане, занималось обработкой зерна.

Изотопный анализ костной ткани из погребений XI – первой половины XII в. из могильника Шекшово 2 свидетельствует о преимущественно растительном питании 16 индивидов, костные останки которых были подвергнуты анализу. Средние величины дельта углерода и азота для погребений из Шекшова 9 (δ13C -19,6‰ и δ15N10.18‰) позволяют сделать заключение, что питание этой группы базировалось на продуктах местной сельскохозяйственной деятельности с преобладанием зерна и овощей. Эти наблюдения в полной мере согласуются с земледельческим обликом ландшафта и высокой концентрацией растительных макроостатков в культурном слое поселений. Археоботанические материалы, собранные на большинстве селищ, не дают прямого ответа на вопрос, выращивалось ли зерно для внутреннего потребления, для обеспечения элиты или на продажу. Селище Кибол 5, где зафиксированы значительные объемы производства зерновой продукции с доминированием ржи, – единственное поселение, для которого предположение о товарном характере земледелия XII–XIII вв. основывается на данных археоботаники. Тем не менее из общей суммы наблюдений, полученных при изучении суздальских селищ и их палеосреды, складывается картина Ополья как продуктивной земледельческой территории, на которой производство зерна не было ограничено внутренним потреблением сельских дворохозяйств.

Малая Суздальская земля остается редким для лесной полосы России примером сплошного земледельческого освоения обширной области, включая водораздельные участки. Одним из ключевых элементов такой стратегии расселения с XI в. стало устройство малодворных поселений, открывавшее возможности для более полного использования земельных ресурсов, в том числе для освоения отдельных небольших удобных для земледелия участков. Ополье известно сегодня как один из очагов возникновения подобной формы поселений. Отказ от их устройства здесь во второй половине XIII – XIV в., когда малодворные поселения с тянущимися к ним сельскохозяйственными угодьями получают массовое распространение на Северо-Востоке, можно объяснить тем, что на плодородных темноцветных почвах Ополья более продуктивным путем оказалось сплошное освоение земельных массивов с опорой на крупные села как на самодостаточные единицы расселения. Однако опыт устройства малодворных поселений оказался востребован в других областях Северо-Восточной Руси. Таким образом, историческое ядро Владимиро-Суздальской земли стало местом выработки новых стратегий расселения и землепользования, обеспечивших экономический рост Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв.

Этнокультурная ситуация

Этнокультурная история центра Северо-Восточной Руси традиционно рассматривается как история славянского расселения на территориях, ранее занятых финнами, завершившегося ассимиляцией летописной мери. Изучение этнокультурных процессов в подобной парадигме предполагает выделение «финских» и «славянских» памятников и анализ их хронологического и пространственного соотношения. На практике при изучении древностей Суздальского Ополья IX–XI вв. применение такого подхода затруднено. На территории Малой Суздальской земли не выявлены грунтовые могильники с ингумациями второй половины I тысячелетия с характерными для финского костюма металлическими украшениями, хорошо известные в ареале летописной муромы и мордвы. Общее собрание ювелирных украшений после новых исследований пополнилось многочисленными предметами, выполненными в поволжско-финской стилистике, установлено использование здесь в костюме специфических элементов, характерных для поволжских финнов, например, металлических украшений обуви. Однако большинство этих предметов найдено на поселениях X–XI вв., в том числе на «больших поселениях», на памятниках, где широко представлены металлические предметы общедревнерусского и балтийского круга и раннекруговая керамика. Наиболее выразительный погребальный комплекс с финскими украшениями, в том числе обувными накладками, открытый в последние десятилетия, – погребение 6 в могильнике Шекшово, датируется рубежом X–XI – началом XI в. (Зайцева, Столярова, 2018). Поселения с культурным слоем IX в. с яркими комплексами шумящих украшений единичны. К ним относятся селище Весь 5, Гнездилово 7, городище Выжегша, возможно, селища Кистыш 8, Суворотское 8 и Малодавыдовское городище. Элементы финского женского костюма становятся заметными в Ополье в X в., когда меря уже исчезает со страниц летописи.

Древнерусская культура присутствует в Ополье в сложившемся виде с начала XI в. Наиболее яркие ее маркеры – подкурганные и бескурганные погребения с ингумациями со скромным погребальным инвентарем и немногочисленными украшениями костюма, включающими в женских захоронениях перстенобразные и бусинные височные кольца и ожерелья из бус (могильники Шекшово 9, Гнездилово 12, Весь 5, Мжарский некрополь в Суздале). Подобный погребальный обряд, лишенный выраженной региональной или «племенной» окраски, несколько ранее или в то же время получил распространение во многих областях славянского расселения, в том числе на Руси – в Среднем Поднепровье и Приильменье. Следы более раннего славянского присутствия – раннекруговая керамика и отдельные украшения древнерусского круга – представлены, главным образом, на «больших поселениях», в вещевых комплексах, содержащих предметы поволжско-финского и балтийского облика и еще более многочисленные артефакты, не имеющие определенной культурной аффилиации. Со славянским расселением во второй половине X в. связано, вероятно, и появление полусферических курганов с кремациями в могильниках вблизи «больших поселений»: в Шекшове, Гнездилове, Сельце, Веси и Василькове. Однако погребальный инвентарь этих курганов, помимо предметов, не связанных с определенной культурной средой, включает и украшения, выполненные в поволжско-финской стилистике (рис. 184: *5, 6*). Создается впечатление, что финны и славяне в Суздальском Ополье в X в. находились на одних и тех же поселениях и скрыты общей культурной вуалью, под которой не всегда возможно оценить соотношение обоих культурных компонентов.

Вопрос об исходных районах и путях первоначального славянского расселения в Ополье окончательно не может быть прояснен, тем не менее новые материалы дают важные ориентиры для критической оценки различных ранее предложенных версий пространственной картины колонизации. Изучение вещевых коллекций, керамики и погребального обряда не выявляет следов каких-либо связей Ополья с Верхним Поднепровьем. Существенно, в частности, отсутствие в женских погребениях XI в. здесь браслетообразных височных колец, столь распространенных на Верхнем Днепре и Верхней Волге. С учетом этих наблюдений версия о западных, «кривических», территориях как об исходной базе продвижения славян в Ополье (Спицын, 1899, с. 334–340; Спицын, 1905, с. 168–172; Горюнова, 1961, с. 190–191б, 198–199) лишается достаточных оснований. С другой стороны, в материальной культуре поселений Ополья X–XI вв. ярко выражены северные элементы (кузнечные изделия, изготовленные в технике трехслойного пакета, односторонние расчески, украшения, декорированные «волчьим зубом», подковообразные фибулы, чулочные крючки), происхождение которых может быть связано с Балтийским регионом, Северо-Западной Русью или Скандинавией (Розанова, 1991; Терехова, Розанова, Завьялов, Толмачева, 1997, с. 287–293; Макаров, Федорина, 2013; Лапшин, 2018). Среди раннекруговой керамики из раскопок на селище Гнездилово выделены фрагменты сосудов западнославянских – менкендофского и фельдбергского – типов, древнейшие из которых отнесены авторами раскопок к первой трети X в. (Горюнова, Лапшин, 2004; Лапшин, 2018). Можно полагать, что присутствие этих составляющих в суздальских древностях отражает не только культурное влияние Балтики и торговые связи, но и миграционное движение с северо-запада, исходные районы которого пока не могут быть локализованы (см. главу настоящего издания «„Большие поселения“ и особенности организации расселения и социально-экономического устройства X–XI вв.», т. 2). Эти наблюдения отчасти возвращают нас к построениям В. В. Седова, полагавшего, что Ростово-Суздальская земля заселялась с северо-запада «метисным населением, в составе которого присутствовали новгородские словене, весь и скандинавы» (Седов, 1982, с. 189). С южным колонизационным потоком более позднего времени (XI – начало XII в.) связано появление кольцевых канавок в курганах и вокруг бескурганных погребений, зафиксированное в целом ряде могильников XI – начала XII в. Как свидетельства южнорусской колонизации В. В. Седов интерпретировал находки в Суздальских курганах трехбусинных височных колец, редких в древнерусских сельских могильниках (Седов, 1982, с. 190; Седова, 1997, с. 233), но нельзя исключить, что использование этих украшений в костюме отражает распространение общеславянской моды, не связанной с какими-либо областными традициями.

Возвращаясь к финскому следу в культуре Малой Суздальской земли, можно предположить, что Ополье в VIII–IX вв. не было самостоятельным центром мерянского расселения. Стоит напомнить, что Суздаль, в отличие от Ростовского озера и Клещина озера, не указан в летописи как одна из географических точек, в которой меря была «первыми насельниками». Отметим также, что некоторые типы известных здесь украшений поволжско-финского облика, например, ажурные подвески треугольной формы с полусферами и волютами (Зайцева, Зеленцова, 2021) или плоские прямоугольные подвески с привесками, использовавшиеся как обувные накладки, широко представлены в муромских могильниках на Средней Оке, где они появились еще в IX в. После новых полевых работ Среднее Поочье открывается как территория с высокой концентрацией погребальных памятников VIII–X вв.,

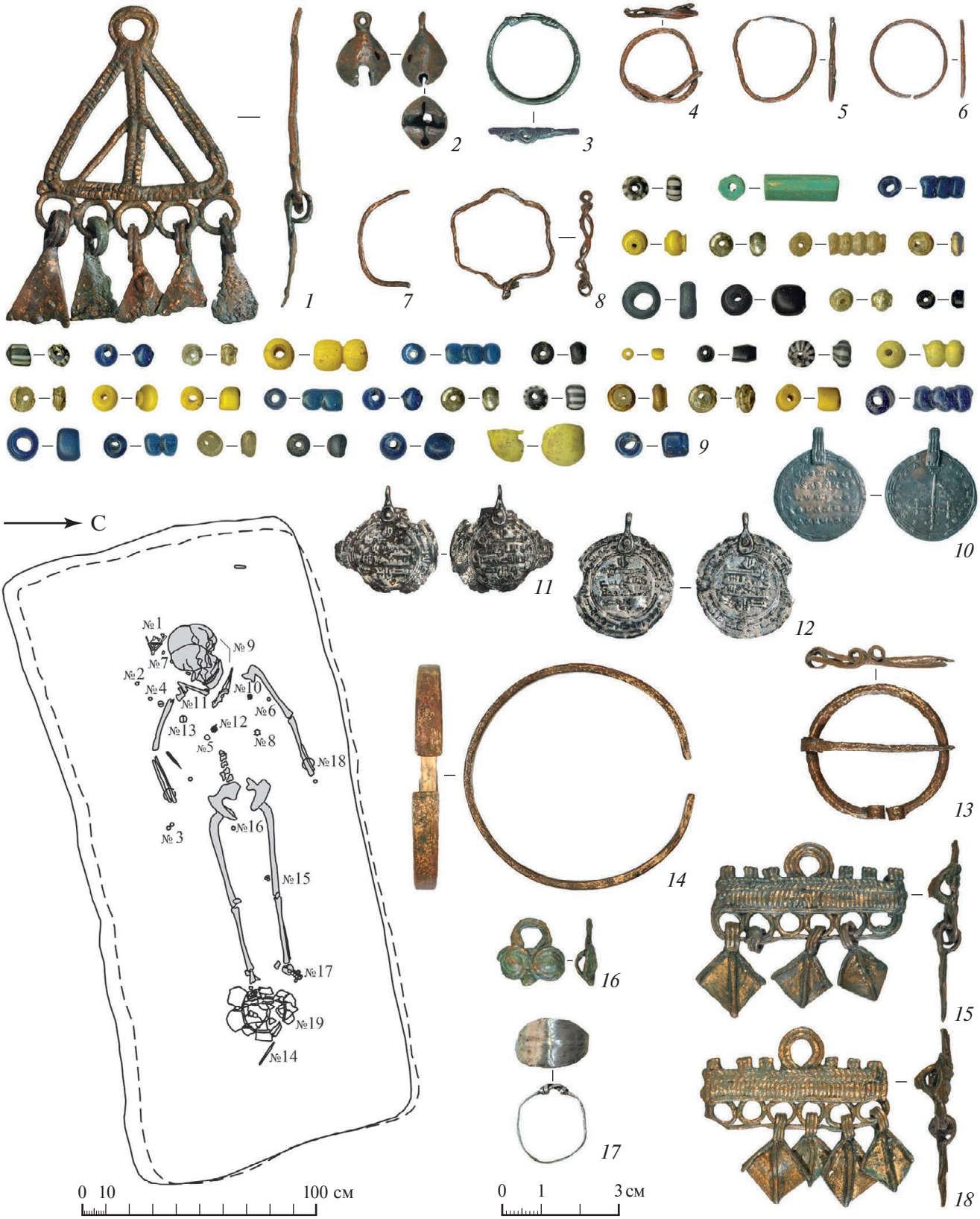

Рис. 184. Могильник Шекшово 9. Погребение 6 (раскопки 2016 г.). Рубеж X–XI – начало XI в.
Набор украшений и сопровождающие вещи.
1, 2, 4–8, 13–16, 18 – цветной металл; 3, 10–12, 17 – серебро; 9 – стекло

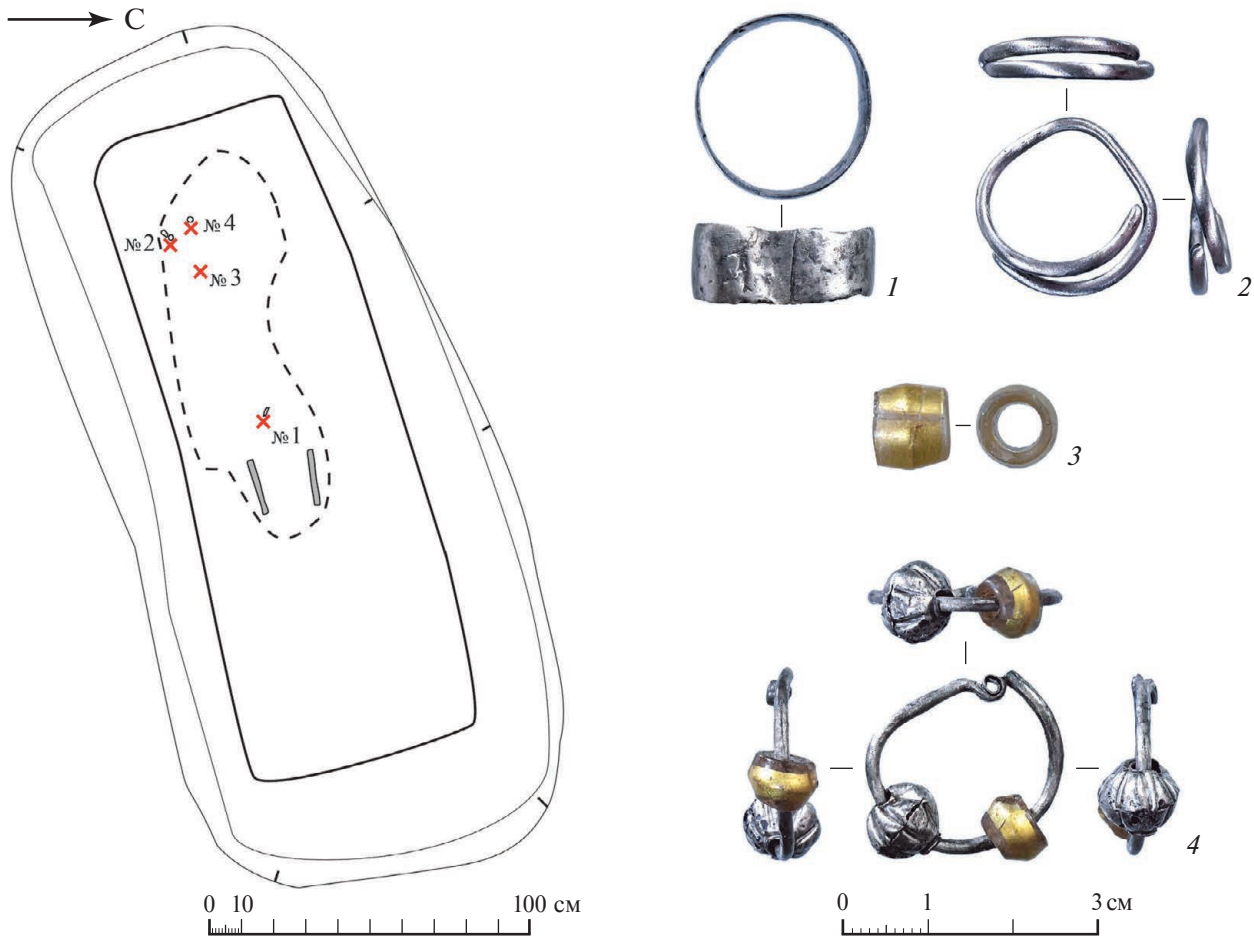

Рис. 185. Могильник Гнездилово 12. Погребение 7. XI в. Набор украшений и сопровождающие вещи. 1–2 – серебро; 3 – стекло; 4 – серебро и стекло

свидетельствующих о значительной плотности, благосостоянии и многочисленности финского населения, и преемственности расселения и культурных традиций на протяжении почти четырех столетий (Зеленцова, Милованов, 2021). Весьма вероятно, что часть предметов поволжско-финского облика, найденных на суздальских памятниках, отражает их связь с Поочьем или продвижение выходцев из муромской среды в Ополье. Находки шумящих украшений на памятниках второй половины X–XI в. правомерно рассматривать не столько как прямое свидетельство присутствия в Ополье потомков местной мери, сколько как отражения более многообразных процессов участия поволжских финнов в формировании древнерусского населения центра Северо-Восточной Руси и использования элементов финской культуры как одного из средств обозначения областной идентичности.

Так или иначе, этнокультурная история Суздальской земли характеризуется коротким и ярким периодом сосуществования и синтеза славянских и финских элементов, который не соответствует устоявшимся историографическим представлениям о первоначальной обособленности колонистов и автохтонов. Характер культуры X – первой половины XI в., открытой новейшими полевыми работами, хорошо согласуется с замечаниями А. А. Спицына о племенной пестроте населения Ростово-Суздальской области (Спицын, 1905, с. 167, 171–172) и оценками этого населения как «метисного», высказанными В. В. Седовым (Седов, 1982, с. 190). Трансформация этой пестрой культуры в классическую древнерусскую, лишенную регионального колорита, происходит, по-видимому, во второй половине XI в., но недостаток узкодатированных закрытых комплексов на поселениях и в могильниках не позволяет уточнить хронологию. Первое летописное упоминание о суздальцах как об отдельной областной общности (1096 г.), участвующей вместе с ростовцами и белозерцами в борьбе Мономашичей с Олегом Святославичем (ПСРЛ, т. 1, стб. 237–238), приходится на время, когда их общедревнерусская идентичность уже отчетливо выражена в археологических материалах.

Рис. 186. Могильник Гнездилово 12. Погребение 17. XI в.
Набор украшений и сопровождающие вещи.
1–12 – стекло; 13–14 – серебро; 15 – черный металл; 16 – керамика

Экономика и благосостояние

Материальная культура «больших поселений» отражает высокое благосостояние суздальского общества в X–XI вв. Признаки этого достатка хорошо заметны и на поселениях позднейшего времени. Вся сумма данных о расселении и состоянии культурных ландшафтов Суздальского Ополья в XII–XV вв. указывает, что источником процветания и устойчивости поселений в эту эпоху были сельскохозяйственные занятия. Следует ли из этого, что земледелие было изначально единственным фактором экономического подъема Ополья?

Совокупность наблюдений, основанных на анализе палеоэкологических материалов, указывает, что основным источником жизнеобеспечения новых поселений, возникших в X–XI вв., были сельскохозяйственные продукты. Выше уже отмечалось, что макроостатки культурных злаков в изобилии присутствуют в культурном слое поселений. По таксономическому и видовому набору костных останков животных большинство селищ с культурным слоем X–XI вв. в Ополье – обычные поселения сельского типа с собственным разведением сельскохозяйственных животных, среди которых преобладает свинья и крупный рогатый скот. Эти данные в полной мере соответствуют общеизвестным заключениям об особых качествах почв Ополья, обеспечивавших высокую урожайность зерновых. Колонизацию Ополья в X–XI вв., таким образом, можно было бы рассматривать как классическую земледельческую колонизацию, ориентированную на первоочередное освоение территорий с редкими в лесной полосе темноцветными почвами.

Однако для характеристики хозяйственного уклада Ополья в X–XI вв. не менее существенны находки монет и торгового инвентаря, полновесно представленные в коллекциях. Суздаль и его округа ранее никогда не рассматривались как место концентрации восточного серебра, однако новейшие полевые работы показывают, что куфические монеты поступали сюда в достаточно большом объеме, хотя и не были депонированы в клады. Из сборов и раскопок на памятниках Ополья происходит более 90 дирхамов, найденных на 12 селищах и в трех могильниках. Как установил А. А. Гомзин, в общем массиве преобладают саманидские и аббасидские монеты и подражания, основной объем монетного серебра сформировался в середине – третьей четверти X в. Большинство восточных монет дошло до нас в качестве украшений, однако примерно 20 % целых монет не имеет отверстий и ушек для подвешивания. На использование монет в качестве платежного средства указывают также находки обрезанных дирхамов без ушек в погребениях. Коллекция западноевропейских денариев более скромная, она насчитывает 12 монет с ушками из восьми поселений и двух могильников. С приемом серебра связаны находки весовых гирек различных типов (46 гирек найдены на 13 поселениях и в двух могильниках) (рис. 187) и находки фрагментов двух весов для малых взвешиваний в могильнике Шекшово. Стоит отметить, что находки монет и торгового инвентаря в Ополье не обнаруживают тяготения к какому-либо одному центру, серебро в это время было доступно на большинстве поселений Малой Суздальской земли. Отсутствие сравнительных данных о находках монет на селищах сопредельных регионов затрудняет оценку места суздальского серебра в общей совокупности восточных монет, выпавших в культурный слой поселений Волго-Окского региона. По численности восточных монет Шекшовский некрополь с находками 40 целых дирхамов и фрагментов превосходит Тимерёвский могильник (30 дирхамов; Недошивина, Зозуля, 2012, с. 188), но уступает муромским Подболотьевскому (42 дирхама) и Малышевскому (68 дирхамов) могильникам на Оке (см. главу настоящего издания «Куфические монеты», т. 2; Зеленцова, Милованов, 2021). Очевидно, однако, что население Ополья в X в. было одним из полноправных получателей куфического серебра, полноценным участником торговых операций.

Какие продукты обеспечивали приток серебра на поселения Ополья? Исследования средневековых поселений на Белом и Кубенском озерах в 1990–2000-х гг. раскрыли широкие масштабы пушного промысла на землях, составлявших северную часть Ростово-Суздальской земли. Они выявили широкое поступление импортов и монетного серебра на поселения, где в X–XII вв., судя по составу археозоологических коллекций, были сосредоточены промысловики и производилась первичная обработка пушнины, свидетельствующее о непосредственной связи торговли, благосостояния и промысловой деятельности (Макаров, Захаров, 2009а; Makarov, 2012). Можно предположить, что и в Ополье на начальных этапах его освоения продукты пушного промысла могли быть важной составной частью товарообмена и источником благосостояния.

В центре Северо-Восточной Руси непосредственные следы специализированной промысловой деятельности в IX–XI вв. представлены пока лишь на двух селищах – на поселении Весь 5 (кости диких промысловых 31 %), находящемся вблизи восточной ландшафтной границы Ополья, и на селище Клочково (кости диких промысловых 52 %), на р. Тезе, в 70 км к востоку от опольских земель. Состав пушных видов, служивших объектом промысла на обоих поселениях, включающий бобра, белку и куньих, близок набору, известному по раскопкам северных селищ. При этом стоит напомнить, что селище Весь 5 – единственное «большое поселение» с надежно документированными культурными отложениями второй половины IX – первой половины X в. Из этих отложений и происходят костные остатки пушных видов, томар и куфические монеты (рис. 188).

Рис. 187. Весовые гирьки из сборов на селищах Суздальского Ополья:
1 – Кубаево 7; 2 – Гнездилово 2; 3, 8 – Григорово 1; 4 – Сунгирь; 5 – Б. Давыдовское 2; 6 – Тарбаево 5; 7 – Парша 3; 9 – Суворотское 8; 10 – Вышеславское 8; 11 – Веска 1; 12–17 – Шекшово 2. 1–11, 13–16 – черный и цветной металл; 12 – черный металл; 17 – цветной металл

Рис. 188. Селище Весь 5:
1–8 – дирхамы; 9–16 – амулеты из костей пушных животных; 17 – роговой томар;
9, 10 – астрагал бобра (Castor fiber); 11, 13, 16 – когтевая фаланга (фаланга-III) медведя (Ursus arctos);
12 – нижняя челюсть животного семейства куньих, вероятнее всего, куницы лесной (Martes martes);
14 – клык мелкого псового хищника, вероятнее всего, лисицы обыкновенной (Vulpes vulpes);
15 – резец мелкого псового хищника, вероятнее всего, лисицы обыкновенной (Vulpes vulpes);
17 – отросток плотного рога, вероятнее всего, оленя (Cervus elaphus).
Определения выполнены Л. В. Яворской

На других «больших поселениях» – Шекшово 2, Большое Давыдовское 2 и Кибол 5 – доля диких промысловых составляет от 4 до 7 %. Эти материалы можно интерпретировать как свидетельства недолгого существования специализированного пушного промысла в центре Суздальской земли в IX – начале X в., в период первоначальной интеграции ее в состав Руси, и последующего перемещения его на север и восток (Клочково, X–XI вв.), обусловленного, вероятно, быстрым преобразованием ландшафтов. Пушная торговля была одним из значимых факторов экономического подъема Малой Суздальской земли, однако с середины X в. непосредственные районы промысла находились уже за пределами Ополья. Очевидно, обитатели «больших поселений» в X–XI вв. выступали не столько в качестве непосредственных добытчиков пушнины, сколько в качестве организаторов промысла, сборщиков мехов, организаторов его вывоза из более удаленных точек.

Дальнейшее накопление богатств в Малой Суздальской земле связано, с одной стороны, с земледельческим освоением Ополья, ориентированным, вероятно, на получение товарного зерна, с другой стороны, с участием суздальской элиты в управлении обширными территориями Северо-Восточной Руси, сбором податей с ее периферии.

Земля и город

Первоначальная интеграция Суздальской земли в состав Руси, в отличие от колонизации Северо-Запада, не сопровождалась созданием сети укрепленных поселений. Полевые работы на территории Ополья показали, что здесь нет городищ с земляными укреплениями X–XI вв. и представлены лишь единичные городища с укреплениями XII в. (Семьинское, Чаша, Мстиславль). Часть объектов, которые ранее рассматривались археологами как городища, в действительности оказались природными объектами или неукрепленными поселениями. Древнерусский культурный слой присутствует в Ополье на трех городищах железного века, однако скромные размеры этих памятников и характер находок из средневекового культурного слоя не дают оснований считать, что эти поселения имели особый статус и особые функции. В этих случаях мы имеем дело с повторным заселением участков в условиях высокой плотности населения, когда размещение дворов на мысах береговых террас, некогда защищенных валами, было естественным. Суздаль до конца XI в. – единственный город на левобережье Клязьмы. Укрепленные поселения становятся значимой частью культурного ландшафта центра Северо-Восточной Руси лишь в XII в., с началом становления ее как самостоятельного политического образования. Из семи поселений с земляными валами XII–XIII вв. в Ополье пять (Суздаль, Владимир, Юрьев, Мстиславль, Боголюбово) известны в письменных источниках как княжеские города и крепости. Местоположение и общий характер двух оставшихся (Чаша и Семьинское) также склоняет к мысли о связи их с княжеской системой управления. Строительство княжеских городов и крепостей относится ко времени, когда в Ополье уже сложилась плотная и устойчивая сеть сельских поселений, покрывавшая всю его территорию.

Местоположение Суздаля в восточной части Ополья, вблизи Нерли, примерно посередине цепочки «больших поселений» X–XI вв., образовывавших дугу, вытянутую с северо-запада на юго-восток, делало его удобным центром контроля и управления опольскими землями. Размеры его городской территории долгое время оставались скромными, в начале XII столетия они не превышали 18 га. Анализ пространственного положения остальных городов Малой Суздальской земли относительно сельских поселений X–XII вв. показывает, что они не связаны с обособленными группами средневековых сел или участками, выделяющимися особой плотностью селищ. Возникновение их едва ли было детерминировано внутренним ростом.

Так, становление Владимира, ставшего после вокняжения здесь Андрея Боголюбского главным городом Суздальщины, никак не обусловлено развитием отдельного очага сельского расселения в южной части Ополья. Город, основанный Владимиром Мономахом в 1108 г. как военно-стратегический пункт, контролировавший движение по Клязьме и прикрывавший Ростов и Суздаль от военной опасности с юга (Насонов, 1951, с. 181–183; Воронин, 1961, с. 39–44; Кучкин, 1984, с. 71, 72), находился на границе двух ландшафтных областей: Ополья и залесенных низменных территорий Мещеры на правобережье Клязьмы, оставшихся малоосвоенными. Обособленная зона концентрации средневековых поселений, приуроченная к Клязьме и низовьям Нерли, не выявлена. Граница Владимирского и Суздальского княжества, примерно локализованная В. А. Кучкиным (Кучкин, 1984, с. 199–201), перерезала плотные массивы средневековых поселений, формировавшихся в X–XII вв. как целостная сеть (Макаров, Федорина, Шполянский, 2013, с. 71–73). Боголюбов был заложен Андреем Юрьевичем в крайней юго-восточной точке Ополья. Юрьев и Мстиславль были основаны на северо-западной части Малой Суздальской земли, на участках с плотной сетью поселений, формирование которой началось в X в. Очевидно, что выделение Владимира (не позднее 1151 г.; Кучкин, 1984, с. 86) и Юрьева (1212 г.; Кучкин, 1984, с. 101) в самостоятельные волости сопровождалось разделом сельских территорий Ополья, первоначально формировавшихся как целостная территориально-административная область и управлявшихся в XI в. из Суздаля.

Количественные оценки соотношения «сельской» и «городской» части Малой Суздальской земли, основанные на данных о площадях сельских и городских поселений, не могут быть точными. Тем не менее для периода второй половины XII – первой трети XIII в.

такие расчеты возможны. Суммарная площадь 320 поселений с культурным слоем этого времени составляет 1157,0 га. Выше уже обосновано определение общего количества сельских поселений этого времени на территории Суздальской земли как близкого 920. Общая площадь известных селищ второй половины XII – первой трети XIII в. составляет 877,5 га, площадь всех селищ, включая невыявленные, оценивается в таком случае как 2632,5 га, общая площадь сельских поселений и городов и городищ – 2916,9 га. Суммарная площадь городов (вместе с неукрепленными посадами) и городищ – 284,4 га – составляет в этом случае 9,8% от общей площади поселений. Эти расчеты с существенной погрешностью могут отражать долю городов в общем демографическом потенциале Суздальщины в период максимального подъема средневековой урбанизации.

Продолжительность периода роста городов, начавшегося во второй четверти XII в., не превышала столетие. В середине XIII в. городские центры Суздальского Ополья приходят в упадок, о чем свидетельствует сокращение площади участков с культурным слоем второй половины XIII–XIV в. по сравнению с застройкой предшествующего периода во Владимире, Суздале, Юрьеве и Боголюбове. Во Владимире запустение значительной части городской территории наиболее заметно. Число сельских поселений в Ополье во второй половине XIII–XIV в. также сократилось, однако в целом сеть сельских поселений оказалась более устойчивой по сравнению с городами.

Города и сельские поселения Суздальского Ополья XII–XIV вв. связывает общность материальной культуры. Характер домостроительства, набор и типологический облик бытовых вещей, орудий труда, посуды, украшений костюма и христианских предметов на тех и других памятниках близки. Различия проявляются лишь в отсутствии в коллекциях, собранных на сельских поселениях, некоторых эксклюзивных категорий вещей, связанных с бытом и церемониальным обиходом знати и высшего слоя духовенства. Сельское и городское общество, противопоставление которого общепринято в медиевистике, в центре Суздальской земли неожиданно оказывается весьма близким в культурном отношении.

Социальная элита

Важнейший результат новых исследований в Суздальской земле – выявление археологических следов древнерусской элиты в сельских ландшафтах и связанное с ним новое понимание особенностей формирования властных отношений в Северо-Восточной Руси в X–XIII вв. Находки статусных вещей на селищах (Makarov, 2017) и открытие погребальных комплексов конца X–XI в. с престижными предметами вооружения, в том числе несущими княжескую символику, в могильниках, относящихся к «большим поселениям», позволяет окончательно отказаться от традиционных представлений об укрепленных поселениях как о единственных точках местопребывания элиты и узлах властных структур, до сих пор распространенных в историографии (Флоря, 2021, с. 54–55). Особое благосостояние больших поселений X–XI вв. и присутствие среди их обитателей представителей знати надежно засвидетельствованы характером их материальной культуры и общим составом собранных здесь вещевых коллекций. Еще более выразительны вещевые комплексы XII–XIV вв., включающие предметы, связанные с занятиями и повседневным обиходом социальной элиты, выявленные на более чем пятидесяти селищах и получившие название «усадьбы знати». Социальная элита Суздальщины, таким образом, начиная по крайней мере с рубежа X–XI вв., была прочно укоренена на сельских поселениях и связана с землей.

Разумеется, эти наблюдения не умаляют роли городов как центров княжеского управления с размещением здесь дворов бояр и княжеских слуг. Археологические маркеры присутствия элиты, в том числе ее высшего слоя, в городах – клады золотых и серебряных украшений, находки отдельных предметов парадного убора и христианских предметов, выделяющихся высоким качеством художественного исполнения, находки предметов вооружения и печати, происходящие из Владимира и Суздаля (Седова, 1997, с. 89–91; Жарнов, 2009). Уточнение социальной принадлежности владельцев подобных предметов и топографии «статусных находок» в городах может быть темой отдельного исследования. Вполне вероятно, что часть суздальской знати в XII–XIV вв., так же как и социальная верхушка Московской Руси Нового времени, имела дворы как в городах, так и в селах.

Присутствие археологических следов социальной элиты на суздальских селищах X–XIV вв. неизбежно заставляет обратиться к обсуждению возможной принадлежности ее к одной из двух действующих сил, выступающих в социальных конфликтах в Ростово-Суздальской земле в XI–XII вв., – к местной знати, «старому боярству», или княжескому окружению, дружине и слугам. Очевидно, «большие поселения» X–XI вв. изначально формировались независимо от структур княжеской власти, но находка топора с княжескими знаками в Шекшове и сребреника Владимира в Тарбаеве указывает на то, что уже в начале XI в. они находились под управлением Рюриковичей (рис. 189: *1*). Именно «большие поселения» следует считать местами размещения дружины Мстислава Владимировича после изгнания Олега Святославича из Суздаля в 1096 г., когда Мстислав «распусти дружину по селам» (ПСРЛ, т. 1, стб. 238). Б. Н. Флоря высказал предположение, что «старое боярство» Суздальской земли – дружинники Ярослава Владимировича, испомещенные здесь в 1024 г. при «устроении земли» после мятежа волхвов и превратившиеся в самостоя-

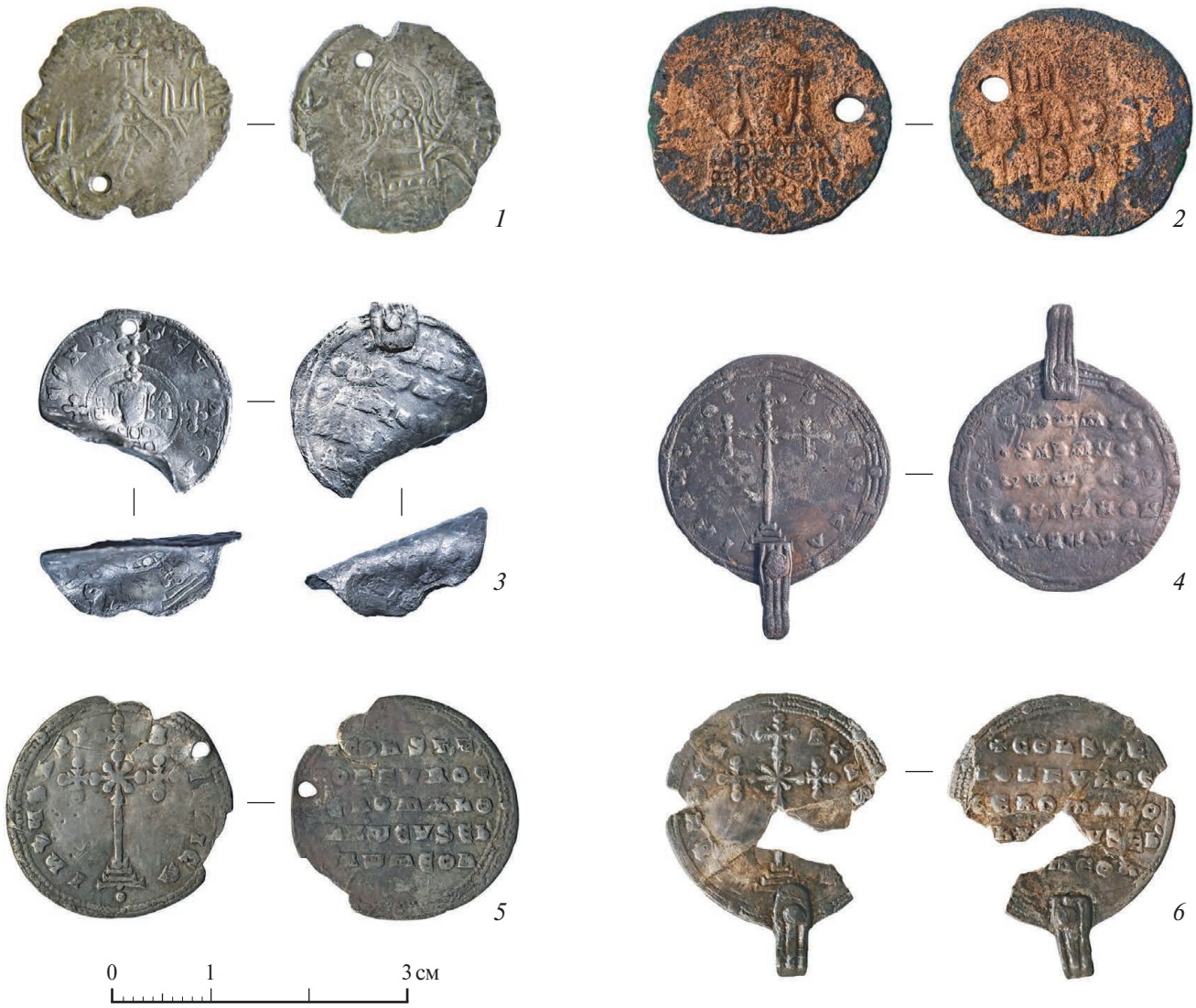

Рис. 189. Сребреник Владимира (Тарбаево) и византийские монеты из сборов и раскопок на археологических памятниках Ополья: 1 – Тарбаево; 2 – Гнездилово 2; 3 – Гнездилово 12; 4–6 – Шекшово 9. 2 – Роман I Лакопин, 931–944; 3 – Иоанн I Цимисхий, 969–976; 4–6 – Константин VII и Роман II, 945–959. 1, 3–6 – серебро; 2 – цветной металл

тельную силу в отсутствие князя в Суздальской земле в течение семидесяти лет, до 1096 г. (Флоря, 2021, с. 55). По-видимому, после вокняжения Юрия Владимировича в Суздальской земле «большие поселения» уже не могли быть надежной опорой княжеской власти, дружина была выведена из этих поселений, а некоторые из них прекратили свое существование. Дальнейшее окняжение Малой Суздальской земли связано с устройством «усадеб знати», первые из которых появились еще во второй половине XI в. На связь «усадеб знати» XII–XIV вв. с княжеской властью указывает как их материальная культура, не имеющая локальной окраски, так и само появление многих из них на староосвоенных участках Ополья в эпоху Юрия Владимировича и его наследников.

Идентичность: областное и общедревнерусское

Образ Суздальской земли XII–XIII вв. связан в современном историческом сознании с памятниками высокой культуры – белокаменными храмами, золочеными вратами Рождественского собора, скульптурным декором, украшающим постройки Владимира и Юрьева-Польского, знаменитым шлемом Ярослава Всеволодовича, находка которого в 1808 г. дала один из первых импульсов для поиска и изучения русских древностей. Эти памятники символизируют художественные достижения средневековой Руси и своеобразие ее исторического лица. Расширение круга археологических материалов дает

новое, более объемное понимание Суздальской земли как одного из очагов формирования древнерусской культуры, центра возникновения оригинальных форм хозяйственной жизни, расселения, художественного ремесла, повседневного обихода и самосознания, закрепившихся в традиции и оказавшихся устойчивыми на протяжении столетий.

В Суздальском Ополье был выработан уникальный для лесной полосы опыт ведения продуктивного земледельческого хозяйства со сплошным освоением территорий и устройством крупных сел как основных единиц расселения. Здесь же впервые (в XI в.) появились малодворные поселения на водоразделах, получившие позднее название «деревни», ставшие в XIV в. главной формой сельского поселения в лесной полосе на Русской равнине и обеспечившие успех сельскохозяйственной колонизации на территориях с малоплодородными почвами. На опольских землях в X–XI вв., ранее чем в других районах Северо-Восточной Руси, сельчане перешли к возделыванию ржи как основной сельскохозяйственной культуры, продуктивной и устойчивой в лесной полосе. Здесь в XI–XII вв. закладывались служебные отношения, основанные на раздаче князем земельных участков. Многочисленные находки ключей и замков на сельских поселениях – важное свидетельство отношений собственности, субъектом которой выступали отдельные семьи в сельской среде. Здесь в XII–XIII вв. шире, чем где-либо в землях Северо-Восточной Руси, вошла в обиход христианская металлопластика и сложился собственный центр ее производства и распространения на сопредельные территории.

В культуре сельских поселений и городов Суздальского Ополья XII–XIII вв. трудно выявить «областные» черты, отражающие местные традиции и вкусы, столь заметные при обращении к археологическим памятникам Белозерья, Костромского Поволжья или Москворецкого региона. Здесь почти не представлены местные типы украшений и бытовых вещей, призванные обозначить собственное областное лицо, особое происхождение насельников земли, подобные белозерским и костромским шумящим украшениям или семилопастным височным кольцам из подмосковных курганов. Центральное место в этой культуре занимают украшения, христианские предметы и бытовые вещи общедревнерусских типов, многие из которых имеют византийские прототипы. В обиходе суздальцев обычны перстнеобразные и бусинные височные кольца, стоячие воротнички, отделанные византийскими шелковыми тканями с золотым шитьем (Сабурова., Елкина, 1991), подвески-кресты с желтой эмалью, гладкие энколпионы с чернью. В Суздальском Ополье уже в первой половине XII в. затухает и прекращается практика возведения над погребениями курганных насыпей, уже с XI в. здесь получает распространение обряд погребения в грунтовых могилах с западной ориентацией, соответствующий каноническим христианским нормам. Домостроительство с устройством глубоких подполий, прочно укоренившееся с XII в. на сельских поселениях и в городах, определенно связано с южнорусской традицией. Поиск истоков многих особенностей быта и повседневности, характеризующих культуру Суздальского Ополья в период его подъема, в XII–XIII вв. уводит нас на юго-запад, в Киевское Поднепровье (Толочко, 2015). Создается впечатление, что язык этой материальной культуры был специально призван обозначить ее «столичность», продемонстрировать воспроизведение традиций, распространенных в крупных городских центрах Руси и Византии, преемственность по отношению к Киеву. Инициированное княжеской властью белокаменное строительство стало более выразительным и совершенным по своему художественному качеству знаком нового статуса Малой Суздальской земли и во многом определило ее собственный культурный облик, отличный от южнорусских архетипов.

Золотой век Малой Суздальской земли оказался коротким. Но сложившиеся в домонгольское время материальный базис и культурные традиции не были разрушены в ситуации кризиса середины – второй половины XIII в., несмотря на упадок городов и запустение значительной части сельских поселений. Две трети поселений, возникших в домонгольскую эпоху, продолжили свое существование в удельное время. Крупные села сохранили свое значение как главной формы организации расселения и хозяйства на опольских землях. В материальной культуре XIII–XIV вв. заметна преемственность традиций домонгольского времени, наиболее отчетливо проявившаяся в керамических формах и домостроительстве (наземные жилые постройки с глубокими подпольями). Комплексы предметов, связанных с обиходом социальной элиты удельного времени, представленные на селищах, свидетельствуют о том, что усадьбы знати, появившиеся на сельских территориях в домонгольское время, оставались важным элементом социального ландшафта во второй половине XIII – XV в. Упоминание «суздальских коней» в берестяной грамоте из Московского Кремля в перечне имущества Турабия, представителя московской знати ордынского происхождения конца XIV в. (Гиппиус, Зализняк, Коваль, 2011), показывает, что раздача земель в Суздальском Ополье практиковалась для обеспечения службы московским княжеским домом в эпоху Василия Дмитриевича. Для ранней Москвы суздальское наследие – не только исторические воспоминания, образ славного прошлого, подкрепленный созданным московскими книжниками вымыслом о «суздальском походе» крестителя Руси князя Владимира (Сиренов, 2019, с. 25–42), но и практический опыт обустройства земли, один из живых очагов благосостояния и стабильности, оказавшийся неподвластным переменчивым обстоятельствам удельного времени.

Привеска-бубенчик
в распаханном культурном слое

Приложение 3.
ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ, ПРОВЕДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ г. СУЗДАЛЯ В 1991–2020 гг.

Составители: А. Н. Федорина, С. И. Милованов, Н. А. Баранов

№ п/п	Адрес	Вид работ	Исследованная площадь (кв. м)	Хронологический период				Упоминание в полевых отчетах (фамилия исследователя, год работ)
				XI – первая половина XII в.	середина XII – начало XIII в.	XIII–XV вв.	XVI–XVII вв.	
1	Ризоположенский монастырь	раскопки	364	некро-поль	+		+	Седова, А-1991
2	ул. Ильинский Луг	разведки	4		+			Глазов, А-1992
3	ул. Кремлевская, Собор Рождества Богородицы	разведки	28,5	+/собор	собор	собор	собор	Глазов, А-1994
		разведки	80					Глазов, А-1995
		разведки	18,57					Иоаннисян, А-1996
		разведки	12					Глазов, А-2001
4	ул. Гастева, д. 15	раскопки	128				клад-бище	Глазов, А-2000
5	Кремль, Архиерейские палаты	раскопки	44	+	+		+	Седова, А-2000
6	ул. Кремлевская	наблюдения	148					Нестерова, А-2001
7	Ризоположенский монастырь	раскопки	64	+	+		?	Седова, А-2001
8	ул. Теремки, д. 26	раскопки	86		+	+/-	?	Бейлекчи, А-2003
9	ул. Пушкарская, территория МДЗ	раскопки	63	+/-	+	клад-бище	клад-бище	Бейлекчи, А-2004
								Бейлекчи, А-2005
10	Спасо-Евфимьев монастырь	раскопки	66,25				клад-бище	Бейлекчи, А-2005
11	Сельцо	разведки	2		+		+	Макаров, А-2006
12	с. Михали, ул. Михайловская	раскопки	275	некро-поль	+		+	Самойлович, А-2006
13	пересечение ул. Ленина и ул. Пожарского	разведки	21					Федорина, А-2006
		наблюдения	642				+	Красникова, А-2017
14	ул. Слободская, д. 39	разведки	14				+	Красникова, А-2017
15	ул. Коровники, д. 14а	разведки	32					Красникова, А-2017
16	ул. Красноармейская, д. 30	раскопки	204				+	Несмиян, А-2007

№ п/п	Адрес	Вид работ	Исследованная площадь (кв. м)	Хронологический период				Упоминание в полевых отчетах (фамилия исследователя, год работ)
				XI – первая половина XII в.	середина XII – начало XIII в.	XIII–XV вв.	XVI–XVII вв.	
17	ул. Ярунова гора, д. 8	раскопки	122	+	укре-пле-ния			Самойлович, Глазов, А-2007
18	ул. Варганова, д. 8	раскопки	84	+	+	+/-	+	Федорина, А-2007
		раскопки	132					Карпухин, А-2021б
19	ул. Гремячка, д. 3	наблюдения	125,5		+		+	Баранов, А-2008
20	Спасо-Евфимьев монастырь	раскопки	163				+	Беляев, Папин, А-2008
21	ул. Ленина, д. 33	разведки	16		+		+	Зайцева, А-2008а
22	ул. Пожарского, д. 16	разведки	23					Зайцева, А-2008а
23	ул. Пушкарская, д. 11	раскопки, наблюдения	20		+		+	Зайцева, А-2008б
24	ул. Слободская, д. 47–49	раскопки	164		+	+	+	Кабаев, А-2008
		раскопки	400					Несмиян, А-2011
25	ул. Васильевская, д. 27	раскопки	24		+	+	+	Несмиян, А-2008а
26	Гражданский переулок, д. 3	разведки	8					Несмиян, А-2008а
27	ул. Ленина, д. 106	наблюдения	10,2		+	+		Несмиян, А-2008б
		наблюдения	109,2					Кабаев, А-2009
28	ул. Слободская, д. 10	раскопки	117		+		+	Несмиян, А-2008в
29	ул. Толстого, д.21	разведки	10		+			Федорина, А-2008
30	ул. Красноармейская, д. 39	наблюдения	193,6		+	?	+	Щапов, А-2008
31	ул. Ленина, д. 141	наблюдения	13,7					Майорова, А-2009
32	ул. Иванова гора, д. 3	наблюдения	13,6				?	Майорова, Зеленцова, А-2009
33	ул. Васильевская, д. 25	разведки	12					Несмиян, А-2009а
34	ул. Октябрьская, д. 20	разведки	4					Несмиян, А-2009б
35	Гражданский пере-улок, д. 13	разведки	8					Несмиян, А-2009б
36	ул. Ленина, д. 44	наблюдения	27,6					Несмиян, А-2009в
37	ул. Пушкарская, территория МДЗ	раскопки	216	+	+		?	Сазонов, А-2009а
38	ул. Спасская, д. 44	разведки	12					Сазонов, А-2009б
39	ул. Торговая площадь, д. 2б	раскопки	364		+	+	+	Федорина, А-2009

№ п/п	Адрес	Вид работ	Исследованная площадь (кв. м)	Хронологический период				Упоминание в полевых отчетах (фамилия исследователя, год работ)
				XI – первая половина XII в.	середина XII – начало XIII в.	XIII–XV вв.	XVI–XVII вв.	
40	ул. Ленина, д. 76	раскопки	362	+	+	+	+	Федорина, А-2011
41	ул. Ленина, д. 82	наблюдения	574		+		-	Карпухин, А-2012
42	ул. Комсомольская, д. 1	разведки	8					Кабаев, А-2013
43	ул. Колхозная, д. 16	разведки	2					Сазонов, А-2013а
44	ул. Мира, д. 2а	разведки	2				+	Сазонов, А-2013а
		раскопки	34					Кабаев, А-2014б
45	ул. Туристическая, д. 23а	разведки	2				+	Сазонов, А-2013а
46	ул. Энгельса, д. 14	разведки	2					Сазонов, А-2013а
47	ул. Ленина, д. 52	раскопки	30		?			Сазонов, А-2013б
48	пер. Шевченко, д. 29а	раскопки	31		+		+	Сазонов, А-2013б
49	ул. Ленина, дд. 199, 127, 129, 131, 133, 133б	разведки	30		+		+	Баранов, А-2014
50	ул. Шаховского, д. 15	разведки	6					Баранов, А-2014
51	ул. Ленина, д. 133в	наблюдения	24,5					Баранов, А-2014
52	ул. Гастева, д. 48	разведки	8					Баранов, А-2014
53	ул. Кремлевская, д. 20	наблюдения	19		+		+	Данилов, А-2014
54	ул. Ленина, д. 115	разведки	2					Кабаев, А-2014а
55	ул. Ленина, д. 57	раскопки	7,8		+		+I клад-бище	Кабаев, А-2014а
		раскопки	49,6					Федорина, А-2020б
56	ул. Коровники, д. 43	разведки	2					Кабаев, А-2014а
57	ул. Садовая, д. 14	разведки	3					Кабаев, А-2014а
58	Садовый переулок, д. 10	разведки	3					Кабаев, А-2014а
59	ул. Васильевская, д. 65	разведки	3					Кабаев, А-2014а
60	ул. Кремлевская, д. 17	раскопки	47	+	+	?	+	Кабаев, А-2014б
61	ул. Пушкарская, территория МДЗ	раскопки, наблюдения	26	+	+		+	Несмиян, А-2014
62	ул. Мира, д. 44	разведки	3					Сазонов, А-2014а
63	ул. Мира, д. 7	разведки	2					Сазонов, А-2014а
64	ул. Парижская коммуна, д. 23	раскопки	37		+		+	Сазонов, А-2014б
65	ул. Ленина, д. 126	раскопки	78,7		+			Сазонов, А-2014б
66	ул. Слободская	разведки	37		+		+	Седов, А-2014
67	ул. Теремки, д. 12	раскопки	454	+	+	+	+	Баранов, А-2015
68	ул. Гастева, д. 1	раскопки	12		+			Кабаев, А-2015
69	ул. Ленина, д. 4	раскопки	33				+	Сазонов, А-2015а
70	ул. Ленина, д. 89	раскопки	25	некро-поль	+		+	Сазонов, А-2015б
		раскопки	38,2					Кабаев, А-2017

№ п/п	Адрес	Вид работ	Исследованная площадь (кв. м)	Хронологический период				Упоминание в полевых отчетах (фамилия исследователя, год работ)
				XI – первая половина XII в.	середина XII – начало XIII в.	XIII–XV вв.	XVI–XVII вв.	
71	ул. Ленина, д. 88б	раскопки	32,1		+		+	Сазонов, А-2015б
72	пер. Шевченко, д. 25	раскопки	44		+			Сазонов, А-2015б
73	ул. Шаховского, д. 14	раскопки	48					Баранов, А-2016а
74	ул. Коровники, д. 37	разведки	9				+	Баранов, А-2016б
75	ул. Набережная, д. 13	разведки	8					Баранов, А-2016б
76	ул. Западная, д. 28а	разведки	9					Баранов, А-2016б
77	ул. Ленина, д. 41а	разведки	4					Баранов, А-2016б
78	ул. Толстого, дд. 12,16	разведки	8		+		+	Баранов, А-2016б
79	ул. Пушкарская, д. 27а	разведки	4		+			Баранов, А-2016б
80	ул. Старая, д. 11	раскопки	78		+		+	Баранов, А-2016в
81	ул. Ленина, д. 138	разведки	16					Зайцева, А-2016
82	ул. Васильевская, д. 15а/б	раскопки	797		некрополь		+	Кабаев, А-2016
83	ул. Ленина, д. 27	разведки	4				+	Макаров, А-2016
84	ул. Ленина, д. 22	разведки	4		+			Макаров, А-2016
85	ул. Борисова Сторона, д. 2а	разведки	4		+		некрополь	Макаров, А-2016
86	ул. Покровская, д. 18	раскопки	18,65				+	Несмиян, А-2016
87	мост, ул. Ленина	наблюдения	408					Баранов, А-2017а
88	ул. Гастева, д. 1б	раскопки, наблюдения	177		+		+/-	Баранов, А-2017б
89	ул. Александра Лебедева, д. 15–17	раскопки	12		+	+	+	Баранов, А-2017б
90	ул. Торговая площадь, д. 20	раскопки	89,2	+/-	+		+	Баранов, А-2017б
91	ул. Ленина, д. 91	раскопки	91		+			Кабаев, А-2017
92	ул. Центральная, д. 48	разведки	4					Карпухин, А-2017
93	ул. Центральная, д. 58	разведки	4					Карпухин, А-2017
94	ул. Виноградова, д. 7	раскопки	60		+			Милованов, А-2017а
95	ул. Суздальская, д. 5	разведки	4					Милованов, А-2017б
96	ул. Центральная, д. 94б	разведки	4					Милованов, А-2017б
97	ул. Стромынка, д. 11	разведки	4				+	Милованов, А-2017б
		наблюдения	6					Данилов, А-2018 б
98	ул. Гончарная, д. 2	разведки	3					Милованов, А-2017в
99	ул. Спасская, д. 10	разведки	4					Милованов, А-2017в
100	с. Новое	разведки	4					Милованов, А-2017в

№ п/п	Адрес	Вид работ	Исследованная площадь (кв. м)	Хронологический период				Упоминание в полевых отчетах (фамилия исследователя, год работ)
				XI – первая половина XII в.	середина XII – начало XIII в.	XIII–XV вв.	XVI–XVII вв.	
101	ул. Суздальская, д. 15а	разведки	4					Милованов, А-2017в
102	ул. Октябрьская, д. 6	раскопки	20,3		+			Данилов, А-2018а
103	ул. Набережная, д. 26	наблюдения						Карпухин, А-2018
104	ул. Пожарского, д. 14	раскопки	4					Письмаркина, А-2018
105	ул. Виноградова, д. 12	раскопки	81		+			Баранов, А-2019
106	ул. Виноградова, д. 21	раскопки	213,2		+	+	+	Баранов, А-2019
107	ул. Ленина	раскопки	25,2		+			Гакель, А-2019а
108	ул. Ярунова гора, д. 27	раскопки	239		+	+	+	Гакель, А-2019б
109	ул. Гастева, д. 1а	раскопки	36		+		?	Кабаев, А-2019б
110	п. Новый, 33:19:050501:572	разведки	1					Карпухин, А-2019
111	ул. Владимирская, д. 10	разведки	2					Карпухин, А-2019
112	ул. Ленина, д. 120	разведки	6					Карпухин, А-2019
113	ул. Михайловская, д. 43	разведки	2					Карпухин, А-2019
114	ул. Мелиораторов, уч. 43	разведки	2					Карпухин, А-2019
115	ул. Старая, д.6	раскопки, наблюдения	67		+	+	+	Несмиян, А-2019
116	ул. Торговая площадь, д. 2а	раскопки	12		+		+	Федорина, А-2019
117	ул. Гастева	разведки	8					Кукушкин, А-2020
118	ул. Центральная, д. 40а	разведки	2					Кукушкин, А-2020
119	ул. Гончарная, д. 15	разведки	2					Кукушкин, А-2020
120	ул. Шаховского, д. 21	разведки	2					Кукушкин, А-2020
121	ул. Цветочная, д. 3	разведки	1					Кукушкин, А-2020
122	ул. Торговая площадь, д. 12/1	раскопки, наблюдения	122		+	+	?	Письмаркина, А-2020а
123	ул. Ленина, д. 125	раскопки	199		+		+	Письмаркина, А-2020б
124	ул. Торговая площадь	раскопки	16		+		+	Письмаркина, А-2020в
125	ул. Иванова гора, д. 4	раскопки	60					Пронин, А-2020
126	ул. Ленина, д. 54	наблюдения	12,3		+			Федорина, А-2020а
127	Парк им. 950-летия г. Суздаля	разведки	36,6		+		+	Сазонов, А-2021а
128	ул. Ленина, д. 133б	раскопки	12					Сазонов, А-2021б
129	ул. Набережная, д. 30	разведки	4		+		+	Сазонов, А-2021в
130	ул. Кремлевская, д. 5	раскопки	121,13	+	+	+	+	Карпухин, А-2021а

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Аграфонов П. Г., А-1989. Отчет о раскопках курганного могильника XI века у села Веськово Переславского района Ярославской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14218, 14219 (альбом).

Аграфонов П. Г., А-1990. Отчет о раскопках могильника XI – начала XII в. у села Веськово Переславского района Ярославской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15572, 15573 (альбом).

Баранов Н. А., А-2008. Отчет о проведении охранного археологического наблюдения на территории земельного участка, расположенного по адресу: г. Суздаль, ул. Гремячка, д. 3 в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 29296.

Баранов Н. А., А-2014. Отчёт о проведении археологических разведок на территории г. Суздаль Владимирской области // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42347.

Баранов Н. А., А-2015. Отчет о проведении научных изысканий (археологических раскопок) на ул. Теремки, д. 12 в Окольном городе г. Суздаля во Владимирской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 50042–50048.

Баранов Н. А., А-2016а. Отчет о проведении научных изысканий (археологических раскопок) во Владимирской области г. Суздаль по адресу: ул. Шаховского, д. 14 в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51304.

Баранов Н. А., А-2016б. Отчет о проведении археологических научных исследований (разведки, наблюдения) в 2016 г. во Владимирской области в г. Суздале по адресам: ул. Коровники, д. 37, ул. Набережная, д. 13, ул. Западная, д. 28а, ул. Ленина, д. 41а, ул. Толстого, д. 12 и 16, ул. Пушкарская, д. 27а // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51608.

Баранов Н. А., А-2016в. Отчет о проведении научно-исследовательских работ (раскопок) во Владимирской области в г. Суздале по адресу: ул. Старая, д. 11 в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51609, 51610.

Баранов Н. А., А-2017а. Отчет о проведении научно-исследовательских работ в рамках проекта «Капитальный ремонт моста через р. Каменку по ул. Ленина в г. Суздаль Владимирской области» в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 55225.

Баранов Н. А., А-2017б. Отчет о проведении археологических исследований (раскопок) в г. Суздаль по адресам: ул. Александра Лебедева, д. 15–17 и ул. Торговая площадь, д. 20 во Владимирской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 56621-56623.

Баранов Н. А., А-2019. Научный отчет о проведении археологических раскопок на земельных участках по адресам: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Виноградова, д. 12, 21 в 2019 г. // Архив ИА РАН б/н.

Бейлекчи В. В., А-2003. Отчет о спасательных раскопках в городе Суздале Владимирской области на участке по адресу: ул. Теремки, 26 в 2003 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23954.

Бейлекчи В. В., А-2004. Отчет о спасательных раскопках в городе Муроме Владимирской области на участках по ул. Советской в кварталах 21 и 19 и в городе Суздале Владимирской области по ул. Пушкарской у Музея деревянного зодчества в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 24466, 24467.

Бейлекчи В. В., А-2005. Отчет «Охранные археологические раскопки в г. Суздале Владимирской области на ул. Пушкарской у музея деревянного зодчества и на территории Спасо-Евфимиевского монастыря в 2005 году» // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 32410, 32411.

Беляев Л. А., Папин И. В., А-2008. Отчет об археологических исследованиях усыпальницы князей Пожарских и Хованских на территории Спасо-Евфимиева монастыря (г. Суздаль) в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42371–42374.

Вишневский В. И., А-1988. Отчет о раскопках селища раннего железного века, кургана IX–X вв., грунтового могильника X–XI вв. у села Веськово Переславского района Ярославской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13936. Альбом № 13937.

Гаврилина Л. М., А-1986. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X–XIV веков : дис. ... канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2.

Гакель Е. В., А-2019а. Научный отчет о проведении археологических раскопок на территории городища «Боголюбово» в п. Боголюбово Суздальского района Владимирской области и в г. Суздале на участке прокладки линии электропередач по ул. Ленина, ул. Энгельса, ул. Красная площадь в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 67537.

Гакель Е. В., А-2019б. Научно-технический отчет о проведении археологических раскопок по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Ярунова Гора, д. 27 в 2019 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Глазов В. П., А-1973. Отчет об археологических раскопках курганного могильника близ с. Черно-кулово (Юрьев-Польский район Владимирской области), июль – август 1973 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5129а.

Глазов В. П., А-1992. Отчет об археологических работах во Владимирской области в 1992 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18307.

Глазов В. П., А-1994. Отчет об археологических исследованиях собора Рождества Богородицы в г. Суздале в 1994 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 18441.

Глазов В. П., А-1995. Отчёт об археологических исследованиях Собора Рождества Богородицы в Суздале в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 19094, 19095 (а).

Глазов В. П., А-2000. Отчет о раскопках в г. Суздале на территории Александровского монастыря в 2000 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26494.

Глазов В. П., А-2001. Отчет по архитектурно-археологическим исследованиям Рождественского собора в Суздале в 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26131.

Данилов Ю. О., А-2014. Отчет о проведении археологических исследованиях (разведки) на месте прокладки электросетей по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Кремлевская, д. 20 на территории Владимиро-Суздальского музея-заповедника в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 55611.

Данилов Ю. О., А-2018 а. Отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Культурный слой, валы и рвы г. Суздаля, XII–XVII вв.» по адресу: г. Суздаль, ул. Октябрьская, д. 6 в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 64123.

Данилов Ю. О., А-2018 б. Отчет о проведении археологических наблюдений по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Стромынка, д. 11 в 2018 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Дворниченко В. В., Куйбышев А. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А., А-1975. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне I очереди строительства Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5250.

Зайцева И. Е., А-2008 а. Отчет о результатах охранных археологических работ в г. Суздале Владимирской области по адресам: ул. Ленина, 33, ул. Пожарского, 16 в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37306.

Зайцева И. Е., А-2008 б. Отчет о результатах охранных археологических работ в г. Суздале Владимирской области по адресу: ул. Пушкарская, 11 в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37307.

Зайцева И. Е., А-2016. Отчет о проведении археологических разведок (шурфовок) на территории памятника археологии регионального значения «Культурный слой, валы и рвы г. Суздаля, X–XVII вв.» по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Ленина, д. 138 (в пределах земельных участков: 33:19:020205:141, 33:19:020205:142, 33:19:020205:164) в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51768.

Иоаннисян О. М., А-1996. Отчет о работах в Суздале в 1995 г. Исследования Рождественского и Мономахового (Успенского) соборов // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 20037–20039.

Кабаев Д. А., А-2008. Отчет о раскопках в г. Суздаль в 2008 году (раскоп 1, по ул. Слободская, 47–49) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 43031–43033.

Кабаев Д. А., А-2009. Отчет об археологических исследованиях в городе Суздале в 2009 году (ул. Ленина, 106) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37481.

Кабаев Д. А., А-2013. Отчет об археологических разведках в г. Владимире по ул. Муромской, 10 а и в г. Суздале Владимирской области по ул. Комсомольской, 1 в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 40769.

Кабаев Д. А., А-2014 а. Отчет об археологических разведках в г. Владимире (22 квартал), в г. Муроме (ул. Комсомольская, 31) и в г. Суздале (ул. Ленина, 115; ул. Ленина, 57; ул. Коровники, 43; Садовый переулок, д. 10, ул. Васильевская, 65) Владимирской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 45515, 45516.

Кабаев Д. А., А-2014 б. Отчет об археологических раскопках в Суздале (ул. Кремлевская, 17 и ул. Мира, 2а) и во Владимире (ул. Воровского, 5) в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 45534–45536.

Кабаев Д. А., А-2015. Отчет об археологических разведках в г. Суздале Владимирской области (ул. Гастева, д. 1) в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 47772.

Кабаев Д. А., А-2016. Отчет об археологических раскопках в г. Суздаль на ул. Васильевской, 15а/б в 2016 г. // Архив ИА РАН б/н.

Кабаев Д. А., А-2017. Отчет о раскопках в г. Суздале на ул. Ленина, 89 (раскоп 2) и на ул. Ленина, 91 (раскоп 1) в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57184.

Кабаев Д. А., А-2019а. Отчет о раскопках в г. Владимире на ул. Летне-Перевозинской, 11 (раскоп 1) и в г. Суздале на ул. Ленина, 62 в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 64905–64907.

Кабаев Д. А., А-2019 б. Отчет о раскопках в г. Суздаль на ул. Гастева, 1а и в г. Владимире на ул. Вознесенской, 5а в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 64909, 64910.

Карпухин А. А., А-2012. Отчет о результатах охранных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на участке застройки по адресу: г. Суздаль, ул. Ленина, д. 82 в 2012 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 34774–34777.

Карпухин А. А., А-2017. Отчет об археологических разведках на территории Александровского, Суздальского, Юрьев-Польского районов Владимирской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57298.

Карпухин А. А., А-2018. Отчет об археологических наблюдениях на территории объекта культурного наследия «Культурный слой, валы и рвы г. Суздаль, X–XVII вв.» по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Набережная, д. 26 в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 59962.

Карпухин А. А., А-2019. Отчет о проведении археологических разведок в рамках историко-культурной экспертизы выявленных объектов археологического

наследия и земельных участков в Суздальском, Юрьев-Польском и Петушинском районах Владимирской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 64692–64694.

Карпухин А. А., А-2021 а. Отчет о результатах археологических раскопок и наблюдений на земельном участке по адресу: г. Суздаль, ул. Кремлевская, д. 5 // Архив ИА РАН. Б/н.

Карпухин А. А., А-2021 б. Отчет о раскопках на территории земельного участка в г. Суздале, ул. Варганова, д. 8 // Архив ИА РАН б/н.

Красникова А. М., А-2017. Отчет о результатах археологических работ в г. Суздале Владимирской области (ул. Слободская, 39, ул. Коровники, 14а, участок на пересечении ул. Ленина и ул. Пожарского) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 40116.

Кукушкин Ф. Ф., А-2020. Отчет о проведении археологических разведок на территории Владимирской области в 2020 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Майорова Е. В., А-2009. Отчет о проведении археологических исследований (наблюдений) при возведении хозяйственной постройки по адресу: г. Суздаль, ул. Ленина, д. 41 в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 38321.

Майорова Е. В., Зеленцова О. В., А-2009. Отчет о проведении археологических исследований (наблюдений) при прокладке газопровода по адресу: г. Суздаль, ул. Иванова гора, д. 3 в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37377.

Макаров Н. А., А-2006. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области и Гаврило-Посадского района Ивановской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 46798, 46799.

Макаров Н. А., А-2016. Отчет о результатах разведочных работ на территории Гороховецкого, Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского района Ивановской области, Переславского района Ярославской области в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. 52613–52615.

Милованов С. И., А-2017 а. Отчет о проведении археологических раскопок на земельном участке по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Виноградова, д. 7 в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 55716.

Милованов С. И., А-2017 б. Отчет о проведении археологических разведок во Владимирской области на территории Киржачского, Петушинского и Суздальского районов и в г. Владимире в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 56315, 56316.

Милованов С. И., А-2017 в. Отчет о проведении археологических разведок на территории г. Суздаля Суздальского района Владимирской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 60131.

Мошенина Н. Н., А-1973. Отчет об археологических раскопках, проводившихся на могильнике «Сунгирь» и в г. Владимире в 1972–1973 гг. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5193, альбом № 5193а.

Мошенина Н. Н., А-1988. Отчет о раскопках селища Весь в Суздальском р-не Владимирской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14579.

Мошенина Н. Н. А-1991. Отчет о проведении археологических раскопок селища Весь Суздальского района Владимирской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16721.

Несмиян О. А., А-2007. Отчет о результатах археологических исследовательских работ на ул. Красноармейской в г. Суздале в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 32806.

Несмиян О. А., А-2008 а. Отчет о результатах археологического исследования (шурфовки) на территории города Суздаля в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 43416.

Несмиян О. А., А-2008 б. Отчет о результатах археологического исследования при прокладке траншеи отопления по адресу: Суздаль, ул. Ленина, 106 в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 43418.

Несмиян О. А., А-2008 в. Отчет об археологических исследованиях в городе Суздале, улица Слободская, 10 в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 43413.

Несмиян О. А., А-2009 а. Отчет о результатах археологического исследования в городе Суздале, улица Васильевская, 25 в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 38821.

Несмиян О. А., А-2009 б. Отчет о результатах археологического исследования (шурфовки) на территории города Суздаля в охранной зоне Васильевского монастыря (улица Октябрьская, 20 и Гражданский переулок, 13) в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 38220.

Несмиян О. А., А-2009 в. Отчет о результатах археологического исследования в городе Суздале, ул. Ленина, 44 в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 38285.

Несмиян О. А., А-2011. Отчет об археологических исследованиях в городе Суздале, улица Слободская, 47–49 в 2010–2011 годах // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 30726–30729.

Несмиян О. А., А-2014. Отчет об археологических исследованиях на месте прокладки электросетей по адресу: г. Суздаль, ул. Пушкарская (Музей деревянного зодчества) в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 45426.

Несмиян О. А., А-2016. Отчет по результатам археологического исследования на месте строительства индивидуального жилого дома по адресу: город Суздаль, улица Покровская, 18 в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 50257.

Несмиян О. А., А-2019. Научный отчет о проведении археологических исследований на земельном участке по адресу: Владимирская область, город Суздаль, ул. Старая, 6 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 65139.

Нестерова Н. В., А-2001. Отчет о наблюдениях за земляными работами в кремле в г. Суздале в 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25598.

Олейников О. В., А-1989. Отчет о раскопках селища Шитовичи-6 и курганной группы Шитовичи-1 в Вышневолоцком районе Калининской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13638.

Остапенко А. А., А-2015. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (Мелкая пластика): диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2.

Письмаркина А. Н., А-2018. Научный отчет о проведении археологических раскопок в зоне прокладки канализации от гостиничного комплекса по ул. Ленина, д. 138 до врезки по ул. Пожарского в г. Суздале Владимирской области в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 67531.

Письмаркина А. Н., А-2020 а. Научно-технический отчет о проведении археологических исследований (раскопок и наблюдений) на земельном участке, расположенном по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Торговая площадь, д. 12/1 в 2020 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Письмаркина А. Н., А-2020 б. Научно-технический отчет о проведении археологических раскопок по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Ленина, д. 125 в 2020 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Письмаркина А. Н., А-2020 в. Научно-технический отчет о проведении археологических раскопок на земельном участке, отведенном под строительство КЛ-0,4 кВ от КТП-2 до границы земельного участка КН 33:19:000000:194, ул. Торговая площадь, г. Суздаль в 2020 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Пронин А. С., А-2020. Научно-технический отчет о проведении археологических раскопок по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Иванова гора, д. 4 в 2020 г. // Архив ИА РАН б/н.

Сабурова М. А., А-1985. Отчет о раскопках курганов в Суздальском районе за 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11196б.

Сабурова М. А., А-1986. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11963.

Сабурова М. А., А-1988 а. Отчет о раскопках 1988 г. у. д. Новоселки Владимирской области // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14175, 14176.

Сабурова М. А., А-1988б. Отчет о раскопках курганов во Владимирской области у д. Новоселки и в г. Суздале в 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14676.

Сабурова М. А., А-1989. Отчет о раскопках курганов во Владимирской области у д. Новоселки в 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14718.

Сабурова М. А., А-1990. Отчет о раскопках курганов во Владимирской области у д. Новоселки в 1990 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15465.

Сазонов С. В., А-2009 а. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства по адресу: г. Суздаль, ул. Пушкарская в 2009 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37491–37493.

Сазонов С. В., А-2009 б. Отчет об археологических исследованиях на участке строительства по адресу: г. Суздаль, ул. Спасская, д. 44 в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37495.

Сазонов С. В., А-2013 а. Отчет о раскопках в 2014 году на участке ремонта автомобильной дороги в г. Владимире по Константино-Еленинского проезду; во Владимирской области на участках строительства в г. Суздале по ул. Колхозной, д. 16, по ул. Мира, д. 2А, по ул. Туристической, д. 23А, по ул. Энгельса, д. 14; в г. Муроме на участке реконструкции здания по ул. Садовой, д. 2А // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 41426.

Сазонов С. В., А-2013б. Отчет о раскопках во Владимирской области в 2013 году на участке строительства газопроводов для газоснабжения с. Городище Юрьев-Польского района, расположенном на территории объекта культурного наследия федерального значения «Город „Мстиславль“, XII–XII вв.»; на участке строительства газопровода, ограниченном ул. 1 Мая, ул. Завалье, пер. Музейным, пер. Старым, расположенном на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище» в г. Юрьев-Польском; на участках реконструкции жилых домов в г. Суздале по ул. Ленина, д. 52 и пер. Шевченко, д. 29А // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 41472–41474.

Сазонов С. В., А-2014 а. Отчет об археологических исследованиях в г. Суздале (ул. Мира, д. 7 и д. 44) и в г. Владимире (ул. Карла Маркса, д. 17) в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 46504.

Сазонов С. В., А-2014б. Отчет об археологических раскопках в Суздале по адресу: ул. Парижской коммуны, 23; ул. Ленина, 126 в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 46955–46957.

Сазонов С. В., А-2015 а. Отчет о раскопках в г. Суздаль (ул. Ленина, д. 4) и в с. Ославское Суздальского района в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 50887.

Сазонов С. В., А-2015 б. Отчет о раскопках в г. Суздале (ул. Ленина, д. 89, д. 88б и пер. Шевченко, д. 25) в г. Владимире (ул. Б. Московская, д. 65, 67) и в д. Дворище Киржачского района Владимирской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 50888–50890.

Сазонов С. В., А-2021 а. Научно-технический отчет о выполненной археологической разведке на территории городского парка им. 950-летия г. Суздаля (Владимирская область, г. Суздаль) в рамках работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой, валы, рвы

г. Суздаля X–XIII, XIV–XVII вв.» в 2021 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Сазонов С. В., А-2021б. Научно-технический отчет о выполненных археологических раскопках на территории объекта культурного наследия «Культурный слой, валы, рвы города Суздаля, X–XIII, XIV–XVII вв.» на земельном участке, отведенном под прокладку газопровода-ввода для газоснабжения нежилого здания по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Ленина, 133б в 2021 году // Архив ИА РАН. Б/н.

Сазонов С. В., А-2021в. Научно-технический отчет о выполненной археологической разведке на территории земельного участка, расположенного по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Набережная, д. 30, в рамках работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой, валы, рвы г. Суздаля, X–XIII, XIV–XVII вв.» в 2021 году // Архив ИА РАН. Б/н.

Самойлович Н. Г., А-2006. Отчет об археологических исследованиях селища Михали в Суздале в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 31655.

Самойлович Н. Г., Глазов В. П., А-2007. Отчет об археологических исследованиях на Яруновой горе в г. Суздале в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 48903.

Седов Вл. В., А-2014. Отчет. Научно-исследовательские археологические работы (шурфовка) по локализации утраченного храма во имя св. Великомученицы Варвары в г. Суздале в 2014 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 46406.

Седова М. В., А-1991. Отчет о полевых исследованиях Владимиро-Суздальской экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16412, 16413.

Седова М. В., А-2000. Отчет о раскопках в Ризоположенском монастыре г. Суздаля в 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25391.

Седова М. В., А-2001. Отчет об археологических раскопках в кремле г. Суздаля в июле 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24678.

Скрипкин А. С., А-1980. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской оросительной системы в Быковском районе Волгоградской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8082.

Федорина А. Н., А-2006. Отчет о результатах археологического обследования территории земельного участка в г. Суздаля Владимирской области, расположенного у пересечения улиц Ленина и Пожарского 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 53268.

Федорина А. Н., А-2007. Отчет о результатах охранных археологических работ, проводившихся Суздальской археологической экспедицией ИА РАН в г. Суздале на улице Варганова, 8 в 2007 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 48066.

Федорина А. Н., А-2008. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского района Владимирской области и Гаврило-Посадского района Ивановской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 43802–43804.

Федорина А. Н., А-2009. Отчет о результатах охранных археологических работ в г. Суздале Владимирской области по адресу: Торговая площадь, 2б в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37336.

Федорина А. Н., А-2011. Отчет о проведении охранных археологических исследованиях по адресу: г. Суздаль, ул. Ленина, 76 в 2011 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 35841, 35842.

Федорина А. Н., А-2019. Научный отчет о проведении о проведении археологических раскопок на земельном участке, расположенном к северу от здания по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Торговая площадь, д. 2а, в рамках проекта «Создание комфортной городской среды „Суздаль-Зарядье-Активация“ вокруг Торговых рядов» в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 67373.

Федорина А. Н., А-2020а. Отчет о проведении археологических работ на земельном участке по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Ленина, д. 54 в 2020 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 73224.

Федорина А. Н., А-2020б. Отчет о проведении археологических раскопок на земельном участке по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Ленина, д. 57 в 2020 году // Архив ИА РАН. Б/н.

Щапов А. Н., А-2008. Отчет об археологических наблюдениях на участке строительства наружных сетей канализации к индивидуальному жилому дому по адресу: г. Суздаль, ул. Красноармейская, д. 39 в 2008 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44131.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусина С. А., Ениосова Н. В., 2001. Подковообразные фибулы Гнездова // Гнездово: 125 лет исследования памятника: археологический сборник. М.: ГИМ. С. 93–101. (Труды ГИМ; вып. 124).

Аврам Г., 2008. О сфрагистических источниках некоторых древнерусских иконок-привесок // Родная старина. № 4. С. 26–27.

Аграфонов П. Г., 1991. Могильники XI–XII веков у села Веськово Переславского района Ярославской области // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: материалы 2-й регион. науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород. С. 336–340.

АКР, Владимирская обл., 1995. – Археологическая карта России. Владимирская область / отв. ред. Ю. А. Краснов; сост. М. П. Зимина, Ю. А. Краснов, А. Е. Леонтьев, Л. А. Михайлова, Н. Г. Самойлович, М. В. Седова. М.: ИА РАН. 384 с.

Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // DrevLit.Ru: библиотека древних рукописей [сайт]. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1400-1420/Akty_suzd_spaso_evfim_mon/pred.php (дата обращения: 20.05.2022).

Алексеев А. В., Смирнов А. Н., Двуреченский О. В., 2018. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в Подмосковном Звенигороде // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 43–59.

Алексеев В. П., Лобода П. Г., 2005. Одесский музей нумизматики: каталог собрания. Одесса. Т. IV: Мелкая пластика Киевской Руси X–XIII вв.

Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., Карпухин А. А., 2008. Ландшафты Суздальского Ополья и влияние на них человека в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // Сельская Русь в IX–XVI вв. / отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов; сост. И. Н. Кузина. М.: Наука. С. 127–156.

Федоров Анания, 2012. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале / [исслед. рукописных текстов, общая подгот. изд.: С. П. Гордеев]. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. 303 с.

Андриенко А. В., 2006. Находки предметов снаряжения верхового коня и всадника (по материалам Троицкого раскопа) // ННЗ. Вып. 20: материалы научной конференции Новгород 24–26 января 2006 г. / Новгородский объединенный государственный музей-заповедник. Великий Новгород. С. 141–154.

Андрощук Ф., 2013. Мечи викингов. Киев: Простір. 712 с.

Анисимов В. М., Бачурина Т. О., 2004. Некоторые данные комплексных исследований Суздальского собора // Реставратор. № 1 (18). С. 107–117.

Анучин Д. Н., 1899. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах: из «Материалов по археологии восточных губерний», т. 3. М.: Типография И. Н. Шарапова. 23 с., 6 л. ил.

Армарчук Е. А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН. 227 с.

Артемьев А. Р., Молчанов А. А., 1995. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности // РА. № 2. С. 188–191.

Арутюнян Л. Б., 2003. Исследование храма 1519–1520 гг.: церковь Илии Пророка на Новгородском подворье в Москве // Древнерусское искусство. Русское искусство Позднего Средневековья, XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 469–493.

Археология древнего Ярославля..., 2012. Археология древнего Ярославля: загадки и открытия. 2-е изд., доп. и перераб. / авт.-сост. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. 295 с.

Архипов Г. А., 1986. Марийцы XII–XIII веков (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 130 с.

Архипова Е. И., 2021. Медная эмалевая иконка Христа Эммануила из раскопок на Замковой горе в Житомире // Средневековые искусства и ремесла: к 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой. М.: ИА РАН. С. 172–184.

Арциховский А. В., Борковский В. И., 1958. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.: Изд-во Академии наук СССР. 159 с.

АССЕМ – Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. / сост. С. Н. Кистерев и др. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 638 с. (Акты русских монастырей / Российский государственный архив древних актов).

Асташова Н. И., 1999. Хронология смоленских древностей: археологический сборник: памяти М. В. Фехнер // Труды ГИМ. Вып. 111. М.

Асташова Н. И., 2004. Об одном типе новгородских ключей // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород.

АСЭИ, т. 1. – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: [в 3 т.]. Т. 1 / [отв. ред. Б. Д. Греков; сост. С. Б. Веселовский; подготовили к печати И. А. Голубцов, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 803 с.

АСЭИ, т. 2. – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: [в 3 т.]. Т. 2 / [отв. ред. Л. В. Черепнин; сост. И. А. Голубцов]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 727 с.

АСЭИ, т. 3. – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: [в 3 т.]. Т. 3 / [отв. ред. Л. В. Черепнин; сост. И. А. Голубцов]. М.: Наука, 1964. 689 с.

Банк А. В., 1958. Византийские серебряные изделия XI–XII вв. в собрании Эрмитажа // Византийский временник. Т. XIV. М. С. 234–242.

Банк А. В., 1966. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М. 391 с.

Банк А. В., 1971. Опыт классификации византийских серебряных изделий X–XII вв. // Византийский временник. Т. XXIII. М.

Баталов А. Л., 2006. Ивановский монастырь // Церковная археология Москвы. Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек. М.: Лингва-Ф. С. 290–360.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 2011. Могильник Чагода и его место в кругу древностей раннего железного века // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса). СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк. Т. II. С. 8–10.

Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения): учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального университета. 278 с.

Бейлекчи В. В., Родин В. В., 2007. Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале // АП. М. Вып 3. С. 205–228.

Бейлекчи Вал. В., Данилов О. В., 2019. Редкие изделия с эмалью из Мурома (по материалам раскопок 2017–2018 гг.) // АВСЗ. М.: ИА РАН. Вып. 9. С. 169–174.

Белавин А. М., 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и культурных связях. Пермь: Из-во Перм. гос. пед. ун-та. 200 с.

Беленькая Д. А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // Средневековая археология Восточной Европы / [отв. ред. И. Т. Кругликова]. М.: Наука. С. 11–19. (КСИА; № 208).

Белецкий С. В., 2014. Топорик из Суздальского Ополья // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. СПб.; Одесса; Кишинёв; Бухарест. № 6: Время войны. Победители и побежденные: Ad gloriam А. Н. Кирпичников. С. 65–72.

Белецкий С. В., 2020. Топор с изображением древнерусского княжеского знака из окрестностей Чернигова // На одно крыло – серебряная, на другое – золотая: сборник статей памяти Светланы Рябцевой / ред. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев. С. 311–314.

Белоцерковская И. В., 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Раннеславянский мир. М.: ИА РАН. Вып. 9. С. 186–213.

Белоцерковская И. В., 2014. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН. С. 184–235.

Бельский С. В., 2017. Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований // Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Бранко. С. 90–115.

Беляев Л. А., 2015. Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [отв. ред. П. Г. Гайдуков]. М.; Вологда: Древности Севера. С. 365–374.

Беляев Л. А., 2018. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. Вып. 252. С. 219–232.

Беляев Л. А., М. А. М., 2015. Крест // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». Т. 38. С. 540–558.

Березин В., 1896. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир. Вып. 3: Суздальский и Юрьевский уезды. 526 с.

Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А., 2007. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1»: материалы и исследования по археологии Юга России. № 2. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. 186 с.

Бобринский А. А., 1898. Несколько неизданных змеевиков // Записки РАО. Новая серия. Т. X, вып. 1–2: Труды отделения славянской и русской археологии. Кн. 3. С. 310–315.

Бобринский А. А., 1916. Резной камень в России. Вып. I: Соборы Владимиро-Суздальской области XII–XIII ст. М.: Синодальная типография. 22 с.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобров Л. А., Каинов С. Ю., Веселицкая В. В., Сальников А. В., 2019. Наконечник копья крымско-татарского Султана Тохтамыша из собрания Государственного исторического музея // Былые годы. Т. 52. ИС. 2: 542–558.

Боталов С. Г., 2012. Погребальный комплекс Уелги и новые аспекты в проблеме Урало-Казахстанской Правенгрии // Маргулановские чтения-2012: материалы ежегодной научно-практической конференции. Астана. С. 142–147.

Брайчевский М. Ю., Шумаков В. В., 1988. Нова знахідка вислоі печатки на околицях Киіва // Археологія. Київ. № 61. С. 76–80.

Бугарчёв А. И., 2016. Политическая история династии Симджуридов (911–1002 гг.) по нарративным

источникам и в памятниках нумизматики // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. С. 410–438.

Вагнер Г. К., 1975. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII в. М.: Искусство. 183 с. (Памятники древнего искусства / Ин-т археологии АН СССР).

Валиулина С. И., 2009. Наконечники стрел Торецкого поселения // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151, кн. 2, ч. 1. С. 16–23.

Валиулина С. И., 2015. Предметы вооружения и снаряжения верхового коня Торецкого городского поселения // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. С. 71–98.

Варганов А. Д., 1944. Суздаль / Сокровища русского зодчества. М.: Издательство Академии архитектуры СССР. 64 с.

Варганов А. Д., 1945. К архитектурной истории Суздальского собора (XI–XVII вв.) // КСИИМК. XI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 99–106.

Варганов А. Д., 1946. Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.) // КСИИМК. Вып. XII. С. 127–133.

Варганов А. Д., 1957. Суздаль: историко-экономический очерк. Владимир: Владимирское книжное издательство. 80 с.

Варганов А. Д., 1960. Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора // СА. № 4. С. 143–151.

Варганов А. Д., 1971. Суздаль. Очерки по истории и архитектуре. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство. 181 с.

Варганов А. Д., 1977. Еще раз о Суздальском соборе // СА. № 2. С. 249–255.

Вахтанов С. Н., 2000. Суздальский Рождественский собор в XVI–XVIII вв. (По архивным и реставрационным материалам) // Материалы исследований (Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник). Вып. 6. Владимир. С. 43–45.

Вахтанов С. Н., 2014а. История собора // Собор Рождества Богородицы в Суздале. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. С. 9–27.

Вахтанов С. Н., 2014б. Резное белокаменное убранство // Собор Рождества Богородицы в Суздале. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. С. 29–37.

Вахтанов С. Н., 2014в. Некрополь // Собор Рождества Богородицы в Суздале. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. С. 39–57.

Веремейчик О. М., 2010. Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб. С. 344–354.

Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. М. № 2. С. 89–107.

Владимиро-Суздальская школа реставрации, 2011. – Владимиро-Суздальская школа реставрации: история, методы и практика реставрации объектов историко-культурного на следия / [И. А. Столетов и др.]; [ред.: В. В. Орельский, И. А. Столетов]. Владимир: Изд. А. Вохмин. 334 с.

Возний Ігор, 2014. Взяття Чорнівського городища монголо-татарами у 1241 р. // Наукові записки [Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка]. Серія: Історичні науки. Вип. 20. С. 66–75.

Возный И. П., б/г. Ключи и элементы дверных запирающих механизмов X–XIV вв. с территории Сирет-Днестровского междуречья [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/14_NPRT_2011/Istoria/1_86893.doc.htm (дата обращения: 23.08.2022).

Воронин Н. Н., 1956. Археологические заметки // КСИИМК. Вып. 62. С. 17–32.

Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961–1962. Т. I: XII столетие. 583 с.

Воронин Н. Н., 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961–1962. Т. II: XIII–XV столетия. 558 с.

Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI в. М.: Наука. 298 с.

Гайдуков П. Г., Гомзин А. А., Шорин М. В., 2020. Афригидская драхма из ближайшей округи Новгородского городища (новый взгляд через 40 лет) // Археологические вести. Институт истории материальной культуры РАН. СПб. Вып. 28. С. 76–79.

Гайдуков П. Г., Калинин В. А., 2012. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 402–435.

Гайдуков П. Г., Олейников О. М., 2018. Снова о привесках – литых копиях с монет типа «Ярославле сребро» из Новгорода // Нескончаемое лето: сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород; СПб. С. 29–33.

Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Исаев А. А., Богомолов А. В., Короткова Е. В., 2019. Археологические исследования на Софийской стороне Великого Новгорода в 2017 г. (Раскопы на ул. Торицкая, д. 16, на ул. Воздвиженская, д. 9, на ул. Черняховского, д. 14; на ул. Большая Конюшенная, д. 5) // ННЗ. Великий Новгород. Вып. 32. С. 66–82.

Гакель (Майорова) Е. В., 2016. Новые данные о керамике Владимира-на-Клязьме (из раскопок на территории Ивановского вала в 2010–2011 гг.) // РА. № 2. С. 88–101.

Гарустович Г. Н., 2009. Бакалинский курганный могильник начала II тыс. н. э. в Башкорто-

стане // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ. С. 197–206.

Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю., 2011. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия. М.: Арт-Волхонка. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники. С. 452–455.

Гладкая М. С., 2002. Иконостас собора Рождества Богородицы в городе Суздале. Владимир: Фолиант. 124 с.

Гладкая М. С., 2009. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. М.: Индрик. 288 с.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье из собрания XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес. 126 с.

Голубев А., 2017. Сравнительное исследование типов сабель салтовской археологической культуры и технологии их изготовления // REVISTA ARHEOLOGICĂ. Vol. XIII. Nr. 1–2. CHIŞINĂU.

Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука.

Голубева Л. А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука. 112 с.

Голубева Л. А., 1982. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск. С. 110–124.

Голубева Л. А., 1987. Меря // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / [Л. А. Голубева, В. А. Могильников, В. В. Седов, Р. Л. Розенфельдт]; отв. ред В. В. Седов. М.: Наука. С. 67–80. (Археология СССР).

Гомзин А. А., 2013. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье: дис. ... канд. ист. наук. М. 499 с.

Гомзин А. А., 2019. Куфические монеты из раскопок церкви Благовещения на Рюриковом городище 2016 г. // Архитектурная археология. № 1. С. 140–144.

Гончаров В. К., 1950. Райковецкое городище. Киев: Издательство АН Украинской ССР. 218 с.

Гоняный М. И., Двуреченский О. В., 2014. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV в., происходящий с территории поселений, расположенных в верховьях Дона // Военная археология. Вып. 3 / отв. редактор О. В. Двуреченский. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле. 368 с.

Гоняный М. И., Кац М. Я., Наумов А. Н., 2000. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV в. Района Куликова поля // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? М.

Горбунова Т. Г., 2002. Оголовья лошадей тюркской культуры Горного Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск. Вып. 9.

Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В., 2009. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука. 144 с.

Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // Древности: труды Московского археологического общества. М. Т. XXIV. С. 40–216.

Городцов В. А., 1926. Симбирский древний топорик // Труды государственного исторического музея. Вып. 1. С. 135–148.

Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Издательство Академии наук СССР. 267 с. (МИА; № 94).

Горюнова В. М., Лапшин В. А., 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сборник статей памяти проф. И. В. Дубова / ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.: СПбГУ. С. 55–72.

Государственная Третьяковская галерея..., 1995. – Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. М.: Красная площадь. Т. 1: Древнерусское искусство X – начала XV века. 272 с.

Грибов Н. Н., 2008. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках / отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов; сост. И. Н. Кузина. М.: Наука. С. 253–264.

Грибов Н. Н., 2018. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.

Григоров Е. В., 1998. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и Средневековье. Барнаул. С. 152–158.

Григорьев В. В., 1844. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории // ЗООИД. Т. I. Одесса. С. 115–166.

Гриценко Т. А., Пуцко В. Г., 2000. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: труды научно-практической конференции «Куликово поле – уникальная культурно-историческая и природная территория. Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России» (Москва – Тула, 25–27 октября 1999 г.). Тула: Тульский полиграфист. С. 208–222.

Гришаков В. В., Зеленеев Ю. А., 1990. Мурома VII–XI вв. Йошкар-Ола. 90 с.

Данилов В. В., 1991. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня в Суздале // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / отв. ред. В. В. Седов. М.: ИА АН СССР. С. 78–101.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли [XI–XIII вв.]. М.: Кругъ. 445 с.

Двуреченский О. В., 2004а. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино / ред.-сост. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 40–47. (Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН; т. 2).

Двуреченский О. В., 2004б. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // АП. М. Вып. 1. С. 238–244.

Двуреченский О. В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. М. Вып. 3. С. 277–331.

Двуреченский О. В., 2015. Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 497 с.

Двуреченский О. В., 2018. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв. // Военная археология. М.: ИА РАН. Вып. 4. С. 118–182.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [подготовил к печати Л. В. Черепнин; отв. ред. С. В. Бахрушин]. М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 585 с.

Добровольская М. В., Макаров Н. А., Самородова М. А., 2020. К оценке мобильности жителей Суздальского Ополья X – первой половины XII в. // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 48 (4). С. 106–115.

Добровольская М. В., Решетова И. К., 2018. О ландшафтном подходе в изучении мобильности населения прошлых эпох на основании данных об изотопном составе стронция // КСИА. Вып. 258. С. 7–14.

Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н., 1996. Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны: сборник статей. М.: Археографический центр. С. 175–191.

Дончева-Петкова Л., 2011. Средневековни кръстове-енколпиони от България [IX–XIV вв.]. София: Академично издательство «Проф. Марин Дринов». 734 с.

Древняя Русь, 1985. – Древняя Русь. Город, замок, село / [Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников и др.]; АН СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука. 431 с. (Археология СССР).

Древняя Русь, 1997. – Древняя Русь. Быт и культура / [Д. А. Беленькая, Г. К. Вагнер, Е. В. Воробьева и др.]; отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука. 367 с.

Дубынин А. Ф., 1945. Археологические исследования г. Суздаля (1936–1940) // КСИИМК. XI. М.; Ленинград: Издательство Академии наук СССР. С. 91–99.

Дубынин А. Ф., 1972. Из истории изучения Суздальского собора // СА. № 2. С. 139–145.

Евглевский А. В., Потемкина Т. М., 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк. Т. 1. С. 117–179.

Егорьков А. Н., Щетенко А. Я., 1999. Состав металла поселений эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Археометрія та охорона историко-культурноіспадщини. Київ. № 3.

Ениосова Н. В., 1994. Ажурные наконечники ножен мечей на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М. С. 100–121.

Ениосова Н. В., 2016. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. СПб.: Нестор-История. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). С. 548–549.

Ениосова Н. В., 2021. Техника изготовления и химический состав металла новгородских змеевиков // Новгородские археологические чтения – 4: материалы научной конференции «Археология Новгорода. 85 лет исследований и открытий». Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. С. 177–195.

Ениосова Н. В., Жарнов Ю. Э., 2006. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного города» домонгольского Владимира // РА. № 2. С. 64–80.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья / [отв. ред. Н. В. Рындина]. М.: Восточная литература. С. 107–162.

Ениосова Н. В., Сингх В. К., 2009. Волочильные доски из раскопок в Новгороде // Великий Новгород и средневековая Русь. М. С. 70–85.

Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин. 696 с. (Труды ИИМК; т. XLIV).

Ерофеева Е. Н., 1976. Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. С. 216–225.

Жарнов Ю. Э., 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира на Клязьме // РА. № 3. С. 165–174.

Жарнов Ю. Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и «проблема» 1238 г. // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М. С. 48–58.

Жарнов Ю. Э., 2009. Возвращение культурных ценностей древнего города // АО, 1991–2004 гг.: Европейская Россия / под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН. С. 430–442.

Жуков И. А., 2018. О новых находках именных вислых печатей иерархов русской церкви (XII в.) // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Минск. Т. 5: Спецвыпуск «Сфрагистический сборник». С. 182–204.

Завьялов В. И., 2005. Археологические исследования посада // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.

Завьялов В. И, Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил. 376 с.

Загорульский А. В., 1982. Возникновение Минска. Минск: Изд-во БГУ. 357 с.

Зайцев В. В., 2016. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М.: Издательство МБА. 303 с.

Зайцева И. Е., 2008а. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М. Т. 2: Материальная культура и хронология. С. 57–141.

Зайцева И. Е., 2008б. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополья // АВСЗ / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 36–55.

Зайцева И. Е., 2010. Цветной металл Волжской Болгарии // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования / отв. ред. Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука. С. 116–138.

Зайцева И. Е., 2012. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье // АВСЗ. Вып. 4 / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.; СПб.: Нестор-История. С. 30–47.

Зайцева И. Е., 2014. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополья // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 346–376.

Зайцева И. Е., 2015а. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополье // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [отв. ред. П. Г. Гайдуков]. М.; Вологда: Древности Севера. С. 184–198.

Зайцева И. Е., 2015б. Цветной металл украшений могильника X–XI вв. Шекшово 9 в Суздальском Ополье (химический состав) // КСИА. М. Вып. 241. С. 252–262.

Зайцева И. Е., 2017. Уздечный набор X в. из Шекшова в Суздальском Ополье // КСИА. М.: Языки славянской культуры. Вып. 246. С. 306–322.

Зайцева И. Е., 2018. Древнерусские пояса с накладками: социальный статус или традиция? // Когда века были средние: общество и власть. Stratum+. Археология и культурная антропология. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 5. С. 267–280.

Зайцева И. Е., 2020. Древнерусские шумящие зооморфные украшения из работ Суздальской экспедиции Института археологии РАН // АВСЗ. М.: ИА РАН. Вып. 10. С. 117–131.

Зайцева, Грешников, Велигжанин [и др.], 2019. – Зайцева И. Е., Грешников Э. А., Велигжанин А. А., Пахунов А. А., Дороватовский П. В., Колобылина Н. Н., Подурец К. М., Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Глазков В. П., Яцишина Е. Б. О «зеленой черни» в декоре древнерусских крестов-энколпионов из находок в Суздальском Ополье // РА. № 3. С. 50–61. http://doi.org/10.31857/S086960630005670-6

Зайцева И. Е., Зеленцова О. В., 2021. Треугольные ажурные подвески на древнерусских и муромских памятниках // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э.: материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 75–88.

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик. 402 с.

Зайцева И. Е., Столярова Е. К., 2018. Об одном погребении могильника Шекшово в Суздальском Ополье // Земли родной минувшая судьба...: к юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева: [сборник статей] / [отв. ред. А. В. Чернецов; ред.-сост. И. Н. Кузина]. М.: ИА РАН. С. 73–91.

Закурина Т. Ю., 1991. Замки и ключи из раскопок Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков.

Залесская В. Н., 1988. Бронзовая подвеска из Эски-Кермена (о новом иконографическом типе Христа-вестника) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988: тезисы докладов. Севастополь. С. 45–47.

Заметки, 1847. – Заметки по дороге от Владимира до Суздаля // ЖМВД. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1847. Ч. 17. С. 297–301.

Захаров С. Д., 1996. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА. № 2. С. 207–218.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.

Захаров С. Д., 2014. Информационный потенциал культурного слоя, пострадавшего от распашки // КСИА. М. Вып. 233. С. 100–112.

Захаров С. Д., Адаменко О. Н., 2008. Изделия из железа // Археология Севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2007–2009. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 7–52.

Захаров С. Д., Зозуля С. С., 2015. Новые полевые исследования на территории Тимерёвского археологического комплекса // КСИА. Вып. 236. С. 157–161.

Захаров С. Д., Меснянкина С. В., 2012. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследования // АВСЗ. М.; СПб. Вып. 4. С. 14–29.

Зеленцова О. В., Кузина И. Н., 2008. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 г. // АВСЗ. Вып. 2 / отв. редактор Н. А. Макаров. М.: ИА РАН; Гриф и К. С. 127–136.

Зеленцова О. В., Милованов С. И., 2021. О планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» М.: ИА РАН. С. 12–28.

Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А., 2018. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. № 1 (23). С. 220–240.

Зозуля С. С., 2014. К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье. Погребения в курганах 100 и 459 Тимерёвского археологического комплекса // XIV Тихомировские археологические чтения: материалы научной конференции. Ярославль. С. 233–243.

Зозуля С. С., 2017. Кривое зеркало нумизматики (несколько замечаний к датировке курганов Ярославского Поволжья с монетами) // НЧ ГИМ 2017 года. Материалы докладов и сообщений. Памяти Татьяны Юрьевны Стукаловой (17.12.1958–16.01.2017). М.: РИА Внешторгиздат. С. 76–86.

Зоц Е. П., 2017. Древнерусский погребальный костюм по материалам грунтового могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону // АП. М.: ИА РАН. Вып. 13. С. 57–68.

Зыков П., 2008. К характеристике строительства Владимира Мономаха и Ефрема Переяславского в Суздале (реконструкция планово-пространственной композиции собора в Суздале) // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницкий: Видавництво Астон. Вип. 20. С. 229–236.

Зыков П. Л., 2010. Собор Владимира Мономаха в Суздале. Плановая и пространственная композиция. Материалы к реконструкции // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды Государственного Эрмитажа. LIII. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 361–376.

Зыков П. Л., 2019. Реплики Успенского собора Киево-Печерского монастыря на северо-востоке Руси в XII в. // Архитектурная археология. № 1. М.: Институт археологии РАН. С. 303–317.

Ивакин Г. Ю., Пуцко В. Г., 2000. Киевский каменный рельеф с изображением Евстафия Плакиды // РА. № 4. С. 160–168.

Иванищева М. В., 2012. По следам чуди заволочской (средневековые древности Тотемского края) // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства / отв. редактор С. Д. Захаров. Вологда: Древности Севера. С. 152–162.

Иванов В. А., 2013. Проблема формирования «имперской культуры» Золотой орды и ее роли как ареалообразующего фактора для народов Урало-Поволжья // Поволжская археология № 2 (4). Казань. С. 179–188.

Иконка-подвеска... – Иконка-подвеска, XI–XV вв.: [фотография] // Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: [сайт]. URL: https://www.rybmuseum.ru/ru/collections/archeology (дата обращения: 10.09.2022).

Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Леонтьев А. Е., Торшин Е. Н., 1994. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом // Сообщения Ростовского музея. Вып. VI. Ростов: Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. С. 189–217.

Исаков Р. В., Афоньков Н. Н., Архангельский М. С., Павленко Ю. А., Шереметьев А. Г., 2014. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. Казань. № 1 (7). С. 233–246.

Кабаев Д. А., Володина Т. Е., 2017. Археологические раскопки в Суздале на ул. Ленина 89 // АВСЗ. М.: ИА РАН. Вып. 7. С. 132–138.

Казаков Е. П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука. 336 с.

Казаков Е. П., 2007. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ. 208 с.

Каинов С. Ю., 1999. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок в Гнездово // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / отв. редактор Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 49–62.

Каинов С. Ю., 2009. Наконечники ножен мечей из Гнездово // Acta Militaria Mediaevalia V Kraków – Sanok. С. 79–110.

Каинов С. Ю., 2019. Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в. (по материалам Гнѣздовского некрополя и поселения): дис. ... канд. ист. наук. М.

Калинин В. А., Петров П. Н., 2000. Второй клад куфических и сасанидских монет Выжигши-II // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Т. 2. М.: ИПР «Информэлектро». С. 187–199.

Каменский А. Н., Кулешов Ю. А., 2014. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Военная археология. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле. Вып. 3. С. 147–183.

Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В., 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем Средневековье // Историко-археологический альманах. Армавир. Вып. 3.

Каштанов С. М., 1996. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М. 265 с.

Кильдюшевский В. И., 1999. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб. С. 63–79.

Кирпичников А. Н., 1966а. Древнерусское оружие. М.; Ленинград: Наука. Вып. 1: Мечи и сабли, IX–XIII вв. 176 с. (САИ; вып. Е1-36).

Кирпичников А. Н., 1966б. Древнерусское оружие. М.; Ленинград: Наука. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. 147 с. (САИ; вып. Е1-36).

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Ленинград: Наука. 138 с. (САИ; вып. Е1-36).

Кирпичников А. Н., 2020. Вооружение древнего «Изяславля» // Летописный «Изяславль» Большое Шепетовское городище в свете археологии. СПб.: Нестор-История Т. 1: Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 гг. в исследованиях 1960–80-х годов. С. 53–117.

Кирпичников А. Н., Белецкий С. В., 2006. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок Земляного городища в Старой Ладоге в 2006 г. // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. Реформы в России, XVI – начало XX в. СПб. С. 263–303.

Кирпичников А. Н., Коваленко В. П., 1993. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего Средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // Археологические вести. СПб. Вып. 2.

Кирьянова Н. А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.: ИА РАН. 162 с.

Ключевский В. О., 1911. Курс русской истории. М. Ч. 1. 464 с.

Коваленко В., Моця А., Сытый Ю., 2012. Новейшие скандинавские находки в погребениях Шестовицы. Курган с камерным погребением из раскопок 2006 г. // Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Приложение 1. Paris. С. 322–344.

Коваленко Е. С., Подурец К. М., Грешников Э. А., Зайцева И. Е., Агафонов С. С., Колобылина Н. Н., Калоян А. А., Говор Л. И., Куркин В. А., Яцишина Е. Б., 2019. Исследование древнерусского бронзового креста-энколпиона с помощью комплекса неразрушающих методов // Кристаллография. Т. 64. № 5. С. 826–831.

Коваль В. Ю., 2007. О древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. Вып. 221. С. 55–64.

Коваль В. Ю., 2010а. Иранский кувшин из раскопок в Суздале // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. М.: Наука. С. 104–109.

Коваль В. Ю., 2010б. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука. 270 с.

Коваль В. Ю., 2014. Иконки-змеевики. О происхождении змеевидных композиций // Славяне и иные языци...: к юбилею Н. Г. Недошивиной. М.: ГИМ. С. 196–207.

Кокорина Н. А., 2013. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника: каталог. Владимир.

Кокорина Н. А., 2016. Древнерусские литые иконки из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника // АП. М.: ИА РАН. Вып. 12. С. 138–143.

Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. № 2. С. 94–98.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 156–177.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.

Колызин А. М., 2004. Средневековые ключи и замки из Московского Кремля (по данным археологических исследований) // РА. № 4. С. 135–141.

Комаров К. И. 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сборник участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К. С. 141–189.

Кононович А. Ю., 2015. Подвески-образки с изображением Богоматери Воплощение // Записки ИИМК РАН. Вып. 12. СПб.: ИИМК РАН. С. 210–222.

Кононович А. Ю., Седых В. Н., Френкель Я. В., 2022. Крестик с грубым изображением Распятия из Тимерево // Археология: история и перспективы. Десятая межрегиональная конференция: сборник статей / отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль. С. 53–68.

Корзухина Г. Ф., 1966. Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М.: Наука. С. 89–96.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение. 427 с.

Коршун В. Е., 2014. Языческие привески Древней Руси X–XIV веков. М.: группа ИскателИ. Вып. II: Зооморфные привески. 296 с.

Костылева Е. Л., Уткин А. В., 2007. «День печати». О находке древнерусской печати во Владимире // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. Иваново. № 1 (7). С. 5, 6.

Кочкаров У. Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.

Кравченко Э. Е., 2020. Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца)// Археология Евразийских степей. Казань. № 6. С. 198–223.

Красникова А. М., 2007. Курганы у деревни Исады (Троица-Берег 5) // АВСЗ. Вып. 1 // [редкол.: Н. А. Макаров, С. В. Шполянский, Л. Л. Гальчук; сост. С. В. Шполянский]. С. 50–56.

Кренке Н. А., 2004. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты: в 3 т. М.: Наука. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. / [отв. ред. Н. А. Кренке, С. З. Чернов].

Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН.

Кренке Н. А., 2015. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта: дис. ... док. ист. наук.: 07.00.06. М. 718 с.

Кренке Н. А., 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: [этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта]. М.: ИА РАН; Смоленск: Свиток. 392 с.

Крыганов А. В., 1987. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII–X вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Харьков. 371 с.

Крыласова Н. Б., 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ.

Крыласова Н. Б., 2017. Особенности использования шумящих умбоновидных подвесок в костюме жителей пермского предуралья (по материалам Рождественского могильника) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. № 7. С. 15–18.

Кудрявцев А. А., 2014а. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: дис. ... канд. ист. наук. М.

Кудрявцев А. А., 2014б. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кудрявцев А. А., 2016. Топография находок замков и ключей на усадьбах средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Новгород ННЗ. Великий Новгород. Вып. 30. С. 190–195.

Кудряшов А. В., 2006. Древности средней Шексны X–XIV вв. Череповец: ГОУ ВПО Череповецкий гос. ун-т. 197 с.

Кудряшов А. В., 2007. Поселение Черный ручей на р. Андоге (некоторые итоги исследований в 2003–2006 гг.) // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция. Ярославль. С. 114–123.

Кудряшов А. В., 2012а. Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера. С. 299–311.

Кудряшов А. В., 2012б. Исследование могильника Ступолохта-2 //Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 93–106.

Кудряшов А. В., 2014. Исследование поселения и могильника Нижнее Селище 1, 3 в бассейне Андозера // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль. С. 91–92.

Кузнецова В. Н., 2016. Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы X–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В., 2017. Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Труды КАЭЭ. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная: сборник научных трудов к 50-летнему юбилею Н. Б. Крыласовой / под общ. ред. А. М. Белавина. Пермь: ПГГПУ. С. 60–73.

Кулаков В. И., 2007. Долль-Кайм – Ковово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси. 335 с.

Кулаков В. И., 2021. Подковообразные фибулы Каупа // Ученые записки Новгородского государственного университета. № 5 (38). С. 516–523.

Кулаков В. И. Калашников Е. А., 2002. Оголовья коней Долькайма // КСИА. М.: Наука. Вып. 213. С. 38–49.

Кулешов Вяч. С., 2012. Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 387–389.

Курмановский В. С., Панова Т. Д., 2018. Предметы вооружения из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (краткий обзор) // Военная археология: сборник материалов научного семинара. М.: ИА РАН. С. 201–232.

Кучкин В. А., 1982. «Данная» черницы Марины // Исторические записки. М. Т. 108. С. 294–316.

Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 348 с.

Кучкин В. А., 2013. Население Руси в канун Батыева нашествия // Образы аграрной России IX–XVIII вв. М.: Индрик. С. 67–88.

Кызласов И. Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука. 128 с. (САИ; вып. Е3-18).

Лазарев В. Н., 1996. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство; Милан: Джак Бук. 402 с.

Лапшин В. А., 1980. Ранняя дата владимирских курганов // КСИА. Вып. 166. С. 45–49.

Лапшин В. А., 1985а. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Лапшин В. А., 1985б. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам): дис. ... канд. ист. наук. Л. Т. 2.

Лапшин В. А., 1989. Археологический комплекс у села Гнездилово под Суздалем // КСИА. М.: Наука. Вып. 195. С. 66–70.

Лапшин В.А., 1991. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси: сборник научных статей / [отв. ред. М. В. Седова]. М.: ИА АН СССР. С. 120–129.

Лапшин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / отв. ред. С. А. Плетнева. М.: ИА РАН. С. 90–102.

Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПБГУ. 534 с.

Лапшин В. А., 2018. Североевропейские находки на селище Гнездилово-2 под Суздалем // Земли родной минувшая судьба...: к юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева: [сборник статей] / [отв. ред. А. В. Чернецов; ред.-сост. И. Н. Кузина]. М.: ИА РАН. С. 34–38.

Лапшин В. А., Мухина Т. Ф., 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: ИА РАН. С. 132–149.

Лебедева Е. Ю., 2017. Археоботанические свидетельства о земледелии на сельских поселениях Суздальского Ополья в VII–XIII вв. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Таус. С. 264–290.

Леонтьев А. Е., 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности верхнего Поволжья: материалы Волго-Окской экспедиции. М. С. 5–105.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 340 с. (Археология эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья; вып. 4).

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озёр Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Леонтьев А. Е., 2015. Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [отв. ред. П. Г. Гайдуков]. М.; Вологда: Древности Севера. С. 45–52.

Леонтьев А. Е., Александровский А. Л., Бейлекчи Вал. В., Кашкин А. В., 2017. Исследования городища Выжегша в 2016 г. // АВСЗ / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. Вып. 7. С. 51–62.

Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А., 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // СА. № 2. С. 67–79.

Лукин В. П., 2012. Население средневекового Новгорода по данным письменных и археологических источников // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 6–8 ноября 2012. М.: ИА РАН. С. 45–46.

Мажитов Н. А., 1981а. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука.

Мажитов Н. А., 1981б. Южный Урал в IX – начале X в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья / [А. К. Амброз, В. Б. Ковалевская, И. Л. Кызласов и др.]; отв. ред. тома С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 80–82, 171, рис. 55 (Археология СССР).

Мазур Л. Д., 2006. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М.

Мазур Л. Д., 2011. Городские укрепления Суздаля в XVII в. // Архитектурное наследство. М.: URSS. № 55.

Мазур Л. Д., 2012а. Планировочная и объемно-пространственная структура Суздаля XVII века // Архитектура и современные информационные технологии. №1 (18).

Мазур Л. Д., 2012б. Размеры дворовых владений посадских людей Владимира, Суздаля, Шуи, Юрьева-Польского. По материалам писцовых книг 1620–1630-х гг. // АВСЗ. Вып. 4.

Мазуров А. Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. М.: Александрия. 542 с.

Майко В. В., 2014. Вооружение и конское снаряжение праболгар Крыма первой половины X в. // Военная археология: сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. М. Вып. 3. С. 15–28.

Майорова Е. В., 2011. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок во Владимире в 13-м квартале в 2008 г. // АВСЗ. М.; СПб. Вып. 3. С. 142–153.

Макаров Н. А., 1988. Декоративные топорики из Белозерья // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987 г. М.: Наука. С. 455–460.

Макаров Н. А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 214 с.

Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий. 368 с.

Макаров Н. А., 2005. Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII в.: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука. С. 5–10.

Макаров Н. А., 2007. Средневековые памятники и система расселения X–XIII вв. // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / под. ред. Н. А. Макарова. М.: Наука. Т. 1: Поселения и могильники. С. 43–62.

Макаров Н. А., 2008. Средневековое расселение в Суздальском Ополье: новые результаты и перспективы // АВСЗ / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 3–22.

Макаров Н. А., 2009а. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. М.: Наука. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество, культура. С. 91–102.

Макаров Н. А., 2009б. Язычество и христианство // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. М.: Наука. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество, культура. С. 106–115.

Макаров Н. А., 2011. Ранняя история Суздальской земли по археологическим данным // Исторические записки. Вып. 13 (131). М.: Наука.

Макаров Н. А., 2012а. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополье // АВСЗ. М.; СПб. Вып. 4. С. 65–84.

Макаров Н. А., 2012б. Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 194–211.

Макаров Н. А., 2017. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI – первой половине XIII в.: размеры городских территорий // РА. № 4. С. 57–69.

Макаров Н. А., 2018. Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 317–327.

Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., 2013. Печать князя Михалки Юрьевича из Суздальского Ополья // КСИА. М. Вып. 231. С. 224–231.

Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., 2018. Печать Дамиана из Суздальского Ополья // Земли родной минувшая судьба: к 70-летию А. Е. Леонтьева. М.

Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Гомзин А. А., 2016. Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополье // РА. № 4. С. 48–74.

Макаров, Грешников, Зайцева [и др.], 2020. – Макаров Н. А., Грешников Э. А., Зайцева И. Е., Подурец К. М., Коваленко Е. С., Мурашев М. М. Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // КСИА. Вып. 258. М.: ИА РАН. С. 25–45.

Макаров, Грешников, Зайцева [и др.], 2022. – Макаров Н. А., Грешников Э. А., Зайцева И. Е., Подурец К. М., Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова / отв. ред. И. Ю. Стрикалов. М.: ИА РАН. С. 315–347.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2007. Мининский археологический комплекс: погребальные памятники // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. М.: Наука. Т. 1: Поселения и могильники. С. 130–182.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2016. Бескурганные ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. // АВСЗ / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; СПб.: Нестор-История. Вып. 6. С. 185–198.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2017. Кресты-энколпионы с чернью из Суздальского Ополья // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе: сборник научных статей. Барнаул: издательство Алтайского государственного университета. Т. II. С. 193–197.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2018. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIV вв.: новые находки // Нескончаемое лето: сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород. С. 119–130.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2019. Иконка с изображением св. Нестора Солунского из Суздальского Ополья // РА. № 4. С. 167–176.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2020а. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополья: новые находки // Археологические вести. СПб. Вып. 28 / [гл. ред. Н. В. Хвощинская]. С. 347–365.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2020б. Кресты на селищах: репрезентация христианства в Суздальской земле в XI–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Вып. 3 (81). С. 52–67.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Грешников Э. А., 2017. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополье // Археологические вести. Вып. 23. СПб. С. 291–310.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М., 2013. Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополья // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. С. 435–444.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М., Угулава Н. Д., 2017. Исследования могильника Шекшово в Суздальском Ополье в 2016–2017 гг. // АВСЗ. М. Вып. 7. С. 7–18.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., 2009а. Пушной промысел в хозяйстве кубенозерских поселений // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура / [сост. И. Е. Зайцева]. С. 68–78.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., 2009б. Хозяйство и культура севернорусской деревни по материалам Мининского археологического комплекса // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура / [сост. И. Е. Зайцева]. М.: Наука.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Шполянский С. В., 2010. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / отв. ред. А. Е. Мусин; ред.-сост. Н. В. Хвощинская; ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 113–141.

Макаров, Зеленцова, Милованов [и др.], 2021. – Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Милованов С. И., Русаков П. Е., Бадеев Д. Ю., Кукушкин Ф. Ф., Сазонов С. В., Бейлекчи Вал. В., Курятникова М. Е., Соловьев Д. Б., Марьенкина Т. А. Раскопки средневековых селищ в зоне строительства автодороги Москва – Казань, 2021 // Институт археологии Российской академии наук [сайт]. URL: https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/raskopki-srednevekovykh-selisch-v-zone-stroitelstva-avtodorogi-moskva-kazan (дата обращения: 19.05.2022).

Макаров Н. А., Красникова А. М., 2007. Христианские древности Суздальских селищ: новые находки // КСИА. М. Вып. 221. С. 95–105.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Ерохин С. А., 2021. Первые результаты новых исследований могильника Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 264.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2010. Могильник Большое Давыдовское-2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // РА. № 1. С. 41–52.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2011. Могильник Большое Давыдовское II в Суздальском Ополье: продолжение полевых исследований // АВСЗ. М.; СПб. Вып. 3. С. 3–16.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2012. Финские древности первой половины – середины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: РОССПЭН. С. 151–161.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2013. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополье: спустя 160 лет после раскопок А. С. Уварова // КСИА. М. Вып. 230. С. 219–233.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2014. Новые исследования средневековых могильников Суздальской земли // Вестник РГНФ. № 1. С. 157–177.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., Добровольская М. В., 2020. Средневековый могильник Шекшово: «Владимирские курганы» в свете новых полевых исследований // РА. № 4. С. 121–140.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Карпухин А. А., 2009. Курганные могильники Суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Великий Новгород и средневековая Русь: сборник статей: к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли. С. 432–454.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Угулава Н. Д., 2021. Первые результаты раскопок могильника Гнездилово под Суздалем// АВСЗ. М.: ИА РАН. Вып. 11. С. 7–20.

Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. № 1. С. 19–34.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2013. Суздальская земля в IX–X вв.: расселение, культура и балтийские связи // Археология Балтийского региона / под ред. Н. А. Макарова, А. В. Мастыковой и А. Н. Хохлова. М.; СПб. С. 221–240.

Макаров Н. А. Федорина А. Н., 2014. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // Труды IV(XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. III / отв. редакторы А. Г. Ситдиков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 173–179.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. Вып. 238. С. 115–131.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2013. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. № 4. С. 58–74.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2014. Средневековые селища в округе Владимира на Клязьме // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 108–133.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2018. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополье: проблемы преемственности // АВСЗ / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 8. С. 7–25.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2020. Археологическое изучение исторических сел ближайшей округи Суздаля // АВСЗ / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 10. С. 7–4.

Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н., Угулава Н. Д., 2019. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // АВСЗ. М.: ИА РАН. Вып. 9. С. 7–29.

Макаров Н. А., Шполянский С. В., Долгих А. В., Алешинская А. С., Лебедева Е. Ю., 2014. Собор на пашне: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба в Кидекше // РА. № 3. С. 50–65.

Макарова Т. И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука. 135 с.

Макушников О. А., 1993. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // Старожитності Південної Русі. Чернігів.

Макушников О. Л., Лупиненко Ю. М., 2004а. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 18. С. 213–225.

Макушников О., Лупиненко Ю., 2004б. Новые данные о характере и производстве клинкового вооружения восточнославянского ратника конца XII – первой половины XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск. № 19.

Мальм В.А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 149–190. (Труды ГИМ; вып. 43).

Марков А.К., 1896. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. IV, 873 с.

Марков А.К., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб. IV, 148 с.

Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. С. 121–191. (МИА; № 65).

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М.: Наука. 184 с. (САИ; вып. Е1-36).

Мельник А.Г., 1998. Суздальский Рождественский собор как памятник XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Вып. IX. С. 147–157.

Михайлов К.А., Пескова А.А., 2019. «Витязь у ворот», или реконструкция воинского комплекса из раскопок Большого Шепетовского городища // STRATUM plus. № 5. С. 77–92.

Михайлова Е.Р., 2014. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура / под ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. М.; Вологда. С. 317–335.

Михайлова Е.Р., 2019. Двушипные наконечники копий из Которского погоста // Земля наша велика и обильна...: 90-летию А.Н. Кирпичникова посвящается. СПб. С. 298– 311.

Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю., 2016. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // ННЗ. Великий Новгород; СПб.: Любавич. Вып. 30. С. 181–189.

Михеев С.М., 2014. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М. 4 (58). С. 45–63.

Михеев С.М., 2017. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М. 4 (70). С. 17–41.

Модин, Ерохин, Красникова [и др.], 2020. – Модин И.Н., Ерохин С.А., Красникова А.М., Шоркунов И.Г., Шевченко В.А., Скобелев А.Д., 2020. Геофизические исследования невыраженного на поверхности средневекового некрополя Шекшово-9 (Суздальское Ополье) // Вестник Московского университета. Серия 4: Геология. № 6. М. С. 3–15.

Молчанов А.А., 2008. Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год: Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. тома М.В. Бибиков, Е.А. Мельникова, В.Д. Назаров. М.: Индрик. С. 250–269.

Молчанов А.А., 2010. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика домонгольского времени в новейших трудах отечественных исследователей // Вестник истории, литературы и искусства. М.: Наука. Т. 7. С. 612–623.

Молчанов А.А., Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., 2008. Раскопки раннесредневекового археологического памятника Усть-Шексна в 2005 году и клад саманидских монет X века // Сельская Русь в IX–XVI веках / отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. М.: Наука. С. 308–318.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязанью М.: ИА АН СССР. 225 с. (МИА; № 49).

Моця О.П., 2003. Село Київської Русі (по матеріалам південнорусьских земель). Київ.

Мурашева В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС. 136 с.

Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское востоковедение. 270 с.

Мусин А.Е., 2016. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.: Петербургское востоковедение. 235 с.

Мусин А.Е., 2020. Двузубец Рюриковичей: начало и конец легенды // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. СПб.; Одесса; Кишинёв; Бухарест. № 6: Таинства перемещений: Л.Л. Полевой (ad memoriam). С. 263–275.

Мухина Т.Ф., 2008. К вопросу об эмальерном производстве во Владимире (находки последних лет) // АВСЗ / [отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 147–154.

Назаренко А.В., 2013. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный...» Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Международная научная конференция (Владимир, 5–6 июля 2011 г.) / Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник; [сост. М.Е. Родина]. Владимир: ГВСМЗ. С. 12–35.

Насонов А.Н., 1951. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М.: Изд. Академии наук. 262 с.

Насонов А.Н., 1969. История русского летописания XI – начала XVIII в.: очерки и исследования. М.: Наука. 556 с.

Недошивина Н.Г., 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников. // Ярославское Поволжье в IX–XI вв. / отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Госстройиздат. С. 55–63.

Недошивина Н.Г., 1996. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // РА. № 2. С. 201–204.

Недошивина Н. Г., Зозуля С. С., 2012. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 178–193.

Некрасов А. И., 1924а. Византийское и русское искусство. М.: Издание Государственного универсального магазина. 209 с.

Некрасов А. И., 1924б. Из Суздальско-Владимирских впечатлений // Среди коллекционеров. № 3–4. Март – апрель. С. 29–34.

Немеров В. Ф., 1987. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // СА. № 2. С. 212–227.

Несмиян О. А., Несмиян В. Г., 2012. Изделия из цветного металла из коллекции Клочковского селища 2 // АВСЗ. М.; СПб.: Нестор-История. Вып. 4. С. 101–110.

Нестерова Н. В., 2008. Городские некрополи средневекового Суздаля по археологическим данным // АВСЗ / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 191–199.

Нефедов В. С., 2020. Древности салтовского круга в смоленских длинных курганах // Хазарский альманах. М.: Индрик. Т. 17. С. 151–174.

Нечитайло В. В., 2000. Каталог християньских нагрудних виробів мистецтва періоду Київської Русі (X – перша половина XIII ст.). Київ.

Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: МарНИИЯЛИ. 407 с. (АЕС; вып. 14).

Никитина Т. Б., 2015. Население верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // КСИА. М.: Языки славянской культуры. Вып. 240. С. 124–140.

Никитина Т. Б., 2017а. Костюм поволжских финнов домонгольского периода: общее и особенное // Труды КАЭЭ. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная: сборник научных трудов к 50-летнему юбилею Н. Б. Крыласовой / под общ. ред. А. М. Белавина. Пермь: ПГГПУ. С. 132–141.

Никитина Т. Б., 2017б. Выжумский археологический комплекс в контексте культурных связей в Поветлужье // АЕС. Казань. № 1. С. 243–252.

Никитина Т. Б., 2018. Русенихинский могильник. Казань. 255 с. (АЕС; 2018, № 3).

Николаева Т. В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня, XI–XV вв. М: Наука. 163 с.

Николаева Т. В., Чернецов А. В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука. 124 с.

Никольская Т. Н., 1974. Военное дело земли Вятичей (по материалам древнерусского Серенска) // КСИА. М. Вып. 139. С. 34–42.

Новиков В. В., 2009. Уздечные наборы на территории Древней Руси в 9–11 вв. (по материалам погребений и поселений): дис. ... канд. ист. наук. М.

Новиков В. В., 2016. Оголовье верхового коня кургана № 7 из раскопок С. И. Сергеева в центральной курганной группе в Гнездове // Археологические вести. № 22 / гл. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 135–139.

Новиков В. В., Ениосова Н. В., 2015. Снаряжение верхового коня из погребения 191 Центральной курганной группы второй половины X в. из Гнездова: результаты комплексного исследования // Археологические вести № 21 / гл. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 199–222.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2017. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2015 года) // АП. М.: ИА РАН. Вып. 13. С. 19–31.

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. (Новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин. 403 с.

Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Дорофеева Т. С., Полигаев В. Л., Носова Е. Е., 2020. Археологические исследования на Рюриковом городище в 2018 г. Наружняя хлебная печь на дне рва // ННЗ. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. Вып. 33. С. 30–37.

Овсянников О. В., Пескова А. А., 1982. Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. Вып. 171.

Олейников О. М., 2014. Двор первых смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на улице Ленина, 15 в Смоленске 2004 г.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ОАО «Тверская областная типография». Вып. 7. С. 6–17.

Олейников О. М., 2015. Новые находки новгородских иконок, изготовленные из металла и камня // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Старый город. Вып. 8. С. 121–132.

Олейников О. М., 2019. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь письмена: к юбилею А. А. Медынцевой. М.: Институт археологии РАН. С. 323–351.

Описание актов, 1905. – Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, опис. И. М. Катаевым и А. К. Кабановым, под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко. 668 с.

Орлов Р. С., 1984. Північнопричорноморскський центр художньої металообробки у X–XI ст. // Археологія. Київ: Наукова думка. № 47. С. 24–44.

Памятники, 1975. – Памятники архитектуры Московской области: каталог: в 2 т. / Б. Л. Альтшуллер, М. В. Дьяконов, Г. К. Игнатьев [и др.]; под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. М.: Искусство. Т. 2. 373 с.

Памятники, 1999. – Памятники архитектуры Московской области: иллюстрированный научный каталог / под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. Вып. 3. М.: Стройиздат, 1999. 304 с.

Пескова А. А., 2006. Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 121–162.

Пескова А. А., 2020. Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликварии в свете новых исследований // Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН. № 27. С. 175–193.

Пескова А. А., 2021. Древнерусские иконки-складни XII–XIII вв. // Археологические вести. СПб.: ИИМК. № 33. С. 135–154.

Петерсен Я., 2005. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.: Альфарет. 237 с.

Петрашенко В. А., 2005. Древнерусское село: по материалам поселений у с. Григоровка. Київ.

Петров М. И., 2016. Средневековая новгородская усадьба: опыт сравнительного анализа (по материалам раскопов Посольский-2006 и Никольский-2007 в Новгороде) // Новгородский исторический сборник: сборник научных трудов / редкол.: П. Г. Гайдуков (отв. ред.) и др.; Санкт-Петерб. ин-т истории РАН, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород. Вып. 16 (26). С. 68–102.

Пивоваров С. В., Калініченко В. А., 2014. Предмети озброєння дальнього бою з Чорнівського городища першої половини XIII ст. (археологічні дослідження 2012 р.) // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. К.: Ін-т історії України НАНУ. С. 136–148.

Плавінскі М. А., 2009. Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі. Мінск.

ПЛДР, XII. – Памятники литературы Древней Руси, XII век / [сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева; вступ. ст. Д. С. Лихачева]. М.: Художественная литература, 1980. 704 с.

Подосёнова Ю. А., 2021. Технология изготовления элементов поясной гарнитуры на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья (конец X – начало XIII века) // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э.: материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН. С. 213–227.

Покровская Л. В., 1999. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.: Русские словари. С. 51–64.

Покровская Л. В., 2010. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История. С. 259–272.

Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К., 2017. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI – начала XII в. [по материалам Троицких XIII и XIV раскопов] // В камне и в бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК. С. 467–474.

Покровская Л. В., Тянина Е. А., 2009. Амулеты-змеевики средневекового Новгорода (хронология, топография, семантика) // Хорошие дни: памяти Александра Степеновича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: Леоп-Арт. С. 432–445.

Покровская Л. В., Тянина Е. А., 2019. Полые зооморфные привески средневекового Новгорода // РА. № 1. С. 146–160.

Полубояринова М. Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука. 119 с.

Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. С. 154–257.

Праздников В. В., 2001. Предметы христианского культа на поселении Введенское в Ярославской области // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4: Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Т. II. С. 173–175.

Пресняков А. Е., 1993. Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X–XII столетий // Лекции по русской истории: Киевская Русь. М.: Наука. 634 с. (Памятники исторической мысли).

Пресняков А. Е., 2020. Лекции по русской истории. Северо-Восточная Русь и Московское государство. СПб.: Нестор-история.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., 2020. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. М. Вып. 2.

Прошкин О. Л., 2015. Предметы вооружения и конского снаряжения с Чертова городища // КСИА. М. Вып. 228. С. 64–75.

ПСРЛ, т. 1. – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1926–1928. 379 с.; Полное собрание русских летописей: [Воспроизведение текста изд. 1926–1928 гг.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [под ред. акад. Е. Ф. Карского]. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 578 с.; Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись / [под ред. Е. Ф. Карского; предисл. Б. М. Клосса]. [Репр. изд. 1926–1928 гг.]. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.

ПСРЛ, т. 2. – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд., репринт. воспр. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

ПСРЛ, т. 8. – Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII, 301 с.

ПСРЛ, т. 17. – Полное собрание русских летописей. Т. 17: Западнорусские летописи. СПб., 1907. XIV, 650 с.; М.: Языки русской культуры, 2008.

Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В., 2012. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 242–273.

Раппопорт П. А., 1982. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. Вып. 1(11). Л.: Наука. С. 189–202.

Родина М. Е., 2004. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Владимир: Аркаим. 208 с.

Родина М. Е., 2006. Печати князя Гаврилы. Уникальные находки во Владимире // Родина. № 6. С. 38–40.

Родина М. Е., 2007. Атрибуция редких находок из раскопок 2004 г. на княжьем дворе во Владимире // КСИА. Вып. 221. С. 145–154.

Родина М. Е., 2012. Находки с селищ у с. Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // АВСЗ / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; СПб.: Нестор-История. С. 86–94.

Розанова Л. С., 1991. Кузнечная продукция и техника ее производства на северо-востоке Руси в X–XIII вв. Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси: сборник научных статей / [отв. ред. М. В. Седова]. М.: ИА АН СССР. С. 201–224.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 179 с.

Романов К. К., 1931. Вновь открытые рельефы Суздальского собора // Сообщения ГАИМК. Март. № 3. С. 16–21.

Руденко К. А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в среднем Поволжье: исследование и каталог. Казань: Заман. 256 с.

Руденко К. А., 2003. Наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Болгарии. Казань: Заман. 512 с.

Рузанова С. А., Баранов Н. А., 2020. Новые данные о металлопроизводстве средневекового Суздаля // АВСЗ. Вып. 10. С. 63–79.

Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н., 2018. Новые находки подвесок на памятнике Усть-Шексна // Археология: история и перспективы: Восьмая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 103–112.

Рыкунова И. И., Рыкунов А.Н., 2020. Новые находки предметов христианского культа средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы: Девятая межрегиональная конференция: сборник статей / под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль: Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 161–172.

Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. 124 с. (САИ; вып. Е1-60).

Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. Л.: Наука. 160 с.

Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 260 с.

Сабурова М. А., Елкина А. К., 1991. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси: сборник научных статей / [отв. ред. М. В. Седова]. М.: ИА АН СССР. С. 53–512.

Савельев П. С., 1855. Дополнения к описанию саманидских монет // Записки Императорского археологического общества. Т. VI. Отделение II. СПб. С. 406–421.

Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: материалы охранных археологических исследований. М.: Таус. Т. 9. 88 с.

Самойлович Н. Г., Глазов В. П., 2008. Охранные раскопки на Яруновой горе в г. Суздале // АВСЗ / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 104–111.

Самородова М. А., 2021. К проблеме влияния типа кости на результаты палеодиетических реконструкций на основании изотопного анализа // КСИА. № 263. С. 188–198.

Сапрыкина И. А., 2010. Реконструкция основных приемов изготовления выплавляемых моделей для литья ювелирных украшений дьяковской культуры // АП. М.: ИА РАН. Вып. 6. С. 11–18.

Сапрыкина И. А., 2014а. Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла из погребений VIII–X веков Подболотьевского могильника // КСИА. М. Вып. 236. С. 230–234.

Сапрыкина И. А., 2014б. Ювелирные изделия из раскопок «Рубленого города» Ярославля // КСИА. М. Вып. 232. С. 170–188.

Сапрыкина И. А., Митоян Р. А., Никитина Т. Б., Зеленцова О. В., 2011. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI в. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2010. Pars VIII. Piliscsaba. С. 312–332.

Сарачева Т. Г., 2005. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р. Ф., Энговатова А. В., Зеленцова О. В. Никининский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН. С. 103–122.

Сарачева Т. Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. М. Вып. 221. С. 73–88.

Сарачева Т. Г., 2009. Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново 2 в Подмосковье // АП. М.: ИА РАН. Вып. 5. С. 204–212.

Свердлов М. Б., 2003. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект. 735 с.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 327 с. (Археология СССР).

Седов Вл. В., 2001. Митрополиты в старых соборах в XVII веке // Архитектурное наследство. Вып. 44. М.: Эдиториал УРСС. С. 44–48.

Седов Вл. В., 2003. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М. С. 447–481.

Седов Вл. В., 2011. Килевидные арки в архитектуре византийского мира: Древняя Русь, Византия, Армения, Грузия // Российское византиноведение. Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М. С. 197–199.

Седов Вл. В., 2012. Необычные формы Суздальского Рождественского собора // АВСЗ. Вып. 4. М.; СПб. С. 184–196.

Седов Вл. В., 2019а. Аркатурно-колончатые пояса Успенского собора в Ростове начала XIII века и проблема новой волны романского влияния // Звучат лишь Письмена: К юбилею Альбины Александровны Медынцевой. М.: ИА РАН. С. 409–430.

Седов Вл. В., 2019б. Белокаменные саркофаги в аркосолиях церкви Бориса и Глеба в Кидекше // КСИА. Вып. 255. М.: ИА РАН. С. 287–307.

Седов Вл. В., 2019в. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // Архитектурная археология. № 1. М.: Институт археологии РАН. С. 10–34.

Седов Вл. В., 2020. Окна собора Рождества Богородицы в Суздале // РА. № 4. С. 141–148.

Седова М. В., 1971. Предметы вооружения из Ярополча Залесского // КСИА. М. Вып. 125. С. 87–95.

Седова М. В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси: посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л.: Наука. С. 191–194.

Седова М. В., 1978. Ярополч Залесский. М.: Наука. 158 с.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 194 с.

Седова М. В., 1988. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси: к 80-летию академика Б. А. Рыбакова. М.: Наука. С. 272–279.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 235 с.

Седова М. В., 2006. Нательные иконки с изображением святого Георгия Ростово-Суздальской Руси (XI–XIII вв.) // Г. К. Вагнер – ученый, художник, человек. М.: ИМЛИ РАН. С. 241–251.

Седых В. Н., 2007. Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории: сборник статей в память о 60-летии Игоря Васильевича Дубова. М.: Изд. дом «Парад». С. 233–256.

Седых В. Н., Френкель Я. В., 2015. О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [отв. ред. П. Г. Гайдуков]. М.; Вологда: Древности Севера. С. 213–228.

Село Київської Русі..., 2003. – Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ: Шлях. 232 с.

Сизов В. И., 1897. Древний железный топорик из коллекции Исторического музея. Археологические известия и заметки. М. Т. V. С. 145–162.

Сикорский М. И., 1980. Исследования в Переяславе-Хмельницком // АО 1979. М. С. 337.

Сиренов А. В., 2019. Святой князь Владимир как креститель Северо-Восточной Руси: несостоявшееся место памяти // «Места памяти» Руси конца XV – XVII в. / отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М. С. 25–42. (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).

Сказание..., 1997. Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб.: Наука. 685 с.

Служебные минеи..., 1886. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. / Труд академика И. В. Ягича. СПб.: Отделение рус. яз. и словесности имп. Академии наук. 608 с. (Памятники древнерусского языка. Т. 1).

Смирнов А. П., 1975. Выносной чеканный крест греческой работы XI–XII вв.// Древнерусское искусство: зарубежные связи. М.

Соболев В. Ю., 2016. Иконки-привески с конным изображением Святого Георгия // В камне и бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: Невская книжная типография. С. 537–547.

Соболев В. Ю., 2019. Раннесредневековые иконки-привески: образцы и подражания // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 9. С. 429–438.

Собор Рождества Богородицы, 2014. – Собор Рождества Богородицы в Суздале. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. 207 с.

Собрание карт, 1871. – Собрание карт, планов и рисунков к трудам Первого археологического съезда. М. LIII табл.

Сотникова М. П., Спасский И. Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.: Искусство. 239 с.

Спасеных А. Н., 2019. Литые кресты XIV–XVI веков как свидетели истории образования Московской Руси. Новосибирск: Академиздат. 654 с.

Спицын А. А., 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. Август, ч. 324. С. 301–340.

Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб. Вып. 1. (МАР, изд. Археологической комиссией; № 25).

Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. СПб. Вып. 15. С. 84–172.

Спицын А. А., 1915. Декоративные топорики // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Пг. Т. XI. С. 222–225.

Средневековое поселение..., 2004. – Средневековое поселение Настасьино / ред.-сост. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. 290 с. (Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2).

Станюкович А. К., 2011. Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М.: Группа «ИскателИ». 223 с.

Станюкович А. К., Коршун В. Е., 2014. Неизвестные памятники русской пластики. Амулеты-змеевики XI–XIX вв. М.: Группа Искатели. 335 с.

Стасюк И. В., 2017. Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1 // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН. Вып. 32. С. 135–152.

Степаненко В. П., 2000. Образ святого Георгия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие / А. Т. Шашков (ред.). Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 106–117. (Проблемы истории России. Вып. 3).

Стерлигова И. А., 1997. Византийский мощевик Дмитрия Солунского из Московского Кремля // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити. С. 255–270.

Столетов А. В., 1958. Памятники архитектуры Владимирской области. Владимир: Владимирское книжное издательство. 239 с.

Столетов А. В., 2008. Памятники архитектуры Владимирской области. Владимир: Издатель А. Вохмин, 2008. 127 с.

Столярова, Коваленко, Мурашев [и др.], 2021. – Столярова Е. К., Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Подурец К. М., Зайцева И. Е., Грешников Э. А., Преснякова Н. Н., Глазков В. П., Борисова П. А., Светогоров Р. Д., Ениосова Н. В., Гогин А. А. Двухсторонняя эмалевая иконка из Суздальского Ополья: технологическое исследование // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой. М.: ИА РАН. С. 185–213.

Стрикалов И. Ю., 2014. Клад 2005 года. Археологический контекст // Старая Рязань. Клад 2005 года. СПб.; М.: Нестор-История. С. 57–68.

Суслов В. В., 1897. Памятники древнего русского зодчества. Вып. III. СПб. Л. 2, 3, две страницы без пагинации.

Суслов В. В., 1898. Памятники древнего русского зодчества. Вып. IV. СПб. Л. 9, две страницы без пагинации.

Суханов Е. В., 2021. Об устойчивости функциональных частей глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // Вестник «История керамики» / отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. Вып. 3. С. 116–143.

Сыроватко А. С., 2014. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н. э. // РА. № 4. С. 48–61.

Сюборов В. Ю., 2017. Средневековые зооморфные подвески из раскопок Старой Руссы // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН. Вып. 32. С. 230–236.

Татищев В. Н., 1964. История российская: в 7 т. 2-е изд. М.; Л.: Наука. Т. III. 483 с.

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Тизенгаузен В. Г., 1853. О саманидских монетах // Записки Императорского археологического общества. Т. VI. Отделение I. СПб. С. 1–237.

Тизенгаузен В. Г., 1873. Монеты Восточного халифата. СПб. LIV, 374 с., IV табл.

Толочко П. П., 2015. Из Киевского Поднепровья в Суздальское Ополье (конец XI – 40-е годы XIII в.) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / ИА РАН; [отв. ред. П. Г. Гайдуков]. М.; Вологда: Древности Севера. С. 24–35.

Томсинский С. В., 2004. Углече Поле в IX–XIII веках. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 320 с.

Уваров А. С., 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды Первого Археологического съезда в Москве, 1869 / под ред. гр. А. С. Уварова. М. Т. 2. С. 633–847.

Уваров А. С., 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная типография. [8], 217 с.

Уткин А. В., 1991. Курганный могильник близ деревни Кнутихи на р. Уводь // КСИА. М. Вып. 205. С. 97–99.

Уткин А. В., Костылева Е. Л., 2015. Древнерусская актовая печать из Владимира-на-Клязьме // АВСЗ. М.: ИА РАН. Вып. 5. С. 195–198.

Фасмер Р. Р., 1925. О монетах волжских болгар X века // ИОАИЭ. Казань. Т. XXXIII, вып. I. С. 29–60.

Федорина А. Н., 2019. Ключи и замки типа А на селищах Суздальского Ополья // АИППЗ. М., Псков: ИА РАН. Вып. 34. С. 377–394.

Федорина А. Н., Красникова А. М., 2012. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем // РА. № 4. М. С. 99–110.

Федорина А. Н., Красникова А. М., 2015. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // АВСЗ. М.: ИА РАН. Вып. 5. С. 147–158.

Федорина А. Н., Красникова А. М., 2021. Пространство жизни и пространство смерти: локализация средневековых сельских кладбищ Северо-Восточной Руси по материалам Суздальского Ополья // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / ИА РАН, ИРИ РАН; [ред колл.: Л. А. Беляев (отв. ред.), Е. Л. Конявская (отв. ред.) и др.]. М. Индрик. С. 239–250.

Федорина А. Н., Красникова А. М., Меснянкина С. В., 2008. Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Весь 5 и Шекшово 2 с использованием методов геофизики и археологии // АВСЗ / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 23–35.

Федорина А. Н., Красникова А. Н., Шполянский С. В., Угулава Н. В., 2020. Селище и могильник Михали 3 под Суздалем // АО 2018 г. М.: ИА РАН. С. 138–141.

Федорина А. Н., Морозов А. С., Угулава Н. Д., 2020. Находки предметов I тыс. н. э. на селище Суворотское 8: состав коллекции и исторический контекст // КСИА. М.: ИА РАН. Вып. 261. С. 231–251.

Фёдоров-Давыдов Г. А., 2001. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Ч. XIV. М. С. 89–100.

Фетисов А. А., 2008. «Знак Рюриковичей» из пещерного комплекса Басараби на Нижнем Дунае // Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в средние века: к 70-летию Б. Н. Флори. М.: Индрик. С. 210–227.

Флоря Б. Н., 2012. Представление об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII в.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.) / отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Знак. С. 9–94.

Флоря Б. Н., 2021. Лекции по русской истории. М.: Древлехранилище.

Фомин А. В., 1988. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX века // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М. С. 103–131.

Фонякова Н. А., 2007. Восточные элементы в прикладном искусстве Хазарии (вторая половина VIII – начало X в.) // Средневековая археология Евразийских степей. Казань: Институт истории АН РТ. Т. 2. С. 158–173.

Френ Х. М., 1842. О восточных монетах, находимых в России // Сын Отечества. Журнал истории, политики, словесности, наук и художеств. Кн. 7. СПб. С. 51–84.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1899. Древности русские. Кресты и образки. Киев: фототипия и тип. С. В. Кульженко. Вып. 1.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1900. Древности русские. Кресты и образки. Киев: фототипия и тип. С. В. Кульженко. Вып. 2.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1902. Древности Приднепровья. Вып. 5: Эпоха славянская (VI–XIII в.). Киев: фототипия и тип. С. В. Кульженко.

Холошин П. Р., 2019. Опыт изучения величины случайных колебаний функциональных частей сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: материалы V Международной конференции молодых ученых. М. С. 204–206.

Худяков Ю. С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука. 174 с.

Цетлин Ю. Б., 2015. Понятия «качества» для анализа объема сосудов // КСИА. М. Вып. 239. С. 393–407.

Цетлин Ю. Б., 2018. Об общем подходе и методике системного изучения форм сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М. С. 124–179.

Челяпов В. П., 2005. Древнерусские памятники северо-востока Рязанской земли // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Ин-т археологии РАН; Памятники исторической мысли. С. 413–426.

Черкасова М. С., 2001. Крупная феодальная вотчина в России (по архиву Троице-Сергиевой Лавры): дис. ... док. ист. наук: 07.00.02. Вологда. 396 с.

Черненко Д. А., 2000. Села Суздальского уезда по писцовой книге 1628–1630 гг. // Открытый текст: электронное периодическое издание. URL: http://opentextnn.ru/history/histgeography/index.html@id=3118 (дата обращения: 10.05.2020).

Черненко Д. А., 2016. Характеристика почв в книгах валового письма первой трети XVII в. (на примере Суздальского уезда) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. № 6. Ч. 1. С. 6/1-111-117.

Чернов С. З., 2017. Мужи Площевичи: владения землей в раннемосковской волости XIV–XV вв. (археологическая экспертиза разъезжей грамоты АСЭИ – I – 422) // История. Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 8. Вып. 8 (62). Собственность в средневековой Западной Европе (земля – власть – право). [Электронный ресурс]. URL: http://history.jes.su/s207987840001984-1-1 (дата-обращения: 01.05.2018). DOI: 10.18254/S0001984-1-1

Чернов С. З., 1998. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование служилой корпорации. Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. М. Т. 1. 544 с.

Чернов С. З., 2003. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII в. Первые опыты интерпретации // Древняя Русь. М. № 2. С. 5–33.

Чернов С. З., 2004. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV века // АП. М. Вып. 1. С. 245–284.

Чудновец А. А., 2008. Каталог средневековой мелкой пластики. М.: Минувшее. 137 с.

Чуракова А. Ю., 2016. Подвеска-иконка «Чудо св. Георгия о змие» с городища близ Шепетовки // В камне и бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой. СПб.: Невская книжная типография. С. 611–614.

Чхаидзе В. Н., 2017. Византийская печать переводчика Икелия (вторая половина XI в.) // IX Международный Византийский семинар. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис: материалы науч. конф. Севастополь – Херсонес, 29 мая – 3 июня 2017 г. Севастополь. С. 124–127.

Шекун О. В., 2006. Садиба кінця XII-першої половини XIII ст. (за матеріалами розкопок поселення Рів біля с. Шеставиця): Русь на перехресті світів(міжнародні впливи на формування давньоруської держави). Чернігів. С. 211–218.

Шекун О. В., Веремейчик О. М., 1999. Давньоруське поселення Ліскове / Ін-т археології НАН України. Чернігів: Деснянська правда.

Шиготарова Т. Г., 2001. Реконструкция основных типов оголовий сросткинской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета. С. 376–378.

Шполянский С. В., 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII в. Древности темного времени. М. С. 253–264.

Шполянский С. В., 2007а. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского. (К вопросу об изучении материальной культуры русской деревни после монгольского нашествия) // КСИА. М. № 221. С. 99–111.

Шполянский С. В., 2007б. Раскопки на территории с. Кибол в 2005 г. Опыт археологического изучения исторических сел суздальской округи // АВСЗ. Вып. 1 / [редкол.: Н. А. Макаров, С. В. Шполянский, Л. Л. Гальчук; сост. С. В. Шполянский]. С. 18–26.

Шполянский С. В., 2008а. Заселение водоразделов в Суздальском Ополье (по материалам исследований последних лет) // Сельская Русь в IX–XIV веках / отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов; сост. И. Н. Кузина. М.: Наука. С. 157–170.

Шполянский С. В., 2008б. Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // АВСЗ / [отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский]. М.: ИА РАН. Вып. 2. С. 56–66.

Шполянский С. В., 2011. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздалем // АВСЗ. М.; СПб. Вып. 3. С. 34–48.

Шполянский С. В., 2015. Датирующие находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополья (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии; [отв. ред. П. Г. Гайдуков]. М.; Вологда: Древности Севера. С. 199–212.

Шполянский С. В., 2017а. На границе княжеств: новые данные о средневековом археологическом комплексе у села Павловское // АВСЗ. М.: ИА РАН. Вып. 7. С. 81–92.

Шполянский С. В., 2017б. Предметы вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII века из Суздаля и сельских поселений Суздальского Ополья // РА. № 1. С. 150–167.

Шполянский С. В., 2019. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополья // АП. М.: ИА РАН. Вып. 15. С. 227–245.

Шполянский С. В., 2020. Металлические накладки в материальной культуре Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: СГСПУ. Т. II. 376 с.

Шполянский С. В., 2021. Села Суздальского Ополья и изменения в системе расселения во второй половине XIV–XV вв. // Поволжская археология. № 2 (36). С. 148–163.

Штыхов Г. В., 1978. Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника. 160 с.

Щербаков В. Л., 2014. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополья) // РА. № 1. С. 32–39.

Щербов С. Г., 1985. Неопознанный портал второй половины XII в. из Суздаля // СА. 1985. № 1. С. 275–278.

Энговатова А. В., Гайдуков П. Г., 2016. Вислые актовые печати из раскопок в Ярославле // РА. № 1. С. 60–69.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2008. Мякининское 1 селище в поселенческой структуре Северо-Западного Подмосковья // Сельская Русь в IX–XIV веках / отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов; сост. И. Н. Кузина. М.: Наука. С. 319–330.

Этингоф О. Е., 1997. «Чин с Еммануилом и двумя архангелами» из Государственной Третьяковской галереи. К иконографии Деисуса // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити. С. 175–187.

Яворская Л. В., Макаров Н. А., Шполянский С. В., 2016. Археозоологические материалы суздальских селищ в контексте изучения хозяйства Северо-Восточной Руси: первое обобщение // КСИА. Вып. 245. С. 206–225.

Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: в 2 т. М.: Наука. Т. I: Печати X – начала XIII в. 325, [1] с.

Янин В. Л., 2008. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур. 398 с.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998а. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Интрада. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. 502 с.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998б. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // ННЗ. Новгород. Вып. 12. С. 338–357.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 2000. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // ННЗ. Великий Новгород. Вып. 14. С. 283–314.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 2002. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // ННЗ. Великий Новгород. Вып. 16. С. 154–173.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 2005. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. // ННЗ. Великий Новгород. Вып. 19. С. 91–111.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 2006. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2005 г. // ННЗ. Великий Новгород: Виконт. Вып. 20. С. 77–97.

Янин В. Л., Зализняк А. А., 1993. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука. Т. IX. С. 123–180.

Янина С. А., 1956. Неревский клад куфических монет X века // МИА. № 55. М. С. 180–207.

Ярошевский Н. А., Боркевич Г. С., 2019. Древнерусские вислые печати 2-й половины XI – 1-й половины XII в.: украинские находки, зафиксированные в 2017 г. Ч. 1 // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М. Вып. 7. С. 122–143.

Ясински М., Овсянников О. В., 2003. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.: Петербургское востоковедение. 399 с.

Ястребов В. Н., 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. (МАР, изд. Археологической комиссией; № 10).

Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлев Д., 2011. Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: Институт классической археологии Техасского университета. 708 с.

Abrams L., 2016. Connections and exchange in the Viking world // Buzantium and the Viking world. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia. V. 16. // Ed. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. Uppsala. P. 37–52.

Album S., 2011. Checklist of Islamic Coins. Third Edition. Santa Rosa. 324 p.

Ambrose S. H., 1993. Isotopic analysis of Paleodiets: methodological and interpretive considerations // Investigations of ancient human tissue: chemical analyses in anthropology. New York: Gordon and Breach Science Publisher Ltd. P. 59–130.

Bełka Z., Dopieralska J., Królikiwska-Ciagło S., Ratajczyk Z., Wadyl S., 2019. Pochodzenie w świetle badań skłdu izotopowego strontu biogenicznych fosforanow // Chiepłe: Elitarna nekropola wczesnośredniowieczna na Pomorzu Wschodnim / pod red. S. Wadyla. Gdańsk: Muzeum archeologiczne w Gdańsky. S. 439–447.

Bentley A. R., 2006. Strontium Isotopes from the Earth to the Archaeological Skeleton: A Review // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 13, No. 3. P. 135–187.

Bocherens H., Drucker D., 2003. Trophic level isotopic enrichment of carbon and nitrogen in bone collagen: Case studies from recent and ancient terrestrial ecosystems // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 13. P. 46–53.

Böhlendorf-Arslan B., Ricci A., [eds.], 2012. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts [Byzas 15]. Istanbul: Ege Yayinlari.

Bownes J., Ascough P., Cook G., Murray I., Bonsall C., 2017. Using Stable Isotopes and a Bayesian Mixing Model (FRUITS) to Investigate Diet at the Early Neolithic Site of Carding Mill Bay, Scotland // Radiocarbon. 59 (5). P. 1275–1294. doi:10.1017/RDC.2017.39https://etd.ohiolink.edu/apexprod/rws_etd/send_file/send?accession=osu1330969837&disposition=inline

Brather S., 2010. Silver, weights and scales around the Baltic // Trade and communication networks of the first millennium AD in the Northern Part of Central Europe. Central places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers. Neue Studien zur Sachsenforschung. Band 1. Hannover. P. 143–164.

Bugys P., Venckūnienė S., Zaveckienė E., 2020. Kariauti Pratusi Tauta: Lietuvių Karinis Elitas XIII–XIV A.: Tarptautinės parodos katalogas 2020 m. lapkričio 10d. – 2021 m. sausio 31 d. Vilnius: Nacionalinis muziejus LDK valdovų rūmai. 318 p.

Bulgakova V., 2004. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrusslands. Wiesbaden.

Carlsson A., 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland: Text och catalog. Stockholm: Stockholms Universitet. 275 p.

Carver, M., 2003. Northern Europeans Negotiate their Future// Carver, M., ed. The Cross goes North. Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300-1300. York: Bodell Press. P. 3–14.

Carver, M., ed., 2003. The Cross goes North. Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300. York: Bodell Press. 588 p.

Clark, Ellis, Egan [et al.], 2004. – Clark J., Ellis B. M. A., Egan G., Griffiths N., Rackham D. J., Spenser B., Wradle A. The medieval horse and its equipment. London, 185 p.

Cleymans, S., Talloen P., 2017. Protection in Life and Death: Pendant Crosses from the Cemetery of Apollo Klarios at Sagalassos, Turkey // European Journal of Archaeology. September. P. 1–19.

DeNiro M. J., 1985. Postmortem preservation and alteration of invivo bone-collagen isotope ratios in relation to paleodietary reconstruction // Nature. Vol. 317. P. 806–809.

Dobat A., 2005. Maritime Cultural Landscapes – Recovering the Trajectories of Communication across the Baltic // Quaestiones Medii Aevi Novae. V. 10. Warszawa. P. 53–90.

Frei, Makarov, Vanden Berghe [et al.], 2016. – Frei K. M., Makarov N., Vanden Berghe I., Coudray A., Skals I., Nosh M.-L. An 11th century AD archaeological textile from Shekshovo, Russia // Archaeological Textiles Review, 58 (2016). P. 34–42.

Grabar A., 1950. Quelques reliquaires de Saint Demetrius et le martyrium de Saint a Salonique // Dumbarton Oaks Papers. Washington. Vol. 5.

Grygiel Richard, Stasiak Waldemar, Trojan Marek, 2014. Gród Łęczycki w swietle badan archeologicznych // Poczatki Łęczycy. Tom II. Archeologia o Poczatkach Łęczycy. Łódź, 2014.

Håkansson A., 2013. Beyond the archetypes. Social hierarchies in rural medieval Halland, SW Sweden // Hierarchies in rural settlements. Ruralia IX. 26-th September – 2 October 2011, Götzis, Austria / Ed. Jan Klápště. Turnhout. P. 359–370.

Iverse M., Näsman U., 1991. Mammengravens inhold. The contents of the Mammen grave // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid / Red.: Mette Iversen, Ulf Näsman, Jens Vellev. Moesgård. S. 45–66.

Janovsky A., 2011. Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea // Der Wandel um 1000: Beiträge der Sektion zur Slawischen Frühgeschichteder 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschungin Greifswald, 23. bis 27. März 2009. (Sonderdruck ausBeiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. 60). Langenweisssbach. P. 257–267.

Janowski A., 2010. From the North-Eastern to Central Europe. Silver-inlayed Axe from Early Medieval Chamber Grave in Pien on the Chelmno Land (Poland) // АИППЗ. Псков. Вып. 55. С. 164–176.

Kara M., 2015. Description of the Cemetery, Organization of the Burial Space, the Burial Rites in the light of the Cultural and Historical Determinations// Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. Andrzej Buko. Leiden; Boston, 2015. P. 343–411.

Kellner Corina M., Schoeninger Margaret J., 2007. A simple carbon isotope model for reconstructing prehistoric human diet // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 133. P. 1112–1127.

Kilger C., 2011. Hack-Silver, Weights and Coinage: the Anglo-Scandinavian Bullion Coinages and their Use in Late Viking-Age Society // Silver Economies, Monetisation and Society in Scandinavia AD 800-1100 / Ed.: James Graham-Campbell , Søren Sindbæk and Gareth Williams. Århus, Aarhus: Aarhus University Press. 380 pp.

Kleingärtner S., 2014. Die frühe Phase der Urbanisierung an der südlichen Ostseeküste im ersten nachchristelichen Jahrtausend // Studien zur Siedlungsgeschichtichte und Archäder Ostseegebiete. Band 13. Neumünster: Wachholtz Verlag.

Korać V., 1967. L'architecture byzantine au XIII siècle // L'art byzantine du XIII siècle. Simposium de Sopoćani. 1965. Beograd, 1967. P. 11–22.

Kotowicz P., 2013. The Sign of the Cross on the Early Medieval Axes - A Symbol of Power, Magic or Religion? // Weapons Brings Peace? Warfare in Medieval and Early Modern Europe / ed. L. Marek. Wrocław. P. 41–55.

Kovalenko, Murashev, Stolyarova [et al.], 2020. – Kovalenko E. S., Murashev M. M., Stolyarova E. K., Podurets K. M., Glazkov V. P., Presnyakova N. N., Borisova P. A., Svetogorov R. D., Gogin A. A., Greshnikov E. A., Zaytseva I. E., Yatsishina E. B. Study of Medieval Russian Enamel Pendant Using a Complex of Nondestructive Methods // Crystallography Reports. Vol. 65. No. 6. P. 1073–1080.

Krzewinska, Kjellström, Günther [et al.], 2018. – Krzewinska A., Kjellström A., Günther T., Hedenstierna Jonson Ch., Zacyrisson T., Omrak A., Yaka R., Kilinç G. M., Somel M., Sobrado V., Evans J., Knipper C., Jakobsson M., Storå J., Götherström A. Genomic and strontium isotope variation reveal immigration patterns in a Viking Age town // Current Biology. Vol. 28. № 17. P. 2730–2738.

Leimus I., 2007. Sylloge of Islamic Coins 710/1-1013/4 AD. Estonian Public Collections. Tallinn. 448 p.

Makarov N., 2013. Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. Jan Klápště. Praha: Brepols. P. 371–386.

Makarov N., 2019. Rural landscapes of northeastern Rus' in transition: from the large unfortified settlements of the Viking Age to medieval villages// Ruralia XII.

Makarov N., 2021. 'Vikings' and the formation of the new identities and new centres of power in the Upper Volga // Vikings Across Boundaries. Viking-Age Transformations. Volume II / Edited by H. Lovise Aannestad, U. Pedersen, M. Moen, E. Naumann and H. Lund Berg. UK. P. 151–165, 10.1–10.5.

Makarov N. A., 2012. The fur trade in the economy of the Northern Borderlands of medieval Russia // The archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations / Ed.: Mark Brisbane, Nikolaj Makarov and Evgenij Nosov. Oxford. P. 381–390 (in cooperation with M. Brisbane and E. Nosov).

Makarov N. A., 2013. Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. Jan Klápště. Praha: Brepols. P. 371–386.

Makarov N. A., 2017. Viking Age weaponry from the Volga-Oka confluence: a scabbard chape from Shekshovo in Suzdal Opolie // Interaktion ohne Grenzen. Beispiele archaologisher Forshnungen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Band 2. Schleswig. P. 663–670.

Mammen, 1991. Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid / Red.: Mette Iversen, Ulf Näsman, Jens Vellev. Moesgård. 345 s.

Marek L., 2018. Militaria. Studia z dziejów Wroclawia. Wratislavia antiqua. Tom 23. Rytm rozwoju miasta na kulturowym pograniczu. Studium strefy placu Novy Targ we Wroclawi. Wrocław. C. 563–711.

Marshall J. D., Brooks J. R., Lajtha K., 2007. Sources of variation in the stable isotopic composition of plants // Stable Isotopes in Ecology and Environmental Science. Malden: Blackwell Publishing Ltd. P. 22–60.

Means of Exchange, 2008. – Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age. Kaupang Excavation Project Publication Series / Ed. Skre D. Vol. 2.

Mikhailov K. A., Kainov S. Yu., 2011. Finds of structural detales of composite bows from Ancient Rus' // Acta Archaeologica Academiae Scientiarium Hungaricae. 62. Budapest. Pp. 229–244.

Müller-Wille M., 2005. Between Gudme and Reric. Protohistoric Central Places of Southern Scandinavia and Adjoining Territories // Quaestiones Medii Aevi Novae. V. 10. Warszawa. P. 91–120.

Müller-Wille M., 2015. The Cemetery in Bodzia in a Broader European Context // Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. Andrzej Buko. Leiden; Boston. P. 479–510.

O'Brien D. M., 2015. Stable Isotope Ratios as Biomarkers of Diet for Health Research // Annual Review of Nutrition. Vol. 35 (1). P. 565–594.

O'Connell T. C., Kneale C. J., Tasevska N., Kuhnle G. G. C., 2012. The diet-body offset in human nitrogen

isotopic values: A controlled dietary study // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 149. P. 426–434.

Ostapenko A., 2012. Miniature Figures of Archangels in Medieval Eastern Europe // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence / Ed. Maciej Salamon, Marcin Woloszyn, Alexander Musin, Perica Spehac. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa. P. 491–502.

Paulsen P., 1956. Axt und Kreuz in Nord- und Osteurope. Bonn.

Pearson, Buitenhuis, Hedges [et al.], 2007. – Pearson J.A., Buitenhuis H., Hedges R.E.M., Martin L., Russel N., Twiss K.C. New light on early caprine herding strategies from isotope analysis: a case study Neolithic Anatolia // Journal of Archaeological Science. Vol. 34. P. 2170–2179.

Pekarska L., 2011. Jewellery of Princely Kiev. The Kiev hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and related material. Mainz-London: Verlag des Römish-Germanishen Zentralmuseum. 262 p.

Petrauskas G., 2017. Laidosena viduramžių Lietuvoje: mirusiųjų deginimo paprotys. Daktaro disertacija. Humanitariniai mokslai, istorija (05 H). Vilnius. 481 p.

Price T.D., Arcini C., Gustin I., Drenzel L., Kalmring S., 2018. Isotopes and human burials at Viking Age Birka and the Mälaren region, east central Sweden // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 49. P. 19–38.

Price T.D., Frei K., 2015. Isotopic Proveniencing of the Bodzia Burials // Bodzia: A Late Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. A. Buko. Leiden; Boston: Brill. P. 445– 462.

Price T.D., Moiseyev V., Grigoreva N., 2019. Vikings in Russia: origins of the medieval inhabitants of Staraya Ladoga // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 11. P. 6093–6109.

Rackevičius G., 2002. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius: Lietuvos Pilys. 296 p.

Reitsema L.J., 2012. Stable Carbon and Nitrogen Isotope Analysis of Human Diet Change in Prehistoric and Historic Poland // DISSERTATION Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of The Ohio State University. 353 p.

Reitsema L.J., Kozłowski T., Crews D.E., Katzenberg M.A., Chudziak W., 2017. Resilience and local dietary adaptation in rural Poland, 1000–1400 CE // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 45. P. 38–52.

Rispling G., 1987. Coins with Crosses and Bird Heads – Christian Imitations of Islamic Coins? // Fornvännen. № 82. Stockholm. P. 75–87.

Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe, 2013. Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evi-dence / Ed. Maciej Salamon, Marcin Woloszyn, Alexander Musin, Perica Spehac. Leipzig.

Ross M.C., 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington. Vol. II: Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period. Settlement change across Medieval Europe; old paradigms and new vistas. P. 267–280.

SNAT, 2008. Buhārā / Samarqand. XVa Mittelasien / Central Asia I. Tübingen, Berlin. 131 p.

Snoeck, Pouncett, Claeys [et al.], 2018. – Snoeck C., Pouncett J., Claeys P., Goderis S., Parker Pearson M., Willis C., Zazzo A., Lee-Thorp J., Schulting R.J. Strontium isotope analysis on cremated human remains from Stonehenge support links with west Wales // Scientifi c Reports. Vol. 8. URL: https://doi.org/10.1038/s41598-018- 28969-8 (дата обращения: 14.06.2022).

Staecker J., 1999. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kru-zifixanhänger als Ausdruk der Mission Altdänemark und Schweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 621 p.

Svetikas E., 2003. Tretininkq odiniai kapseliai: jq apkalq tipologija, chronologija ir simbolika // Lietuvos archeologija. T. 24. P. 241–266.

Svetikas E., 2009. Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes christianizacija XIV a. pab. – XV a. // Archeologiniai radiniai su krikscioniskais simboliais. Vilnius. T. 1. 660 p.

Thunmark-Nulen L., 1998. Die Wikingerzeit Gotlands II: Typentafeln. Stockholm.

Trade and Communication Networks..., 2010. – Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe: Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centres / Ed.: Babette Ludowici, Hauke Jöns, Sunhild Kleingärtner, Jonathan Scheschkewitz und Matthias Hardt. Hannover.

Treadwell L., 2001. Buyid Coinage. A Die Corpus (322–445 A.H.). Oxford. 286 p., 172 pl.

White M., 2006. Byzantine visual propaganda and the inverted heart motif // Byzantion: Peeters Publishers. Vol. 76. P. 330–363.

White M., 2013. Military Saints in Byzantium and Rus', 900–1200. Cambridge: University press. 255 p.

Wyrwa A.M., Janowski A., 2014. Dolne okucie pochwy miecza z przedstawieniem ludzkiej twarzy z Łekna (stan. Ł5) // Fontes Archaeologici Posnanienses. Vol. 50, pars 2. Poznań. C. 323–346.

Zaytseva I., Makarov N., Dobrovolskaya M., Krasnikova A., 2016. Cremations in Shekshovo: new evidence of the Viking Age burial rituals in Central Russia // 22nd Annual Meeting of the EAA. Abstracts. Vilnius. P. 158–159.

Żółkowska J., 2012. Disc pendants with St. George's image from the Early Mediaeval period in Poland // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence / Ed.: Maciej Salamon, Marcin Wołoszyn, Alexander Musin, Perica Špehar. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa. P. 193–202.

Żółkowska J., 2016. Przyczynek do badań nad wczesnośredniowiecznymi zawieszkami z wizerunkami przypisywanymi św. Jerzemu. Znaleziska z obszaru Polski // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeszów. T. XXXVII. S. 247–278.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБС – археоботанический спектр
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АЕС – Археология евразийских степей. Международный рецензируемый научный журнал
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова
АКР – Археологическая карта России
АО – Археологические открытия. Общероссийский ежегодник. Издавался в 1965–1986 гг., возобновлен в 1993 г.
АП – Археология Подмосковья. Материалы научного семинара
АПСДМ – Акты Покровского суздальского девичьего монастыря
АРГ – Акты русского государства, 1505–1526 гг. М.: Наука., 1975. 434 с.
АССЕМ – Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. М., 1998. 638 с.
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: [в 3 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. Т. 1. 1952. 803 с.; Т. 2. 1958. 727 с.; Т. 3. 1964. 689 с.
ВСМЗ – Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Государственный Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 585 с.
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия археологической комиссии. Санкт-Петербург, 1901–1918 гг.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИНКВА (INQUA) – Международный союз по изучению четвертичного периода (англ. International Union for Quaternary Research)
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КРС – крупный рогатый скот
КСИА – Краткие сообщения [о докладах и полевых исследованиях] Института археологии Академии наук СССР (с 1960 г.; с 1991 г. ИА РАН). Москва
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. 1939–1960 гг.
л. с. – лицевая сторона
МАР – Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. Санкт-Петербург, 1866–1918 гг.
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева
МАРХИ – Московский архитектурный институт (государственная академия)
МДЗ – Музей деревянного зодчества, филиал ВСМЗ
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Книжная серия ИИМК / ИА АН СССР, 1941–1972 гг.
МРС – мелкий рогатый скот
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология
ОПИ – отдел письменных источников
о. с. – оборотная сторона
ОЭСА – оптико-эмиссионный спектральный анализ
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАО – Русское археологическое общество
РЖВ – ранний железный век
РФА – рентгенофлюоресцентный анализ
СА – Советская археология
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. 1961–1998 гг.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
стб. – столбец
СУЗАЭ – Суздальская археологическая экспедиция
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЦМДКиИ имени Андрея Рублева – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

SNAT – Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алешинская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, заведующая Лабораторией естественнонаучных методов ИА РАН (Москва), asalesh@mail.ru

Баранов Николай Анатольевич, специалист Отдела сохранения археологического наследия (Москва), dr.till2011@yandex.ru

Гайдуков Пётр Григорьевич, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института археологии РАН (Москва), russianchange@yandex.ru

Гомзин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела средневековой археологии ИА РАН (Москва), gomzin_a@mail.ru

Добровольская Мария Всеволодовна, член-корреспондент РАН, заведующая Лабораторией контекстуальной антропологии, ведущий научный сотрудник Отдела теории и методики ИА РАН (Москва), DobrovolskayaMV@iaran.ru

Зайцева Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела средневековой археологии ИА РАН (Москва), izaitseva@yandex.ru

Каинов Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологических памятников ГИМ (Москва), skainov@mail.ru

Кочанова Мария Дмитриевна, научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Москва), mdkochanova62@mail.ru

Красникова Анна Михайловна, научный сотрудник Отдела археологических памятников ГИМ (Москва), krasnikova.an@yandex.ru

Лебедева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Москва), elena.archbot@mail.ru

Макаров Николай Андреевич, академик РАН, директор Института археологии РАН (Москва), MakarovNA@iaran.ru

Милованов Сергей Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН (Москва), milovan@bk.ru

Седов Владимир Валентинович, главный научный сотрудник Отдела средневековой археологии ИА РАН, член-корреспондент РАН (Москва), sedov1960@mail.ru

Спиридонова Елена Александровна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Москва)

Угулава Нани Давидовна, младший научный сотрудник Отдела средневековой археологии ИА РАН (Москва), u.nani@mail.ru

Федорина Анастасия Николаевна, младший научный сотрудник Отдела средневековой археологии ИА РАН (Москва), nasfed@yandex.ru

Шполянский Сергей Владимирович, научный сотрудник Отдела археологических памятников ГИМ (Москва), shpol@yandex.ru

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник и ученый секретарь Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Москва), lv.yavorskaya@gmail.com

Summary

VOLUME 2

CULTURE, SOCIETY, IDENTITY

SHEKSHOVO BURIAL SITE

Funeral Rite, Chronology, Spatial Structure

The research of the cemetery of Shekshovo 9 started in 2011 as a trial fieldwork on the site known from A. S. Uvarov's excavations aimed at the evaluation of the condition of the cemetery and the clarification of the perspectives and methods of secondary research. This cemetery was chosen for new excavations because of its connection with one of the "large unfortified settlements" (*bol'shie poseleniia*) located in the Suzdal' Opol'e (Shekshovo 2), large size of the barrow field located in the said area (244 mounds unearthed in 1852), and high proportion of early burials in the cemetery, cremations in particular. The excavations continued for seven years to become the largest research of the funerary monument located in the North-East Rus' in this century.

At the moment, the site of the cemetery of Shekshovo is a ploughed field showing no trace of above-ground burial structures. It covers the total area of ca. 6 hectares, as determined by the finds of mediaeval artefacts (mostly metal ornaments discovered with metal detector) and bones from ruined burials. The geophysical survey revealed more than 40 circular anomalies, which are identified with a high degree of certainty as the remains of barrows, the bases of mounds encircled with ditches.

The excavations at Shekshovo covered the area of ca. 2,550 square metres and unearthed, partly or completely, the foundations of 14 barrow sites, with 6 containing intact graves and remains of disturbed cremation and inhumation burials. The works at the foundations of 3 barrows revealed the traces of old excavations, identifiable as barrows examined by A. S. Uvarov in 1852. It has been established that 19 of 26 intact and disturbed inhumation burials discovered there probably were flat, not covered by barrow mounds. The collection at ploughing layer on the cemetery site discovered almost 1,300 mediaeval artefacts of silver, nonferrous metal, iron, and glass, originating from the burials destroyed or partly disturbed by ploughing; there are 380 finds more gathered from surface. The collection of excavated artefacts, including the goods from funeral assemblages and the finds from the ploughing layer, comprises of almost 3,000 items. The samples of charcoal, ashes of wood, and pottery soot yielded 14 radiocarbon datings.

New excavations uncover the cemetery of Shekshovo as not a barrow field common to the archaeological interpretation of the North-East Rus' but rather as the site featuring a great variety of funeral rites, flat burials, and barrow mounds forming a complex ensemble. Cremation burials scattered through the surface or placed in pits in soil were an important component of the cemetery in question. One tends to assume that these cremations (along with the barrows containing cremations?) formed the cemetery's original core. Inhumation burials at Shekshovo became a new form of funeral rite appearing in the late 10th and the first quarter of the 11th century, with no roots in earlier local tradition. The replacement of cremations with inhumations dates to the turn of the 10th and 11th or early 11th centuries: there is no reliable evidence of the continuity of cremation rite in the 11th century. There is an impression that the changes of funeral rite in the late 10th and early 11th centuries were rather radical: the burials in spacious and deep pits appeared in the cemetery; these contained a few grave goods and were oriented towards the funeral traditions of Christian cemeteries. The new graves were located in the area that quite recently housed cremated remains scattered through the surface. The materials discovered by the excavations at Shekshovo document the emergence of an important centre of the Rus' culture in the early 11th century at the settlement, which culture in the previous period (10th century) had shown pronounced Finnish traditions.

In spite of the presence of weapons and ceremonial man's costume supplying the site with specific appearance, Shekshovo was a cemetery with normal sex-and-age distribution of the deceased (the uncovered area contained the burials of at least 46 persons, with the remains of 10 men, 10 women, and 14 children and teenagers attributed among them), reflecting the history of the population with proportionally represented men, women, and children.

The funeral rite of the cemetery under study, with all the variety of its concrete forms, was oriented to the demonstration of prestige and welfare of the mediaeval inhabitants of Shekshovo. There are most strikingly presented

elements that are common at many of the 10th- and 11th-century sites and are traditionally interpreted as the markers of wealth, commodity-money relations, and social ambitions. The number of coins uncovered at Shekshovo (41 specimens) is little less than the coins found by A. S. Uvarov in the Suzdal' cemeteries excavated in 1851–1852 (60 specimens). The collection also includes 12 weights for minor weighing and 2 fragments of balances. The presence of burials with the "dead person's obol" in the cemetery, the funeral rite with inhumations in large pits, and the finds of weapons completely correspond to the interpretation of the settlement complex connected to the cemetery as a "large unfortified settlement" (*bol'shoe poselenie*) with a complicated economic structure and claims to be a power centre.

The Bridle Set from Barrow 12

This section analyses the metal parts of a bridle set collected in a cremation grave, which was made in the late 10th century on a slope of the platform of barrow 12 in the barrow-and-flat-grave cemetery of Shekshovo 9. The set comprises of 4 bronze T-shaped strap-dividers, two bronze drop-shaped badge pendants with a closed back side and closed bells, 7 (?) identical bronze belt-ends, no less than 23 bronze plates of two types, one pear-shaped closed bell, and a small iron buckle. The closest analogies to the Shekshovo set occur in the nomadic assemblages from the Lower Volga area and Lower Don area, and the semi-nomadic assemblages from the Southern Urals and Trans-Urals. According to the observations of all the researchers of mediaeval horse harness, ornamented bridles were relatively rare, and therefore they indicated specific position of their owners. Although no remains of a horse were found among the cremated bones, the ornamented bridle placed in the burial along with a clay paw and a ring is a reflection of the high social status of the deceased. The find of the big complex of metal parts of bridle set in the male cremation burial dated to the last quarter of the 10th century once again emphasizes the syncretistic nature of the culture of the Rus' military elite in the period in question, which combined the elements of various origins and styles, from Scandinavian to nomadic.

The Axe with Princely Signs from Barrow 1

There is an outstanding specimen of Rus' ceremonial weaponry, a silver-encrusted axe with princely signs, originating from the excavations of the cemetery of Shekshovo. The remains of the grave containing this unique artefact were discovered in August 2011, at the very beginning of the search for the cemetery, on the site of a levelled barrow numbered 1. This axe belongs to the widely known type of the "axes with a cut poll" (A. N. Kirpichnikov's type IV). There is silver decoration covering its neck, poll, and side edges. In addition to ornamental designs, one of the side edges of the axe shows an equal-armed cross with a long low arm; on the other side edge there is a bident with a triangular projection at the base and the prongs bent outside; on the butt-end of the neck there is a trident with a triangle at the base. Among the silver-decorated axes there are impressive artefacts forming standard series with similar ornamentation, as well as individual specimens. The Shekshovo axe belongs to this group. Princely signs were seldom placed on weapons. The simple two-pronged bident is attributed as a common sign of the Rurikid princes, used as a family symbol or as a sign of the ruling prince of Kiev. The *tamga* (symbol) in the form of a trident with a triangle on the central prong on the Shekshovo axe resembles the signs of Vladimir Sviatoslavich.

Apart from the ceremonial axe, the high social status of the person buried in barrow 1 is indicated by the size of the mound, which diameter almost twice exceeded the average in the Suzdal' Opol'e of 8–10 m, remains of cloths made of imported high-quality wool, and a gilt silver brooch that fastened the cloths. The owner of the axe possibly was a high-rank official representing the prince's power, who participated in the government of the north-eastern lands of the Rus'. Although the burial mound which contained the incrusted axe stands out for its size, it was not the original centre of the cemetery. It was erected on the outskirts of the cemetery, as if it marked the establishment of the Rurikid authority in one of the "large unfortified settlements", which developed in the Opol'e in the 10th century and, in the period under study, were firmly rooted in the local environment.

Pottery

The given publication provides the first special analysis of the pottery excavated at the barrow cemetery which forms a part of the circle of the so-called "Vladimir barrows," investigated by total excavations in the mid-19th century. The modern excavations of the cemetery of Shekshovo 9 discovered 31 forms, mostly of hand-made ware, and two specimens of wheel-made ware. The aim of this work was to get a notion of the ceramic vessels used by mediaeval population of Shekshovo in funeral rites in regard to their form and outward appearance (colour, surface type), and to analyse these characteristics in the light of the ritual. The analysis undertaken was based on the methodology of form studies developed in the framework of historical-and-cultural approach. Taking the correlation of the general proportion of vessel shape and the inclination of the body walls as the most stable functional part of vessel structure into account, the main group of the vessels under study have been divided into three groups: bowl-shaped vessels and pots of low and high proportions (groups А, Б, В). Additionally, the data on the volume of the vessels have been considered. The correlation of this marker and the overall proportionality coefficient have developed the grouping of forms, which proves to be significant in the use of the pottery in the ritual. From external vessel characteristics, colour and surface type, there are reasons to identify the most popular tradition of creation of low vessels with a smoothed red surface and rounded shoulder. On the background of these products, there stay out a smaller and less homogeneous tradition of creating taller vessels with uneven surface of dark brown or black colour.

Most of 31 forms (26 specimens) originate from inhumation graves, two vessels are found in cremations, and three more appeared outside burials. According to the data in possession on the use of ceramic pottery in funeral rites, there were three traditions of placing vessels into inhumation graves. These traditions are: a pair of small pots (5 burials), or one medium-sized vessel at the feet of the buried person (5 burials), and a bowl-shaped form also at the feet, accompanied by fragments of a tall vessel in the infill of the burial pit (3 burials). The vessels used in these variants of the rite may differ in general proportionality, type of surface, but correspond to the volume category; or they may have great differences of the profile (the shoulder and rim form), but reflect strict adherence to a proportional combination of vessels in the same assemblage. Taking all the said facts into account, there are reasons to suggest the general interpretation of the collection of ceramic forms from the cemetery under study, which demonstrates continued cultural heterogeneity of the population, reflected in the variability of individual features of vessels; simultaneously, it was a society uncovering its representatives' desire to reproduce uniform details of the burial rite.

The Life Style of the Population according to Isotopic Composition of Bone Materials

The reconstruction of the way of life of the dwellers of large rural settlements in the Suzdal' Opol'e, reflecting the everyday life culture, is an important component of the comprehensive study of the population. The collection of palaeoanthropological materials of fragmentary preservation opens up the prospect of studying the diet and assessing the mobility of the population. The methods of this study involve the isotopic composition analysis of skeletal remains, which is widely used by bioarchaeology in recent decades (see e. g.: DeNiro, 1985; Ambrose, 1993; Bownes et al., 2017; Bently, 2006). The dietary composition of the mediaeval population reflects the tradition of food preferences, the features of economy, the natural and climatic context, and the social and cultural heterogeneity of the society. Nitrogen and carbon isotope compositions of collagen in bone tissue of men, women, and children from the 11th- and 12th-century flat graves in Shekshovo 9 have been determined with 26 samples of 16 individuals and have been compared with 9 samples of individuals from the burials in the cemetery of Bol'shoe Davydovskoe dated to the first centuries AD and a few mediaeval European groups. From the comparison of $\delta^{13}C$ and $\delta^{15}N$ for collagen of bone tissue of humans, domestic animals (from the burials and cultural layers of the settlement) and cultivated plants (grains of cultivated cereals from the layers of the settlement of Bol'shoe Davydovskoe) there is good reason to infer that vegetable food was the basic diet of the mediaeval population. The earlier populations kept a diet with a higher proportion of animal proteins, and probably other cereals, including millet. A nutritional pattern parallel to the one of Shekshovo 9 is also uncovered with the population of rural settlements from the territory of present-day Poland (the late stage of Caldus 4, Guczno). Strontium isotope ratio in 29 samples of human and animal skeletal remains (dental enamel and cremated bones) from the graves at Shekshovo 9 have been discussed in the context of the study of population mobility. The local origin of most individuals has been revealed. There are only three individuals capable of interpreting as first-generation migrants. They are a young woman and children. In contrast to large urbanized centres, the rural population of the Suzdal' Opol'e, according to the data in possession, is characterized by low mobility, so it comprised mainly of persons of local origin. The outline of independent characteristics of the way of life of the persons reconstructed according to the isotope analysis of composition of strontium, nitrogen, and carbon supplies an opportunity to uncover the features of economic and cultural peculiarities of the life in large rural agglomerations in the Suzdal' Opol'e on the example of Shekshovo (Макаров, Федорина, 2015, Макаров, Федорина, Шполянский, 2018). Obviously, the life support system of such a centre was based on local natural and economic resources. The phenomenon of large rural settlements reflects the specificity of the historical situation in the Suzdal' Opol'e from the late 10th to the early 12th century.

MATERIAL CULTURE, IDENTITY, AND POWER RELATIONS

Seals

Hanging seals are rare finds at archaeological sites located in the central areas of the Rostov – Suzdal' country. There are only four seals discovered in Suzdal' throughout the whole period of its archaeological excavations. Illegal excavations and collections made by private persons remain the main source of new sigillographic finds in the region in question. When making surveys at the unfortified settlements of the Opol'e, the Suzdal' Expedition collected four seals; the finder passed one seal more to the expedition just after the discovery; the finder of another piece transferred it to the Novgorod Museum Preserve. The seals originate from six different unfortified settlements located in various districts of the Opol'e, in the immediate vicinity of Suzdal', and from the settlements distant from urban centres.

Among the new finds there is a seal featuring Greek benedictory inscription on the front side and image of SS Cosmas and Damian on the reverse, attributed to an unknown secular or clerical official, Damian by name, and dated from the second half of the 11th to the early 12th centuries. A seal showing the inscription "Ilia the Bishop of Novgorod" on the obverse and image of the Mother of God on the reverse belonged to Bishop Ilia (Il'ia), who held the Novgorodian See in 1163–1186. The design of this seal leaves equal probability for its attribution as the one of a secular or church figure. A seal with Russian benedictory inscription on the obverse and image of St Demetrios on the reverse belonged to an unknown prince and dated from the last quarter of the 11th to the early 12th century. A seal featuring the image of Archangel Michael on the obverse and St George on the reverse is attributed to Prince Mikhalka Iur'evich, who was the prince of Vladimir in 1175–1176. An unknown princess who lived in the 12th or the first half of the 13th century owned a seal showing the image of a holy lady martyr on the obverse and a holy rider on the reverse. A seal showing the image of the Mother of God on the front side and a Greek benedictory inscription on the reverse is of Byzantine origin and is attributed to the Translator Ikelios. All the six seals in question date from the Pre-Mongolian Period. All of them originate from unfortified settlements showing usual appearance and common place in the local settlement structures and does not differing from the main bulk of the sites dated from the 12th and the first half of the 13th century.

Kufic Coins

This section addresses the finds of silver kufic coins in the Suzdal' Opol'e. There were a few coin hoards: a large one formed in the early 840s AD from the fortified settlement of Vyzhegsha and a small complex dated by the border of the Xth-XIth centuries from the barrow near the village of Ves'. However, there is a significant number of single finds of kufic coins, no less than 90 specimens total, originating from 12 unfortified settlements (Vasil'kovo 1, Ves' 1 and Ves' 5, Gnezdilovo 2 and Gnezdilovo 7, Kibol 7, Ratnitskoe 4, Tarbaevo 5, Tarbaevo 6 and Tarbaevo 8, Shekshovo 2, and Ianovets 1) and 3 cemeteries (Vasil'kovo 4, Sungir', and Shekshovo 9).

The distribution of dirhams at the sites in the investigated region is uneven, as a rule, varying from one to seven specimens. The quantity becomes bigger only at the unfortified settlement of Ves' 5 (13 coins) and at the complex of Shekshovo (10 specimens from the settlement of Shekshovo 2 and 40 specimens from the cemetery of Shekshovo 9). The oldest dirham in the researched sample was minted by the Abbasids during the reign of the caliph al-Mansur at al-Muhammadiyah in 155 AH (771/772 AD); the youngest – by Marwanid amir Mumahhid al-Dawla Abu Mansur in the 390s AH (1000–1009 AD). The biggest group comprises of the Samanid coins (34 specimens), and the next in number are dirham imitations.

According to the topography and chronology of the finds there are reasons to conclude that kufic coins came to the Opol'e and the Pleshcheevo Lake area mostly from the Oka River basin. The researched materials indicate that the local population used kufic coins throughout the 10th and early 11th centuries, and the main bulk of the coin sample formed about the middle – third quater of the 10th century. As many specimens have loops and holes and there is a considerable number of fragments (at least 70), we have enough reason to suppose that the owners used the coins primarily as a source of precious metal and material to make pendants and patches. However, there are also are evidences that the coins were used as a means of payment.

Weapons and Horsemen's Equipment

This section presents an overview of weapon finds from the mediaeval settlements in the Suzdal' Opol'e dating from the 10th to the first half of the 15th century and allowing the first glance on the reconstruction of the weapon complex from the central areas of the Vladimir – Suzdal' country and the changes occurring in its structure throughout the period under study. In total, the research analyses 393 artefacts originating from 85 settlements in the Opol'e, including the town of Suzdal', which were obtained by the excavations and surveys in the last twenty years. From the 1970s on, there appeared publications of collections excavated at a number of mediaeval sites in the region; there also are current works addressing the finds of mediaeval weapons in the neighbouring regions; therefore, there is a good database to analyse the materials in possession with account to chronological changes and, sometimes, regional features of the set of weapons and the complex of horsemen's equipment.

For the early period (late 1st millennium AD to the early 12th century), the results in possession indicate a relatively weak Northern European component in the regional weaponry complex. This is rather unexpected with regard to the materials from the Vladimir barrows and a number of sites located in immediate vicinity or within the borders of the shaping Rostov – Suzdal' country. For the period in question, the leading role in the Opol'e arrow set belonged to solid armour-piercing chisel-shaped arrowheads (type 100 variant 1 of A. F. Medvedev's typology) and diamond-shaped pieces with a butt (type 83), which is comparable with the series of finds from the Volga – Kama area. A relatively large number of buttless arrows in the collection in question testifies to a significant share of hunting and trapping in the economic activity of a part of the Opol'e population.

In the second half of the 10th and 11th centuries, there probably started the active use of saddle-horse in warfare. This is documented by the finds of spurs of early types and rod-shaped cheek-pieces. However, the main development of the horseman warrior complex was in the second chronological period (12th to the first half of the 13th century). It was the time of the majority of finds of spurs and, along with composite "winged" pieces, simple (single hammered) cheek-pieces with no encrustation. Short-staffed strike wea-

pons (maces and slung-shots) widely spread. There appeared evidences of the use of sabres and lamellar plate armour.

In the 12th and early 13th centuries, diamond-shaped flat and various types of awl-shaped pieces predominated among the arrowheads. There also was a considerable number of double-horned splayed arrowheads. There appeared a wide range of not numerous types, which ceased to exist probably about the mid-13th century. From the second half of the thirteenth to the mid-15th century, the presence of a series of wheel spurs and plated armour details confirmed the trend towards heavy weaponry complex in the Late Middle Ages. The set of arrows from this period shows a noticeable proportion of armour-piercing pieces (89 types) and arrows with weighted top, though there are few arrowheads of other types.

A separate task is to determine the finds related to the raids of the Golden Horde, represented by different variants of splayed and keel-shaped arrowheads. In the said region there was a series of sites with the finds of arrows of "steppe" types. These sites ceased to exist about the mid-13th century, and, therefore, there are reasons to interpret them as the real traces of the "Mongol devastation."

Christian Artefacts: General Composition of the Collection, Spatial Distribution, Chronology

The collection of mediaeval artefacts of Christian cult gathered at the sites in the centre of the Suzdal' country comprises of 307 items total. So far it is one of the largest regional collections of Christian antiquities of mediaeval Rus'. This assemblage opens new possibilities for studying the distribution of Christian metalware from the 11th to 13th centuries and the specificity of its appearance in the Rus' society.

The research has shown that Christian plastic art, mostly underwear crosses, but also reliquary crosses, was widely distributed in the 12th and the first half of the 13th centuries in the central areas of the North-East Rus', which was comparable with the distribution of the most popular categories of attire ornaments produced in large series. For century and a half, they were the most important means of demonstrating Christian identity. In the said period, the custom of underwear crosses, reliquary crosses, and small pectoral icons penetrated to large population groups and various social strata, from the elite to common people. Secular persons owned the main part of the owners of Christian metalware collected at the sites in the middle of the Suzdal' country (reliquary crosses in particular). It seems not possible to identify specific types and categories that were possessed by clergymen among the examined materials. Taking the finds of reliquary crosses and pectoral icons at the unfortified settlements along with the weaponry and horse tack into account, one may suppose that some of these artefacts belonged to the representatives of the junior retinue (*mladshaia druzhina*), the noblemen possessing the homesteads in the unfortified settlements. However, there is no marker that the said categories of artefacts of personal piety were mostly related to warriors.

The sets of artefacts of personal piety, the typological composition of Christian antiquities, and the frequency of their occurrence in Suzdal' and at the sites of unfortified settlements in the vicinity of Suzdal' are similar. The wide use of Christian metalware in the 12th and the first half of the 13th century equally characterizes the religious practice and the everyday life in the town and rural settlements. There is no difference in attitude to these artefacts and their distribution among urban and country residents. The pectoral crosses from the 12th and first half of the 13th century reveal specific of religious consciousness and mentality, where cross primarily symbolized grace, life-giving power, and the global triumph of Christianity. Taking the number of newly found artefacts into account, one has to assume that the production and use of crosses in attire in the period in question were the most important way of manifesting Christianity in the material environment, comparable with the importance of church building. A considerable reduction of the use of underwear crosses in the central area of the North-East Rus' in the second half of the 13th and 14th centuries, and the disappearance of the standard types of these artefacts which developed in the late 11th and the first half of the 12th centuries cannot be explained by the destruction of the workshops producing Christian metalware. This phenomenon testifies to a serious change in the representation of Christianity, covering certain transformation of religious consciousness and public opinion in the second half of the 13th century.

Christian Plastic Art: Icon Pendants

This section addresses 28 metal icon pendants, 4 snake icons showing a canonical Christian image on the front side and snake design on the reverse, and one stone icon discovered by the field works in the last two decades (2001–2019) in the Suzdal' Opol'e. Two of the icons were found in Suzdal', the others originate from cultural layer of 24 unfortified settlements. This is one of the most representative series of Christian plastic art collected during the researches of a compact mediaeval region, in result of legitimate field works. Although the materials covered by this publication were found outside of closed assemblages, all the finds have precise spatial coordinates. The chronological framework of the sites where they were found is defined with regard to the generality of the chronological markers and pottery. The finds are collected at the settlements scattered through the vast territory of the Opol'e, from the lower reaches of the Nerl' in the south-east to the interfluve of the Seleksha and Gza on the north-western border of the country.

In M. V. Sedova's opinion, the North-East Rus' was the place of appearance and the main distribution area of several types of fine icons, produced in large series, and the tradition of metal icons was more widespread in this area than in other Rus' regions. The spatial distribution of new finds and the presence of serial specimens of icons indicate that

the icons featuring paired saints, the Dormition, the Mother of God Hodegetria, St George, as well as schematic figurines of the Archangel, snake icons depicting the Mother of God with the Child enthroned and Archangel Michael were widespread in the North-East Rus' and were probably produced there. However, there is no convincing reason to consider that the iconography of these fine icons developed in the north-east of the Rus' and that they were initially produced in the towns of the Rostov-Suzdal' country. The new finds of the pendants featuring the Dormition, including the icon with image of St Anna on the reverse, and the fine icons showing the Mother of God Hodegetria in South Rus' possibly indicate that these southern pendants were the original models which were replicated in the North-East. Among the circular icons discovered in the territory of the North-East Rus' there are the icons depicting a holy horse-rider, to the left, holding a spear, which origin was definitely connected with South Rus'. Obviously, the type of snake icon pendants featuring the Baptism is also of the South Rus' origin, but in this case the casts found in the Volga – Oka area were probably locally made. Generally, the geography of the finds of specific types of metal plastic art from the 12th and the first half of the 13th centuries indicates a wide spatial circulation of these artefacts; they reflected stable cultural connections between the North and South and were probably understood as an expression of their cultural unity. In contrast to seals, cast metal icons were not the goods intended for Rus' social elite: the nature of artefacts and the context of some finds indicate their distribution in a more democratic environment; the same comes from the fact that popular items were replicated many times.

Keys and Locks

Numerous finds of locks and keys are traditionally associated with urban material culture. They are considered uncommon for rural lifestyle, since the surveys focus on individual sites, and the researchers are often tempted to see such collections as markers of well-being of the explored households. Nevertheless, the research of collections originating from large historical regions offers an opportunity to go beyond the characteristics of a separate household. An example could be the research of the materials from the Suzdal' Opol'e. The sites in this region (about 100 rural settlements) supplied over 500 locks and keys dated from the 10th to 15th century. Although the majority are quite standard, there are few distinguished by their quality or decoration. These artefacts possibly were an evidence of private property relations and welfare markers. The finds are topographically fixed, while archaeological and geophysical data outlines the borders of the homesteads they belong to. Variety of household goods reflects a consumption model of homestead. Therefore, comparative analysis of the homesteads within the same village, as well as from different settlements, becomes possible. In result, one can estimate average welfare level of the rural population and, therefore, the structure of a mediaeval village.

From the data in possession there are enough reason to suppose that locks and keys were the part of not only urban everyday culture, but rural cultural landscape as well. The collection gathered from the Suzdal' Opol'e villages disproves the concept of rarity of the finds in question; at least, these finds were common in the central areas and those neighbouring with the princely towns. Sometimes, keys were used as a part of manifestation system of high social status and welfare level. This function of the artefacts under study was actually important for the period of statehood and active transformation of social structures. The analysis of the chronological distribution of the decorated artifacts proves that symbolic meaning of the keys and locks as the markers of wealth was actual at the early period; complicated decorations and artistic designs were more typical for the keys from the 10th to early 12th centuries. From the 12th to 14th century, locks and keys mark stable welfare level of a large group of ordinary people. These changes allow the one to reveal the transformation of power centres and economic functions of the territories: the observations on the changes in material culture are of great importance in cases when written sources do not provide enough data.

Jingling Ornaments

Jingling ornaments and their fragments comprise one of the most numerous categories of artefacts made of non-ferrous metals. There are 381 ornaments of the kind in total, that is 6.6% of all non-ferrous metal ware. These could be tentatively divided into two large groups: the ornaments of the Volga-Finnish and Rus' appearance. The Volga-Finnish ornaments predominate comprising of 310 artefacts (81.2%). Most of them meet with analogies among the Muroma, Mordva, and Mari antiquities; with a large degree of probability, these were connected with the pre-Slavic population of the region in question. There are 71 specimens of the Rus' appearance.

The ornaments of the Volga-Finnish appearance dated from the 9th to the early 12th century were excavated at 32 unfortified settlements, that is at one third of the identified settlements of the period in question. About two thirds of artefacts originate from the sites identified as a specific category of "large unfortified settlements" (*bol'shie poseleniia*), which were the core of the Suzdal' Opol'e settlement structure and economy in the 10th and 11th centuries. The group of settlements presenting a striking set of jingling ornaments from the 9th and the first half of the 10th century is limited to the fortified sites of Vyzhegsha and Malodavydovskoe and unfortified settlements of Ves' 5 and Gnezdilovo 7. The period of maximum distribution of the Volga-Finnish types of ornaments in the Opol'e dates to the second half of the 10th and 11th centuries. The most of the artifacts originate from the surface finds at the "large unfortified settlements" of Gnezdilovo 2, Shekshovo 2, and Suvorotskoe 8, and the cemeteries connected to the said sites, showing a multi-ethnic nature of material culture.

Almost all the types of ornaments, such as triple-spiral, signet-ring-shaped, and trapezoidal pendants, horse-shaped pieces of the Merya type, shoe ornaments, and so on, meet with the parallels in the Muroma, Mordva, and Mari antiquities. The artefacts with worn bottom rings suggest that they were used by the Opol'e persons in everyday life and not only in funeral ceremonies.

There are reasons to interpret the finds of jingling ornaments at the settlements and cemeteries from the second half of the 10th and 11th centuries less as direct evidence of the presence of the descendants of the local Merya people in the Opol'e but rather as a reflection of wider processes when the Volga Finns participated in the shaping of the Rus' population of the North-East centre and the Finnish culture elements became a regional identity marker.

In the 12th century, the number of the ornaments featuring the Volga-Finnish style sharply decreased. The forms of the former types changed (as triangular pendants) or went out of use. New types (such as ring-shaped pendants) appeared. The jingling ornaments featuring the Rus' appearance came into use: among them there were horse-shaped and duck-shaped pendants. Some of the types, such as hollow horse-shaped pendants, date from the second half of the 13th and 14th centuries.

It seems that the Rus' zoomorphic jingling ornaments from the Suzdal' Opol'e are not a typological continuation of the jingling ornaments of the Volga-Finnish style from the 10th and 11th centuries. As for the zoomorphic pieces among the latter, there are only horse-shaped pendants of the Merya type. The other finds are represented by frames of various geometric designs. In the 12th and 13th centuries, the share of frame pendants (ring-shaped and small triangular pieces) considerably diminished; from now on, zoomorphic ornaments predominated. The Rus' pendants differ from the Volga-Finnish pieces both technologically and stylistically. If every Volga-Finnish ornament made with the lost-wax technique and featuring thorough braiding of fine openwork elements is a work of art, the Rus' horse- and duck-shaped pendants look more simplified. The latter often copied an imprint of ready-made artefact. In the Opol'e, there are the types of duck- and horse-shaped artefacts, widespread throughout the North Rus', and also the local ware (flat rooster-shaped pendants).

TOWN

Suzdal': The Formation of the Urban Area from the 10th to 15th centuries

Suzdal' is a rare example of large mediaeval town, which archaeological research in the 20th century finished with the fundamental publication summing up the general results of the excavations. In 1997, M. V. Sedova suggested a reconstruction of the shaping of the urban area according to the 1934–1990 excavation materials at 33 sites covering the total area of 4,300 square meters. After 1990, the nature of archaeological works in the town changed: the excavations with pure academic aims were replaced with rescue excavations at the sites under current development works, mostly on the periphery of the 18th-century urban area or within Okol'nyi Gorod (the area within the town walls but outside the kremlin). The 30 years of rescue excavations in Suzdal' uncovered about 7,000 square metres, that is one and a half times as much as in the previous period. The surveys have been carried out in 130 locations. The new researches rather uniformly covered all the districts of the town, primarily the territories outside the town ramparts, mediaeval *slobody* (suburbs) and *prigorody* (settlements outside the town area but related to it), several areas in Okol'nyi Gorod, that is the sites which were not a priority at the previous selection strategy for excavation trenches. This method allowed the researchers to reveal previously unknown cemeteries and production complexes, to reconstruct the 12th- to 15th-century palaeoenvironment according to the materials of spore-pollen analysis of samples taken from cultural layers.

The three recent decades of field works supplied the materials that confirmed the basic observations concerning the 10th- to 15th-century Suzdal', adding much new to the reconstruction of the formation of the town which was already established in scholarship. The main result of the new excavations is more accurate data on the size of the urban territory and the dynamics of its development, which is essential for understanding the specificity of Suzdal' as an urbanization centre, its place on the historical map of mediaeval Rus' and in the system of settlement of the minor Suzdal' country.

Although Suzdal' is one of the most ancient towns in the North-East Rus' with its history starting in the 10th century and household buildings exceeding the limits of the Kremlin (citadel) already in the second half of the 11th century, the area of the urban settlement remained small as long as the early 12th century: it did not exceed 18 hectares. The period of intensive urban life accompanied by rapid growth of the urban area and the shaping of cultural layers saturated with finds was relatively short: it continued for less than 150 years and ended after 1238.

The growth started in the age of Princes Vladimir Vsevolodovich (Monomakh) and Iurii Vladimirovich (Dolgorukii), with the main period when the prince's throne was already moved to Vladimir. Therefore, Vladimir's development as a new princely town did not stop the extension of Suzdal'.

In the age of climax, the latter town covered the area of 96.5 hectares. The households of the social elite did not form aristocratic quarters: they were located in different areas of the urban territory, particularly in newly developed areas, in Okol'nyi Gorod and in the unfortified suburbs. Suzdal's specific feature was the location of a substantial part of the urban households outside the fortified area, and rural settlements neighboured with the suburbs.

The consequent reduction in the number of building sites does not mean the desolation of the town area and the impoverishment of urban population. The 13th- and 14th-century complexes discovered by the excavations still reflect the complex economic structure and rather high level of welfare of the townsfolk. The stagnation of Suzdal' resembling what happened to some over towns in the centre of the North-East Rus' documented by recent archaeological works, such as Vladimir and Yaroslavl', can be interpreted as a direct consequence of the events of 1238, but rather as a manifestation of the general decline of old urban centres under the Golden Horde presence.

Although buildings were renovated at some of the sites for several times preserving the original territorial division (as shown by the traces of moving the stockades to short distances), Suzdal' is not typical of permanent rebuilding of households within the same boundaries and of the continuity of urban development, which is familiar to archaeologists from Novgorod and some other towns of the North-West Rus'. It should be noted that the same phenomena of a short period of full-fledged urban life and the lack of long-term continuity in urban development have also been documented at many other towns of the North-East Rus', where the rescue excavations happened in recent decades.

Clarification of the area covered by cultural layer from the Pre-Mongol Period in Suzdal' and new data on the size of other towns of the North-East Rus' supply the reason to reveal the place of Suzdal' in the hierarchy of urban settlements. In the second half of the 12th and the first half of the 13th century, the size of Suzdal' was much less than that of the North-East Rus' capital towns, such as Rostov (200 ha) and Vladimir (no less than 145 ha), and the capitals of other Rus' principalities, such as Smolensk (300 ha), Chernigov (350 ha), and Ryazan (104 ha). The size ranked Suzdal' the third among the towns of the North-East Rus', resembling such centres as Gorodets (90 ha) and Pereiaslavl' (75 ha). Moreover, in the North-East Rus' the multi-partite fortification system with several lines of earthen ramparts is documented only in three towns: Suzdal', Vladimir, and Gorodets.

The Sabre Blade from Okol'nyi Gorod

2012 rescue excavations in the area of the household at 82 Lenina Street, that is in the northern district of Okol'nyi Gorod (the area within the town walls but outside the kremlin) of Suzdal', uncovered a large sabre blade fragment originating from a complex of buildings from the Rus' period. The remains of the building where the blade was found are a rectangular pit 1.5 m deep, with vertical walls. Along the perimeter of the pit, there were the remains of planking, presumably made of thick, horizontally placed boards, secured in the slots of corner posts. The sabre blade fragment was found 3 to 7 cm above the bottom of the pit, to the south of the north-eastern corner post, on the inner side of the ditch running along the perimeter of the structure; the blade possibly laid along the board wall of the cellar. Generally, the assemblage of artefacts and pottery from the bottom part of the pit which contained the sabre blade possibly shaped not later than the late 12th or the first half of the 13th century.

The survived fragment is the upper half of a sabre, a shafted fragment of the blade band. The total length of the fragment is 53.5 cm; the length of blade band is 43.2 cm; the width of the band is 3.2–3.4 cm. The survived fragment of the blade band is slightly curved. Along the whole length of the blade, in its part adjoining the butt there is a groove ca. 1.2 cm wide on either side of the blade; on the blade band where it turns to the shaft there is a fragmented clip, rolled-up of a thin (ca. 1 mm) iron sheet and put on the blade band.

According to the context of the Suzdal' find, this sabre blade fragment dates from the late 12th to the first half of the 13th century. The morphological features of the Suzdal' blade do not contradict to the suggested chronology. The find circumstances indicate that the sabre in question was already broken when it appeared in the cellar of the building; it was probably kept there as a valuable recyclable metal, or was used for household purposes. Nevertheless, in the light of the finds of bladed weapons already known in Suzdal', there is no doubt that the sabre under analysis belonged to the complex of the Rus' weaponry, typical of the centre of the Vladimir – Suzdal' countries.

Cathedral of the Nativity of the Virgin in Suzdal': An Essay on History and Architecture

This section presents a detailed monographic essay on the architecture of the Suzdal' Cathedral. All the known accounts of chronicles and other written sources on the ancient history of the church have been collected and analysed; the data on the restoration and archaeological research of the monument have been also supplied. The abundant scholarship of both archaeological and art historical directions addressing the researches and analyses of the forms of the church have been considered in every detail.

The main subject of the research is the artistic features of the cathedral. There also is a particular analysis of the first cathedral from the early 12th century: although current researches of the object are mostly outlining, it is clear that it was the monument featuring the Southern Rus' tradition. Regarding the early 13th-century cathedral, the research starts with the characterization of the new ("second") cathedral erected not along the line of the walls of the above-mentioned Southern Rus' church, but along an alternative axis, without taking into account its previous ground plan. Such an "independent" positioning of the

building over the remains of the previous construction is unusual: it meets with the only parallel in the case of later Annunciation Church in Gorodishche in the vicinity of Novgorod, which dates from the mid-14th century.

There is a comprehensive analysis of the location of the burial niches of the "second" cathedral of Suzdal', which largely determined the nature of its ground plan. There are separate studies and short researches addressing the narthexes of the said church, which originate from the "tower-like" architecture; church windows with flanking columns based on the Romanesque architecture; the keel arches related to the Byzantine architecture; and the whole Suzdal' monument under study' taking its cue to the Dormition Cathedral in Vladimir, in the form it was completed by Prince Vsevolod the Big Nest.

In result of this research, the early 13th-century Suzdal' Cathedral acquires the appearance of a complicated and multi-partite monument, with the local tradition finding a new way to more and more decoration and, simultaneously, simplification of the architectonic system of elements. Moreover, the cathedral in question shows Romanesque and Early Gothic Western European forms and some forms of Byzantine architecture.

The "Large Unfortified Settlements" and the Specifics of the Settlement Structure and Socioeconomic System in the 10th and 11th Centuries

With the accumulation of new data on the 10th- and 11th-century settlements in the Suzdal' Opol'e, there is a good reason to distinguish a specific group of "large unfortified settlements" (*bol'shie poseleniia*). The features of these sites are: large size (an area of more than 4 hectares, mostly 7 to15 ha); cultural layer highly saturated with the finds and various household remains, indicating intensive life; the presence of remains of industries and artefacts related to long-distance trade in the construction zone; multicomponent character of culture, usually including the elements related to different ethnic traditions; the presence of "prestigious artefacts" indicating special social pretensions of a part of the population, among the collections of material finds. These features do not correspond to traditional ideas regarding the economy and culture of mediaeval rural society, but rather make the "large unfortified settlements" closer to open trade-and-craft settlements and early urban centres. Moreover, it is clear that the "large unfortified settlements" comprise a rather big group of sites, reflecting one of the main ways of organization of settlement and economy in the area of the 9th- and 10th-century North-East Rus'.

The "large unfortified settlement" is an archaeological term with no predetermined historical and sociological contents. Its "neutrality" allows the one to consider this type of settlements as an archaeological phenomenon, refraining from straightforward historical and sociological interpretations preceding in-depth research of the sites in question. The introduction of this term into the scholarship seems appropriate taking into account the poverty of the extant Rus' terminology related to the 10th- to 13th-century settlement structures, the broad meaning of the terms *ves'*, *selo*, and *pogost* used to designate settlements in the Pre-Mongolian sources, and the poorly researched question of the hierarchy of Rus' rural settlements revealed by archaeology. The proposed approach focuses on discovering the social nature of the "large unfortified settlements" according to the features of the material sites in question, the complexes of artefacts, and the general archaeological context.

So far there are 10 well-documented settlement complexes located in the Suzdal' Opol'e and capable of inclusion into the said group: Shekshovo 2 – Bol'shoe Davydovskoe 2, Kibol 3 – Kibol 5, Ves' 1 – Ves' 3 – Ves' 5, Vasil'kovo 1, Tarbaevo 5 – Tarbaevo 6 – Tarbaevo 7, Gnezdilovo 2, Suvorotskoe 8, Sungir', Kubaevo 7, and Grigorovo 1. The "large unfortified settlements" in the Suzdal' Opol'e as archaeological sites are similar in nature to the early mediaeval unfortified settlements of the middle hierarchical level supplying the finds of imported wares, prestigious jewellery, weapons, and trading tools, in the Western Baltic Area and Southern Scandinavia. Both groups show that the emergence of complex forms of social organisation and the high level of development of trade relations in the Early Middle Ages were not always connected with the crystallisation of early towns. The essential difference between the "large unfortified settlements" in the Suzdal' country and the "central settlements" in the Western Baltic area is that the former were self-sufficient centres of settlement structure and economic life rather than the centres of districts, the structure of the latter has been well documented in Scandinavia.

The "Noblemen's Homesteads" at the 12th- to 15th-century Settlements

At the first glance, the 12th- to 15th-century rural settlements represent a homogeneous array of sites with similar external features, landscape connection, and the nature of cultural deposits. The systematization of data on the Suzdal' unfortified settlements from the age of the climax of the North-East Rus' does not reveal clear hierarchical structures, which could be regarded as a reflection of social stratification.

One of the ways to study social differentiation in the central areas of the North-East Rus' is the systematization and analysis of the material finds collected at the unfortified and fortified settlements and at the towns, with distinguishing in these collections of the objects connected with professional activities and everyday life of the social elite, and analysis of categorical composition and spatial distribution of such finds at particular sites and the territory under study in general.

The artefacts connectable with household occupations of elite of various status obviously include hanging seals, custom seals, book clasps, writing styli, precious metalware, amphora fragments, weapons and parade horse tack,

and artefacts of personal piety showing complicated religious symbols (reliquary crosses and snake amulets). Moreover, a sufficient basis for distinguishing the settlements with noblemen's homesteads is not the finds of separate artefacts listed above, but rather assemblages of finds comprising of several categories of artefacts. The significance of different categories of artefacts as archaeological markers of the elite varies, so the belonging of some categories of artefacts to the nobility's household occupations might be ambiguous. The most evident archaeological markers of occupations, life style, and advanced welfare of the nobility are hanging seals (uncovered at 5 rural settlements), writing styli (discovered at 11 settlements), book clasps (found at 13 unfortified settlements), stone pectoral icons (1 settlement), protective armour fragments (found at 5 rural settlements), and fragments of ornaments and Christian cult objects (discovered at 3 unfortified settlements).

The basic list of the "noblemen's homesteads" comprises of 28 unfortified settlements with representative series of artefacts being archaeological markers of the elite, and including the objects of several (at least four) categories, such as the most significant markers of occupations and everyday life of the nobility, the artefacts associated with the administrative sphere and written language. Excavations of two unfortified settlements from the list (Kistysh 3, Mikhali 3) revealed trenches from homestead stockades, which replaced one another several times but kept the general layout (for details see the section on the inner structure of settlements). Excavations of both sites uncovered a part of the "socially demonstrative" artefacts at the areas separated by stockading. 23 sites more were unfortified settlements providing modest sets of similar artefacts or bright individual finds of "prestigious artefacts," but not containing seals, writing styli, book clasps, protective armour details, or bladed weapons. Although the interpretation of these sets as traces of "noblemen's homesteads" seems very probable, the reliability of argumentation in these cases is somewhat less firm than in the case of unfortified settlements from the "basic list."

The mapping of the unfortified settlement sites supplying assemblages of artefacts related to household works and occupations of the elite shows that they were scattered throughout the Opol'e area. Most of the material finds related to the household works and occupations of the elite and individual series of artefacts of this circle date from the 12th and the first half of the 13th centuries. The finds from 6 unfortified settlements are attributable to the Post-Mongolian Period.

The Suzdal' Unfortified Settlements from the Second Half of the 13th to 15th Centuries: Archaeological Realities and Historical Context

Recent decades of archaeological researches revealed a general view of continued stable development of the majority of large villages (rural settlements) in the Suzdal' Opol'e and, therefore, the preservation of a great part of the population and economic potential of the region from the second half of the 13th to 15th century. As long as the early 15th century, there probably was normal functioning of the main settlement centres located on minor water streams. Although this network became less dense than in the 12th and 13th centuries, it remained more branchy than that known from the second half of the 15th- and 16th-century written sources.

The total number of the sites later than the mid-13th century is a little less than two hundred. The materials from the second half of the 13th and 14th centuries occurred at a few dozens of settlements, mostly located on watersheds. Their gradual desolation by the mid-14th century is now considered an important factor in the Opol'e history, having a systemwide nature. The main transformation of the settlement structure occurred in the reduction of the number of small (less than 2.5 hectares) unfortified settlements and in the concentration of the population on relatively large sites (villages).

The most obvious marker of the sites active from the second half of the 14th to the mid-15th centuries are the finds of the Golden Horde and apanage Rus' coins. So far there are 29 coins discovered at ten unfortified settlements. From the mid-15th century on, monastic charters and testaments documented that large villages predominated in the vicinity of Suzdal' as a basic settlement unit, differing from the network settlement structure of the Rus' period. Obviously, the charters in possession contain incomplete information about the number of villages, the settlement system, the nature of land use, and the ownership of a great part of the settlements and the harvesting area related to them.

Among the settlements known to the written sources, there are only two villages that did not continue after the turn of the 15th and 16th century (Iasen'e and Mininskoe). The results of the surveys of the said settlements are of great importance for the verification of the materials from the second half of the 14th to the mid-15th century in the Opol'e and for the identification of the reasons behind the changes in the settlement system under the transition of the region to the power of Moscow princes and the development of church landholding.

The surveys of recent decades have been uncovering the picture of the decreasing number of the villages in the Opol'e throughout the 15th century. The second half of the 15th century was the time of changes: the sites that formed the core of the settlement structure in the region for 250–400 years disappeared. So far one can list about half a dozen of local settlement centres which did not continue after the turn of the 15th and 16th centuries in different areas of the Opol'e. From the comparison of this incomplete list of desolated Late Mediaeval villages with the number of settlements known to written sources, there are reasons to infer that the changes were drastic. However, this does not imply the decline of the Opol'e population. From that time on, it concentrated in the centres of new patrimonies. By the late 15th century, a network of settlements developed to continue, with minor changes, to the present day.

CONCLUSION

The shaping of the Suzdal' country comprises of the making of new landscapes, the development of a new junction of settlement, identity, culture, and political organization of society. Various historical action lines appeared to be closely intertwined. Current archaeology reliably uncovers macrohistory, the general nature of historical processes developing in the Suzdal' country in the Middle Ages, the condition of the Opol'e at various chronological cross-sections, the features of the Opol'e's culture, and its place in the general perspective of mediaeval Rus'. The analysis of the spatial development of archaeological sites within the already studied areas of the Opol'e has uncovered that the advance of the mediaeval settlement structure in the whole area in question produced similar features and followed general patterns.

The "minor Suzdal' land" (territories in the interfluve of Klyaz'ma, Nerl', and Koloksha rivers which were under direct rule of Suzdal') was a dense network of settlements showing big sizes, stability, continuity from the late 1st millennium AD to the Modern Period, intensity and variety of economy, and advanced welfare. Much earlier than in other regions of the forest zone of European Russia, there appeared a honeycomb settlement structure, featuring ravine settlements which were not related to big water streams, thus allowing the opportunity of the making of farming areas at watersheds. Although the determination of the limits of this array of settlements and lands gravitated to them in specific areas requires further fieldwork investigations, its general outline is reliably reconstructed by landscape maps, the use of the name of "Opol'e's" (*opol'skii*) in the titles of administrative units from the 16th to 18th centuries, and archaeological surveys at the "edges" of the Opol'e lands. It covered the area of about 2,000 square kilometres. Although mediaeval settlement structure at the outer side of the reconstructed borderline, i. e. on the left bank of the Nerl', right bank of the Koloksha, and right bank of the Kliaz'ma, remains poorly studied, its density obviously was considerably lower. For a few centuries, the Opol'e was the place where the main bulk of the population of the "major Suzdal' country"(extensive territories in the Volga-Oka basin in possession of the descendants of Iurii Dolgorukii) concentrated. The maximum population growth dates from the 12th to the first half of the 13th century. The political rise of North-East Rus' was generally related to the shaping of the demographic core under study.

The archaeological materials in possession allow the one to estimate approximate number of rural settlements and households in the Suzdal' Opol'e in the period of its climax. The already studied area of the Opol'e comprises of 314 rural settlements from the second half of the 12th to the first half of the 13th century (including findspots and the settlements at places of fortified sites from the Iron Age). As long as the already studied area of the Opol'e (680 km^2) makes up about one-third (34 %) of its entire area, the total number of the rural settlement dated from the period in question and located in the minor Suzdal' country was about 920.

The total number of the farmsteads in the Suzdal' Opol'e could be estimated by dividing the total area of the rural settlements on the approximate square of one household. The already-known unfortified dwelling sites and findspots cover the total area of a little less than 900 hectares. In this case, the total area covered by the rural settlements in the Opol'e was plausibly ca 2,640 hectares. Taking the area covered by one household (including inter-farm areas) as 1,000 to 2,500 square meters (see the chapters discussing historical villages and inner structure of the settlements) into account, I have supposed that the total number of farmsteads in the Opol'e in the second half of the 12th and the first half of the 13th century was 10,000 to 26,000.

Demographic researches have estimated the mediaeval family as 4 to 6 persons. Taking the chronicle's data on the 12th- and 13th-century princes' families into account, V. A. Kuchkin has determined the approximate number of the family as 4.4 persons (Кучкин, 2013, с. 69–88). With the reference to the said data, the number of the rural population in the Opol'e could be estimated as 44,000 to 115,000 persons. Previously, this archaeological-demographic method, with some variations, has been used to estimate the population of Novgorod (15,000–17,500: Лукин, 2012), Kolomna (1,700–2,000: Мазуров, 2001, с. 287), Moscow (3,000: Кренке, 2015, с. 292), and the whole network of North-East Rus' towns (46,000–71,000: Макаров, 2017, с. 41–42). With all possible miscalculations, this estimation unequivocally indicates that, according to the population, the Suzdal' Opol'e was a considerable regional group in the general demographic space of Rus'.

The archaeological appearance of the Opol'e and the nature of the mediaeval settlement structure in this area support the previously-cited (see the Introduction) A. E. Presniakov's ideas of the special land structure of the Suzdal' country, its "eccentricity" regarding the towns, and its development related more to that of the farming area (Пресняков, 2020, с. 38–39).

However, the specificity of the archaeological materials from the minor Suzdal' country is that its towns rarely allow the researcher to determine narrow-dated assemblages and horizons, which is necessary for detailed chronology of the historical development of North-East Rus'. In contrast to Novgorod or Rostov, the nature of the local sites featuring dry and often mixed layer rarely allows the one to document stratigraphic columns reflecting, in every detail, the sequence of historical progress; the collections of excavated artefacts often do not feature any criteria to separate the materials from the age of different rulers, so specific in their contents.

Under these circumstances, archaeological reconstruction often misses so desirable chronological precision, and archaeological materials not always could be reliably connected with the events discussed in the chronicle.

Cultural landscape

The nature of Opol'e as a special non-forested landscape with "good" (according to cadaster books) lands (Черненко, 2016) and the complicated history of its formation becomes brighter if one analyses archaeological maps, pollen cross-sections, and plant remains from the cultural layer of mediaeval settlements. The excavations of unfortified settlements of Ves' 5, Vishenki 3, Kideksha, Bol'shoe Davydovskoe 2, Shekshovo 2, and Glebovskoe 1 uncovered 10th- to 12th-century tillage horizons, including those with ploughed furrows, covered by the cultural layer of settlements which expanded their territory. The mediaeval tillage horizon documented at Kideksha was covered with a layer of white stone crumb and lime, related to the construction of SS Boris and Gleb's church by Iurii Dolgorukii (Макаров, Шполянский, Долгих, Алешинская, Лебедева, 2014).

Pollen analyses have revealed that this open landscape was a secondary formation, developed in result of deforestation and mediaeval agricultural colonization, which traces occurred for the first time in the 6th- and 7th-century spore-pollen spectra and became clearly visible in the 9th and 10th centuries, with a reduction in the spectra of the share of tree species, increasing the share of herbaceous, the appearance of pollen of ruderal vegetation, ploughland weeds, and cultivated cereals. The open landscape of the minor Suzdal' country with extensive farming areas and remnants of broad-leaved forests in river valleys finally shaped in the 12th century, under a warming climate, which created favourable conditions for the agricultural expansion in the Volga – Oka area. Although in the second half of the 13th century, the forested area increased again but slightly, the Suzdal' country retained the landscape of agricultural fields, different from the neighbouring territories.

Macro-remains of cultivated plants in organic matter samples from cultural layers of all the mediaeval settlements where these samples were taken, a high index of saturation with plant macro-remains at cultivated layers on several settlements (Kibol 5, Vishenki 3) and in the town itself, a wide set of species of cultivated plants correspond well with the pollen observations and indicate a significant specific weight of agriculture in economy and life-support of the Opol'e. According to the palaeobotanical materials, cereal cultivation with the combination of two-grain wheat, millet, and barley, typical for the Iron Age in the forest area, became an important component of the economy as early as the 6th and 7th centuries, but the fields and settlements from the said period were still surrounded by forests, according to the abundance and diversity of forest fruits (hazelnut, bird cherry, rowanberry, and raspberry) in organic matter samples from the cultural layer. Forest-cutting and formation of new settlements network in the 10th and 11th centuries were simultaneous to the spread of new agricultural crops, rye, and oats. Rye is the main crop in most samples of plant macro-remains originating from the 11th-century cultural layer, including the early layers of Suzdal'. According to E. Iu. Lebedeva's observations, in the 12th and 13th centuries the Suzdal' Opol'e's settlements shaped a complex of seed crops, where rye and oats were two main crops, and rye predominated. In the 13th century and later, this complex also spread throughout the forest zone of mediaeval Rus'. Thus, the Opol'e possibly was one of the foci of the initial introduction of rye, the most important agricultural crop of the Middle Ages in the North-East region.

The agriculture of the 12th- and 13th-century Opol'e was typical of regular cultivation of two-grain wheat and spelt, with a few settlements possibly specialized in soft wheat cultivation (Vishenki 3). The finds of buckwheat seeds in Suzdal' and at the settlements of Kibol 5 and Vishenki 3 in the 12th- and 13th-century cultural layer indicate that Opol'e probably was a centre of initial distribution of this crop that was so rare in Rus': its macro-remains have been documented at a few sites from the Pre-Mongol Period (Кирьянова, 1992, рис. 5, табл. 3). The abundant macro-remains of weeds and rare forest plant remains in the archaeobotanical materials collected at the 10th to 13th-century villages enlarge the reconstruction of Opol'e as an area with extensive arable land, which displaced forested areas. The high concentration of chaff of cultivated cereals in Suzdal', which is much higher than usual for the Rus'ian towns, suggests that the urban population, as well as the villagers, were engaged in grain processing.

The isotope analysis of bone tissue from the 11th- to the first half of the 12th-century burials from the cemetery of Shekshovo 9 uncovers a predominantly plant-based diet of 16 individuals whose bones were analysed. From the average values of carbon and nitrogen delta for the burials from Shekshovo-9 (δ13C – 19,6 ‰ and δ15N10.18 ‰), there are reasons to conclude that the diet of this group was based on products of local agriculture where grains and vegetables predominated. These observations completely correspond to the appearance of the agricultural landscape and the high concentration of plant macro-remains in the cultural layer of the settlements in question. The palaeobotanical materials collected at most of the unfortified settlements under study do not directly answer the question whether grain was grown for domestic consumption, to support the elite, or for sale. The unfortified settlement of Kibol 5, where significant volumes of grain production with predominating rye were documented, is the only site where the suggestion of the commercial nature of the 12th- and 13th-century agriculture rests on the palaeobotanical

data. Nevertheless, the total sum of observations obtained in the study of the unfortified settlements in the Suzdal' country and their palaeoenvironment uncovers the picture of the Opol'e as a productive agricultural area, where grain industry was not limited to the internal consumption of rural households.

So far the minor Suzdal' country is a rare example of continuous agricultural development of a vast area including watersheds in the Rus'ian forest zone. One of the key elements of this 11th-century-on settlement strategy was the establishment of hamlets, thus opening the opportunities for a fuller use of land resources, including the development of individual small plots convenient for farming. In the light of the new data, Opol'e appears to be one of the centres where this form of settlement appeared. This settlement form was no more used in the Suzdal' country in the second half of the 13th and 14th centuries, when hamlets with their farmlands became widespread in the North-East; a possible explanation is that fertile, dark-coloured soils of the Opol'e are more productive with the continuous development of land tracts based on large villages as self-sufficient settlement units. However, the experience of arranging hamlets appeared to be in demand in other areas of North-East Rus'. This way, the historical core of the Vladimir-Suzdal' country became a place for developing new strategies of settlement and land use, which ensured the economic growth of North-East Rus' in the 13th and 14th centuries.

Ethnic identity and cultural interaction

The ethnocultural history of the centre of North-East Rus' is traditionally viewed as the history of Slavic colonization of the territories previously occupied by the Finns, culminating in the assimilation of the Merya known from the chronicle. The study of ethnocultural processes in such a paradigm implies singling out the "Finnish" and "Slavic" sites and analysing their chronological and spatial correlation. In practice, the study of the antiquities of the Suzdal' Opol'e in the 9th–11th centuries makes application of this approach difficult. In the minor Suzdal' country there are no uncovered flat inhumations cemeteries from the second half of the 1st millennium containing metal ornaments typical of the Finnish costume, widespread in the areas of the Muroma and Mordva known from the chronicle. New investigations have added numerous artefacts to the general collection of jewellery featuring the Volga-Finnish style; the use of specific costume elements typical of the Volga Finns, such as metal footwear ornaments, has been discovered for the region under study. However, most of these artefacts have been uncovered at 10th- and 11th-century settlements, including large sites, where metal artefacts of the Rus' and Baltic circle and early wheel-made pottery are widely represented. The most expressive burial assemblage containing Finnish jewellery, shoe plaques in particular, discovered in recent decades is burial 6 in the cemetery of Shekshovo from the turn of the 10th–11th or early-11th century (Зайцева, Столярова, 2018). There are very few settlements with the 9th-century cultural layer and striking complexes of jingling ornaments, such as unfortified settlements of Ves' 5 and Gnezdilovo 7, Vyzhegsha hillfort, and possibly unfortified settlements of Kistysh 8 and Suvorotskoe 8, and Malodavydovskoe hillfort. The elements of the Finnish female costume become noticeable in the Opol'e in the 10th century, when the Merya already disappeared from the chronicle.

The Rus' culture became visible in the Opol'e from the early 11th century on. Its most striking markers are barrow and flat inhumation burials with modest grave goods and a few costume ornaments, including women's burials with finger-ring-shaped and beaded temple pendants and necklaces of beads (the cemeteries of Shekshovo 9, Gnezdilovo 12, Ves' 5, and Novoselki, and the cemetery of Mzhara in Suzdal'). Similar funeral rite with no specific regional or "tribal" features spread a little earlier or at the same time in many areas of Slavic settlement, particularly in the Middle Dnieper and Ilmen' areas. The traces of earlier Slavic presence – early wheel-made pottery and isolated ornaments of the Rus' circle – mostly appeared at large settlements, in complexes of artefacts containing objects of the Volga-Finnish and Baltic appearance and even more numerous artefacts without definite cultural specificity. The appearance of hemispherical barrows with cremations in the cemeteries near large settlements – Shekshovo, Gnezdilovo, Sel'tso, Ves', and Vasil'kovo – was most probably connected with the Slavic colonization in the second half of the 10th century. However, the grave goods from these barrows, in addition to objects not associated with a particular cultural environment, include jewellery featuring the Volga-Finnish style. One has the impression that the Finns and Slavs in the 10th-century Suzdal' Opol'e lived in the same settlements to be hidden by the common cultural veil, under which it was not always possible to estimate the relationship of the two cultural components.

Although the question of the initial areas and ways of initial Slavic migration in the Opol'e cannot be definitively clarified, the new materials provide important reference points for a critical evaluation of the various earlier proposed versions of the spatial picture of the colonization. The study of the collections of artefacts, ceramic ware, and funeral rites does not reveal any trace of connections between the Opol'e and the Upper Dnieper area. Particularly significant is the absence of bracelet-like temple pendants, so widespread in the Upper Dnieper and Upper Volga areas, in the 11th-century female burials in the Opol'e. Taking into consideration these observations, there is need in extra arguments for the hypothesis concerning the western, "Krivichi", territories as an initial base for the Slavic migration into the Opol'e (Спицын, 1899, с. 334–340; Спицын, 1905, с. 168–172; Горюнова, 1961, с. 190–191б, 198–199).

However, material culture of the 10th- and 11th-century Opol'e settlements has striking northern elements (metalware made with three-layer faggoting, one-sided combs, ornaments decorated with "wolf's tooth", horseshoe-shaped brooches, and stock crochet hooks), which origin was probably connected with the Baltic region, North-Western Rus', or Scandinavia (Розанова, 1991; Терехова, Розанова, Завьялов, Толмачева, 1997, с. 287–293; Макаров, Федорина, 2013; Лапшин, 2018). Among the early wheel-made pottery from Gnezdilovo unfortified settlement, there were fragments of West-Slavic vessels of Menkendof and Feldberg types; the excavators have dated the most ancient finds to the first third of the 10th century (Горюнова, Лапшин, 2004; Лапшин, 2018). One can suppose that these components among Suzdal' antiquities reflect not only the cultural influence of the Baltic area and trade relations, but also migration flows from the North-West, from the areas still not determinable (see the section on the "large settlements"). These observations partially return us to V. V. Sedov's reconstructions that the Rostov-Suzdal' country was colonized from the north-west by the "mestizo population, which included the Novgorod Slovenes, Ves', and Scandinavians" (Седов, 1980, с. 189). The southern colonization flow in the later period (11th – early 12th centuries) was related to the appearance of circular grooves in barrows and around flat graves, documented at many 11th- and early-12th-century cemeteries. Although V. V. Sedov has interpreted the finds of three-bead temple-rings, rare in Rus' rural cemeteries, in Suzdal' barrows as evidence of the colonization from South Rus' (Седов, 1980, с. 190; Седова, 1997, с. 233), it is still possible that the use of these ornaments in the costume reflects general Slavic fashion with no connection with regional traditions.

Back to the Finnish trace in the culture of the minor Suzdal' country, one may assume that the 8th- and 9th-century Opol'e was not an independent centre of the Merya settlement. It is worth remembering that, unlike Rostovskoe Lake and Kleshchino Lake, Suzdal' is not mentioned in the chronicle as one of the geographical points where the Merya were the "first inhabitants". It should be also noted that some types of the ornaments featuring Volga-Finnish appearance from the area in question, such as openwork triangular pendants with hemispheres and scrolls (Зайцева, Зеленцова, 2021), finger-ring-shaped pendants, half-tube pendants, and flat rectangular pendants with small hanging parts used as shoe plaques, are widely presented at the Muroma cemeteries in the Middle Oka area, where they appeared as early as the 9th century. New field works uncovered the Middle Oka area as a place with high concentration of burial monuments from the 8th–10th centuries, testifying to a considerable density, prosperity, and abundance of Finnish population and the continuity of settlement and cultural traditions for almost four centuries (Зеленцова, 2021). It is highly likely that some of the artefacts of the Volga-Finnish appearance uncovered at the Suzdal' sites reflect the latter's connection with the Oka area, or the movement of persons of Muroma origin to the Opol'e. The finds of jingling ornaments at the sites from the second half of the 10th and 11th centuries should be interpreted not so much as direct evidence of the presence of the descendants of the local Meryans in the Opol'e, but as a reflection of more diverse processes when the Volga Finns participated in the shaping of Rus' population in the Volga-Oka area and the use of elements of Finnish culture as a regional identity marker.

Be that as it may, the ethnocultural history of the Suzdal' country is characterized by a short and striking period of coexistence and synthesis of Slavic and Finnish elements, not corresponding to the established historiographical interpretations of the originally separated colonists and autochthons. The nature of the 10th- and first half of the 11th-century culture discovered by the recent field works corresponds well with A. A. Spitsyn's observations concerning the tribal diversity of the Rostov-Suzdal' population (Спицын, 1905, с. 167, 171–172) and V. V. Sedov's characteristics of this population as "mestizo" (Седов, 1980, с. 190). Evidently, the transformation of this heterogeneous culture into Classical Rus' culture with no regional colouring occurred in the second half of the 11th century, but the lack of well-dated closed assemblages at the settlements and cemeteries does not allow the one to specify the chronology. The chronicle first time referred to the "Suzdalians" as a separate regional community (in 1096) when they, together with the settlers from Rostov and Beloozero, participated in the Monomashichi's (descendants of Vladimir Monomakh) struggle against Oleg Sviatoslavich (ПСРЛ, т. 1, стб. 237–238); it was the time when the archaeological materials clearly expressed their Rus' identity.

Economy and welfare

Material culture of the "large unfortified settlements" reflects high prosperity of Suzdal' society in the 10th and 11th centuries. The markers of prosperity are also clearly visible in later settlements. All the data on settlement and cultural landscapes of the Suzdal' Opol'e in the 12th–15th centuries indicate that agriculture was a source of well-being and stability of the settlements in the said period. Does it mean that agriculture originally was the only factor of the Opol'e's economic growth?

The combination of observations based on the analysis of palaeoecological materials indicates that agricultural products were the main source of livelihood for the new settlements that emerged in the 10th and 11th centuries. As it has already been noted, macro-remains of cultivated cereals are abundant in the cultural layer of the settlements. According to the taxonomic and species composition of animal bones, the majority of unfortified settlements having the 10th- and 11th-century cultural layer in the Opol'e comprises of typical rural settlements with

their own farming of animals, where pigs and cattle dominated. These data fully correspond with well-known conclusions concerning specific qualities of soils in the Opol'e, which provided a high yield of grain crops.Therefore, the 10th- and 11th-century colonization of the Opol'e could be regarded as classical agricultural colonization, oriented towards the priority development of territories with dark-coloured soils, which were rare in the forest zone.

However, the finds of coins and trading tools, which play an important part in collections, are no less important for characterizing the Opol'e's economic life in the 10th and 11th centuries. Although Suzdal' and its environs have never been considered a place of concentration of Eastern silver coins so far, the latest fieldworks reveal that the region in question received *kufic* coins in rather large amounts, but these were not deposited in hoards. There are 90 plus *dirhams* originating from the surveys and excavations at the monuments of the Opol'e: they were discovered at 12 settlements and three cemeteries. As A. A. Gomzin has put it, Samanid and Abbasid coins and imitations prevail in the main numismatic array, with the main volume of silver coins shaping in the middle and third quarter of the 10th century. Although most Eastern coins survived as decorations, ca 20 % of the coins have no holes or loops for hanging. The use of coins as a mean of payment has also been indicated by the finds of clipped *dirhams* having no loop in burials. The collection of West European *denarii* is modest, comprising of 12 coins with loops from eight settlements and two cemeteries. The finds of various types of weights (46 pieces were discovered at 13 settlements and two burials) and fragments of two balances for small weighing at Shekshovo cemetery are connected with silver circulation. It is worth mentioning that the finds of coins and trading tools in the Opol'e do not reveal a gravitation towards a single centre, since in the said period silver was available in most settlements of the minor Suzdal' country. The lack of comparative data on coin finds at the settlements in the neighbouring regions makes it difficult to estimate the place of Suzdal' silver in the general array of the Eastern coins deposited in the cultural layer of the settlements in the Volga–Oka area. The number of Eastern coins in the cemetery of Shekshovo with 40 complete *dirhams* and their fragments surpasses the finds in Timerevskii cemetery (30 *dirhams*; Недошивина, Зозуля, 2012, с. 188), but is inferior to the Muroma cemeteries of Podbolot'evskii (42 *dirhams*) and Malyshevskii (68 *dirhams*) in the Oka area (see the section on Eastern coins; Зеленцова, Милованов, 2021). It is obvious, however, that the 10th-century Opol'e population was a "first-class" recipient of *kufic* silver, a full participant of trade operations.

Which products provided the silver flow to the Opol'e settlements? The researches at mediaeval settlements located on the Beloe and Kubenskoe Lakes in the 1990s and 2000s revealed an extensive fur trade in the lands forming the northern area of the Rostov-Suzdal' country. They have discovered a large-scale importation of goods and coin silver to the settlements where, according to the composition of archaeozoological collections, fur-hunters and primary processing of furs concentrated in the 10th–12th centuries, thus uncovering a direct link between trade, prosperity, and fur-hunting (Макаров, Захаров, 2009а; Makarov, 2012). One may assume that in the early stages of the development of the Opol'e, fur industry also played an important part of trade exchange and was a source of wealth.

In the centre of North-East Rus', the traces of specialized 9th- to 11th-century trapping have been uncovered at two unfortified settlements only, at Ves' 5 (with the bones of game animals making up 31 %), situated at the eastern landscape border of the Opol'e, and at Klochkovo (bones of game animals making up 52 %) on the Teza River, 70 km to the east of the Opol'e lands. The composition of furbearers at both settlements includes beaver, squirrel, and martens, thus being similar to the set known from the excavations of the unfortified settlements in the North. It is worth remembering that the unfortified dwelling site of Ves' 5 is the only large settlement with reliably documented cultural deposits from the second half of the 9th to the first half of the 10th century. These deposits contained the bone remains of fur-bearing species and *kufic* coins. At the other larger settlements, such as Shekshovo 2, Bolshoe Davydovskoe 2, and Kibol 5, the share of game animals is 4 to 7 %. There are reasons to interpret these materials as evidence of a short period of specialised fur trade in the centre of the Suzdal' country in the 9th and early 10th centuries, when this region started integration into Rus'. The later relocation of the fur industry to the north and east (Klochkovo, 10th and 11th centuries) was probably related to the rapid transformation of landscapes. Although fur trade was one of the most important factors of economic growth of the minor Suzdal' country, from the mid-10th century on the fur-hunting areas were outside the Opol'e. In the 10th and 11th centuries, the residents of large settlements obviously were furs-trade organizers, fur collectors, and fur-exporters from distant places rather than fur-hunters.

In later period, the accumulation of wealth in the minor Suzdal' country was connected, on the one hand, with the agricultural development of the Opol'e, probably oriented towards getting marketable grain, and on the other hand, with the participation of the Suzdal' elite in managing the vast territories of North-East Rus' and collecting taxes from its periphery.

Countryside and town

In contrast to the colonization of the North-West, the primary integration of the Suzdal' country into Rus', was not accompanied with the creation of a network of fortified settlements. Field works in the Opol'e area showed that there were no settlements with ramparts from the 10th and 11th centuries; only a few settlements with 12th-century fortifications survived (Sem'inskoe, Chasha, and Mstislavl').

Actually, some of the objects formerly interpreted as hillforts appeared to be natural objects or unfortified dwelling sites. In the Opol'e, Rus' cultural deposits were recorded at three fortified settlements from the Iron Age, but the modest size of these sites and the nature of the finds from the mediaeval cultural layer prevent the conclusion that these settlements had a special status and specific functions. These cases concern the secondary population of the sites under high population density, when it was natural to locate homesteads on promontories of coastal terraces, once protected by ramparts. To the late 11th century, Suzdal' was the only town on the left bank of the Kliaz'ma River. The fortified settlements became a significant part of the cultural landscape in the centre of North-East Rus' as late as the 12th century, when the region started the formation of an independent polity. Five of the seven settlements with 12th- and 13th-century earth ramparts in the Opol'e (Suzdal', Vladimir, Iur'ev, Mstislavl', Bogoliubovo) appeared in written sources as princely towns and fortresses. The location and general nature of the two remaining sites (Chasha and Sem'inskoe) also suggests the interpretation of their relation to the princely administration system. The building of the princely towns and fortresses dates to the period when the Opol'e had already developed a dense and stable network of farming settlements, which covered the whole territory.

The location of Suzdal' in the eastern area of the Opol'e, at the Nerl' River, approximately in the middle of the chain of big settlements from the 10th and 11th centuries, which formed an arc stretching from north-west to south-east, made this town a convenient centre of control and administration of the Opol'e lands. The size of its urban area remained modest for long: in the early 12th century it did not exceed 18 hectares. The analysis of the spatial distribution of other towns in the minor Suzdal' country in relation to rural settlements from the 10th–12th centuries shows that they were not connected with detached groups of mediaeval villages or with areas with a special density of settlements. Their emergence was hardly determined by internal growth.

This way, the rise of Vladimir, when Prince Andrei Bogoliubskii made it his seat and the principal town of the Suzdal' country, was in no way conditioned by the development of a separate centre of rural settlement in the southern Opol'e. This town was founded by Vladimir Monomakh in 1108 as a stronghold to control the traffic on the Kliaz'ma and to protect Rostov and Suzdal' from military danger from the south (Насонов, 1951, с. 181–183; Воронин, 1961, с. 39–44; Кучкин, 1984, с. 71, 72); it was located on the borderline of two landscape areas: the Opol'e and the forested lowlands of the Meshchera on the right bank of the Kliaz'ma, which remained poorly developed. No separate zone of mediaeval settlement concentration on the Kliaz'ma and the low Nerl' riverside is revealed. The borderline between the Vladimir and Suzdal princedoms, approximately localized by V. A. Kuchkin (Кучкин, 1984, с. 199–201), traversed a dense massif of mediaeval settlements formed in the 10th–12th centuries as integral network (Макаров, Федорина, Шполянский, 2013, с. 77–79). Andrei Iur'evich founded Bogoliubov at the extreme south-eastern point of the Opol'e. Iur'ev and Mstislavl' were established in the north-west of the minor Suzdal' country, on the territories with a dense network of settlements, which formation started in the 10th century. Obviously, the transformation of Vladimir (not later than in 1151) (Кучкин, 1984, с. 86) and Iur'ev (1212) (Кучкин, 1984, с. 101) into separate *volost's* (districts) was accompanied with the division of rural territories of the Opol'e, which initially developed as a continuous territorial and administrative area managed from Suzdal' in the 11th century.

Quantitative estimates of the ratio of the "rural" and "urban" parts of the minor Suzdal' country according to the data on the areas of rural and urban settlements cannot be accurate. However, such calculations are possible for the period from the second half of the 12th to the first third of the 13th century. The total area of 320 settlements with cultural layer from the period in question is 1,157.0 hectares. As it has already been stated, the total number of unfortified settlements from the said period in the Suzdal' country is ca 920. The total area of the already discovered fortified settlements from the second half of the 12th to the first third of the 13th century is 877.5 hectares. Therefore, the total area of unfortified settlements, including undiscovered ones, could be 2,632.5 hectares, and the total area of unfortified settlements, towns, and fortified settlement sites is 2,916.9 hectares. The total area of the towns (including their areas outside the town walls) and fortified settlements is 284.4 ha, i. e. 9.8 % of the total settlement area. Despite of significant margin of error, these calculations possibly reflect the share of towns in the total demographic potential of the Suzdal' country in the period of climax of mediaeval urbanization.

When estimating the level of the social and economic development of the Suzdal' principality in the context of its position amidst other Rus' regions, A. A. Gorskii has pointed out the insignificant number of fortified settlements as a marker of relatively low level of development of North-East Rus' in the 12th and the first half of the 13th centuries, contradicting traditional hypothesis of its dominant position from the reign of Andrei Bogoliubskii onwards (Горский, 2016, с. 80). Taking the new materials on the towns and farming settlements in the Opol'e into account, there are obvious reasons for the conclusion that estimates of the potential of this or that mediaeval area according to the calculation of the number of its fortified settlements would not be quite correct. Such an estimate does not consider that the structure of the fortified settlements in the South and West of Rus' reflects not only the urbanization as a socio-economic phenomenon, but also the way of life in the territories, which permanently were the seat of military conflicts.

However, the usual unfortified nature of the 12th- and 13th-century settlements on the North-East is not in itself evidence of their low status or the lack of administrative functions and trading and industrial components of the occupations of their dwellers.

The period of urban growth started in the second quarter of the 12th century and lasted for less than 50 years. In the mid-13th century, the urban centres in the Suzdal' Opol'e declined, as evidenced by the reduction of the areas with the cultural layer from the second half of the 13th and 14th centuries in comparison with the urban buildings from the preceding period in Vladimir, Suzdal', Iur'ev, and Bogoliubov. Vladimir shows the most noticeable devastation of a large part of the urban area. Although the number of rural settlements in the Opol'e in the second half of the 13th and 14th centuries also decreased, the network of rural settlements was generally more stable than that of the towns.

The 12th–14th-century towns and rural settlements in the Suzdal' Opol'e are linked together by their common material culture. The nature of house-building, the set and typological appearance of daily life artefacts, tools, vessels, costume details, and Christian artefacts on these sites are similar. The differences can be seen only in the absence of certain exclusive categories of artefacts connected with the everyday life and ceremonial services of the nobility and higher clergy in the collections taken from rural settlements. Unexpectedly, the farming and urban societies, generally opposed in the Mediaeval Studies, are very close in cultural terms in the centre of the Suzdal' country.

Social elite

The most important result of the new researches on the Suzdal' country is the discovery of archaeological traces of the Rus' elite in rural landscapes and, in relation to it, the new understanding of specific power relations in North-East Rus' from the 10th to 13th centuries. From the finds of high-status artefacts at the settlements (Makarov, 2017) and the discovery of funerary assemblages from the late 10th and 11th centuries containing prestigious weapons, the goods with prince's symbols in particular, in cemeteries at large settlements, there are reasons to take away traditional and still popular in scholarship interpretation of fortified settlements as the only residences of the elite and power structures (Флоря, 2021, с. 54–55). Especial prosperity of the 10th- and 11th-century large settlements and the presence of the nobility among their inhabitants are reliably documented by their material culture and the general composition of the collections of goods discovered there. Even more expressive are the material complexes from the 12th–14th centuries, which contained the artefacts connected with the social elite's occupations and everyday life, identified at more than fifty settlements called the "noblemen's homesteads". Therefore, the social elite of the Suzdal' country from the turn of the 10th and 11th centuries at the latest was rooted at the rural settlements and was associated with land.

These observations certainly do not diminish the towns' role of the centres of princely administration with the homesteads of *boyars'* and princes' servants. Archaeological markers of the elite, including its highest stratum, presented in the towns in question are the hoards of gold and silver ornaments, the finds of isolated parts of ceremonial attire and Christian artefacts showing high-quality artistic performance, weapons, and seals in Vladimir and Suzdal' (Седова, 1997, с. 89–91; Жарнов, 2009). Clarification of social status of the owners of such artefacts and the topography of the "high-status finds" in the towns forms a topic of specific investigation. It is highly likely that, similarly to the elite of Novgorod Rus', a part of the 12th–14th-century Suzdal' nobility had homesteads both in the towns and villages.

The archaeological traces of the social elite in the Suzdal' settlements from the 10th to 14th centuries inevitably start the discussion whether this elite belonged to one of the two forces acting in the social conflicts in the Rostov–Suzdal' country in the 11th and 12th centuries, i.e. the local nobility, the "old boyars", or the princes' retinue, *druzhina*, and servants. Obviously, the 10th- and 11th-century large settlements originally shaped independently of princely power structures, but the finds of an axe with prince's signs in Shekshovo and a Vladimir's *srebrennik* (silver coin) in Tarbaevo indicate that these sites were under the Rurikids' control already in the early 11th century. These large settlements should be interpreted as the sites where Mstislav Vladimirovich's *druzhina* (retinue) stationed after the expulsion of Oleg Sviatoslavich from Suzdal' in 1096, when Mstislav "disbanded his *druzhina* into villages" (ПСРЛ, т. I, стб. 238).

B. N. Floria has suggested that the "old boyars" of the Suzdal' country were the *druzhinniki* (warriors) of Iaroslav Vladimirovich, who settled there in 1024 during the "organization of the country" after the *volkhvs'* (magi's) rebellion and became an independent force when there was no prince in the Suzdal' land for seventy years, as long as 1096 (Флоря, 2021, с. 55). It was apparently after the ascension of Iurii Vladimirovich, when the large settlements in the Suzdal' country ceased to be reliable support of the princely power, the *druzhina* was withdrawn from these settlements, and some of the latter ceased to exist. When the Minor Suzdal' country received more princes later, this process was connected with the organization of the "nobility estates", with the earliest to originate in the second half of the 11th century. The connection of the "nobility estates" from the 12th–14th centuries with princely power comes from their material culture, which had no local colouring, and the appearance of many estates on previously developed areas of the Opol'e in the age of Iurii Vladimirovich and his successors.

Identity: regional and Rus'

Modern historical consciousness connects the image of the Suzdal' country in the 12th and 13th centuries with advanced culture monuments, such as white-stone churches, gilt gates of the Nativity church, sculptural decorations of the buildings of Vladimir and Iur'ev Pol'skii, and famous helmet of Iaroslav Vsevolodovich, which discovery in 1808 gave one of the first impulses to search and study the antiquities of Rus'. These monuments symbolise mediaeval Rus' artistic achievements and the uniqueness of its historical appearance. The expansion of the range of archaeological materials supplies new, extensive understanding of the Suzdal' country as a centre of formation of the Rus' culture, original forms of economic life, settlement, artistic crafts, everyday life, and self-consciousness, established in tradition and proved to be stable for centuries.

The Suzdal' Opol'e developed a unique experience of productive farming in the forest zone, with continuous development of territories and the establishment of large villages as the main units of settlement. Hamlets at watersheds first appeared in this area (in the 11th century) to be called "villages" later and to become, in the 14th century, the main form of rural settlement in the forest zone of the Russian Plain, ensuring successful agricultural colonization of the territories with poor soils. In the 10th- and 11th-century Opol'e, earlier than in other areas of North-East Rus', the farmers started to cultivate rye as the main crop, productive and stable in the forest zone. In the 11th and 12th centuries, there shaped the service relations based on the distribution of land plots by the prince. Numerous finds of keys and locks at rural settlements are an important evidence of developed property relations, subject of which were individual families living in rural environment. As early as the 11th century, the Opol'e became an important centre of Christianisation. In the 12th and 13th centuries, Christian metal ware was used there wider than in any other area of North-East Rus'; there developed the local centre of Christian meal ware production and distribution to the environs.

It is difficult to identify "regional" features reflecting local traditions and tastes in the culture of rural settlements and towns of the 12th- and 13th-century Suzdal' Opol'e, which are noticeable at the archaeological sites in the Beloozero area, Kostroma Volga area, or Moskva River area. In the Suzdal' Opol'e, there is almost no local type of ornaments and household goods denoting the local features or specific origin of the local dwellers, in contrast to the Beloozero and Kostroma jingling ornaments or seven-vane temple rings from the burial mounds in the Moscow area. The central place in the culture in question belongs to jewellery, Christian ware and daily life artefacts of common Rus' types, many of which have Byzantine prototypes. Finger-ring-shaped and beaded temple-ring, stand-up collars decorated with Byzantine silk with gold embroidery (Сабурова, Елкина, 1991), yellow-enamelled pendants-crosses, and plain niello reliquary crosses were common among the residents of the Suzdal' area. In the Suzdal' Opol'e, the practice of erecting mounds over burials finished in the first half of the 12th century; from the 11th century on, there distributed the funeral rite of burials in flat graves oriented to the West, corresponding to the Christian tradition. House-building with deep cellars, which firmly rooted in rural settlements and towns from the 12th century on, is connected with the South Rus' tradition. A search for the origins of many features of everyday life typical of the Suzdal' Opol'e culture in the 12th and 13th centuries takes us to the south-west, to the Kiev Dnieper area (Толочко, 2015). It looks like the language of this material culture was specifically designed to denote its "capital nature" and to demonstrate the reproduction of traditions common in large urban centres of Rus' and Byzantium and the continuity from Kiev. The white-stone building initiated by the princely power became a more expressive and perfect in its artistic quality marker of the new status of the minor Suzdal' country and largely determined the country's cultural image differed from the South Rus' archetypes.

The Golden Age of the minor Suzdal' country was short. However, the material basis and cultural traditions shaped in the Pre-Mongol Period were not destroyed by the mid- and second half of the 13th-century crisis, when the towns declined and a significant part of rural settlements was abandoned. Two-thirds of the settlements that emerged in the Pre-Mongol Period continued to exist in the Appanage Period. Large villages kept their significance as the main form of settlement and economic organization in the Opol'e. The 13th- and 14th-century material culture shows the continuity of the Pre-Mongol traditions, especially in the pottery forms and house-building (above-ground dwellings with deep cellars) (Шполянский, 2008б). The complexes of artefacts connected with social elite of the Appanage Period and discovered at unfortified settlements supply evidence that homesteads of nobility, which appeared in rural areas in the Pre-Mongol Period, remained an important element of social landscape already in the second half of the 13th and 14th centuries. The account of "Suzdal' horses" in a birch bark document from the Moscow Kremlin, in a list of possessions of Turabii, a representative of the Moscow nobility of the Golden Horde origin in the late 14th century (Гиппиус, Зализняк, Коваль, 2011), uncovers the land distribution in the Suzdal' Opol'e to ensure servicing by the princely house of Moscow in the age of Vasilii Dmitrievich. For early Moscow, the heritage of Suzdal' was not only a historical memory or image of a glorious past, reinforced by the tale of the "Suzdal' campaign" of Prince Vladimir the baptizer of Rus invented by Moscow men of books (Сиренов, 2019, с. 25-42), but also a practical experience of land development and one of still existing centres of welfare and stability, which withstood the changes of the Appanage Period.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2

Баранов Николай Анатольевич, **Гайдуков** Пётр Григорьевич, **Гомзин** Андрей Александрович, **Добровольская** Мария Всеволодовна, **Зайцева** Ирина Евгеньевна, **Каинов** Сергей Юрьевич, **Красникова** Анна Михайловна, **Макаров** Николай Андреевич, **Милованов** Сергей Иванович, **Седов** Владимир Валентинович, **Угулава** Нани Давидовна, **Федорина** Анастасия Николаевна, **Шполянский** Сергей Владимирович

КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Ответственный редактор **Макаров** Николай Андреевич

Составитель **Угулава** Нани Давидовна

Подписано в печать 31.05.23. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 53. Тираж 500 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ООО «Древности Севера»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48
Тел. (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru URL: http://drevnostisevera.ru

Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
г. Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У